LE DÉMOCRATE-SOCIALISTE

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

ТРЕХМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Декабрь

ЖЕНЕВА

Типографія „СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА“. Route de Lancy, 505

1890

Содержаніе.

Стр.

РУССКІЙ РАБОЧІЙ ВЪ РЕВОЛЮЦІОННОМЪ ДВИЖЕНІИ. **Г. Плеханова.** . . 4

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. **В. И. Засуличъ.** 36

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ (Статья третья). **Г Плеханова.** 71

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ ВО ФРАНЦІИ СО ВРЕМЕНИ КОММУНЫ. **Ж. Гэда.** . . . 1

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ СОЦІАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТІИ И ПОСЛѢДНІЕ ВЫБОРЫ ВЪ ГЕРМАНСКІЙ РЕЙХСТАГЪ. **П. Аксельрода** 22

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. 41

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ . 74

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ 101

ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ РОССІИ : I. Реформы на Карѣ. II. Письмо изъ Сибири. III. Аресты и преслѣдованія 126

АРЕСТЪ ЛУЦКАГО ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ. 131

Ц. ДЕ ПАПЪ (некрологъ). К. А. ВАРШЕХОВСКІЙ (некрологъ) 134

П. А. ОРЛОВЪ (некрологъ) 135

Будучи высланъ изъ Россіи, по окончаніи срока ссылки, прошу брата моего, ВЛАДИМІРА КИЗЕРА, сообщить мнѣ свой адресъ черезъ редакцію журнала „СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ“.

Вячеславъ КИЗЕРЪ.

РУССКІЙ РАБОЧІЙ

ВЪ

РЕВОЛЮЦІОННОМЪ ДВИЖЕНІИ.

(По личнымъ воспоминаніямъ.)

Первый рабочій-революціонеръ, съ которымъ столкнула меня судьба, былъ довольно извѣстный когда-то въ русской революціонной средѣ Митрофановъ, впослѣдствіи умершій въ тюрьмѣ отъ чахотки. Я познакомился съ нимъ у студентовъ медицинской академіи братьевъ Х., въ концѣ 1875 года. Митрофановъ былъ уже тогда „нелегальнымъ“, и жилъ у братьевъ Х., скрываясь отъ полиціи. Какъ и всѣ студенты-революціонеры того времени, я, конечно, былъ большимъ народолюбцемъ и собирался „идти въ народъ“, понятіе о которомъ было у меня, однако, — опять таки какъ и у всѣхъ насъ, студентовъ-революціонеровъ того времени — очень смутнымъ и неопредѣленнымъ. Любя „народъ“, я зналъ его очень мало, а лучше сказать не зналъ совсѣмъ, хотя и выросъ въ деревнѣ. Когда я въ первый разъ встрѣтился съ Митрофановымъ и узналъ, что онъ рабочій, т. е. одинъ изъ представителей „народа“, въ моей душѣ шевельнулось смѣшанное чувство жалости и какой-то неловкости, точно будто я въ чемъ нибудь передъ нимъ провинился. Мнѣ очень хотѣлось заговорить съ нимъ, но въ то же время я рѣшительно не зналъ, какъ и въ какихъ выраженіяхъ стану съ нимъ разговаривать. Мнѣ казалось, что языкъ нашего брата-студента будетъ совершенно непонятенъ этому „сыну

народа", и что въ разговорѣ съ нимъ я долженъ держаться того не-лѣпаго, переряженнаго слога, которымъ были написаны многія изъ нашихъ революціонныхъ брошюръ. Къ счастью, Митрофановъ вывелъ меня изъ затрудненія. Онъ заговорилъ первый, и, не помню уже какъ, разговоръ перешелъ на революціонную литературу. Я увидѣлъ, что мой собесѣдникъ читалъ не однѣ только ряженыя брошюры. Ему знакомы были сочиненія Чернышевскаго, Бакунина, Лаврова, и онъ умѣлъ отнестись къ нимъ критически. Журналъ и газета „Впередъ!" казались ему недостаточно революціонными. Онъ склонялся къ „бунтарству" и отстаивалъ этотъ способъ дѣйствій съ помощью тѣхъ же самыхъ доводовъ, которые приводились обыкновенно „бунтарями" - студентами. Удивленію моему не было границъ. Личность Митрофанова рѣшительно не входила въ узкія рамки моего сантиментальнаго представленія о „народѣ". За то тѣмъ болѣе заинтересовала она меня. Я сталъ часто встрѣчаться съ Митрофановымъ и жадно распрашивалъ его объ его революціонной дѣятельности въ народной средѣ. Изъ всѣхъ слоевъ народа ближе всего ко мнѣ, по моему тогдашнему положенію, были, конечно, петербургскіе рабочіе, и вотъ я засыпалъ своего новаго знакомаго вопросами о томъ, что представляютъ они собою. Митрофановъ относился къ нимъ отрицательно. Изъ его словъ выходило, что настоящій народъ это крестьянство, городскіе же рабочіе въ значительной степени развращены и проникнуты буржуазнымъ духомъ, вслѣдствіе чего революціонеры должны идти въ деревню. Подобные отзывы, вполнѣ соотвѣтствовавшіе нашимъ собственнымъ представленіямъ о народѣ, не могли возбудить во мнѣ склонности къ ближайшему знакомству съ петербургской рабочей средой, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Митрофановъ оставался единственнымъ, лично извѣстнымъ мнѣ, рабочимъ. А между тѣмъ, въ то время велась въ этой средѣ довольно дѣятельная пропаганда, въ которой и мнѣ пришлось вскорѣ принять посильное участіе.

Въ самомъ началѣ 1876 года случилось такъ, что не было подходящей квартиры для революціонной рабочей сходки. У меня на Петербургской Сторонѣ была прекрасная, большая комната и очень добрая хозяйка - чухонка, рѣшительно не понимавшая, что можетъ быть предосудительнаго въ многолюдныхъ вечернихъ собраніяхъ молодежи. Опасаться какихъ либо доносовъ съ ея стороны не было основаній. Напротивъ, „въ случаѣ чего", она первая постаралась бы

предупредить и выручить изъ бѣды своего постояльца. Объ этихъ доблестяхъ моей хозяйки знали всѣ мои знакомые революціонеры, между которыми были люди, занимавшіеся пропагандой въ средѣ рабочихъ. Разумѣется, по доброму революціонному обычаю, люди эти, до поры до времени, держали свои занятія въ тайнѣ отъ меня, непосвященнаго. Но такъ какъ у нихъ не было причинъ не довѣрять мнѣ, то они и открылись тотчасъ, какъ только имъ представилась надобность, — если не лично во мнѣ, то въ моей комнатѣ. На вопросъ, можетъ-ли собраться у меня рабочая сходка, я отвѣчалъ полнѣйшимъ согласіемъ, и, не смотря на заимствованное отъ Митрофанова предубѣжденіе противъ городскихъ рабочихъ, съ нетерпѣніемъ ждалъ назначеннаго для сходки времени.

Дѣло было подъ какой-то большой праздникъ. Около 8 часовъ вечера ко мнѣ пришло сначала человѣкъ 5-6 интеллигентныхъ „революціонеровъ“ — нѣкоторыхъ изъ нихъ я видѣлъ тогда въ первый разъ, — а затѣмъ стали собираться рабочіе. Собраніе было открыто, какъ это водилось, и вѣроятно, до сихъ поръ водится въ Россіи, безъ всякихъ формальностей. Частныя бесѣды, перейдя къ предмету сходки, мало по малу перешли въ общій разговоръ, и каждый, желавшій что нибудь сказать, вставлялъ свое замѣчаніе, ни мало не справляясь о томъ, кому въ данную минуту „принадлежитъ слово“. „Слово“ принадлежало всѣмъ вообще и никому въ частности. Благодаря этому, пренія много теряли въ смыслѣ порядка, но съ другой стороны не мало выигрывали въ смыслѣ задушевности. Состоявшаяся у меня сходка имѣла важное значеніе. Какъ разъ въ то время вырабатывалась программа *„бунтарей“ - народниковъ*. Большинство революціонеровъ изъ „интеллигенціи“ думало, что главныя силы русской соціалистической партіи должны быть направлены на *„агитацію на почвѣ существующихъ народныхъ требованій“*; а за *„пропаганду“* стояли только такъ называвшіеся *„лавристы“*, люди мало дѣятельные и потому мало вліятельные въ революціонной средѣ. Въ качествѣ бунтарей, бывшіе у меня на сходкѣ „интеллигенты“ старались склонить рабочихъ на путь „агитаціи“. Рабочіе вообще плохо схватывали отличительные признаки различныхъ революціонныхъ программъ; „интеллигенціи“ нужно было положить много труда, прежде чѣмъ тотъ или другой изъ нихъ постигалъ, наконецъ, спорные программные вопросы, подобно Митрофанову, до тонкости. Но это я замѣтилъ уже впослѣд-

ствіи. Теперь же видѣлъ только, что на доводы бунтарей рабочіе подаются довольно туго. Нужно замѣтить, что у меня собрались лучшіе, наиболѣе надежные и вліятельные люди изъ петербургскихъ рабочихъ - революціонеровъ. Многіе изъ нихъ уже подвергались преслѣдованіямъ по дѣлу о революціонной пропагандѣ 73 - 74 годовъ (изъ котораго выросъ потомъ знаменитый процессъ 193) и, сидя въ тюрьмѣ, много учились и читали. По выходѣ на волю они опять горячо принялись за революціонную дѣятельность, но смотрѣли на революціонные рабочіе кружки прежде всего какъ на *кружки самообразованія*. Когда бунтари, излагая передъ ними свои взгляды, выразили ту мысль, что „пропаганда“ не имѣетъ никакого революціоннаго значенія, рабочіе горячо запротестовали.

— Какъ не стыдно вамъ говорить это — съ жаромъ воскликнулъ нѣкто В., работавшій, если не ошибаюсь, на Васильеостровскомъ патронномъ заводѣ и только что оставившій Домъ Предварительнаго Заключенія, гдѣ онъ сидѣлъ по дѣлу „чайковцевъ“,—каждаго изъ васъ, интеллигентовъ, въ пяти школахъ учили, въ семи водахъ мыли, а вѣдь иной рабочій не знаетъ, какъ отворяется дверь школы! Вамъ не нужно больше учиться: вы и такъ много знаете, а рабочимъ безъ этого нельзя!

— Не страшно пропасть за дѣло, когда понимаешь его, — говорилъ молодой, стройный рабочій В. Я — ъ, а когда пропадаешь неизвѣстно за что, это уже плохо. Мало хорошаго добьетесь вы отъ такого рабочаго, который ничего не знаетъ!

— Каждый рабочій — революціонеръ по самому положенію своему, возражали бунтари, развѣ онъ не видитъ, не понимаетъ, что хозяинъ наживается на его счетъ?

— Понимаетъ, да плохо, видитъ, да не такъ какъ слѣдуетъ,—стояли на своемъ рабочіе. Другому кажется, что иначе и быть не можетъ, что такъ ужь Богу угодно, чтобы терпѣлъ рабочій. А вы покажите ему, что можетъ быть иначе. Тогда онъ станетъ настоящимъ революціонеромъ.

Споръ затянулся на долго. Въ концѣ концовъ обѣ стороны пошли на уступки. Рѣшено было не пренебрегать *пропагандой*, но въ то же время не упускать удобныхъ случаевъ для *агитаціи*. Я увѣренъ, впрочемъ, что рабочимъ было очень неясно тогда, какой именно аги-

тацін“ добиваются отъ нихъ бунтари. Да и у самихъ бунтарей съ этимъ словомъ связывались довольно неопредѣленныя представленія.

Какъ бы тамъ ни было, споры прекратились; сходка могла считаться оконченной. Бунтари ушли, ушли также нѣкоторые изъ рабочихъ, но большинство продолжало сидѣть, дѣятельно занимаясь чаепитіемъ. Кто-то сбѣгалъ за пивомъ, произошла легкая выпивка, и разговоръ принялъ шутливый характеръ. В. разсказывалъ разные смѣшные случаи изъ своей тюремной жизни, а В. Я-ъ, тотъ самый В. Я-ъ, который говорилъ, что человѣкъ можетъ съ самоотверженіемъ относиться только къ понятному для него дѣлу, — спѣлъ даже пѣсню, сложенную, по его словамъ, колпинскими рабочими послѣ каракозовскаго покушенія. У меня осталось въ памяти только начало этой пѣсни:

Каракозову спасибо, что хотѣлъ убить царя...

Веселая компанія засидѣлась у меня далеко за полночь, и я разстался со своими гостями, какъ со старыми пріятелями.

Впечатлѣніе, произведенное ими на меня, было очень сильно. Я совершенно забылъ мрачные отзывы Митрофанова о петербургскихъ рабочихъ. Я видѣлъ и помнилъ только то, что всѣ эти люди, самымъ несомнѣннымъ образомъ принадлежавшіе къ „народу“, были сравнительно очень развитыми людьми, съ которыми я могъ говорить такъ же просто и, слѣдовательно, такъ же искренно, какъ со своими знакомыми-студентами. Мало того, на тѣхъ изъ нихъ, которые уже отсидѣли извѣстное время въ тюрьмѣ, я смотрѣлъ снизу вверхъ: „я еще ничѣмъ не доказалъ своей преданности дѣлу, а они успѣли уже постоять за него“, говорилъ я себѣ и смотрѣлъ на нихъ почти съ благоговѣніемъ, какъ смотритъ, вѣроятно, всякій молодой, не бывавшій въ передѣлкахъ революціонеръ на опытнаго, *пострадавшаго за дѣло* товарища. Такое же впечатлѣніе вынесъ я и изъ знакомства съ нелегальнымъ Митрофановымъ, но Митрофанова я считалъ исключеніемъ; теперь я узналъ, что подобныхъ ему исключеній много. Дѣло сближенія съ народомъ, прежде пугавшее меня своими трудностями, показалось мнѣ теперь простымъ и легкимъ. Не откладывая его въ долгій ящикъ, я рѣшилъ немедленно же и какъ можно ближе сойтись съ моими новыми знакомыми. Поддержать разъ завязавшіяся сношенія съ ними были тѣмъ легче, что нѣкоторые изъ нихъ дали мнѣ свои адресса и звали къ себѣ въ гости.

Прежде всего я пошелъ къ нѣкоему Г-у, жившему, какъ оказалось, по сосѣдству со мною. Г-ъ былъ оригинальный человѣкъ, едвали имѣвшій въ своемъ характерѣ хоть одну изъ тѣхъ чертъ, которыя „интеллигенція“ такъ любитъ приписывать „народу“. Въ немъ не было и слѣда крестьянской непосредственности, крестьянской склонности жить и думать такъ, какъ жили и думали предки. При самыхъ обыкновенныхъ способностяхъ онъ отличался рѣдкой жаждой знанія и по истинѣ удивительной энергіей въ дѣлѣ самообразованія. Работая на заводѣ по 10-11 часовъ въ сутки и возвращаясь домой только вечеромъ, онъ ежедневно просиживалъ за книгами до часу ночи. Читалъ онъ медленно и, какъ я замѣтилъ, не легко усваивалъ прочитанное, но то, что усваивалъ, зналъ очень основательно. Маленькій, слабогрудый и блѣдный, безбородый, съ небольшими, тонкими усиками, онъ носилъ длинные волосы и синіе очки. Въ зимніе холода онъ, поверхъ короткаго драповаго пальто, накидывалъ широкій плэдъ, и тогда уже окончательно выглядѣлъ студентомъ. Онъ и жилъ по студенчески, занимая крошечную комнатку, единственный столъ которой былъ заваленъ книгами. Когда я короче познакомился съ нимъ, я былъ пораженъ разнообразіемъ и множествомъ осаждавшихъ его теоретическихъ вопросовъ. Чѣмъ только не интересовался этотъ человѣкъ, въ дѣтствѣ едва научившійся грамотѣ! Политическая экономія и химія, соціальный вопросъ и теорія Дарвина одинаково привлекали къ себѣ его вниманіе, возбуждали въ немъ одинаковый интересъ, и, казалось, нужны были десятки лѣтъ, чтобы, при его положеніи, хоть немного утолить его умственный голодъ. Меня и обрадовала и вмѣстѣ какъ бы опечалила эта черта его характера. Почему обрадовала — это понятно безъ поясненій; опечалила же потому, что я былъ сильно проникнутъ тогда бунтарскими взглядами, а у бунтарей излишнее пристрастіе къ книгѣ считалось недостаткомъ, признакомъ холоднаго, нереволюціоннаго темперамента. Впрочемъ, по темпераменту Г-ъ, дѣйствительно, не былъ революціонеромъ. Онъ, навѣрное, всегда лучше чувствовалъ бы себя въ библіотекѣ, чѣмъ на шумномъ политическомъ собраніи. Но отъ товарищей онъ не отставалъ, а положиться на него можно было, какъ на каменную гору.

Въ сопровожденіи Г-а я посѣтилъ почти всѣхъ остальныхъ рабочихъ, бывшихъ на вышеописанной сходкѣ въ моей комнатѣ, и затѣмъ уже пріобрѣлъ между ними много новыхъ знакомыхъ. Ви-

да, какъ заинтересовало меня „рабочее дѣло“, бунтари приняли меня въ свой кружокъ, такъ что „занятія съ рабочими“ стали съ тѣхъ поръ моей революціонной обязанностью.

II

Само собою разумѣется, что между рабочими, какъ и повсюду я встрѣчалъ людей, очень различавшихся между собою по характеру, по способностямъ и даже по образованію. Одни, подобно Г-у, читали очень много, другіе такъ себѣ, не много и не мало, а третьи предпочитали книжкѣ „умные“ разговоры за стаканомъ чаю или за бутылкой пива. Но въ общемъ вся эта среда отличалась значительною умственною развитостью и высокимъ уровнемъ своихъ житейскихъ потребностей. Я съ удивленіемъ увидѣлъ, что эти рабочіе живутъ нисколько не хуже, а многіе изъ нихъ даже гораздо лучше, чѣмъ студенты. Въ среднемъ каждый изъ нихъ зарабатывалъ отъ 1 р. 25 к. до 2 рублей въ день. Разумѣется, и на этотъ, сравнительно хорошій заработокъ, не легко было существовать семейнымъ людамъ. Но холостые — а они составляли между знакомыми мнѣ рабочими большинство — могли расходовать вдвое больше небогатого студента. Были среди нихъ и настоящіе богачи, въ родѣ механика С., ежедневный заработокъ котораго доходилъ до трехъ рублей. С. жилъ на Васильевскомъ Островѣ вмѣстѣ съ В., (который, на сходкѣ у меня такъ горячо отстаивалъ пропаганду въ рабочихъ кружкахъ). Эти два друга занимали прекрасно меблированную комнату, покупали книги и любили иногда побаловать себя бутылкой хорошаго вина. Одѣвались они, въ особенности С., настоящими франтами. Впрочемъ, всѣ рабочіе этого слоя одѣвались несравненно лучше, а главное, опрятнѣе, чище нашего брата-студента. Каждый изъ нихъ имѣлъ для большихъ оказій хорошую черную пару и когда облекался въ нее, то выглядѣлъ „бариномъ“ гораздо больше любого студента. Революціонеры изъ „интеллигенціи“ часто и горько упрекали рабочихъ за „буржуазную“ склонность къ франтовству, но не могли ни искоренить, ни даже хотя бы отчасти ослабить эту, будто бы вред-

ную склонность. Привычка и здѣсь оказывалась второй натурой. Въ дѣйствительности рабочіе заботились о своей наружности не больше чѣмъ „интеллигенты“ о своей, но только заботливость ихъ выражалась иначе. Интеллигентъ любилъ принарядиться по *„демократически“*, въ красную рубаху или въ засаленную блузу, а рабочій, которому засаленная блуза надоѣла и намозолила глаза въ мастерской, любилъ, придя домой, одѣться въ чистое, какъ намъ казалось, *буржуазное* платье. Своимъ, часто преувеличенно небрежнымъ, костюмомъ интеллигентъ протестовалъ противъ свѣтской хлыщеватости; рабочій же, заботясь о чистотѣ и нарядности своей одежды, протестовалъ противъ тѣхъ общественныхъ условій, благодаря которымъ онъ слишкомъ часто видитъ себя *вынужденнымъ* одѣваться въ грязныя лохмотья. Теперь, вѣроятно, всякій согласится, что этотъ второй протестъ много серьезнѣе перваго. Но въ то время дѣло представлялось намъ иначе: пропитанные духомъ аскетическаго соціализма, мы готовы были проповѣдывать рабочимъ то самое „отсутствіе потребностей“, въ которомъ Лассаль видѣлъ одно изъ главныхъ препятствій для успѣха рабочаго движенія.

Чѣмъ больше знакомился я съ петербургскими рабочими, тѣмъ больше поражался ихъ культурностью. Бойкіе и рѣчистые, умѣющіе постоять за себя и критически отнестись къ окружающему, они были *горожанами* въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Многіе изъ насъ держались тогда того мнѣнія, что „спропагандированные“ городскіе рабочіе должны идти въ деревню, чтобы дѣйствовать тамъ въ духѣ той или иной революціонной программы. Мнѣніе это раздѣлялось и нѣкоторыми рабочими. Я уже сказалъ, какъ исключительно стоялъ Митрофановъ за дѣятельность въ деревнѣ. Такой взглядъ былъ непосредственнымъ и неизбѣжнымъ плодомъ нарождавшагося тогда народничества, съ его презрѣніемъ къ городской цивилизаціи, съ его идеализаціей крестьянскаго быта. Господствовавшія въ средѣ революціонной интеллигенціи народническія идеи естественно налагали свою печать также и на *взгляды* рабочихъ. Но *привычекъ* ихъ онѣ передѣлать не могли, и потому настоящіе городскіе рабочіе, т. е. рабочіе, совершенно свыкшіеся съ условіями городской жизни, въ большинствѣ случаевъ оказывались непригодными для деревни. Сойтись съ крестьянами имъ было еще труднѣе, чѣмъ революціонерамъ-„интеллигентамъ“. Горожанинъ, если только онъ не „кающійся дворянинъ“ и не совсѣмъ

проникся вліяніемъ дворянъ этого разряда, всегда смотритъ сверху внизъ на деревенскаго человѣка. Именно такъ смотрѣли на этого человѣка петербургскіе рабочіе. Они называли его *сѣрымъ* и въ душѣ всегда нѣсколько презирали его, хотя совершенно искренно сочувствовали его бѣдствіямъ. Въ этомъ отношеніи Митрофановъ, съ его нелюбовью къ городу, представлялъ собою несомнѣнное исключеніе изъ общаго правила. Но Митрофановъ, по своей *нелегальности*, долго жилъ среди „интеллигенціи“ и совершенно проникся всѣми ея чувствами.

Нужно сказать и то, что между петербургскими рабочими деревенскій человѣкъ нерѣдко являетъ собою довольно жалкую фигуру. На Васильеостровскій патронный заводъ поступилъ, въ качествѣ смазчика, крестьянинъ Смоленской губерніи С.. На этомъ заводѣ у рабочихъ было свое потребительное товарищество и своя столовая, служившая въ тоже время читальней, такъ какъ она была снабжена почти всѣми столичными газетами. Дѣло было въ разгарѣ герцеговинскаго возстанія. Новый смазчикъ отправился ѣсть въ общую столовую, гдѣ за обѣдомъ газеты читались, по обыкновенію, вслухъ. Въ тотъ день, не знаю ужь въ какой газетѣ, шла рѣчь объ одномъ изъ „славныхъ защитниковъ Герцеговины“. Деревенскій человѣкъ вмѣшался въ поднявшіеся по этому поводу разговоры, и высказалъ неожиданное предположеніе о томъ, что „онъ, должно быть, любовникъ ейный“.

— Кто? Чей? спросили удивленные собесѣдники.

— Да герцогининъ - то защитникъ; съ чего жь бы сталъ онъ защищать ее, кабы промежъ нихъ ничего не было?

Присутствующіе разразились громкимъ хохотомъ. „Такъ по твоему Герцеговина не страна, а баба — восклицали они — ничего-то ты не понимаешь, прямая деревенщина“! Съ тѣхъ поръ за нимъ надолго установилось прозвище — *сѣрый*. Это прозвище очень удивило меня, когда я познакомился съ нимъ глубокой осенью 1876 года, и когда онъ былъ уже убѣжденнымъ революціонеромъ и самымъ дѣятельнымъ пропагандистомъ.

— Почему вы такъ называете его? спросилъ я рабочихъ.

Да какъ-же, вѣдь онъ какую штуку отмочилъ у насъ въ столовой; вѣдь онъ думалъ... послѣдовалъ разсказъ о герцогининомъ любовникѣ.

— Ну что жь, ну ошибся, добродушно оправдывался смазчикъ, вѣдь я чтоже понималъ тогда?

Подобныя происшествія подавали поводъ лишь къ насмѣшкѣ. Но между „сѣрыми людьми“ и петербургскими рабочими происходили иногда недоразумѣнія гораздо болѣе печальнаго свойства. По дѣлу о пропагандѣ въ 37 губерніяхъ попалъ въ тюрьму рабочій Б-нъ, родомъ изъ Новогородской или Петербургской губерніи. Выпущенный послѣ почти двухлѣтняго заключенія, Б-нъ отправился на родину, если не ошибаюсь, для перемѣны паспорта. Тотчасъ по его приходѣ, онъ былъ засаженъ въ „холодную“, а затѣмъ „старички“ рѣшили „постегать малаго“ за недоимки. Ему сообщили объ этомъ рѣшеніи какъ о чемъ-то весьма обыкновенномъ и совершенно неизбѣжномъ.

— Да вы съ ума сошли, возопилъ Б-нъ, да попробуйте только тронуть меня, я и деревню-то всю сожгу, да и вы-то гóловъ не сносите: самъ пропаду, да ужъ и вы пожалѣете, что связались со мною!

„Старички“ струсили. Они рѣшили, что совсѣмъ ошалѣлъ ихъ „острожникъ“, и что лучше, въ самомъ дѣлѣ, съ нимъ „не путаться“. Такъ и ушелъ Б-нъ изъ родной деревни, не вкусивъ благодѣтельныхъ лозановъ. Но онъ уже никогда не могъ забыть этого происшествія.

— Нѣтъ, говорилъ онъ намъ, я по-прежнему готовъ заниматься пропагандой между рабочими, но въ деревню никогда и низачто не пойду. Незачѣмъ. Крестьяне—бараны, они никогда не поймутъ революціонеровъ.

Я не разъ замѣчалъ, что на тѣлесное наказаніе рабочіе смотрятъ какъ на крайнюю степень униженія человѣческаго достоинства. Иногда они съ негодованіемъ показывали мнѣ газетныя сообщенія о поркахъ крестьянъ, и я всегда затруднялся рѣшить, что больше возмущаетъ ихъ: свирѣпость истязующихъ, или безотвѣтная покорность истязуемыхъ.

Когда сложившееся въ 1876 году общество „Земля и Воля“ стало заводить свои революціонныя поселенія „въ народѣ“, намъ удалось склонить къ переѣзду въ Саратовскую губернію нѣкоторыхъ петербургскихъ рабочихъ. Это были испытанные люди, добрая воля которыхъ не могла подлежать сомнѣнію. Но попытки ихъ устроиться въ деревнѣ не привели ни къ чему. Побродивъ по деревнямъ, съ цѣлью высмотрѣть подходящее мѣсто для своего поселенія, (при

чемъ нѣкоторые изъ нихъ были приняты крестьянами за нѣмцевъ) они махнули рукой на это дѣло и кончили тѣмъ, что вернулись въ Саратовъ, гдѣ завели сношенія съ мѣстными рабочими. Какъ ни удивляла насъ эта отчужденность отъ „народа“ его городскихъ дѣтей, но фактъ былъ на-лицо, и мы должны были оставить мысль о привлеченіи рабочихъ къ собственно крестьянскому дѣлу.

Прошу читателя имѣть въ виду, что я говорю здѣсь о такъ называемыхъ *заводскихъ* рабочихъ, составляющихъ значительную часть петербургскаго рабочаго населенія и сильно отличающихся отъ *фабричныхъ*, какъ по своему сравнительно сносному экономическому положенію, такъ и по своимъ привычкамъ. Фабричный работаетъ больше (12 - 14 часовъ въ день) и получаетъ меньше заводскаго 18-25 р. въ мѣсяцъ). Онъ носитъ ситцевую рубаху и долгополую поддевку, надъ которыми подсмѣивается заводской рабочій. Онъ не имѣетъ возможности нанимать отдѣльную квартиру или комнату, а живетъ въ общемъ артельномъ помѣщеніи. У него болѣе прочныя связи съ деревней, чѣмъ у заводскаго рабочаго. Онъ знаетъ и читаетъ гораздо меньше, чѣмъ заводской, и вообще онъ ближе къ крестьянину. Заводской рабочій представляетъ собою что-то среднее между „интеллигентомъ“ и фабричнымъ; фабричный — что-то среднее между крестьяниномъ и заводскимъ рабочимъ. Къ кому онъ ближе по своимъ понятіямъ, къ крестьянину или къ заводскому,—это зависитъ отъ того, какъ долго прожилъ онъ въ городѣ. Только что пришедшій изъ деревни фабричный, разумѣется, остается въ теченіе нѣкотораго времени настоящимъ крестьяниномъ. Онъ и жалуется не на хозяйскую прижимку, а на тяжелыя подати, да на крестьянское малоземелье. Пребываніе въ городѣ кажется ему временной и при томъ очень непріятной необходимостью. Но мало по малу городская жизнь подчиняетъ его своему вліянію; незамѣтно для себя, онъ пріобрѣтаетъ привычки и взгляды горожанина. Проработавъ въ городѣ нѣсколько лѣтъ, онъ уже плохо чувствуетъ себя въ деревнѣ и не охотно возвращается въ нее, въ особенности если ему удалось столкнуться съ „умственными“ людьми, и онъ заинтересовался книжкой. Я зналъ такихъ фабричныхъ, которые, будучи принуждены вернуться на время домой, ѣхали туда какъ въ ссылку, а возвращались назадъ, подобно заводскому рабочему Б-ну, рѣшительными недругами „деревенщины“. Причина была всегда одна и та же: деревенскіе нравы и порядки становились невыносимы для человѣка, личность

котораго начинала хоть не много развиваться. И чѣмъ даровитѣе былъ рабочій, чѣмъ больше думалъ и учился онъ въ городѣ, тѣмъ скорѣе и рѣшительнѣе разрывалъ онъ съ деревней. Фабричный, нѣсколько лѣтъ принимавшій участіе въ революціонномъ движеніи обыкновенно не могъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ выжить у себя на родинѣ. Иногда отношенія такихъ рабочихъ къ ихъ старикамъ - родителямъ принимали положительно трагическій характеръ. „Отцы“ горько плакались на непочтительность „дѣтей“, а дѣти съ тяжелымъ сердцемъ убѣждались, что стали въ семьѣ совершенно чужими, и ихъ неудержимо тянуло въ городъ, въ тѣсные, дружескіе кружки товарищей-революціонеровъ.

Едва-ли нужно объяснять, гдѣ причина лучшаго экономическаго положенія заводскихъ рабочихъ. Она заключается въ свойствахъ ихъ труда. Можно легко и скоро выучиться хорошо работать на фабрикѣ, на прядильномъ или ткацкомъ станкѣ. Для этого достаточно нѣсколькихъ недѣль. Но для того, чтобы сдѣлаться столяромъ, токаремъ или слесаремъ, нужно, по крайнѣй мѣрѣ, около года. Рабочій, знающій одно изъ этихъ ремеслъ, считается уже „мастеровымъ человѣкомъ“, и именно такіе мастеровые нужны для заводовъ*). Несомнѣнно также, что не остаются безъ вліянія въ этомъ случаѣ и наши знаменитые „устои“. Нужда и необходимость платить подати, часто во много разъ превышающія доходность крестьянскихъ надѣловъ, ежегодно выгоняютъ изъ деревень массу „общинниковъ“, которые со всѣхъ сторонъ стремятся на фабрики, своимъ соперничествомъ страшно понижая заработную плату. На заводахъ этотъ наплывъ менѣе ощутителенъ, такъ какъ туда рѣдко удастся попасть человѣку безъ спеціальной подготовки. При томъ же, многіе изъ заводскихъ рабочихъ — городскіе мѣщане, т. е. люди, имѣющіе рѣдко достающееся на долю русскаго работника счастье быть пролетаріями, и потому не обязанные прямыми платежами по отношенію къ государству. Разумѣется, и одного голода болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы поставить продавца рабочей силы въ условія, очень невыгодныя для ея продажи. Но у „крѣпкихъ землѣ“ фабричныхъ къ *голоду* присоединяется еще и *податной гнетъ*. Государство лишаетъ ихъ всякой возможности даже съ голодомъ бороться иначе, какъ со связанными руками.

---

*) Т. е. для механическихъ заводовъ. О кирпичныхъ, сахарныхъ и т. п. я не говорю. На нихъ работаютъ настоящіе крестьяне.

Въ качествѣ коренныхъ горожанъ, многіе заводскіе рабочіе съ дѣтства имѣютъ гораздо больше средствъ къ образованію, чѣмъ фабричные. Между знакомыми мнѣ заводскими рабочими я не встрѣчалъ людей, совершенно не бывшихъ въ школѣ. Одни изъ нихъ учились въ обыкновенныхъ городскихъ первоначальныхъ школахъ, другіе въ школахъ Техническаго и Человѣколюбиваго Обществъ. Я совсѣмъ не знакомъ со школами Человѣколюбиваго Общества (слышалъ только отъ рабочихъ, что одна изъ нихъ имѣетъ нѣсколько классовъ), но школы Техническаго Общества извѣстны мнѣ очень хорошо. Бѣдно обставленныя, онѣ все таки недурно дѣлаютъ свое дѣло, обучая заводскую молодежь чтенію, письму и ариѳметикѣ. Для взрослыхъ рабочихъ въ этихъ школахъ устраиваются, или, по крайней мѣрѣ, устраивались субботнія (вечернія) и воскресныя (утреннія), чтенія по космографіи и по другимъ естественнымъ наукамъ. На чтенія эти всегда являлась многочисленная публика, и нужно было видѣть, съ какимъ вниманіемъ слушала она учителя! Я самъ не разъ былъ свидѣтелемъ того, какъ послѣ урока пожилые рабочіе подходили къ учителю и горячо благодарили его за за трудъ: „очень ужь интересно, говорили они, большое вамъ спасибо ото всѣхъ насъ.“ На нѣкоторыхъ заводахъ рабочіе-пропагандисты сдѣлали такое замѣчаніе: если человѣкъ не ходитъ на чтенія, то на него надежды мало; и наоборотъ, чѣмъ внимательнѣе слѣдитъ онъ за ними, тѣмъ съ большею увѣренностью можно сказать, что онъ станетъ современемъ надежнымъ революціонеромъ. Этой примѣтой они неизмѣнно руководствовались въ дѣлѣ привлеченія къ своимъ кружкамъ новыхъ членовъ.

Нѣкоторые изъ заинтересовавшихся книжкой рабочихъ не прочь были иногда и сами взяться за перо. На Васильеостровскомъ патронномъ заводѣ въ теченіе нѣкотораго времени рабочими велся рукописный журналъ, — родъ рѣзкой сатирической лѣтописи заводской жизни. Доставалось въ немъ больше всего заводскому начальству, но иногда бичъ рабочей сатиры хваталъ и выше. Такъ, напримѣръ, помню, журналъ доводилъ до свѣденія своихъ читателей, что въ правительственныхъ сферахъ обсуждается проэктъ закона, въ силу котораго будутъ получать особыя награды предприниматели, въ теченіе года изувѣчившіе на своихъ фабрикахъ и заводахъ наибольшее число рабочихъ („награды будутъ соразмѣрны количеству оторванныхъ пальцевъ, рукъ и носовъ“, говорилось въ этомъ сообщеніи). Эта горькая насмѣшка мѣтко характеризовала положеніе дѣлъ въ

странѣ, законодательство которой, заботливо охраняя интересы нанимателей, самымъ беззастѣнчивымъ образомъ пренебрегаетъ интересами нанимаемыхъ.

Рабочая молодежь, подростки и дѣти, на сколько я замѣтилъ, отличаются гораздо большею самостоятельностью, чѣмъ молодежь высшихъ классовъ. Жизнь въ болѣе раннемъ возрастѣ и съ большею суровостью толкаетъ ихъ на борьбу за существованіе, чѣмъ и налагаетъ особую печать находчивости и закаленности на тѣхъ изъ нихъ, которымъ удается спастись отъ преждевременной гибели. Я зналъ тринадцатилѣтняго мальчугана, круглаго сироту, который, ратая въ Галерной Гавани на заводѣ Макферсона, жилъ одинъ-одинешенекъ, повидимому, не чувствуя ни малѣйшей нужды въ какой либо посторонней поддержкѣ. Онъ самъ разсчитывался съ конторой и самъ, безъ чужихъ указаній, умѣлъ соблюдать равновѣсіе въ своемъ маленькомъ бюджетѣ. Не знаю, былъ у него опекунъ: это какъ-то слишкомъ нѣжно для рабочаго; но если и былъ, то, навѣрное, не много имѣлъ хлопотъ съ опекаемымъ.

Столкновенія съ мастерами и хозяевами развиваютъ въ рабочей молодежи замѣчательное единодушіе. Весною 1878 года, во время стачки на Новой Бумагопрядильнѣ, было арестовано и посажено въ участокъ нѣсколько малолѣтнихъ фабричныхъ. Товарищи ихъ, такіе-же малолѣтніе и такіе-же „бунтовщики“ какъ и арестованные, немедленно отправились толпою въ участокъ, требуя ихъ освобожденія. Вышла своеобразная дѣтская демонстрація. Взрослые рабочіе не принимали въ ней никакого участія. Они только наблюдали ее издали: „вишь какъ наши ребятишки-то дѣйствуютъ, одобрительно говорили они, ничего, пущай учатся.“ Впрочемъ, въ данномъ случаѣ учиться ребятишкамъ было нечему: они и безъ того принимали въ стачкѣ самое дѣятельное и самое полезное участіе, прекрасно понимая, въ чемъ дѣло. Когда на обширномъ дворѣ Бумагопрядильни происходили большія собранія стачечниковъ, малолѣтніе играли обыкновенно роль казачьихъ разъѣздовъ. Они какимъ-то чутьемъ узнавали о приближеніи непріятеля и немедленно доводили о немъ до свѣдѣнія старшихъ. „Приставъ ѣдетъ! приставъ ѣдетъ!“ со всѣхъ сторонъ кричали звонкіе, дѣтскіе голоса, и, извѣщенное во время, собраніе расходилось. Когда приставъ появлялся на мѣсто дѣйствія, то хватать было уже некого. Взрослая полиція Александра II страшно злобилась на эту малолѣтнюю полицію рабочихъ. Многіе изъ

этихъ маленькихъ стачечниковъ были подвергнуты тогда „исправительному наказанію при полиціи.“ Не думаю, однако, чтобы наказаніе „исправило“ ихъ въ желательномъ для начальства смыслѣ.

Много интереснаго могъ бы подмѣтить въ рабочей средѣ такой тонкій наблюдатель, какъ Г. И. Успенскій. Но наши народники-беллетристы обыкновенно не обращали и не обращаютъ на нее никакого вниманія. Для нихъ „народъ“ кончается тамъ, гдѣ исчезаетъ крестьянская непосредственность, и гдѣ завѣщанная предками философія Ивана Ермолаевича разлагается подъ вліяніемъ пробудившейся мысли работника. Правда, въ семидесятыхъ годахъ этимъ грѣхомъ грѣшны были не одни беллетристы - народники вообще не одна „легальная“ литература. „Нелегальные“ писатели съ своей стороны не мало содѣйствовали ложной идеализаціи крестьянства и торжеству самобытныхъ теорій „русскаго соціализма“, никогда не умѣвшаго взглянуть на рабочій вопросъ съ правильной точки зрѣнія. Проникнутые народническими предрасудками, всѣ мы видѣли тогда въ торжествѣ капитализма и въ развитіи пролетаріата величайшее зло для Россіи. Благодаря этому, наше отношеніе къ рабочимъ всегда было двойственнымъ и совершенно непослѣдовательнымъ. Съ одной стороны, въ своихъ программахъ, мы не отводили пролетаріату никакой самостоятельной политической роли и возлагали свои упованія исключительно на крестьянскіе бунты; а съ другой—мы всетаки считали нужнымъ „заниматься съ рабочими“, и не могли отказаться отъ этого дѣла уже по одному тому, что оно, при несравненно меньшей затратѣ силъ, оказывалось несравненно болѣе плодотворнымъ, чѣмъ наши излюбленныя „поселенія въ народѣ“. Но, идя къ рабочимъ не то чтобы противъ воли, а, такъ сказать, *противъ теоріи*, мы разумѣется не могли хорошо выяснить имъ то, что Лассаль называлъ *идеей рабочаго сословія*. Мы проповѣдывали имъ не соціализмъ и даже не либерализмъ (это было бы еще полъ-бѣды), а именно тотъ передѣланный на русскій ладъ бакунизмъ, который училъ рабочихъ презирать „буржуазныя“ политическія права и „буржуазную“ политическую свободу, и ставилъ передъ ними, въ видѣ соблазнительнаго идеала, допотопныя крестьянскія учрежденія. Слушая насъ, рабочій могъ проникнуться ненавистью къ правительству и „бунтарскимъ“ духомъ, могъ научиться сочувствовать „сѣрому“ мужику и желать ему всего лучшаго, но ни въ какомъ случаѣ не могъ онъ понять въ чемъ заключается его собственная задача, соціально - политиче-

ская задача пролетарія. До этого ему приходилось додумываться собственнымъ умомъ, и читатель увидитъ ниже, что когда рабочіе додумались до этого, то ужаснули всѣхъ правовѣрныхъ „интеллигентовъ“

Здѣсь надо оговориться. Сказанное мною объ отношеніяхъ интеллигенціи къ рабочему вопросу касается только бунтарей-„Землевольцевъ“ и лицъ, стоявшихъ на ихъ, т. е. на народнической, точкѣ зрѣнія. Рядомъ съ ними дѣйствовали еще „лавристы“. Люди этого направленія были тогда въ меньшинствѣ и быстро сходили со сцены. Но надо отдать имъ справедливость: *ихъ* пропаганда, вѣроятно, была разумнѣе нашей. Правда, и они, подобно намъ, отрицали „буржуазную“ политическую свободу, и они, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ, готовы были трепетать за участь „устоевъ“. Въ ихъ взглядахъ было тоже много непослѣдовательности, но *ихъ* непослѣдовательность имѣла одну счастливую особенность: отрицая „политику“, они съ величайшимъ сочувствіемъ относились къ нѣмецкой соціальной демократіи. Нельзя имѣть высокаго мнѣнія о логичности человѣка, отрицающаго „политику“ и въ тоже время сочувствующаго нѣмецкой соціальной демократіи. Но своими разсказами объ этой послѣдней такой человѣкъ можетъ заронить сѣмя здоровыхъ понятій въ другія головы, которыя, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, съумѣютъ вполнѣ усвоить соціаль-демократическую программу или хоть приблизиться къ ней въ большей или меньшей степени. Въ такомъ случаѣ за нимъ останется все таки не малая заслуга. Именно такую заслугу и нужно признать за лавристами. Вспоминая теперь лекціи, читанныя въ рабочихъ кружкахъ „бунтарями“, я думаю, что существенную пользу рабочіе могли выносить только изъ лекцій по политической экономіи покойнаго И. Ѳ. Фесенко. Этотъ, къ сожалѣнію, слишкомъ рано умершій человѣкъ, очень недурно зналъ выбранный имъ предметъ и умѣлъ излагать его общедоступно и увлекательно. Но его лекціи продолжались всего нѣсколько мѣсяцевъ. Съ его отъѣздомъ изъ Петербурга политическая экономія была у насъ совсѣмъ заброшена; на первый планъ выступили „разсказы изъ русской исторіи“, сводившіеся главнымъ образомъ, къ разсказамъ о бунтахъ Разина, Булавина и Пугачева, да отчасти къ исторіи крестьянства (преимущественно по извѣстной книгѣ Бѣляева: *Крестьяне на Руси*). Для уразумѣнія рабочаго вопроса эти „разсказы“ ничего не давали. Иногда мы говорили своимъ слушателямъ и о Международномъ Обществѣ Рабочихъ, но

въ качествѣ „бунтарей", разумѣется, превозносили дѣятельность Бакунина, а „централистовъ", т. е. сторонниковъ Маркса и Энгельса. изображали довольно таки злостными реакціонерами. Такое освѣщеніе исторіи Международнаго Общества не могло содѣйствовать политическому развитію нашихъ слушателей. У лавристовъ было хорошо хоть то, что они изображали не въ превратномъ видѣ западно - европейское рабочее движеніе, и подъ вліяніемъ *ихъ* разсказовъ русскій рабочій могъ лучше выяснить себѣ свою собственную задачу. Если въ программѣ образовавшагося зимою 78 - 79 года Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза сильно слышалась соціаль-демократическая нота, то это, кажется, въ значительной степени нужно приписать вліянію лавристовъ.

Но вообще въ роли лектора тогдашній интеллигентъ - революціонеръ былъ не блестящъ по той простой причинѣ, что зналъ онъ мало, а то, что зналъ, не всегда понималъ какъ слѣдуетъ. Онъ полезенъ былъ рабочимъ больше въ качествѣ удалаго добраго молодца, способнаго и книжку запрещенную достать, и паспортъ сдѣлать, и устроить подходящую квартиру для тайныхъ собраній, словомъ научить всѣмъ тонкостямъ „конспиративнаго" дѣла. Онъ шевелилъ, будилъ и увлекалъ впередъ рабочихъ своею подвижностью, своимъ самоотверженіемъ и безграничной склонностью ко всяческому *трюченію*. Хотя многіе, въ особенности болѣе развитые рабочіе иногда скептически относились къ интеллигенту, но обойтись безъ этого незамѣнимаго фактора „конспираціи" они не могли. Подъ вліяніемъ Халтурина и его ближайшихъ товарищей рабочее движеніе Петербурга въ теченіе нѣкотораго времени стало совершенно самостоятельнымъ дѣломъ самихъ рабочихъ. Но и Халтурину постоянно приходилось обращаться къ интеллигенціи за помощью, то въ томъ, то въ другомъ практическомъ дѣлѣ.

Какія книги больше всего читались въ рабочей средѣ? Во всякомъ случаѣ не тѣ революціонныя брошюры — сказки о четырехъ братьяхъ и о копѣйкѣ, Мудрица Наумовна и проч. — которыя въ особенности предназначались революціонерами для народа. Всѣ онѣ такъ бѣдны содержаніемъ, что удовлетворить хоть сколько нибудь грамотнаго рабочаго не могли. Онѣ годились развѣ только для ничего не читавшихъ новичковъ, да и по отношенію къ тѣмъ служили больше пробнымъ камнемъ ихъ настроенія: если рабочій, прочитавъ такую книжку, не испугался, значитъ — изъ него будетъ толкъ.

значитъ вѣрноподданническія чувства и страхъ іудейскій сидятъ въ немъ не глубоко. Если — струсилъ, значитъ — иди отъ него подальше или, по крайней мѣрѣ, будь съ нимъ осторожнѣе. Но разъ вы убѣдились въ революціонномъ настроеніи рабочаго, вы должны были — или доставлять для его чтенія болѣе серьезный печатный матеріалъ, или въ личной бесѣдѣ отвѣчать на возникавшіе въ его головѣ вопросы. Только изданная въ Женевѣ книга „Сытые и Голодные", анархическая и по духу и по литературному исполненію, да еще, пожалуй, „Хитрая Механика" считались рабочими болѣе основательнымъ чтеніемъ. На всѣ остальныя революціонныя брошюры для народа они смотрѣли какъ на нѣчто слишкомъ уже элементарное. „*Это для сѣрыхъ*", говорили о нихъ заводскіе рабочіе. Вообще я замѣтилъ, что читая книжку, изданную спеціально „для народа", способный рабочій чувствуетъ себя какъ бы нѣсколько униженнымъ, поставленнымъ въ положеніе ребенка, читающаго дѣтскую сказку. Ему хочется поскорѣе перейти къ сочиненіямъ, предназначающимся для всѣхъ вообще толковыхъ читателей, а не только для „сѣраго" народа. Для многихъ рабочихъ чтеніе серьезныхъ и даже ученыхъ книгъ было своего рода вопросомъ чести. Я помню нѣкоего И. Е., здоровеннаго молотобойца изъ Архангельской губерніи, который съ усердіемъ, достойнымъ болѣе подходящаго для него чтенія, сидѣлъ по вечерамъ надъ Біологіей Спенсера. „Что это, вы думаете, что ужь мы, рабочіе, — совсѣмъ дураки", сердито отвѣчалъ онъ мнѣ, когда я совѣтовалъ ему взять что нибудь полегче. Такіе рабочіе охотно читали все, что печаталось революціонерами для интеллигенціи: „Государственность и Анархію" Бакунина, „Впередъ!", „Общину", „Землю и Волю", переизданную въ Петербургѣ брошюру г. Драгоманова: „До чего довоевались?" и т. п. Но тутъ являлась новая бѣда. Въ революціонныхъ изданіяхъ „для интеллигенціи" много и часто говорилось о такихъ вещахъ, которыя не могли имѣть большого интереса для рабочаго. Таковы были, напримѣръ, спеціально „интеллигентные" вопросы о „долгѣ образованныхъ классовъ народу" и о вытекающихъ изъ этого долга нравственныхъ обязательствахъ, объ отношеніи революціонеровъ къ „обществу" и споры о „программахъ", т. е. иначе сказать, споры о томъ, какъ легче и удобнѣе воздѣйствовать на народъ и, между прочимъ, на того же рабочаго. Къ такимъ программнымъ спорамъ, какъ уже сказано, рабочіе относились довольно равнодушно, хотя для нихъ было далеко не все равно, въ

какую сторону направится ихъ собственная революціонная дѣятельность. „Нѣтъ, не для насъ этотъ журналъ, — нашъ журналъ долженъ вестись совсѣмъ иначе“, часто говорилъ мнѣ Халтурин по поводу „Земли и Воли“. И онъ былъ, разумѣется, совершенно правъ, „Земля и Воля“ — какъ и „Община“, какъ и „Впередъ!“—не могла быть рабочей газетой ни по содержанію, ни по направленію.

Спрашивая рабочихъ, чего именно требуютъ они отъ революціонной литературы, я получалъ самые разнообразные отвѣты. Въ большинствѣ случаевъ каждому изъ нихъ хотѣлось, чтобы она разрѣшила вопросы, ночему нибудь занимавшіе его въ данное время. А вопросовъ этихъ черезъ голову мыслящихъ рабочихъ проходило многое множество, и у каждаго рабочаго, смотря по его наклонностямъ и характеру ума, были свои излюбленные вопросы. Одинъ больше всего интересовался вопросомъ о богѣ и утверждалъ, что революціонная литература должна направить главныя свои усилія на разрушеніе религіозныхъ вѣрованій народа. Другихъ интересовали преимущественно историческіе, политическіе или естественно-научные вопросы. Въ числѣ моихъ пріятелей - фабричныхъ былъ даже такой, котораго особенно занималъ женскій вопросъ. Онъ находилъ, что рабочіе не уважаютъ женщины и обращаются съ ней какъ съ низшимъ существомъ. По его словамъ, многіе женатые рабочіе даже удаляли своихъ женъ, когда гости ихъ заводили революціонные разговоры : не нужно, молъ, путать бабъ въ это дѣло. Поэтому у женщинъ не было никакихъ общественныхъ интересовъ, что, въ свою очередь, вредно отзывалось на мужчинахъ, которыхъ онѣ, по своей неразвитости, всегда старались отвлечь отъ опаснаго революціоннаго дѣла. Мой пріятель никогда не упускалъ случая „спропагандировать“ женщину и всѣми силами старался заводить особые революціонные кружки между работницами. Своимъ товарищамъ онъ очень энергично — т. е. не отступая передъ употребленіемъ крѣпкаго слова — внушалъ достойные развитыхъ людей взгляды на женщинъ. Занятый своей идеей, онъ, естественно, требовалъ помощи отъ революціонной литературы и сожалѣлъ, что она слишкомъ мало занимается женскимъ вопросомъ.

Замѣчу мимоходомъ, что этотъ горячій сторонникъ женскаго освобожденія принадлежалъ къ числу тѣхъ фабричныхъ, для которыхъ жизнь въ деревнѣ стала совершенно немыслимой. Когда я познакомился съ нимъ, онъ былъ еще очень молодымъ парнемъ, но

считался уже „старымъ“ революціонеромъ, такъ какъ былъ „спропагандированъ“ еще Чайковцами. Въ 73 или въ 74 году, совсѣмъ мальчикомъ попалъ онъ въ тюрьму, гдѣ прекрасно держалъ себя и пристрастился къ чтенію. По выходѣ на волю онъ не разъ ѣздилъ въ Тверскую губернію къ своимъ роднымъ, но ладу съ ними у него уже не было. Они называли его студентомъ и считали пропащимъ человѣкомъ. Онъ поражалъ ихъ и привычками и взглядами и непочтительнымъ отношеніемъ къ начальству. Впрочемъ, они утѣшали себя пословицей: женится — перемѣнится, и едва стукнуло ему 18 лѣтъ, „приглядѣли“ ему невѣсту. А онъ какъ разъ въ это время увлекся женскимъ вопросомъ и не допускалъ даже мысли о томъ, что порядочный человѣкъ можетъ жениться на незнакомой женщинѣ. Чтобы избѣжать безполезныхъ столкновеній, онъ рѣшился совсѣмъ не заглядывать на родину. Родина съ своей стороны рѣшила, что парень въ конецъ избаловался; не знаю ужь, согласились ли бы съ нею въ данномъ случаѣ наши народники.

Между работницами Петербурга было нѣсколько революціонерокъ, случались у нихъ даже стачки (на табачныхъ фабрикахъ), но вообще въ движеніи женщины стояли дѣйствительно на самомъ заднемъ планѣ. Нѣкоторые заводскіе рабочіе-революціонеры не женились прямо потому, что въ окружавшей ихъсредѣ не было подходящихъ для нихъ женщинъ. „Наши бабы совсѣмъ дуры, а интеллигентки за нашего брата не пойдутъ, имъ подавай студентовъ“, не безъ горечи говаривали такіе рабочіе. Думаю, что и въ этомъ случаѣ въ нихъ сказывалось не городское „баловство“, а серезное нравственное развитіе.

Я вовсе не намѣренъ идеализировать условія современной городской жизни: — довольно ужь мы упражнялись въ ложной идеализаціи. Я видѣлъ и знаю отрицательныя стороны этихъ условій. Попадая изъ деревни въ городъ, рабочій, иногда, дѣйствительно, начинаетъ „баловаться“. Въ деревнѣ онъ жилъ по завѣту отцовъ, безъ разсужденій подчиняясь ихъ изстари установившимся обычаямъ. Въ городѣ обычаи эти сразу теряютъ смыслъ. Чтобы человѣкъ не лишился всякаго нравственнаго мѣрила, они необходимо должны замѣниться новыми обычаями, новыми взглядами на вещи. Такая замѣна постепенно и происходитъ въ дѣйствительности, такъ какъ уже одна неизбѣжная и повседневная борьба съ хозяиномъ налагаетъ на рабочихъ взаимныя нравственныя обязательства. Но „пока что“, новичекъ-

рабочій все таки переживаетъ нравственный переломъ, выражающійся иногда въ довольно некрасивомъ поведеніи. Здѣсь повторяется то, что переживаетъ всякій общественный классъ, всякое общество при переходѣ отъ узкихъ патріархальныхъ порядковъ къ другимъ, болѣе широкимъ, но за то болѣе сложнымъ и болѣе запутаннымъ. Разсудочность вступаетъ съ свои права и, критикуя старую нравственность, позволяетъ себѣ подчасъ довольно некрасивыя вещи. Разсудокъ, конечно, способенъ ошибаться чаще и больше, чѣмъ вѣковѣчный обычай. За это онъ и проклинается всѣми охранителями. Но до тѣхъ поръ пока люди будутъ идти впередъ, неизбѣжной останется и періодическая ломка обычаевъ. И какъ ни „балуется“ иногда во время такой ломки разсудокъ, но его ошибокъ не поправишь охраненіемъ отжившихъ порядковъ. Поправляетъ ихъ обыкновенно дальнѣйшій ходъ самой жизни. Чѣмъ больше развиваются новые порядки, тѣмъ яснѣе становятся для всѣхъ и каждаго обусловленныя ими новыя нравственныя требованія, мало по малу пріобрѣтающія прочность обычая, который и сдерживаетъ затѣмъ излишнее „баловство“ разсудка. Такимъ образомъ отрицательныя стороны развитія устраняются его собственными положительными пріобрѣтеніями, и роль мыслящаго человѣка въ этомъ неизбѣжномъ исторпческомъ движеніи опредѣляется сама собою.

Я зналъ одного молодого фабричнаго, который былъ вполнѣ честнымъ малымъ, пока его не коснулась революціонная пропаганда. Но какъ только ему сдѣлались извѣстными соціалистическія нападки на эксплуататоровъ, онъ началъ „баловаться“, считая позволительнымъ обманывать и обкрадывать людей, принадлежащихъ къ высшимъ классамъ. „Все равно у насъ же накрали“, возражалъ онъ на упреки товарищей, которымъ откровенно показывалъ и предлагалъ братски раздѣлить попавшуюся подъ руку добычу. Будь извѣстенъ этотъ случай покойному Достоевскому, онъ, конечно, не преминулъ бы уколоть имъ глаза революціонерамъ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, гдѣ вывелъ бы упомянутаго парня рядомъ съ Смердяковымъ, этой жертвой „интеллигентнаго“ свободомыслія, или въ „Бѣсахъ“, гдѣ какъ извѣстно, „что ни шагъ, то ужасъ“. Интересно, что сами товарищи, едва-ли когда читавшіе произведенія Достоевскаго, стали звать вороватаго малаго Бѣсомъ. Но въ подвигахъ Бѣса они не винили ни интеллигенціи вообще, ни соціалистической пропаганды въ частности. Они своимъ вліяніемъ старались, такъ сказать, додѣлать

нравственную личность этого юноши и научить его бороться противъ высшихъ классовъ не въ качествѣ обманщика и вора, а въ качествѣ революціоннаго агитатора. Я скоро упустилъ Бѣса изъ виду, и не знаю, разрѣшился ли въ благопріятную сторону переживавшійся имъ тогда нравственный переломъ. Но что благопріятный исходъ былъ вполнѣ возможенъ, за это ручается, между прочимъ, то негодованіе, которое вызывали его подвиги во всѣхъ окружавшихъ его рабочихъ-революціонерахъ.

III

Въ настоящее время въ среди „интеллигенціи“ много спорятъ о возможности революціонной прогаганды между рабочими. Я думаю, что всякій, кто хоть немного сталкивался съ русскими рабочими, знаетъ, какъ внимательно и какъ сочувственно относятся они къ этой пропагандѣ. Говорятъ, что пропаганда встрѣчаетъ теперь непреодолимыя препятствія со стороны полиціи. Но слишкомъ часто говорятъ это люди, не давшіе себѣ труда сдѣлать хоть одну серьезную попытку въ этомъ направленіи. Иногда ссылаются, правда, и на „опытъ“. Но опытъ опыту рознь. Безъ умѣнья невозможно никакое революціонное дѣло, а умѣлыхъ людей не остановитъ никакая полиція. Общество „Земля и Воля“ во все время своего существованія вело дѣятельныя сношенія съ рабочими черезъ посредство нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ. И замѣчательно, что за все это время собственно рабочее дѣло привело у насъ *только къ одному*, да и то незначительному „провалу“: по доносу рабочаго арестованъ былъ въ 1878 г. нашъ товарищъ И., занимавшійся пропагандой на одной изъ московскихъ фабрикъ. Многочисленные аресты рабочихъ, имѣвшіе мѣсто весною того же года въ Петербургѣ, аресты, благодаря которымъ въ руки полиціи попались покойный Хазовъ („Дѣдушка“) и нѣкоторые другіе наши товарищи, причинены были самой интеллигенціей. Именно, „нелегально“ жившій тогда въ Москвѣ Хазовъ

попросилъ студентовъ Петровской академіи спрятать кое-какія „конспиративныя“ бумаги. Тѣ зарыли порученный имъ пакетъ въ академическомъ саду, но зарыли, какъ оказалось, нехорошо и не глубоко. Какая-то не кстати любопытная собака вырыла его изъ-подъ земли, а какой-то къ сожалѣнію слишкомъ проницательный вѣрноподданный, ознакомившись съ его содержимымъ, представилъ его по начальству. Неожиданная находка оказалась настоящимъ кладомъ для полиціи, которая тотчасъ арестовала Хазова и кое-кого изъ его московскихъ друзей. Какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, эти аресты дали поводы для новыхъ ; „провалы“ распространились на Петербургъ, гдѣ особенно пострадали многочисленные и хорошо сплоченные рабочіе кружки Галерной Гавани. Наши потери были тогда очень серьезны, но мы понимали, что должны винить самихъ себя, а не рабочихъ.

Въ сношеніяхъ съ рабочими „землевольцы“ всегда держались слѣдующихъ пріемовъ. Тѣ члены организаціи, которымъ поручалось веденіе „рабочаго дѣла“, (ихъ всегда было немного, самое большее: 4-5 человѣкъ) обязаны были составить особые кружки изъ молодыхъ революціонеровъ. Кружки эти, собственно говоря, не принадлежали къ обществу „Земля и Воля“, но, дѣйствуя подъ руководствомъ его членовъ, они не могли работать иначе, какъ въ духѣ его программы. Вотъ эти-то кружки и вступали въ сношенія съ рабочими. Такъ какъ, благодаря пропагандѣ 1873-74 гг., въ петербургской рабочей средѣ было довольно много революціонеровъ, то задача „землевольцевъ“ и ихъ молодыхъ помощниковъ свелась прежде всего къ организаціи этихъ готовыхъ силъ. „Старые“, по большей части уже испытанные революціонеры-рабочіе, присоединивъ къ себѣ нѣкоторыхъ надежныхъ новичковъ, составили ядро петербургской рабочей организаціи, съ которымъ и сносилась, главнымъ образомъ, „интеллигенція“. На этихъ людей мы вполнѣ могли положиться: нелѣпо было бы бояться, что они насъ выдадутъ. Тѣмъ не менѣе, помня, что кашу масломъ не портятъ, и что въ тайномъ революціонномъ дѣлѣ осторожность обязательна даже тогда, когда кажется совершенно излишней, „землевольцы“ и этимъ испытаннымъ рабочимъ не сообщали ни своихъ адресовъ, ни своихъ именъ, (т. е. тѣхъ именъ, подъ которыми они были прописаны въ участкѣ). Прибавлю, что такъ они поступали не съ одними рабочими: адресъ землевольца и то, по большей части вымышленное имя, подъ которымъ онъ проживалъ, въ самой организаціи знали

обыкновенно только очень немногіе члены, занимавшіеся вмѣстѣ съ нимъ одной и той же отраслью революціоннаго дѣла; остальные, занятые другими революціонными спеціальностями, должны были довольствоваться встрѣчами съ ними на „конспиративной“ квартирѣ, гдѣ происходили общія кружковыя собранія. На обязанности центральной, отборной рабочей группы лежало руководство мѣстными рабочими кружками, возникавшими въ той или другой части Петербурга. Интеллигенція не вмѣшивалась въ дѣла этихъ мѣстныхъ кружковъ, ограничиваясь доставленіемъ имъ книгъ, помощью при заведеніи тайныхъ квартиръ для собраній и т. п. Каждый мѣстный кружокъ собственными силами долженъ былъ привлекать себѣ новыхъ членовъ, которымъ сообщали, что существуютъ и другіе подобные кружки въ Петербургѣ, но гдѣ и какіе именно, это было извѣстно только членамъ центральнаго рабочаго ядра, каждое Воскресенье сходившимся на общее собраніе. Революціонеры-интеллигенты являлись съ цѣлью пропаганды и на собранія мѣстныхъ кружковъ. Но такъ какъ тамъ они извѣстны были подъ вымышленными именами, то если бы туда и забрался какой нибудь шпіонъ, онъ могъ бы донести „пославшимъ его“ только о томъ, что какой-то Ѳедорычъ, или Антонъ, или „Дѣдушка“ въ томъ-то мѣстѣ и въ такомъ-то часу потрясалъ основы, а гдѣ искать этого Ѳедорыча, или Антона, или „Дѣдушку“ оставалось покрыто мракомъ неизвѣстности. Прослѣдить же на улицѣ кого нибудь изъ этихъ потрясателей было не такъ-то легко, потому что они на сей конецъ прибѣгали къ особымъ мѣрамъ, въ видѣ проходныхъ дворовъ, извощика, внезапно взятаго въ такомъ мѣстѣ, гдѣ другого извощика не было, и гдѣ, такимъ образомъ, слѣдовавшій за потрясателемъ пѣшій шпіонъ по необходимости долженъ былъ отстать отъ него, и проч. и проч. При подобныхъ предосторожностяхъ мы могли благополучно заниматься своимъ дѣломъ даже въ самыя жестокія времена, когда не принадлежавшіе къ организаціямъ революціонеры (нигилисты, какъ называли мы ихъ на своемъ жаргонѣ) за самомалѣйшіе пустяки десятками попадались въ руки бдительныхъ аргусовъ.

Уже къ концу 1876 года, когда землевольцы только еще приступали къ устройству революціонныхъ „поселеній въ народѣ“, пропаганда между рабочими приняла довольно широкіе размѣры, какъ въ Петербургѣ (въ Галерной Гавани, на Васильевскомъ Островѣ, на Петербургской и на Выборной сторонахъ, на Обводномъ Каналѣ,

за Невской и Нарвской заставами), такъ и въ его окрестностяхъ (въ Колпинѣ, на Александровской мануфактурѣ, въ Кронштадтѣ, и т. д.). Но я уже сказалъ, что бунтари не довольствовались пропагандой и во что бы то ни стало хотѣли *апитировать*. Наше настроеніе увлекло, наконецъ, и рабочихъ. Въ то время у всѣхъ была въ памяти демонстрація, ознаменовавшая весною 1876 г. похороны убитаго тюрьмой студента Чернышова. Она произвела очень сильное впечатлѣніе на всю интеллигенцію, и все лѣто того года мы, что называется, бредили демонстраціями. Но въ Чернышовской демонстраціи рабочіе не принимали участія, такъ какъ произошла она въ будни, да и подготовители ея какъ-то не вспомнили о рабочихъ. И вотъ рабочимъ захотѣлось сдѣлать *свою* демонстрацію, и при томъ такую, которая своимъ рѣзко-революціоннымъ характеромъ совершенно затмила бы демонстрацію „интеллигенціи". Они увѣряли насъ, что если хорошо взяться за дѣло и выбрать для демонстраціи праздничный день, то на нее соберется до 2000 рабочихъ. Мы сомнѣвались въ этомъ, но бунтарская жилка заговорила въ каждомъ изъ насъ, и мы сдались. Такъ произошла извѣстная Казанская демонстрація 6 (18) Декабря 1876 года.

Теперь о Казанской демонстраціи совсѣмъ забыли. Даже самъ г. Драгомановъ, любившій когда то упрекнуть ею революціонеровъ, вспоминаетъ о ней все рѣже и рѣже. Но въ свое время она возбудила много толковъ и споровъ. Одни осуждали, другіе превозносили ее, хотя очень часто и тѣ и другіе имѣли о ней совершенно ошибочное понятіе. Для „интеллигенціи" цѣль демонстраціи такъ и осталась невыясненной, вѣроятно потому, что въ ея подготовленіи „интеллигенція" принимала участіе только въ лицѣ немногихъ земле_вольцевъ, дѣйствовавшихъ въ рабочихъ кварталахъ Петербурга. Эти люди употребляли всѣ зависѣвшія отъ нихъ средства, чтобы привлечь на нее какъ можно больше рабочихъ, но объ интеллигенціи, насколько мнѣ извѣстно, они думали мало: придетъ, молъ, и безъ зова, а не придетъ — бѣда не велика, пожалуй даже лучше будетъ, выйдетъ чисто рабочая демонстрація. Тѣмъ не менѣе, утромъ 6-го Декабря у Казанскаго собора собралось много учащейся молодежи. Произошло это, какъ мнѣ кажется, главнымъ образомъ потому, что уже въ теченіе всего Ноября по Петербургу ходили слухи о какой-то демонстраціи, имѣющей произойти около Исакія, и публика была уже подготовлена. Кто задумалъ эту демонстрацію и какой ха-

рактеръ собирались придать ей, мы, землевольцы, хорошенько не знали, хотя, разумѣется, явились бы къ Исакію, если бы тамъ, дѣйствительно, что-нибудь произошло. Но этой демонстраціи не суждено было состояться, она все какъ-то откладывалась отъ одного праздника до другого, такъ что нетерпѣливые „нигилисты“ начали, наконецъ, сердиться. О демонстраціи у Исакія стали говорить не иначе какъ съ ироніей. Не желая, чтобы публика смѣшала насъ съ этими медлителями, мы нарочно выбрали другое мѣсто — Казанскій соборъ — для *нашей* демонстраціи. И все таки, когда въ публику проникли слухи о нашихъ замыслахъ, многіе рѣшили, что предстоящая Казанская демонстрація и есть та, которая должна была произойти у Исакія. Давно жаждавшая сильныхъ впечатлѣній революціонная молодежь отовсюду повалила къ Казанскому собору и, сравнительно съ рабочими, оказалась тамъ, вопреки нашимъ первоначальнымъ разсчетамъ, въ большинствѣ.

Рабочихъ пришло не много: 200-250 человѣкъ. И это было совершенно понятно. Если для принадлежавшихъ къ революціоннымъ кружкамъ рабочихъ демонстрація имѣла смыслъ агитаціонной попытки, то для ихъ незатронутыхъ пропагандой товарищей она могла быть интересна развѣ лишь какъ новое, невиданное зрѣлище. Для дѣятельнаго участія въ ней у нихъ не было никакого осязательнаго повода. Поэтому они и не пошли на нее. Еще за нѣсколько дней до демонстраціи мы увидѣли, какъ несбыточны были розовыя надежды задумавшихъ ее революціонныхъ рабочихъ кружковъ. Но отступать было уже поздно. Мы всѣ видѣли, какъ смѣшны стали въ глазахъ публики слишкомъ осторожные организаторы Исакіевской демонстраціи, и не хотѣли уподобляться имъ. Вечеромъ 4-го Декабря, собраніе, на которомъ, кромѣ насъ, землевольцевъ, были вліятельнѣйшіе рабочіе съ разныхъ концовъ Петербурга, почти единогласно рѣшило, что демонстрація должна состояться, если на нее соберется хоть нѣсколько сотъ человѣкъ. На этомъ же собраніи была предложена и одобрена мысль о красномъ знамени, о которомъ прежде никто не думалъ.

Вышитую на этомъ знамени надпись: „*Земля и Воля*“, мы считали наилучшимъ выраженіемъ народныхъ идеаловъ и требованій. Но именно народу-то, по крайней мѣрѣ столичному народу, она и оказалась непонятной. „Какъ же это такъ, — разсуждали потомъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ — они хотѣли земли и воли? Земля-то

это такъ, земли точно надо бы дать крестьянамъ, а воля-то вѣдь ужъ дана. Въ чемъ же тутъ дѣло?" Вышло, что съ своимъ девизомъ: „Земля и Воля" мы опоздали по меньшей мѣрѣ на пятнадцать лѣтъ. Впрочемъ, мѣстами въ крестьянствѣ слышались на этотъ счетъ другіе отзывы. Жившій въ Малороссіи товарищъ разсказывалъ мнѣ, что разъ при немъ между крестьянами зашла рѣчь о Казанской демонстраціи. „Они хорошаго хотѣли, замѣтилъ одинъ старикъ, этого всѣ хотятъ, намъ всѣмъ нужна земля и воля." Тотъ же старикъ никакъ не хотѣлъ повѣрить, что революціонеровъ могутъ преслѣдовать за столь справедливыя требованія. — Ничего имъ не было, утверждалъ онъ, просто царь призвалъ ихъ къ себѣ и сказалъ: подождите, хлопцы, будетъ вамъ и земля и воля, только не надо объ этомъ кричать на улицахъ." Вообще, о Казанской демонстраціи такъ или иначе заговорила вся Россія.

Но какъ произошла самая демонстрація? Я сказалъ, что собраніе четвертаго Декабря рѣшило не откладывать ее, если соберется хоть нѣсколько сотъ человѣкъ. Весь слѣдующій день былъ посвященъ нами на бѣготню по рабочимъ кварталамъ. Утромъ шестого Декабря на мѣсто дѣйствія пришли всѣ „бунтарскіе" рабочіе кружки (лавристы были, разумѣется, противъ демонстраціи). Въ особенности хорошо были представлены гаваньскіе рабочіе: съ одного изъ гаваньскихъ заводовъ пришла въ полномъ составѣ цѣлая мастерская, въ 40-45 человѣкъ. Но постороннихъ рабочихъ совсѣмъ не было. Мы видѣли, что силъ у насъ слишкомъ мало и рѣшились выжидать. Рабочіе разошлись по ближайшимъ трактирамъ, оставивъ у соборной паперти только небольшую кучку для наблюденія за ходомъ дѣлъ. Между тѣмъ учащаяся молодежь подходила большими группами. Находившаяся въ церкви, очень впрочемъ малочисленная, публика уже къ концу обѣдни была поражена страннымъ наплывомъ совершенно необычныхъ богомольцевъ. Церковный староста посматривалъ въ ихъ сторону съ какимъ-то тревожнымъ удивленіемъ. Обѣдня кончилась, странные богомольцы не расходились. Тогда староста вступилъ съ ними въ переговоры. „Что вамъ угодно господа?" — спросилъ онъ, какъ нарочно подойдя къ группѣ бунтарей.

— Желаемъ отслужить панихиду, отвѣчали ему.

— Нельзя сегодня служить панихиду: царскій день.

Бунтари изумились. Собственно въ планъ демонстраціи богослуженіе вовсе не входило, но такъ какъ революціонная публика все

продолжала прибывать, и бунтарямъ нужно было выиграть время, то они придумали панихиду просто какъ благовидный предлогъ для дальнѣйшаго пребыванія въ церкви. Когда староста разъяснилъ имъ, что нельзя служить панихиду, они не долго оставались въ смущеніи.

— Я пойду закажу молебенъ, шепнулъ мнѣ покойный Сентянинъ.

— Идите, заплатите попамъ за нашъ постой, отвѣтилъ я, подавая ему трехрублевую бумажку.

Сентянинъ пошелъ. Но я и до сихъ поръ не знаю, на чѣмъ онъ порѣшилъ съ попами. Соскучившіеся „нигилисты“ стали выходить на паперть, изъ сосѣднихъ трактировъ подошли засѣдавшіе тамъ бунтари-рабочіе. Толпа приняла довольно внушительные размѣры. Мы рѣшились дѣйствовать.

До властей, вѣроятно, дошли слухи о нашихъ приготовленіяхъ. Но на Казанской площади полицейскихъ и жандармовъ было не много. Они смотрѣли на насъ и „ждали поступковъ.“ Когда раздались первыя слова революціонной рѣчи, они попытались было протискаться къ говорившему, но ихъ сейчасъ же оттѣснили назадъ. Всѣ участники демонстраціи пришли въ страшное возбужденіе. Рабочіе плотнымъ кольцомъ сомкнулись вокругъ говорившаго. „Ребята, держись тѣснѣй, не выдавай, не подпускай полиціи“, командовалъ Митрофановъ, между тѣмъ какъ полицейскіе свистки оглашали площадь. Когда рѣчь былаокончена, развернули красное знамя, раздались крики: да здравствуетъ соціальная революція, да здравствуетъ Земля и Воля! Митрофановъ быстро сдернулъ шапку съ говорившаго и, надѣвши на него какую-то фуражку, закуталъ башлыкомъ его голову. „Теперь пойдемъ всѣ вмѣстѣ, иначе будутъ арестовать“, закричали какіе-то голоса, и мы толпой двинулись по направленію къ Невскому. Но едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ полиція, подкрѣпленная сбѣжавшимися на свистки городовыми и околодочными, стала хватать шедшихъ въ заднихъ рядахъ. Тутъ общее возбужденіе дошло до послѣдней степени. Кто-то скомандовалъ: „стой, нашихъ,берутъ“, и толпа бросплась отбивать арестованныхъ. Полицейскіе были смяты и побѣжали за соборъ, въ Казанскую улицу. Если бы отразивъ этотъ первый непріятельскій натискъ, революціонеры выказали больше самообладенія, то они, вѣроятно, смогли бы отступить безъ потерь и въ полномъ порядкѣ. Землевольцы понимали это, и

какъ только арестованные были отбиты, они закричали, чтобы публика снова сомкнулась въ тѣсные ряды. Но кому изъ принимавшихъ когда нибудь участіе въ подобныхъ столкновеніяхъ, неизвѣстно, какъ трудно ввести въ надлежащія границы разъ прорвавшіяся наружу страсти? Публика продолжала преслѣдовать обращенную въ бѣгство полицію. Произошелъ страшный безпорядокъ, наши ряды совсѣмъ разстроились; между тѣмъ къ полицейскимъ явилось новое и сильное подкрѣпленіе. Цѣлый отрядъ городовыхъ, въ сопровожденіи множества дворниковъ, быстро приближался къ площади по той самой Казанской улицѣ, къ которой направились бѣжавшіе полицейскіе. Увлекшись преслѣдованіемъ, революціонеры столкнулись съ этимъ отрядомъ лицомъ къ лицу. Началась жесточайшая свалка. Силы полиціи ежеминутно возрастали. Революціонеровъ окружали со всѣхъ сторонъ. Стройное отступленіе сдѣлалось для нихъ совершенно невозможнымъ. Хорошо было уже и то, что они могли отступать болѣе или менѣе значительными кучками. Такія кучки по большей части успѣшно, хотя и не безъ значительныхъ тѣлесныхъ поврежденій, отбивались отъ нападавшихъ. Но за то тѣхъ, которые дѣйствовали въ одиночку, тотчасъ хватали и, послѣ звѣрскихъ побоевъ, тащили въ участки.

У меня нѣтъ охоты воспѣвать подвиги чьихъ бы то ни было кулаковъ. Но въ виду звѣрства, проявленнаго тогда полиціей, я не безъ удовольствія замѣчу, что и ей досталось очень порядочно. Революціонеры, изъ которыхъ нѣкоторые были вооружены кастетами, отчаяно защищались. Съ ихъ стороны въ особенности отличился тогда студентъ NN. Высокій и сильный, онъ поражалъ непріятелей какъ пылкій Аяксъ, сынъ Теламона, и тамъ, гдѣ появлялась его плечистая фигура, защитникамъ порядка приходилось жутко. Какъ ни старалась схватить его полиція, онъ счастливо отбилъ всѣ нападенія и возвратился домой такимъ же „легальнымъ“ человѣкомъ, какъ и пришелъ на площадь. Пострадавшіе отъ него защитники „порядка“ знали только, что ихъ тузилъ какой-то высокій и сильный брюнетъ, но лица его они, очевидно, не запомнили. Когда потомъ, уже по окончаніи столкновенія на площади, имъ встрѣтился на Морской Боголюбовъ, они вообразили, что онъ-то и есть ихъ свирѣпый непріятель. Боголюбова схватили, жестоко избили въ участкѣ, а потомъ, какъ извѣстно, осудили на каторгу. Но Боголюбовъ не принималъ ни малѣйшаго участія въ демонстраціи.

Когда, по произнесеніи рѣчи, развернули красное знамя, его схватилъ молодой крестьянинъ Потаповъ и, поднятый на руки рабочими, нѣкоторое время держалъ его высоко надъ головами присутствующихъ. Полиція замѣтила его физіономію, однако арестовать его ей долго не удавалось. Защищавшая его группа рѣшительныхъ и смѣлыхъ людей медленно отступала по Невскому. Она дошла до угла Садовой. Преслѣдованіе постоянно ослабѣвало и, наконецъ, повидимому, совершенно прекратилось. Тогда Потаповъ сѣлъ въ конку, считая себя уже въ безопасности. Но за нимъ слѣдили шпіоны. Пока онъ былъ не одинъ, они держались на почтительномъ разстояніи, а когда спутники его удалились, шпіоны бросились за конкой и. остановивъ ее, арестовали Потапова. На немъ нашли знамя, которое само по себѣ составляло неопровержимую улику. Тѣмъ не менѣе судъ приговорилъ Потапова лишь къ заключенію въ монастырь „на покаяніе“. Сравнительная мягкость этого страннаго приговора объяснялась будто бы молодостью Потапова. Но извѣстно, что въ русскихъ политическихъ процессахъ судьи не стѣснялись осуждать на каторжныя работы, а потомъ, въ военныхъ судахъ, даже на смерть очень молодыхъ подсудимыхъ. Въ данномъ случаѣ умыселъ былъ другой. Правительство рѣшилось щадить рабочихъ. На скамью подсудимыхъ изъ нихъ попало 10 - 12 человѣкъ, и всѣмъ имъ вынесенъ былъ довольно мягкій приговоръ: нѣкоторыхъ, подобно Потапову, приговорили къ монастырскому покаянію, другихъ къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь, подсудимые же изъ интеллигенціи пошли по большей части въ каторгу и при томъ на очень долгіе, не слыханные до тѣхъ поръ, сроки. Судьи не могли не видѣть, что виновность почти всѣхъ подсудимыхъ этой категоріи по меньшей мѣрѣ сомнительна. У двухъ арестованныхъ рабочихъ найдены были записки, которыя, по замѣчанію прокурора, „ясно указывали на сговоръ“; онѣ дѣйствительно, ясно указывали на него, но не менѣе ясно было и то, что никто изъ преданныхъ суду „интеллигентныхъ“ революціонеровъ въ этомъ сговорѣ не участвовалъ. Третье отдѣленіе хорошо знало, что главные подготовители демонстраціи арестованы не были, Но судъ не смутился этимъ, отомстивъ арестованнымъ за за дѣйствія скрывшихся. Извѣстно, что правительство всегда установляло въ такихъ случаяхъ родъ круговой поруки между революціонерами. Но ему слишкомъ непріятна была та мысль, что въ средѣ рабочихъ могутъ быть такіе же неисправимые „бунтовщики“, какъ и въ средѣ

„интеллигенціи“. Оно старалось увѣрить себя, что лишь подъ дурнымъ вліяніемъ этой послѣдней рабочіе перестаютъ быть вѣрными подданными монарха и очень неохотно сажало ихъ на скамью подсудимыхъ, предпочитая расправляться съ ними административнымъ порядкомъ. Это было очень благоразумно. Пока въ качествѣ политическихъ преступниковъ выступали только представители интеллигенціи, можно было увѣрять крестьянъ, что преступники эти были барами, злившимися на царя за уничтоженіе крѣпостного права. По отношенію къ преступникамъ изъ рабочей среды подобныя увѣренія сразу лишались всякаго смысла, и образъ „бунтовщика“ долженъ былъ принимать совершенно новый, очень непріятный для правительства, видъ въ народномъ воображеніи. Правительство очень хорошо понимало, какой невыгодный для него оборотъ приметъ революціонное движеніе, если, не ограничиваясь одной интеллигенціей, оно увлечетъ хоть нѣкоторые слои народа.

Казанская демонстрація была первой попыткой практическаго примѣненія нашихъ понятій объ агитаціи. Понятія эти были въ то время еще слишкомъ отвлеченны, и уже по одному этому не могло быть удачнымъ ихъ практическое примѣненіе. Казанская демонстрація наглядно показала, что мы всегда будемъ оставаться одни, если въ своей революціонной дѣятельности будемъ руководствоваться лишь своимъ отвлеченнымъ пристрастіемъ къ „агитаціи“, а не существующимъ настроеніемъ и данными насущными нуждами той среды, въ которой собираемся агитировать.

Мы не забыли этого урока, но прошло болѣе года прежде, чѣмъ намъ представился случай снова взяться за агитацію въ средѣ петербургскаго рабочаго населенія. Это былъ очень печальный случай. На Васильеостровскомъ патронномъ заводѣ произошелъ взрывъ пороха. Нѣсколькихъ рабочихъ страшно изуродовало, четырехъ убило на мѣстѣ. На другой день умерли отъ тяжелыхъ ранъ еще двое. Такимъ образомъ, рабочимъ этого завода предстояло провожать на Смоленское кладбище шестерыхъ товарищей. Взрывъ произошелъ по непростительной винѣ заводскаго начальства. Пострадавшая мастерская помѣщалась во второмъ этажѣ и сообщалась съ внѣшнимъ міромъ одной только лѣстницей. Какъ разъ при входѣ въ мастерскую, около лѣстницы, лежалъ въ особомъ чуланѣ довольно значительный запасъ прессованнаго пороха, изъ котораго приготовлялись патроны. Когда этотъ порохъ обтачивался на станкахъ, отъ него под-

нималась мелкая пыль, покрывавшая станки, полъ и стѣны мастерской. Достаточно было одной искры, чтобы эта пыль вспыхнула и, донеся огонь до помѣщавшагося у лѣстницы порохового чулана, отрѣзала рабочимъ всякій путь къ спасенію. Рабочіе тѣмъ лучше сознавали грозившую имъ опасность, что искры часто получались во время работы отъ тренія. Иногда отъ этихъ искръ вспыхивала даже покрывавшая станки пороховая пыль. Но такъ какъ до поры до времени вспышки были незначительны, то начальство и полагалось на милость божію. Заявленія рабочихъ оставались безъ вниманія. Понятно, что когда произошелъ взрывъ, всѣ рабочіе этого завода были сильно озлоблены. Существовавшій тамъ революціонный кружокъ тотчасъ увидѣлъ, что ему слѣдуетъ дѣйствовать. Кто-то изъ его членовъ написалъ воззваніе, въ которомъ по поводу происшедшій на заводѣ несчастный случай ставился въ связь съ общимъ положеніемъ рабочаго класса. Воззваніе это, напечатанное въ нашей тайной типографіи, произвело хорошее впечатлѣніе, его съ сочувствіемъ читали даже и такіе рабочіе, которыхъ прежде никто не замѣчалъ въ сочувствіи къ революціонерамъ. Но этого было мало. Революціонный кружокъ патроннаго завода хотѣлъ придать предстоящимъ похоронамъ характеръ демонстраціи.

Этотъ кружокъ не находился подъ исключительнымъ вліяніемъ „бунтарей“. Сносясь съ „бунтарями“, онъ поддерживалъ постоянныя дружескія сношенія и съ лавристами. Но ему было хорошо извѣстно отрицательное отношеніе лавристовъ ко всякаго рода „бунтовскимъ попыткамъ“; онъ боялся, что тѣ не одобрятъ мысли о демонстраціи. Очень непріятно было рабочимъ огорчать друзей-лавристовъ, но отказаться отъ демонстраціи было еще непріятнѣе. Вслѣдствіе этого они пустились на хитрость. Пригласивъ бунтарей придти на похороны, они настоятельно просили ихъ ничего не сообщать лавристамъ. „Богъ съ ними совсѣмъ, говорили они, лавристы—люди хорошіе, но пойдутъ спорить, доказывать, что мы затѣяли пустое, а намъ послушаться ихъ нельзя, очень ужь возбуждены всѣ рабочіе“. Бунтари не имѣли ни малѣйшей охоты выдавать ихъ лавристамъ.

Въ день похоронъ, часовъ въ девять утра, хорошо вооруженная группа бунтарей, въ числѣ ихъ покойный Осинскій, подошла къ зданію патроннаго завода, передъ которымъ собралась уже большая толпа рабочихъ. Къ бунтарямъ тотчасъ присоединились члены заводскаго рабочаго кружка, тоже вооружившіеся „на всякій случай“. Покойный Халтуринъ, работавшій въ то время на другомъ заводѣ, так-

же пришелъ на похороны. Начались совѣщанія: каково настроеніе рабочихъ, что именно могутъ сдѣлать здѣсь революціонеры. Бунтари находили, что выступать съ революціонной рѣчью было бы неумѣстно. Одѣтая по праздничному рабочая толпа показалась имъ слишкомъ „буржуазною“. И это впечатлѣніе было такъ сильно, что оно сообщилось не только тѣмъ „интеллигентамъ“, которые, „занимаясь“ съ заводскими рабочими, казалось бы знали ихъ привычки, но — странно сказать — даже членамъ мѣстнаго рабочаго кружка. Тѣ тоже сильно упали духомъ.

Показались гробы; присутствующіе сняли шапки, и началось похоронное шествіе. Въ тотъ день былъ жестокій морозъ, еще болѣе охлаждавшій наши революціонные порывы. „Нѣтъ, господа, революцію нужно дѣлать лѣтомъ, въ этакой холодъ никого не расшевелишь“, говорили мы, оттирая побѣлѣвшіе носы и уши.

Но вотъ и кладбище. Въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ отъ входа угловъ его вырублено было въ промерзшей землѣ шесть свѣжихъ могилъ, около которыхъ лежали скромные деревянные кресты. Полиція, все время сопровождавшая шествіе въ довольно значительномъ количествѣ и усиленная новымъ отрядомъ городовыхъ у входа на кладбище, стала вокругъ могилъ; священникъ пропѣлъ послѣднюю молитву; гробы опустили въ землю. Пока ихъ зарывали, толпа оставалась вполнѣ спокойной, и мы совсѣмъ убѣдились, что съ ней ничего не подѣлаешь. Но когда все было кончено и настало время расходиться, въ ней началось какое-то движеніе. Незнакомый намъ полный, рыжій рабочій протискался къ одной изъ крайнихъ могилъ.

— Господа, воскликнулъ онъ взволнованнымъ голосомъ. Мы хоронимъ сегодня шесть жертвъ, убитыхъ не турками, *) а попечительнымъ начальствомъ. Наше началь . . .

Его прервали.

Раздались полицейскіе свистки, и околодочный надзиратель положилъ ему руку на плечо со словами; „я васъ арестую.“ Но едва успѣлъ онъ выговорить это, какъ произошло нѣчто совершенно неожиданное. Со всѣхъ сторонъ раздались негодующіе крики, и толпа, та самая толпа, которая произвела на насъ безнадежное впечатлѣніе своею будто бы буржуазною прилизанностью, дружно кинулась на оторопѣвшихъ полицейскихъ. Въ одно мгновеніе арестованный былъ

*) Дѣло было во время русско-турецкой войны.

куда - то далеко унесенъ нахлынувшей рабочей волной, а хотѣвшій взять его околодочный не совсѣмъ твердымъ голосомъ извинялся передъ публикой.

— Вѣдь я же не могу иначе, господа, я самъ отвѣчаю за безпорядки передъ начальствомъ.

— Разсказывай! Вотъ мы тебя вздуемъ, такъ ты впередъ не будешь соваться куда не слѣдуетъ! — отвѣчали ему изъ толпы.

— Бей его! кричали наиболѣе ожесточенные.

Положеніе полиціи становилось критическимъ. Здѣсь, на далекомъ Смоленскомъ кладбище; она была совершенно безсильна передъ этой тысячью разъяренныхъ рабочихъ. Но ее спасло именно ея очевидное для всѣхъ, безсиліе.

— Братцы, что жь мы ихъ будемъ бить, сказалъ чей-то голосъ. Насъ много, ихъ мало, стыдно намъ съ ними связываться. Пускай себѣ идутъ по домамъ; никого изъ насъ они тронуть не посмѣютъ.

Эта, не то дипломатическая, не то дѣйствительно великодушная, рѣчь нѣсколько успокоила рабочихъ. Крики поутихли: публика перестала угрожать полиціи побоями, но съ другой стороны не хотѣла и отпустить ее съ миромъ, такъ какъ боялась, что она прослѣдитъ и арестуетъ оратора. Толпа раздѣлилась на двѣ части: одна окружила полицейскихъ, другая сплотилась вокругъ оратора и торжественно повела его къ воротамъ. Онъ, повидимому, никакъ не ожидалъ такой чести и сконфуженно посматривалъ на товарищей, шумно выражавшихъ ему свое сочувствіе. Всѣ они громко ругали начальство и полицію. Мнѣ особенно бросилось въ глаза худая, маленькая, старушка, которая, ни къ кому не обращаясь въ частности и какъ будто разговаривая сама съ собою, съ жаромъ повторяла, что надо постоять за своего человѣка. И толпа несомнѣнно готова была постоять за него, но ее, по ея неопытности, могли перехитрить шпіоны. Бунтари нашли нужнымъ подать ей благоразумный совѣтъ. У главныхъ воротъ кладбища стояло, въ ожиданіи сѣдоковъ, нѣсколько извощиковъ. Одному изъ нихъ революціонеры посадили въ сани пытавшагося говорить рабочаго, а всѣмъ остальнымъ запретили двигаться съ мѣста. Для большей вѣрности лошадей взяли подъ уздцы. Такимъ образомъ, ни одинъ шпіонъ не могъ послѣдовать за ораторомъ, быстро уѣзжавшимъ въ сопровожденіи двухъ надежныхъ людей. Когда къ воротамъ подошла остальная, конвоировавшая полицію, часть толпы, онъ уже совсѣмъ скрылся изъ виду. Полицейскихъ продол-

жали, однако, держать въ плѣну, отпуская на ихъ счетъ различныя, теперь уже по большей части добродушно-шутливыя замѣчанія. Но они едва не испортили дѣла излишнимъ рвеніемъ. Очутившись за воротами, одинъ околодочный, тотъ самый, который прервалъ оратора, выхватилъ изъ кармана свистокъ и быстро поднесъ его къ губамъ, чтобы звать къ себѣ на помощь. Публика снова заволновалась. У него вырвали свистокъ и нѣсколько разъ толкнули его довольно сильно. Ему оставалось только ругаться. „Это бунтъ, кричалъ онъ въ безсильной ярости, вы всѣ отвѣтите за это, это вамъ такъ не пройдетъ!“

— А ты бы лучше помалкивалъ, покуда бока цѣлы, наставительно отвѣчали ему рабочіе.

— Нечего мнѣ молчать, я исполняю свою обязанность, а вы бунтовщики, горячился онъ, и вдругъ, обращаясь къ группѣ бунтарей, замѣтилъ, что онъ всѣхъ ихъ видѣлъ еще на казанской площади.

— Очень пріятно встрѣтиться со старымъ знакомымъ любезно отвѣтили бунтари, надѣемся, что это не въ послѣдній разъ.

Рабочіе разсмѣялись. Околодочный пожалъ плечами и умолкъ, изобразивъ на на своемъ лицѣ полнѣйшее негодованіе.

— Ну что жь, пора ихъ и отпустить, пусть пойдутъ домой погрѣются, рѣшила публика, и стала расходиться кучками по двадцати-тридцати человѣкъ, оживленно толкуя обо всемъ случившемся. Только самые непримиримые продолжали еще бранить и даже толкать въ спину размѣщавшихся по извощичьимъ санямъ околодочныхъ. Наконецъ, ушли и непримиримые, и Смоленское кладбище приняло свой обычный пустынный видъ.

Дружный отпоръ, данный полиціи рабочими патроннаго завода, произвелъ прекрасное впечатлѣніе, какъ на рабочіе кружки Петербурга, такъ и на „бунтарскую“ интеллигенцію. Онъ доказывалъ, что даже незатронутые пропагандой рабочіе вполнѣ способны къ рѣшительному и единодушному дѣйствію, и въ подходящую минуту не испугаются союза съ „бунтовщиками Казанской площади“, т. е. съ революціонерами. Намъ нужно было только не упускать такихъ минутъ, чтобы обезпечить себѣ сочувствіе рабочей массы. Когда въ Мартѣ того же года вспыхнула стачка на Новой Бумагопрядильнѣ, мы были увѣрены, что легко сговоримся съ нею.

Г. Плехановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ

I

НАШИ СОВРЕМЕННЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРОТИВОРѢЧІЯ.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, во время поднятаго газетой Суворина спора объ „*интеллигенціи*“, г. Михайловскій, въ отвѣтъ на замѣчаніе своихъ противниковъ, что нигдѣ въ Европѣ подобное слово не употребляется въ смыслѣ опредѣленія особой общественной силы, возражалъ, что въ Европѣ интеллигенція и не являлась никогда самостоятельной общественной силой, какою является у насъ; что тамъ, поэтому, въ подобномъ словѣ нѣтъ и не было надобности. Къ тому времени, когда тамъ восторжествовала буржуазія, интеллигенція находилась съ ней въ полномъ единеніи, она утопала въ буржуазіи, и для ея опредѣленія не требовалось особаго термина. Теперь въ Европѣ „такъ называемое четвертое сословіе выставило свою интеллигенцію“, но и у нея нѣтъ своихъ особыхъ интересовъ и для нея не нужно особаго названія. Наша интеллигенція въ другомъ положеніи: „Ей извѣстно то, что не было въ свое время извѣстно интеллигенціи европейской... Мы не можемъ призывать къ себѣ буржуазію не то, что съ энтузіазмомъ, а даже просто безъ угрызеній совѣсти, ибо знаемъ, что торжество ея равносильно систематическому отобранію у народа его хозяйственной самостоятельности...“ Съ другой стороны и наша буржуазія, „Колупаевы и Разуваевы“, враждебны свободѣ мысли и слова, необходимой интеллигенціи. „Логически онѣ (буржуазія и интеллигенція) у насъ прирожденные враги, и въ этомъ именно состоитъ если не самобытность наша, то особенность нашей исторіи...“ Наша интеллигенція (оппозиціонная, народническая, о которой говоритъ г. Михайловскій), богатая чужимъ историческимъ опытомъ, должна служить народу, оберегать отъ буржуазіи его хозяйственную самостоятельность, стоять на стражѣ его интересовъ. „Сердцемъ и разумомъ“ она отдается на служеніе народу, но „слѣпымъ историческимъ процессомъ мы оторваны отъ народа, мы — чужіе ему, какъ и всѣ такъ называемые цивилизованные люди...“

Такимъ образомъ, враждебная буржуазіи, чужая народу и по меньшей мѣрѣ не своя ни дворянству, ни духовенству, какъ таковымъ, оппозиціонная интеллигенція оказалась „самостоятельной общественной силой". Для малочисленнаго, политически угнетеннаго слоя признаніе необходимости „служить народу" безъ него и помимо его содѣйствія равнялось въ сущности признанію своего полнаго общественнаго *безсилія*, полной невозможности оказать народу какую бы то ни было услугу. „Самостоятельность" или, вѣрнѣе, изолированность интеллигенціи ото всѣхъ слоевъ населенія устраняла самую мысль о какой бы то ни было политической борьбѣ. Правительство постепенно оттѣсняло эту интеллигенцію ото всѣхъ сферъ общественной дѣятельности, а оставшаяся ей на долю словесная борьба со стихійнымъ, слѣпымъ и глухимъ экономическимъ процессомъ. т. е. съ работой Колупаевыхъ и Разуваевыхъ надъ „лишеніемъ народа его хозяйственной самостоятельности", могла также мало помѣшать этой работѣ, какъ молитва „отъ червя" можетъ помѣшать червю ѣсть капусту.

Но въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ ни оппозиціонная, ни революціонная интеллигенція, тоже признавшая себя, незадолго передъ тѣмъ, самостоятельной отъ народа общественной силой, еще не подозрѣвала всей безвыходности подобной „самостоятельности" для угнетенной партіи, всей невозможности для нея какой бы то ни было систематической общественной дѣятельности при такомъ сознаніи.

Въ то время народническая литература еще чувствовала себя большой силой. На ея теоріяхъ, подкрѣпленныхъ открытіемъ г. В. В. относительно невозможности развитія у насъ капитализма, воспитывалось все молодое поколѣніе, ихъ раздѣляло большинство оппозиціонно настроенной части нашихъ образованныхъ классовъ. Не смотря на стѣсненія и преслѣдованія, народничество тогда еще бодро смотрѣло въ будущее, но восьмидесятые годы постепенно измѣнили это настроеніе.

Вотъ какъ характеризуетъ литературный обозрѣватель „Русской Мысли" *), органа болѣе другихъ охраняющаго старыя традиціи, состояніе „передовой части общества литературы" въ моментъ вступленія въ новое десятилѣтіе: „Чувства сиротливости, растерянности и сожалѣнія о прошломъ.... составляли отличительную черту нашей журнальной литературы въ истекшемъ году. Съ ними же она вступаетъ и въ годъ девяностый. Насталъ во-истину странный моментъ. Все самое живое и отзывчивое въ нашемъ обществѣ, все, что хочетъ движенія, а не застоя, все это смотритъ назадъ, а не впередъ, не привѣтствуетъ грядущее, не ставитъ ему новыхъ задачъ, а оплакиваетъ недавнее прошедшее... И намъ кажется, что подобному настроенію передовой части общества и связанному съ нимъ направленію литературы врядъ-ли предвидится близкій конецъ... Освѣщать совокупность прогрессивнаго движенія общества... вглядываться, по выраженію Щедрина, „въ свѣтящіяся точки, которыя мерцаютъ въ перспективахъ будущаго", творить

*) Февраль 1890 года.

впередъ, дальше отъ того мѣста, на которомъ оставили насъ мысль и чувство прежнихъ дѣятелей, не укрѣплять только, а развивать ихъ идеи, — для всѣхъ этихъ задачъ врядъ-ли теперь литература найдетъ въ себѣ достаточно мощи...“ Оставаясь вѣренъ „мыслямъ прежчихъ дѣятелей“, авторъ не можетъ, конечно, видѣть причину безнадежности охватившей нашу оппозиціонную литературу и связанную съ нею часть общества, въ безнадежности ея ученія, при свѣтѣ котораго не возможно замѣтить въ Россіи ни тѣни „прогрессивнаго движенія“, ни одной „свѣтящейся точки“ въ ея будущемъ. Онъ убѣжденъ, на оборотъ, что наша литература и впредь должна „противостоять вліянію буржуазно-капиталистическаго чада въ нашу жизнь“ и „твердо стоять за пріобрѣтенныя руководящія начала“. По его наблюденію литература именно съ этими „скромными, но твердыми желаніями“ и вступаетъ въ новое десятилѣтіе. Въ его глазахъ, виновникомъ паденія нашей литературы, на ряду съ тяжелыми условіями русской жизни, является также Западъ.

Мы вернемся еще къ этому характерному обвиненію. Пока насъ занимаетъ, такъ сказать, внутреннее положеніе нашей оппозиціонной литературы. Оно въ сущности еще печальнѣе, чѣмъ можно было думать, судя по характеристикѣ критика „Русской Мысли“. Такъ долго господствовавшіе въ ней взгляды и настроеніе потеряли свою притягательную силу для молодаго поколѣнія. Не то, чтобы молодые писатели, выступившіе къ концу 80-ыхъ годовъ, отнеслись критически къ господствовавшей оппозиціонной теоріи и противопоставили ей другую. Нѣтъ, они просто махнули рукой на всякія теоріи, идеи и идеалы. Молодые писатели, говоритъ г. Михайловскій въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, „или ударяются въ мрачный (можетъ быть иногда напускной) пессимизмъ... или такъ опытны, трезвенны, такъ умѣренны и аккуратны, что ни о какихъ запросахъ и взмахахъ и рѣчи быть не можетъ...“ И это вдобавокъ не просто себѣ узкіе практики спеціалисты, зачѣмъ-то затесавшіеся въ литературу и мирно бесѣдующіе въ ней каждый о своей спеціальности, — между ними есть цѣлая группа (съ которою полемизировалъ г. Шелгуновъ въ „Русской Мысли“), возводящая политическій и общественный индифферентизмъ въ принципъ, въ программу, видящая въ немъ новое слово, нѣкоторымъ образомъ знамя молодаго поколѣнія, пришедшаго на смѣну отцамъ. Жалобами на „замиранье умственныхъ интересовъ“, на „охлажденіе нравственной температуры“, на „уменьшеніе спроса на стыдъ и совѣсть“ въ особенности среди молодаго поколѣнія полна наша оппозиціонная литература. Вотъ какъ рекомендуютъ себя публикѣ сами господа индифферентисты устами критика „Недѣли“: „Новое поколѣніе (80-хъ годовъ) родилось скептикомъ и идеалы отцовъ и дѣдовъ оказались надъ ними безсильными. Оно не чувствуетъ ненависти и презрѣнія къ обыденной человѣческой жизни, не признаетъ обязанности быть героемъ, не вѣритъ въ возможноть идеальныхъ людей. Всѣ эти идеалы — сухія, логическія произведенія индивидуальной мысли и для новаго поколѣнія осталась только дѣйствительность, въ которой ему суждено жить и которую оно потому и признало. Оно приняло свою судьбу спокойно и безропотно, оно

проникло сознаніемъ, что все въ жизни вытекаетъ изъ одного и того-же источника — природы, все являетъ одну и ту же тайну бытія...“

Можно, конечно, лишь поздравить благонравныхъ „восьмидесятниковъ“ съ тѣмъ, что изъ ихъ „природы“ для нихъ „вытекаетъ“ такое удобное и пріятное настроеніе. Но вѣдь въ современной Россіи имѣются двѣ, стоящія между собою въ полнѣйшемъ противорѣчіи дѣйствительности, причемъ старая дѣйствительность самодержавія тѣснитъ и калѣчитъ новую — развившуюся въ прошлое царствованіе. Противъ одного изъ элементовъ этой новой дѣйствительности, противъ всего небогатаго, разночинскаго слоя болѣе или менѣе образованныхъ людей, разросшагося въ Россіи лишь за послѣдніе тридцать лѣтъ, старая дѣйствительность въ лицѣ правительства ведетъ прямую истребительную войну, изгоняя его постепенно изо всѣхъ сферъ общественной дѣятельности, стараясь сократить его численность затрудненіями для небогатыхъ людей доступа къ среднему и высшему образованію, ссылая по малѣйшему поводу, и даже безъ всякихъ поводовъ, возможно большее количество молодежи, кое какъ добившейся образованія. Въ этомъ всячески истребляемомъ слоѣ, къ которому принадлежитъ большинство, какъ русскихъ читателей, такъ и русскихъ писателей, вражда къ правительству, стремленіе къ протесту и самые „идеалы“, неизбѣжные при всякомъ широкомъ освободительномъ движеніи, прямо „вытекали изъ того же источника природы, какъ и все въ жизни“, какъ и самая свирѣпость нашего самодержавнаго правительства. За то „тайна бытія“ литературнаго направленія, не причисляющаго себя къ торжествующему реакціонному лагерю и въ тоже время заявляющаго, что представляемое имъ „поколѣніе“ живетъ „спокойно и безропотно“, не чувствуя ни вражды ни ненависти, далеко не такъ прямо и непосредственно вытекаетъ изъ „природы“ соціальнаго и политическаго состоянія Россіи, хотя имѣетъ, конечно, свое естественное объясненіе.

Въ „Очеркахъ русской жизни“ конца прошлаго и начала нынѣшняго года г. Шелгуновъ высказалъ не мало горькихъ истинъ „безропотнымъ“ восьмидесятникамъ (являющимся безропотными, впрочемъ, только по отношенію къ „обыденной дѣйствительности“; на литературныхъ противниковъ, вѣроятно не причислямыхъ ими къ дѣйствительности, они наоборотъ сильно ропщутъ и относятся къ нимъ далеко не спокойно). „Безсильные“, „бездушные“, „неспособные ни на какой протестъ, даже умственный“, проповѣдники „теоріи оглупѣнія“... не мало надавалъ онъ имъ такихъ, хотя и не лестныхъ, но вполнѣ заслуженныхъ эпитетовъ. Чтобы выступить въ современной Россіи съ проповѣдью безропотности и примиренія, надо быть дѣйствительно и слабымъ и бездушнымъ. Но такихъ людей всегда много на бѣломъ свѣтѣ; хотя въ литературѣ ихъ голоса слышны лишь тогда, когда молчатъ люди другого настроенія. Намъ кажется, что гораздо интереснѣе вопроса о бездушіи пишущихъ „восьмидесятниковъ“, является вопросъ о томъ, почему восьмидесятые годы не выставили писателей съ „душой“?

Тѣ условія, которыя вкладывали въ нашу интеллигенцію ея „ду-

шу", т. е. ея безпокойное, протестующее настроеніе, сочувствіе всѣмъ жертвамъ, ненависть ко всякаго рода угнетателямъ и поиски за выходомъ изъ современнаго положенія,— условія, порождавшія въ нашей интеллигенціи всѣ эти качества, не только не исчезли въ восьмидесятые годы, а еще усилились. Молодое поколѣніе нашего средняго образованнаго класса не могло вырости все сплошь спокойнымъ, довольнымъ и счастливымъ; за это ручаются намъ тѣ политическіе тиски, въ которыхъ оно зажато. Почему же люди съ „душой", не спокойные и не безропотные, не находятъ ничего сказать своимъ соотечественникамъ и уступаютъ слово тѣмъ членамъ своего поколѣнія, которые не признаютъ иныхъ вопросовъ кромѣ спеціально-практическихъ, касающихся лишь ихъ „повседневной жизни"? Не виновата-ли тутъ сама наша „душевная", оппозиціонная, народническая литература, составлявшая почти единственную умственную пищу молодого поколѣнія?

II

Не литература, конечно, а сама жизнь создаетъ безпокойное, протестующее настроеніе. Но литература даетъ опредѣленное выраженіе этому, не ею созданному, настроенію, находитъ соотвѣтствующую ему систему взглядовъ, помогаетъ вырабатывать программу дѣятельности. И если проповѣдуемые литературой взгляды и вытекающія изъ нихъ стремленія соотвѣтствуютъ тому направленію, въ которомъ дѣйствуетъ и объективный, безсознательный соціальный процессъ, совершающійся въ странѣ, она можетъ стать силой, вліяніе которой отразится на всемъ ходѣ освободительнаго движенія, перейдя далеко за предѣлы слоя людей, спеціально числящихся ея благосклонными читателями. Но для того, чтобы имѣть хоть какое нибудь вліяніе на своихъ читателей, чтобы наталкивать этихъ читателей на какую бы то ни было общественную дѣятельность, ведущую или не ведущую къ цѣли, оппозиціонная литература угнетенной страны необходимо нуждается въ соціальной теоріи, дающей представленіе о благѣ народныхъ массъ, съ интересами которыхъ такъ или иначе понимаемыми, инстинктивно стремится слить свои интересы угнетенная и безъ поддержки народа совершенно безсильная часть образованныхъ классовъ, создающая оппозиціонную литературу и воспитывающая на ней свои молодыя поколѣнія.

Чистый либерализмъ не могъ выставить въ Россіи такой соціальной теоріи; потому то онъ и не привлекалъ у насъ значительныхъ литературныхъ силъ и не пользовался вліяніемъ. *) Теорію „народнаго бла-

*) „Вѣстникъ Европы" считается нѣкоторыми органомъ чистаго либерализма. Онъ, правда, мало занимается вопросами народнаго хозяйства, но когда ему случается высказываться по этимъ вопросамъ, онъ требуетъ, вмѣстѣ съ остальными оппозиціонными журналами, охраненія общины, уничтоженія 165 ст Положенія о выкупѣ и пр. Словомъ стремится вмѣстѣ съ народниками къ охраненію русской самобытности.

га" давало за послѣднія десятилѣтія одно народничество. Въ то время, когда выступало на литературное поприще большинство защитниковъ этого направленія, имъ могли увлекаться люди съ „душой", умомъ и талантомъ. Въ народничествѣ живо сказывалось тогда не выступавшая наружу и тѣмъ не менѣе проникавшая его струя соціалистическаго и революціоннаго теченія. Ни сама послѣ-реформенная жизнь, ни ея изученіе не подвинулись еще въ то время настолько, чтобы разсѣять розовый туманъ, сквозь которой глаза интеллигенціи могли видѣть въ деревнѣ лишь смутные образы, подтверждавшіе ея идеи. Съ тѣхъ поръ ни отъ тумана, ни отъ образовъ не осталось въ сущности и слѣда.

Вѣрные своей теоріи, но въ то же время правдивые и искренніе изслѣдователи народной жизни, никогда не подгибавшіе подъ теорію фактовъ дѣйствительности, писатели-народники сами сдѣлали все, чтобы показать, что съ тѣми особенностями этой жизни, на которыхъ основывается, которыя идеализируетъ ихъ теорія, связано не народное благо, а лишь избытокъ народнаго страданія. Теорія говоритъ о прелестяхъ общиннаго землевладѣнія, о свойственномъ земледѣльцу-общиннику духѣ братства и справедливости, а народники, хотя и разсказываютъ о передѣлахъ, при которыхъ земля измѣряется лаптями и „носокъ упирается въ пятку", но рядомъ съ этимъ, изображаютъ страшную борьбу за существованіе, ведущуюся внутри общины при условіяхъ, допускающихъ массу жестокостей и несправедливостей, которыя были бы невозможны безъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, отдающаго побѣжденныхъ подъ власть и подъ розги побѣдителей, которые распоряжаются по праву сильнаго всѣми дѣлами общины. Теорія говоритъ о нашихъ преимуществахъ передъ Западомъ и объ обязанности охранять „хозяйственную самостоятельность народа", основанную на самобытности нашего земледѣльческаго строя. А талантливые изобразители крестьянскаго быта, исповѣдующіе эту теорію, рисуютъ современное положеніе нашей деревни такими мрачными красками, передъ которыми всѣ бѣдствія „лишеннаго хозяйственной самостоятельности" западнаго пролетарія кажутся благоденствіемъ, а незнающіе общины и никѣмъ не „охраняемые" крестьяне Франціи или Германіи чуть не Крезами. Даже положеніе русскаго пролетарія оказывается по свидѣтельству самихъ народниковъ слишкомъ обезпеченнымъ и свободнымъ, слишкомъ хорошимъ для русскаго крестьянина: оно его „избаловываетъ". Побывавшему на фабрикѣ крестьянину уже трудно помириться со своимъ прежнимъ „самостоятельнымъ" положеніемъ; онъ испыталъ лучшее. *). Раз-

*) Свидѣтельства объ этомъ встрѣчаются на каждомъ шагу въ нашей народнической литературѣ. Приведемъ на удачу два изъ „Русской Мысли" нынѣшняго года. Въ Апрѣльской книжкѣ, въ статьѣ „Крестьянскія Женщины", г. Успенскій цитируетъ статью г. Свѣта въ „Этнографическомъ журналѣ", гдѣ въ числѣ проявленій „неблаговиднаго настроенія" побывавшій на фабрикахъ деревенской молодежи приводятся такія: „пища, которую ѣдятъ отцы кажется (только кажется?) имъ скудной.', они „не удовлетворяются уже одежой домашняго приготовленія.... а главное, не хотятъ быть хозяевами, какъ ихъ отцы..." Еще бы хотѣть! „Розга была и покамѣсть будетъ" констатируется относительно деревни во внутреннемъ обозрѣніи Мартовской книжки Р. М. Но нѣсколькими строками ниже говорится, что для из-

сказы, очерки и замѣтки, являющіеся результатомъ наблюденія народниковъ надъ жизнью къ деревнѣ, рисуютъ картину страданій крестьянъ, говорятъ объ интенсивности народнаго бѣдствія, а статистика отмѣчаетъ своими голыми цифрами постоянное увеличеніе числа страдающихъ, распространеніе бѣдствій.

Но какъ бы быстро ни раззорялись крестьяне, какъ бы ни была тяжела ихъ жизнь при настоящемъ экономическомъ и гражданскомъ строѣ нашей деревни, теорія народниковъ, являющаяся идеализаціею этого самаго строя, вынуждаетъ ихъ отстаивать, не смотря ни на что, его основную черту: прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Это прикрѣпленіе является краеугольнымъ камнемъ народнической программы. „Роковая", „несчастная", „разрушающая вѣковѣчныя устои народнаго быта" 165 ст. Положенія, дозволявшая продажу выкупленныхъ надѣловъ, оставалась въ ихъ глазахъ главнѣйшей погрѣшностью нашего поземельнаго законодательства: сохранись только эта статья и вмѣстѣ съ окончаніемъ выкупной операціи крестьяне освободились бы отъ прикрѣпленія. А народники давно не вѣрятъ въ сохраненіе нашихъ самобытныхъ „устоевъ" безъ ограниченія гражданской свободы крестьянства. Высказаться противъ этого ограниченія было бы равносильно для нихъ отреченію отъ самаго народничества. Посмотрите же, какой смыслъ придала постепенно жизнь этому требованію народниковъ. Въ былые годы за прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ признавалась способность гарантировать Россію отъ размноженія пролетаріата. Но давно уже въ литературѣ начали появляться свѣденія о его размноженіи. А вотъ какіе выводы приходится дѣлать теперь нашимъ журналамъ изъ данныхъ земской статистики: „Въ виду приведенныхъ данныхъ (цифръ земской статистики) мы вѣроятно не ошибемся, говоритъ авторъ статьи въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ",*) если весь разрядъ домохозяевъ, которые совсѣмъ прекратили хозяйство и не имѣютъ инвентеря или не обладаютъ достаточнымъ количествомъ рабочаго скота для обработки какъ собственныхъ надѣловъ, такъ и арендной земли, — опредѣлимъ въ 60 °/₀ всѣхъ домохозяевъ, включая и безземельныхъ"... „И съ каждымъ годомъ благосостояніе народа падаетъ, говорится въ той же статьѣ, уменьшается количество скота, понижается производительность почвы, сокращается земледѣліе, увеличивается количество безхозяйнаго и безлошаднаго пролетаріата и происходитъ постепенное сокращеніе народнаго потребленія"....

бавленія отъ розги крестьянину стоитъ только уйти изъ селенія и поступить на фабрику, тамъ другое дѣло, тамъ его не высѣкутъ. Теперь не высѣкутъ и за плохую работу прогонятъ. Во времена крѣпостнаго права, на тѣхъ заводахъ, гдѣ работали крѣпостные, они были „гарантированы" отъ изгнанія и ихъ сѣкли. Крестьянинъ, не „гарантированный отъ обращенія въ пролетарія за неисполненіе своихъ денежныхъ обязательствъ можетъ лишиться земли, но не будетъ высѣченъ. Нашъ гарантированный крестьянинъ остается при землѣ и лежащихъ на ней налогахъ хотя бы однѣ накопившіеся на ней казенныя недоимки въ нѣсколько разъ превышали ея стоимость. Уплата податей гарантируется у насъ, слѣдовательно, не имуществомъ крестьянина, а его личностью. И ради этой именно гарантіи онъ лишенъ части своихъ гражданскихъ правъ и подлежитъ унизительнымъ наказаніямъ.

*) Іюнь 1890 г. Крестьянскій банкъ К. Ч — въ.

Жизнь, какъ нельзя нагляднѣе, доказала народникамъ, что прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ не мѣшаетъ самому быстрому размноженію пролетаріата. Но оно вредно вліяетъ на судьбу этого пролетаріата, ставитъ его различными стѣсненіями въ самое невыгодное положеніе по отношеніе къ нанимателю, выпускаетъ его изъ деревни пріученнымъ систематической голодовкой къ самому низкому уровню потребностей, вліяющему и на уровень заработной платы, — выпускаетъ съ долгами на шеѣ и вынуждаетъ уплачивать изъ своего заработка поземельный налогъ во всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ мѣстностяхъ, гдѣ платежи превышаютъ доходность земли, *) и оставляетъ подъ вѣчнымъ унизительнымъ опасеніемъ быть вытребованнымъ въ деревню и высѣченнымъ за недоимки.

Тому изъ молодыхъ читателей оппозиціонныхъ журналовъ, который интересуется не одною своей „обыденной жизнью“, который принимаетъ тѣ или другіе взгляды не просто потому, что надо же имѣть какіе нибудь, а эти первые попались подъ руку, который думаетъ надъ тѣмъ, что читаетъ, — словомъ читателю съ задатками „души“, не можетъ, намъ кажется, не приходить иной разъ въ голову, что для всего этого безлошаднаго, безхозяйнаго и „отсутствующаго люда“, — въ положеніи котораго вся необезпеченность пролетаріевъ соединяется съ безправіемъ крѣпостныхъ,—право владѣть или не владѣть „постылыми“ надѣлами и развязаться съ властью деревенскаго общества было бы въ настоящее время большимъ облегченіемъ. Облегченіемъ было бы, конечно, уравненіе ихъ гражданскихъ правъ съ правами другихъ сословій и для тѣхъ крестьянъ, которые еще крѣпко держатся за землю. Вѣдь это уравненіе неминуемо повело бы за собою также и уравненіе въ обложеніи всѣхъ земель въ чьемъ бы ни находились онѣ владѣніи. Но молодому читателю приходится гнать отъ себя такія мысли. Это разрушеніе народничества, а съ оппозиціоннымъ народничествомъ связаны всѣ лучшія воспоминанія послѣднихъ десятилѣтій; его и теперь придерживаются всѣ самые любимые писатели. Внѣ его читатель встрѣчаетъ лишь безсмысленную развязность и реакціонное человѣко-ненавистничество. И вотъ онъ успокаиваетъ себя тою мыслею, что если прикрѣпленіе къ землѣ и тяжело ложится въ настоящемъ на крестьянина, оно необходимо ради будущаго. Оно сохраняетъ общинныя традиціи и права на землю забросившихъ хозяйство и отсутствующихъ крестьянъ, права „постылыя“ въ настоящемъ, но драгоцѣнныя въ буду-

*) „Платежи превышающіе доходность надѣла, дѣлаютъ его буквально постылымъ“, говоритъ внутренній обозрѣватель Вѣстника Европы (Іюль 1890 г.) и доказываетъ, что превышаютъ они эту доходность въ очень многихъ мѣстностяхъ даже черноземныхъ губерній, потому въ особенности, что доходность крестьянскихъ земель всегда ниже доходности частновладѣльческихъ. Свои выводы онъ основываетъ на данныхъ земской статистики и тутъ же, по поводу одного изъ этихъ данныхъ: меньшаго количества недоимокъ, за бѣднѣйшими общинниками по сравненію съ болѣе зажиточными однодворцами, онъ дѣлаетъ комплименты общинному землевладѣнію. Хорошо-то оно хорошо, только ужь, конечно, не для крестьянъ, а для правительства, облегчая его самобытную задачу: высѣкать изъ общинниковъ громадныя поземельныя подати.

щемъ, когда различныя мѣры снова превратятъ этихъ крестьянъ въ хозяйственныхъ, многолошадныхъ членовъ процвѣтающихъ общинъ.

„На зарѣ туманной юности“ народничества, когда не выяснились ни размѣры крестьянскаго раззоренія, ни степень безсилія интеллигенціи, еще можно было подыскивать кое какія оправданія требованію ограниченія правъ крестьянъ въ настоящемъ, ради благъ ожидающихъ ихъ въ будущемъ. А какое необузданное воображеніе въ состояніи представить себѣ теперь всю громадность „мѣръ“ способныхъ вернуть эти 60 ⁰⁰ страшно задолжавшаго, забросившаго хозяйство или не имѣющаго достаточно скота для полной обработки своихъ надѣловъ крестьянства, хотя бы лишь въ то положеніе, въ какомъ оно вышло изъ нѣдръ дореформенной, крѣпостной Россіи? Во всякомъ случаѣ, тутъ нельзя уже серьезно говорить о частныхъ мѣрахъ въ родѣ кредита, переселеній и проч. Чтобы уничтожить задолженность и возстановить утраченную „хозяйственную самостоятельность“ большинства крестьянъ, мало самаго крайняго напряженія всѣхъ силъ государства и самыхъ громадныхъ пожертвованій со стороны всѣхъ другихъ сословій. А какія основанія у нашей современной интеллигенціи разсчитывать на какія бы то ни было, большія или малыя, государственныя мѣры въ желательномъ ей направленіи?

Правительство, правда, имѣетъ претензію на усиленное народолюбіе. Даже и интеллигенцію - то оно преслѣдуетъ, по увѣренію реакціонной печати, преимущественно вслѣдствіе своей чрезвычайной нѣжности къ мужику. Оно питаетъ также искреннюю привязанность ко всѣмъ нашимъ самобытнымъ учрежденіямъ отъ деспотизма до общины и розги включительно, и если вѣренъ слухъ сообщенный „С.-Петербургскими Вѣдомостями“, „вопросъ о неотчуждаемости крестьянскихъ земель рѣшенъ, наконецъ, въ утвердительномъ смыслѣ“ и „роковая“ статья Положенія не будетъ больше огорчать народниковъ. Но вѣдь и народники не скажутъ, конечно, чтобы самое „безусловное запрещеніе“ продажи выкупленныхъ надѣловъ могло принести крестьянамъ какое бы то ни было облегченіе. Оно только успокаиваетъ народниковъ. отнимая у нетерпѣливыхъ крестьянъ послѣднюю возможность избавляться при случаѣ (когда скупщику понадобятся надѣлы) отъ земли, кабалы и розогъ и искать себѣ, какъ знаютъ и какъ могутъ, лучшей доли, не дождавшись уготованнаго имъ въ воображеніи ихъ заботливыхъ друзей блаженнаго будущаго. Запрещеніе продавать выкупленные надѣлы открываетъ также радужныя перспективы и передъ правительствомъ, гарантируя ему возможность, по окончаніи выкупныхъ платежей, возобновить ихъ подъ тѣмъ или другимъ названіемъ. Но едва-ли кто ожидаетъ отъ правительства какихъ нибудь мѣръ, способныхъ улучшить положеніе крестьянъ въ настоящемъ или въ будущемъ. Ему едва подъ силу обезпечить „будущность“ снабженныхъ бездонными карманами дворянскихъ „фамилій“. А главное, — прошли тѣ времена, когда антипатія къ „участку“ и всевозможныя либеральныя, прогрессивныя и благожелательныя поползновенія мирно уживались у насъ съ предпочтеніемъ самодержавія инымъ формамъ правленія. Само правительство положило конецъ этой двойственности. Раздѣляй взгляды правитель-

ства или убирайся — требуетъ оно отъ всякаго „общественнаго дѣятеля“. Намъ кажется, что восьмидесятые годы не могли не вытравить изъ каждаго, серьезно относящагося къ своимъ убѣжденіямъ, противника „участка“ послѣднюю охоту разсчитывать на „благія мѣры“ самодержавнаго правительства. Вѣдь ожидать отъ него осуществленія, своихъ идеаловъ значитъ признавать полную правомѣрность его существованія, а слѣдовательно и правомѣрность всѣхъ дѣйствій (до истребленія недовольной интеллигенціи, включительно), которыми оно ограждаетъ это существованіе. А далѣе сама логика требуетъ, — разъ мы надѣемся на правительство — помочь ему въ осуществленіи нашихъ надеждъ: пойти на службу, заявивши предварительно о своей благонамѣренности, и принять участіе въ торжествующемъ хорѣ побѣдителей.

Одно предположеніе о такомъ концѣ не можетъ не вызвать въ каждомъ „не бездушномъ“ интеллигентѣ такого же взрыва негодованія, какой вызвало въ Кустаревѣ и Благомировѣ *) сопоставленіе ихъ съ покаявшимся Тихомировымъ: въ комъ не вызоветъ, кто можетъ, не смотря ни на что, возлагать надежды на самодержавное правительство, тотъ находится на прямомъ пути къ реакціонному народничеству Побѣдоносцевыхъ, Тихомировыхъ и проч., а мы говоримъ о томъ настроеніи, которое должно вызываться столкновеніемъ жизни съ теоріей въ оппозиціонной интеллигенціи.

Какія же основанія у этой интеллигенціи надѣяться на мѣры, въ ожиданіи которыхъ слѣдуетъ „потерпѣть“ прикрѣпленному крестьянину?

Со всякими помыслами о народной революціи она давно разсталась гораздо полнѣе и основательнѣе, чѣмъ съ вѣрой въ благодѣтельную монархію. У нея мелькаетъ впереди только одна надежда: на конституцію. Мелькаетъ не потому, чтобы интеллигенція видѣла передъ собою какой нибудь путь для пріобрѣтенія этой конституціи или хотя бы признаки ея приближенія. Надежда порождена въ ней ея горячимъ желаніемъ, а желаніе навязано ей самой жизнью — слишкомъ яркимъ противорѣчіемъ, въ которое стала монархическая власть со всѣми условіями существованія небогатой части образованныхъ классовъ. Это желаніе вполнѣ законно и совпадаетъ съ дѣйствительными интересами громаднаго большинства русскаго населенія, но оно не только не вытекаетъ изъ соціальныхъ воззрѣній, господствующихъ среди нашей интеллигенціи, а находится съ ними въ полнѣйшемъ противорѣчіи. Народническая интеллигенція твердо знала объ этомъ противорѣчіи и долго боролась, прежде чѣмъ отдалась своему неудержимому желанію конституціи. Она знала (хотя теперь быть можетъ старается забыть это), что представительное правленіе не только не поможетъ „отстаивать Россію отъ капиталистическаго чада“ и удерживать ее „на пути самобытнаго развитія“, а окажется наоборотъ „торжествомъ буржуазіи“. Этой „торжествующей“ буржуазіи уже не придется, правда, „лишать народъ его хозяйственной самостоятельности“, — о такомъ лишеніи слишкомъ усердно поза-

*) Въ романѣ „На ущербѣ„ — г. Боборыкина.

ботилось и продолжаетъ заботиться самодержавное правительство при помощи не „торжествующихъ“ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ. Русскій парламентъ можетъ оказать и, навѣрное, окажетъ крестьянству громадную услугу, уравнявши его гражданскія права и лежащія на немъ податныя тягости съ правами и тягостями другихъ сословій, но никто не ждетъ отъ него, конечно, возстановленія утраченной хозяйственной самостоятельности большинства крестьянскаго населенія. Откуда-же могутъ ждать народники улучшенія въ положеніи *прикрѣпленнаго* крестьянина? Отъ дѣйствія отвлеченнаго „прогресса“? Но 30 лѣтъ конкретнаго регресса крестьянскаго хозяйства отнимаютъ у народниковъ всякое право прилагать эту отвлеченную фикцію по крайней мѣрѣ къ данному явленію.

Въ № 209 „Русскихъ Вѣдомостей“ нынѣшняго года г. Михайловскій говоритъ о печальномъ положеніи современнаго русскаго читателя, не просто пробѣгающаго кое что отъ скуки, а приступающаго къ чтенію „съ цѣлями просвѣщенія своего ума и сердца“. Затруднительность его положенія г. Михайловскій видитъ въ безшабашности реакціонной прессы и въ той особого рода „широтѣ мысли“, характерной представительницей которой служитъ „Недѣля“. Эту „въ общемъ почтенную газету время отъ времени точно муха какая-то укуситъ: „новое слово“ ей хочется сказать..“ а слова по большей части выходятъ пустыя, а иногда и вовсе не новыя, давно заѣзженныя реакціонной прессой. Мы также думаемъ, что очень печально положеніе русскаго читателя, молодаго въ особенности, ищущаго просвѣщенія и ищущаго его не ради украшенія своей особы, а ради выработки убѣжденій, являющихся для него серьезнымъ, жизненнымъ вопросомъ, опредѣляющимъ его будущую дѣятельность. Но намъ кажется, что главная бѣда такого читателя лежитъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ видитъ ее г. Михайловскій. Плохія качества реакціонной прессы могутъ огорчить читателя лишь въ томъ случаѣ, если, обладая тонкимъ вкусомъ, онъ въ тоже время склоняется на сторону реакціи, а насъ, да и г. Михайловскаго тоже, больше интересуетъ оппозиціонно-настроенный юноша. Можетъ, конечно, разсердить такого юношу новое словечко „Недѣли“ „о круглomъ эстетическомъ невѣжествѣ“ Добролюбова и „неинтересности“ его „незрѣлыхъ мыслей“. Но разсердить — и только, а въ лучшемъ случаѣ можетъ вызвать въ немъ желаніе перечитать Добролюбова. Вѣдь слыхалъ же онъ, что каковы бы тамъ ни были мысли Добролюбова, онѣ вызывали въ читателяхъ такой громадный интересъ. какого никогда не дождаться мыслямъ „Недѣли“.

Не въ томъ бѣда молодого читателя, что „Недѣля“ говоритъ „новыя слова“, — ни помочь, ни помѣшать ему эти слова не въ состояніи, — а въ томъ бѣда его, что „старыя слова“, составлявшія единственную пищу ума и сердца оппозиціонной интеллигенціи, продолжаютъ раздаваться въ своемъ старомъ, неизмѣнномъ видѣ, хотя жизнь давно вложила новый, жестокій смыслъ, въ вытекающія изъ этихъ словъ основныя практическія требованія. Бѣда его въ томъ, что добрые люди и искренніе друзья народа (дѣйствительно и добрые, и искренніе: это-то и увеличиваетъ бѣду), проповѣдующіе при-

крѣпленіе крестьянъ къ землѣ и тѣмъ самымъ берущіе на себя нравственную отвѣтственность за всѣ лишнія тягости, вытекающія для народа изъ этого прикрѣпленія, не только не могутъ указать своимъ послѣдователямъ никакой общественной дѣятельности, ведущей къ облегченію крестьянскихъ тягостей, но не могутъ указать даже въ будущемъ никакой опредѣленной надежды на такое облегченіе. Печально положеніе „небездушнаго“ русскаго читателя потому, что вложенное въ него самой жизнью политическое настроеніе и политическія требованія находятся въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ соціальной программой, до сихъ поръ отстаиваемой почти всей оппозиціонной прессой.

Честные люди не идутъ на государственную службу, честные люди стыдятся служить самодержавному правительству, не разъ повторяетъ на разные лады г-жа Цебрикова въ своихъ заграничныхъ брошюрахъ. Честный народникъ Кустаревъ въ романѣ г. Боборыкина, поколебавшійся было: не поступить ли ему на государственную службу, чтобы не жить для одного „огражденія своего либеральнаго обличія“, съ отвращеніемъ говоритъ потомъ, устыдившись этого колебанія, что „чуть-чуть одну ногу не завязилъ“. И эти же честные люди, такъ брезгливо, съ такимъ недовѣріемъ относящіеся къ правительству, вынуждены своей теоріей, разъ дѣло касается народа, вдругъ проникаться безграничнымъ довѣріемъ къ тому же правительству и требовать, чтобы оно держало не въ политической только, а въ гражданской, въ крѣпостной отъ себя зависимости любимыхъ ими крестьянъ. Научившись, наконецъ, желать для себя не *доброты* самодержавнаго правительства, а ограниченія самодержавія, *гарантій* отъ его произвола, они вынуждены, разъ дѣло идетъ о самыхъ существенныхъ интересахъ крестьянъ, требовать для нихъ увѣковѣченія произвола въ обложеніи, отказываться за нихъ отъ всякихъ гарантій — невозможныхъ при прикрѣпленіи — и заключающихся при свободѣ землевладѣнія въ простой экономической невозможности взять съ земли больше извѣстнаго, умѣреннаго процента ея доходности.

Да, тяжело положеніе честныхъ, впечатлительныхъ юношей, которымъ приходится теперь вырабатывать свои убѣжденія и выбирать программу дѣятельности. Пожилымъ людямъ все таки легче: они повторяютъ отжившіе формулы, бывшія живыми и увлекательными идеями, когда они впервые встрѣтились съ ними въ молодости. Идеи старились и умирали такъ постепенно, что носители этихъ идей могли и не замѣтить ихъ одряхлѣнія. Въ иномъ положеніи находятся юноши конца восьмидесятыхъ годовъ, впервые ознакомившіеся съ нашей „самобытной“ программой во всей ея современной безнадежности, жестокости и противорѣчивости. Они не могутъ полюбить этой программы и съ горячимъ убѣжденіемъ развивать связанныя съ ней идеи: „творить впередъ“, какъ выражается критикъ „Русской Мысли“. Но имъ трудно, очень трудно и круто порвать съ этими идеями и найти себѣ новую программу, новое міросозерцаніе. Они прикрѣплены, какъ крестьяне къ землѣ, къ нашимъ самобытнымъ теоріямъ. Эти теоріи такъ долго господствовали надъ умами русской интеллигенціи, что проникли во всѣ изгибы ея умственнаго склада, отражаются на всѣхъ

ея взглядахъ, затуманиваютъ ея глаза и окрашиваютъ ея сужденія о самыхъ отдаленныхъ предметахъ, не имѣющихъ, повидимому, ничего общаго съ „самобытными путями“ русскаго развитія.

Въ качествѣ общественной теоріи, объединявшей и направлявшей когда-то движеніе нашей оппозиціонной интеллигенціи, народничество умерло окончательно и безповоротно. Но le mort saisit le vif. Оно мѣшаетъ и будетъ еще мѣшать развитію новыхъ теорій, новой программы, новаго движенія, открывая тѣмъ самымъ полный просторъ людямъ, живущимъ въ мирѣ съ нашей дѣйствительностью и не нуждающимся, поэтому, ни въ какомъ объединяющемъ ученіи, ни въ какой программѣ, ни въ какомъ движеніи, ни въ старомъ, ни въ новомъ.

Но если трудно ожидать появленія новыхъ защитниковъ либеральнаго, оппозиціоннаго народничества, такіе защитники появляются и, вѣроятно, будутъ появляться въ ближайшемъ будущемъ у реакціоннаго, болѣе послѣдовательнаго и свободнаго отъ противорѣчій, народничества.

III

Не знаемъ, многіе-ли изъ читателей обратили вниманіе на статью г. Побѣдоносцева *) заключающую, такъ сказать, обоснованіе реакціоннаго народничества, и предвѣщавшую новое (теперь рѣшенное, по сообщенію С. П. Вѣдомостей) насиліе надъ крестьянами. Надо думать что рецензентъ „Русской Мысли„ прочелъ ее очень невнимательно: иначе онъ не сталъ бы поддразнивать ею „нашихъ охранителей“ и увѣрять, что „рѣчи“ оберпрокурора св. синода „должны были произвести“ на нихъ „непріятное впечатлѣніе“. **) На него самаго онѣ видимо произвели самое пріятное впечатлѣніе. Съ одной стороны это пріятное впечатлѣніе совершенно понятно: тѣ страницы (66-69), гдѣ говорится о грозящей Россіи „опасности“ и о необходимости предотвратить ее посредствомъ отмѣны 165 ст. Полож. о выкупѣ, которою пользовались „почти исключительно самые неимущіе домохозяева“, выкупая надѣлы на деньги скупщиковъ, съ тѣмъ чтобы перепродать ихъ скупщикамъ, не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что не было бы множество разъ высказано въ нашихъ оппозиціонныхъ журналахъ Реакціонный авторъ даже на земства ссылается: они „молъ, давно уже заявляютъ ходатайства объ отмѣнѣ упомянутой статьи. Читая эти страницы, любой либеральный народникъ могъ почувствовать себя совершенно дома: въ „Русской Мысли“ или въ „Вѣстникѣ Европы“.

За то въ общихъ историческихъ взглядахъ, предпосланныхъ реакціоннымъ авторомъ своимъ практическимъ требованіямъ, встрѣчаются очень интересныя, но едва-ли пріятныя либеральнымъ народникамъ мысли и сближенія.

*) „Семейные участки“, „Русскій Вѣстникъ“, Сентябрь 1889 года.

**) „Русская Мысль Ноябрь 1889 г.

„Для государства въ высшей степени важно, говоритъ г. Побѣдоносцевъ, существованіе и умноженіе благоустроенныхъ семейныхъ союзовъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе связанныхъ съ хозяйственно устроенной земельной дачей". Недурны для него и очень крупныя дачи, какъ показываетъ ссылка на Англію; еще лучше мелкія: „крестьянское сословіе составляетъ главную охранительную силу въ государствѣ". Важно, вообще, чтобы возможно большее число семей было такъ или иначе „изъ поколѣнія въ поколѣніе" привязано къ землѣ. Для такого привязыванія существуетъ нѣсколько способовъ.

„1) Устройство сельской общины. *) Община всѣхъ своихъ членовъ снабжаетъ землею и всѣмъ запрещаетъ ея отчужденіе. Ей принадлежитъ собственность; каждому члену ея — пользованіе.

„2) Устройство *феодальное* Собственность принадлежитъ высшему владѣющему классу, который низшему классу служитъ тѣмъ же, чѣмъ община — каждому изъ своихъ членовъ." Оно также обезпечиваетъ за крестьяниномъ пользованіе землею безъ права ея отчужденія и точно также, прибавимъ отъ себя, какъ и наше самобытное устройство, лишаетъ крестьянина права отдѣлываться отъ „пользованія" своимъ участкомъ, хотя бы лежащіе на землѣ поборы дѣлали его „постылымъ". Совершенно также феодальное устройство дозволяетъ увеличивать эти поборы до размѣровъ, немыслимыхъ при свободѣ землевладѣнія. Наконецъ, оно также лишаетъ крестьянина его гражданской полноправности и дозволяетъ подвергать его унизительнымъ наказаніямъ за неисправное выполненіе насильственно наложенныхъ на него непосильныхъ обязанностей.

Упомянувъ далѣе, въ качествѣ третьяго способа обезпечивать устойчивость поземельнаго владѣнія, китайскій законъ VII столѣтія, г. Побѣдоносцевъ переходитъ къ четвертому способу, входящему въ употребленіе „въ новѣйшее время подъ началомъ *гражданской свободы*". При этомъ способѣ владѣлецъ земля, не лишаясь свободы продать или завѣщать свой участокъ, получаетъ право формально объявить его неотвѣтсьеннымъ за долги и запретить раздѣлъ его послѣ своей смерти.

Этотъ послѣдній, не противорѣчащій „началамъ гражданской свободы", способъ обезпеченія устойчивости землевладѣнія авторъ рекомендуетъ русскому дворянству, причемъ редакція добавляетъ отъ себя, что „заповѣдныя", помѣстья должны имѣть размѣры достаточныя „для освобожденія дворянскаго дома отъ угнетающихъ жизнь мелочныхъ заботъ о насущномъ существованіи". Комбинація двухъ первыхъ *несовмѣстимыхъ съ гражданской свободой* „способовъ" (при чемъ роль феодала играетъ самодержавное правительство) остается на долю русскаго крестьянства. Относительно его нѣтъ и рѣчи объ обезпеченіи, не то что отъ „заботъ", а хотя бы отъ голода. Для „самыхъ неимущихъ домохозяевъ" требуется лишь обезпеченіе отъ возможности пріобрѣтать „гражданскую свободу" посредствомъ продажи надѣловъ. Сходясь, — какъ въ этомъ требованіи, такъ и въ своемъ отношеніи къ капитализму и пролетаріату, къ городамъ и фаб-

*) „Семейные Участки". Побѣд. „Р. Вѣст." Сент. стр. 58.

ричной промышленности — съ либеральными народниками, логичный народникъ-реакціонеръ совершенно расходится съ ними въ оцѣнкѣ порядковъ, господствовавшихъ въ до-революціонной Европѣ. Онъ принципіальный противникъ „начала“ равенства и свободы, какъ гражданской, такъ и политической, какъ въ Россіи, такъ и на Западѣ. У него нѣтъ двухъ мѣрокъ для однородныхъ явленій. Феодализмъ, являющійся чуть не ругательнымъ словомъ для народника-либерала, приводитъ его въ положительное умиленіе. Все шло прекрасно въ Европѣ, пока не „овладѣло умами“ „отвлеченное начало *равенства*“. „Во Франціи до революціи поземельная собственность охранялась и закономъ, и обычнымъ правомъ, и экономическимъ бытомъ того времени... Узы феодальныхъ порядковъ задерживали крестьянскую землю въ обращеніи лишь между крестьянами. Революція новыми своими законами разорвала прежнюю связь землевладѣльца съ землею...“ Деревенское населеніе уменьшилось, городское увеличилось, восторжествовали „отвлеченныя начала“ равенства и свободы, и все это имѣло самыя скверныя (для французскихъ реакціонеровъ) послѣдствія.

Въ Россіи „узы“ не были разорваны при „освобожденіи“ крестьянъ, а лишь надорваны 165 ст. Положенія. Стоитъ уничтожить эту лазейку, да обезпечить за дворянскими семьями заповѣдныя имѣнія, — и все будетъ спасено. Легко-ли въ этихъ „узахъ“ крестьянамъ, это не имѣетъ большой важности съ точки зрѣнія принципіальнаго сторонника несвободы и неравенства. Пусть крестьянинъ благоденствуетъ, если можетъ,—это очень хорошо, но не въ этомъ его спеціальное назначеніе. Оно заключается въ его „охранительныхъ“ свойствахъ, въ той политической неподвижности, которую надѣется придать Россіи одинъ изъ главныхъ столповъ нашей реакціи посредствомъ привилегій дворянству и порабощенія крестьянства. Бѣдствія связаннаго феодальными узами французскаго крестьянина передъ революціей, по всеобщему свидѣтельству, почти равнялись бѣдствіямъ современнаго русскаго крестьянина. Но г. Побѣдоносцевъ даже не упоминаетъ объ этомъ слишкомъ хорошо засвидѣтельствованномъ фактѣ. Сельское населеніе Франціи девятнадцатаго вѣка сравнительно благоденствуетъ, но не составляетъ достаточной „охранительной силы“, не могло помѣшать установленію во Франціи „новѣйшей демократіи“, не увеличивается въ числѣ, а растетъ, наоборотъ, городское населеніе, пользующееся заслуженной ненавистью каждаго реакціонера; поэтому законы революціи относительно землевладѣнія оказываются въ глазахъ г. Побѣдоносцева „разрушительными и въ экономическомъ, и въ политическомъ отношеніи“. Голодай, живи какъ звѣрь, питайся корой, какъ французскій крестьянинъ подъ „феодальными узами“, или мякиной, какъ современный русскій крестьянинъ, но составляй „охранительную силу въ государствѣ“. Только это и нужно.

Г. Побѣдоносцевъ черезъ чуръ увлекается, конечно, своими „отвлеченными началами“. Лишеніе крестьянъ „гражданской свободы“, и примѣненіе къ нимъ „начала“ неравенства сравнительно съ другими сословіями не спасутъ русскаго самодержавія. Господство реакціонныхъ „началъ“ не мѣшаетъ у насъ даже тому явленію, кото-

рое г. Побѣдоносцевъ приписываетъ лишь новѣйшимъ демократіямъ. И у насъ сельское населеніе „бѣжитъ изъ деревни въ городъ, гдѣ увеличиваетъ массу бездомныхъ пролетаріевъ". Этому не помѣшаетъ и закрѣпленіе „узъ" уничтоженіемъ 165 статьи; вѣдь уходятъ въ города и не продавши надѣловъ. И у насъ крестьянское населеніе не уменьшается только на бумагѣ. Бѣда реакціонеровъ въ томъ, что „узы" не останавливаютъ промышленнаго развитія страны, не устраняютъ его вліянія на связанную ими часть населенія, а лишь стѣсняютъ и извращаютъ это развитіе, осложняя его при этомъ безчисленными страданіями для всѣхъ, бьющихся въ „узахъ". Но развитіе идетъ таки впередъ, и такъ или иначе разрываетъ „узы", и гражданскія, и политическія: разорвало ихъ во Франціи, — несомнѣнно разорветъ и въ Россіи.

Реакціонное народничество сильно ошибается, но въ противоположность либеральному народничеству остается логичнымъ и послѣдовательнымъ въ своихъ ошибкахъ. Народники-реакціонеры не требуютъ, подобно либеральнымъ народникамъ, одновременно свободы и неволи, равенства и неравенства, благосостоянія крестьянъ, уваженія къ нимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такихъ учрежденій, которыя даютъ деспотическому правительству полнѣйшую возможность высѣкать изъ „уважаемыхъ" крестьянъ какія угодно подати. Не требуютъ они и политической свободы, отстаивая гражданскую неволю. Поборники деспотизма увлекаются, возлагая на „узы" неосновательныя надежды относительно будущаго; но въ настоящемъ „узы" представляютъ безъ сомнѣнія не малыя удобства для защищаемаго реакціонерами „начала". При свободѣ крестьянскаго землевладѣнія пришлось бы обложить дворянскія земли налогомъ наравнѣ съ крестьянскими. Такая мѣра не замедлила бы вызвать въ почтенномъ дворянскомъ сословіи новый взрывъ либерализма и конституціонныхъ пожеланій. А это очень невыгодно для „началъ" г. Побѣдоносцева. Наоборотъ, заботливое охраненіе благодѣтельныхъ „узъ" даетъ полную возможность подогрѣвать вѣрноподданническія чувства дворянъ подарками изъ государственнаго казначейства, пополняемаго на счетъ терпѣливаго крестьянства. Къ тому же при свободѣ землевладѣнія всякое превышеніе нормальныхъ размѣровъ обложенія немедленно дало бы себя почувствовать путемъ постоянныхъ недоборовъ, противъ которыхъ можно было бы бороться только посредствомъ продажи принадлежащихъ недоимщикамъ земель. А это опять такп повело бы къ сильнымъ неудовольствіямъ и вообще къ неустойчивости народнаго хозяйства. Теперь же, благодаря „узамъ", спасительная и дешевая розга безъ хлопотъ улаживаетъ всѣ наши финансовыя затрудненія. Отъ нея, конечно, не легко приходится крестьянину. Но...

Не бѣда, что потерпитъ мужикъ,
Такъ ведущее насъ провидѣніе
Указало, да онъ же привыкъ....

Народникъ - реакціонеръ отстаиваетъ прикрѣпленіе крестьянъ ради охраненія нашего реальнаго, существующаго въ дѣйствительности, деревенскаго строя. Для его цѣли, — продленія самодержавія, —

строй этотъ и такъ не дуренъ. онъ и такъ облегчаетъ задачи правительства. Для народника - либерала и демократа крестьянинъ не можетъ служить средствомъ для посторонних цѣлей, да и цѣли гг. охранителей не представляютъ для него ничего привлекательнаго. Народникъ - реакціонеръ отлично знаетъ чего хочетъ, и дѣйствуетъ цѣлесообразно. Либеральный народникъ самъ не знаетъ, чего желаетъ, ибо желаетъ двухъ одна другую исключающихъ вещей, причемъ народничество мѣшаетъ ему быть логичнымъ либераломъ, а либерализмъ — логичнымъ народникомъ.

Отъ всей души желая реакціонному народничеству возможно быстраго крушенія всѣхъ его плановъ, всѣхъ любезныхъ ему учрежденій, мы, въ ожиданіи этого крушенія, желаемъ ему и нѣкоторыхъ успѣховъ, а именно: литературныхъ успѣховъ. Мы желали - бы, чтобы народники - реакціонеры какъ можно больше писали, а народники либералы какъ можно прилежнѣе читали ихъ произведенія. Встрѣчая свою собственную программу подъ крѣпкимъ реакціоннымъ соусомъ, вмѣсто обычнаго либерально - благожелательнаго, они волей неволей осмѣлятся, наконецъ, отнестись къ ней критически. А разъ начавшаяся работа мысли въ конецъ разрушитъ народническое міросозерцаніе, и можетъ быть приведетъ ихъ къ инымъ взглядамъ, дающимъ возможность плодотворной работы.

IV

Кромѣ отстаиванія своей общей соціальной программы, кромѣ словесной борьбы за охраненіе Россіи отъ капитализма, буржуазіи и пролетаріата, у нашей оппозиціонной литературы есть и другая сторона, особенно выдвинувшаяся за послѣдніе годы: проповѣдь индивидуальнаго, личнаго служенія народу на различныхъ поприщахъ непосредственно полезной практической дѣятельности. Этому служенію литература начала придавать все большее и большее значеніе, по мѣрѣ того какъ исчезала постепенно ея способность „освѣщать совокупность прогрессивнаго движенія“ и „всматриваться въ свѣтящіяся точки, мерцающія въ перспективахъ будущаго.“ Въ этой области она чувствовала себя въ полной безопасности. Что бы ни скрывалось въ перспективахъ будущаго, какъ бы ни были печальны выводы статистики, — все это ни мало не вліяетъ на полезность медицинской помощи, сельскихъ школъ и проч. Вмѣсто того, чтобы вѣчно „плакать надъ цифрами“ (выраженіе Г. И. Успенскаго) интеллигенція должна посвятить свои силы удовлетворенію текущихъ нуждъ настоящей минуты. Такъ говорятъ люди стараго настроенія, но индифферентизмъ новаго поколѣнія вытѣсняетъ старую „идейность“ также и изъ этой области. Даже здѣсь - то именно ея положеніе и оказывается всего слабѣе. Дѣло въ томъ, что „восьмидесятники“ не только не отрицаютъ необходимости практической дѣятельности интеллигентовъ на поль-

зу деревни, а, наоборотъ, только ее и признаютъ, усиленно подчеркивая свою практичность и дѣловитость въ противоположность непрактичному идеальничанію отцовъ. Они ставятъ „свое время“ въ примѣръ всякимъ прочимъ непрактичнымъ временамъ за то именно, что, теперь и школъ, и больницъ, и хорошихъ дорогъ гораздо больше чѣмъ въ шестидесятыхъ годахъ, и всѣ земскіе рукомойники лудятся чище, чѣмъ въ семидесятыхъ. Разногласіе съ людьми стараго настроенія сводится, такимъ образомъ, лишь къ тому, что эти послѣдніе требуютъ отъ учителей, докторовъ, агрономовъ и вообще отъ интеллигентныхъ дѣятелей, чтобы они смотрѣли на свою дѣятельность какъ на сподвижничество и служеніе, предавались ей съ энтузіазмомъ и увлеченіемъ, руководились любовью къ людямъ и идеей общественнаго блага, не внося въ свое дѣло принижающей „идеи купли и продажи“. Практичные „восьмидесятники“ собираются, наоборотъ, дѣйствовать на тѣхъ же, рекомендуемыхъ литературой поприщахъ, безъ всякихъ „подвиговъ“, безъ „энтузіазма“ и всего прочаго. Для нихъ такая дѣятельность не „служеніе“, а служба, должность, полезная работа, отлично уживающаяся съ „идеей купли-продажи“ и противопоставляемая всякаго рода „порывамъ“ и „идеаламъ“.

При такой постановкѣ вопроса, когда споръ идетъ не о томъ, что слѣдуетъ дѣлать, а о томъ, въ какомъ настроеніи должны находиться дѣятели, положеніе защитниковъ стараго настроенія оказывается чрезвычайно затруднительнымъ. Очеркъ г. Шелгунова *), направленный противъ распространяющагося въ печати мнѣнія, что простыя дѣла „надо дѣлать просто, не напуская на себя ни миссіонерства, ни подвижничества,“ и трудъ доктора, напримѣръ, слѣдуетъ оплачивать какъ всякій обыкновенный трудъ, заставилъ даже одного толстовца пригласить г. Шелгунова перейти въ его вѣру, захвативши кстати и г. Михайловскаго со г. Скабичевскимъ. „Желанія ваши прелестны и я ихъ раздѣляю отъ всей души и чистаго сердца, пишетъ толстовецъ. **) Зачѣмъ, спорить о словахъ, когда сущность одна и таже ? “ И дѣйствительно, въ прельстившемъ толстовца очеркѣ все сводится главнымъ образомъ къ той „любви“, которая играетъ такую громадную роль и въ ученіи графа Толстаго. Всѣ мы добры говоритъ г. Шелгуновъ, „мы хотимъ любить и хотимъ, чтобы насъ любили. Другой и нѣтъ нравственности. А что эта нравственность не трудна, мы тоже это знаемъ на своихъ повседневныхъ, ну, хотя бы домашнихъ, отношеніяхъ“. Трудъ доктора не такъ простъ, какъ трудъ печника, говоритъ дальше г. Шелгуновъ, „чтобы и печку сложить хорошо, нужно любить печное дѣло (печникъ возразилъ бы вѣроятно, что ежели при умѣніи, да за хорошую плату, то можно сложить отличную печку и безъ всякой любви, но толстовецъ долженъ былъ отъ „чистаго сердца“ согласиться съ г. Шелгуновымъ). Никакого дѣла нельзя дѣлать безъ любви къ нему ; въ человѣческихъ отношеніяхъ безъ любви къ людямъ и ровно ничего нельзя дѣлать.

*) Мартъ „Русской Мысли“ 1890 г.

**) Письмо приведено въ „Очеркахъ русской жизни“ г. Шелгунова. Августъ „Русск. Мысли“ 1890 г.

Внѣ любви къ людямъ нельзя найти ни нравственнаго удовлетворенія, ни душевнаго спокойствія и довольства. И потому - то печать, подставляющая, вмѣсто идеи общественнаго и личнаго доброжелательства, идею купли и продажи едва - ли оказываетъ обществу, въ особенности растущей его части, нравственно - просвѣтительную услугу".

Ну какъ было толстовцу не воскликнуть: „бросьте свои постыдныя препирательства и протяните руку"? Но что могъ вынести изъ очерка г. Шелгунова обыкновенный, не „просвѣтленный" графскимъ ученіемъ членъ подростающей части общества? Ему говорятъ, что ровно ничего нельзя дѣлать, не полюбивши людей той самой любовью, которою онъ любитъ своихъ домашнихъ. Но, вопервыхъ, какъ это сдѣлать? Любовь въ простомъ, не переносномъ, смыслѣ слова — чувство совершенно непроизвольное, не поддающееся никакимъ разсужденіямъ и тутъ безъ божьей благодати (а слѣдовательно и безъ Толстого) ничего не подѣлаешь. А во вторыхъ, читатель не можетъ не знать, въ какомъ непримиримомъ антагонизмѣ находится „служеніе" интересамъ своихъ „домашнихъ" со всякимъ инымъ, слишкомъ усерднымъ и безкорыстнымъ служеніемъ, и въ какія роковыя приходятъ они столкновенія. Правда, рѣчь идетъ о докторской и иныхъ подобныхъ же, безобидныхъ профессіяхъ, допускающихъ разнообразныя комбинаціи этихъ двухъ родовъ „служенія." Но, ужъ изъ однѣхъ повѣстей нашихъ оппозиціонныхъ журналовъ читатель, навѣрное, знаетъ, что и въ этихъ мирныхъ профессіяхъ излишнее доброжелательство къ постороннимъ (къ даровымъ паціентамъ, напр.), при неимѣніи наслѣдственныхъ капиталовъ, очень часто вступаетъ въ борьбу съ семейной любовью и дѣйствуетъ на нее самымъ разрушительнымъ образомъ. А вѣдь въ этой - то личной любви, „накапливающейся," по увѣренію г. Шелгунова, въ домашнемъ быту и затѣмъ уже распространяющейся на постороннихъ, и заключается вся нравственность? Не выпутаешься изъ этого противорѣчія безъ графа Толстаго съ его извѣстной домашней *практикой* „непротивленія злу насиліемъ." Обыкновенный читатель, остановившійся, по словамъ г. Шелгунова, въ недоумѣніи передъ идеей „любви и доброжелательства," такъ и остается въ этомъ недоумѣніи. Едва - ли помогутъ ему и приводимые г. Шелгуновымъ примѣры „идеальныхъ людей, подвижниковъ общественнаго труда и общественнаго служенія," добрыхъ докторовъ, интеллигентовъ, „садившихся на землю," людей отдававшихъ свои силы народному образованію и въ особенности примѣръ нѣкоего г. У., „піонера культурнаго земледѣлія" въ Приамурскомъ краѣ. Этотъ г. У. пробылъ нѣсколько лѣтъ сельскимъ учителемъ въ русской деревнѣ, перешелъ потомъ къ изученію сельскаго хозяйства и уѣхалъ хозяйничать на Амуръ, получивъ для этого отъ генералъ губернатора 100 десятинъ земли, а отъ военнаго губернатора Амурской области 600 рублей на обзаведеніе. Такой примѣръ можетъ, пожалуй, вмѣсто разрушенія недоумѣній восьмидесятниковъ ввергнуть въ подобное же недоумѣніе иныхъ не слишкомъ твердыхъ толстовцевъ. Какъ понимать одобренный начальствомъ подвигъ г. У? И гдѣ въ немъ „любовь"? Возлюбилъ - ли онъ, сидя учителемъ въ русской деревнѣ, Тунгусовъ

Приамурскаго края, которыхъ и приходится-то въ добавокъ всего по одному на 17 слишкомъ квадратныхъ километровъ ? А если возлюбилъ онъ не Тунгусовъ, а просто на просто „культурное земледѣліе," то вѣдь подобная любовь какъ разъ въ духѣ практичныхъ „восьмидесятниковъ." Почему же г. Шелгуновъ съ торжествомъ указываетъ имъ, для ихъ вящаго обличенія, на подвигъ г. У.? Или этотъ піонеръ любитъ культурное земледѣліе какой нибудь особенной любовью, на которую не способны „восьмидесятники" ? Можетъ быть, но пока мы ничего не слыхали о свойствахъ любви г. У, кромѣ того, что она принесла ему одобреніе начальства и денежный авансъ въ размѣрѣ 600 руб. кредитными билетами. Противъ подобнаго свойства этой любви, вѣроятно, ничего не имѣли бы и обличаемые г. Шелгуновымъ „восьмидесятники". Вотъ въ шестидесятыхъ годахъ ехидные нигилисты навѣрное не удержались бы отъ нѣкоторыхъ замѣчаній по ея адресу : сказали бы напримѣръ, что ласковый теленокъ двухъ матокъ сосетъ или что нибудь подобное. И пожалуй, въ то время самъ г. Шелгуновъ (сотрудникъ Современника) согласился бы съ нигилистами.

Тотъ же вопросъ о горячемъ подвижничествѣ и хладнокровной практичности, только съ другой стороны и безъ всякой толстовщины, затрогиваетъ также г. Протопоповъ въ статьѣ, написанной по поводу романа г. Эртеля „Гарденины." *)

Въ этомъ романѣ молодая дѣвушка, Вѣра Турчанинова, поступившая въ сельскія учительницы „съ идеальными стремленіями съ желаніемъ послужить общему благу," съ готовностью „отдать" крестьянину „все, все," „посвящать ему безраздѣльно знанія, мысли, чувства," ушла впослѣдствіи изъ деревни, съ горькимъ сознаніемъ, что ей нечего тамъ дѣлать, что "жизнь осмѣяла ея разсчеты", что крестьянинъ не таковъ, какимъ она воображала его, что въ немъ много „подлости, лжи, притворства," что „нѣтъ эгоиста, безсердечнѣе мужика."

Г. Протопоповъ относится очень строго къ этой шедшей „съ беззавѣтнымъ увлеченіемъ," но не выдержавшей деревни дѣвушкѣ. По его мнѣнію, ея разочарованіе есть лишь личная неудача легкомысленнаго человѣка, который, не разсчитавши своихъ силъ, взвалилъ на плечи непосильную тяжесть. Еще строже относится онъ къ другому герою того же романа, Николаю Рахменному, составляющему прямую противоположность съ Турчаниновой. Этотъ никакихъ тяжестей на свои плечи не взваливалъ, въ немъ никогда не было замѣтно ни „горячности къ планамъ," ни „беззавѣтнаго увлеченія." Тѣмъ не менѣе, онъ дѣйствуетъ, на пользу деревни, правда, ничѣмъ особеннымъ для этого не жертвуя, но никогда и не отказываясь сдѣлать для крестьянъ „что нибудь" полезное, по скольку такое дѣло не вредитъ его интересамъ. Это типъ практичнаго, удовлетвореннаго „восьмидесятника." Онъ никогда не разочаруется. „Рахменный, говоритъ г. Протопоповъ, не способенъ сомнѣваться, онъ никогда не придетъ въ уныніе, потому что ищетъ утѣшенія и находитъ его въ первомъ „отрадномъ" фактикѣ, въ какомъ - нибудь „свѣтломъ" явленіи, ко-

*) „Тенденціозный романъ". „Сѣверный Вѣстникъ". Февраль 1890 г.

торому въ сущности грошъ цѣна, но которое для грошеваго человѣка — цѣлый кладъ.“ Онъ и самъ признаетъ, что въ деревнѣ „избытокъ всякой гнусности чрезмѣрный. . . Нищета, пьянство, нравственное оскудѣніе,“ но все это заслоняется въ его глазахъ первымъ попавшимся „отраднымъ фактомъ“, грамотнымъ парнемъ, или исправнымъ мужикомъ. „Двухъ съ половиною свѣтлыхъ явленій“ совершенно достаточно для полнѣйшаго примиренія Рахменныхъ съ дѣйствительностью. „Оппортюнисты мысли и оппортюнисты жизни — они почти неуязвимы“. Въ ихъ „благоразуміи есть что - то невыразимо противное, что - то банальное до тошноты. . . “ сердится г. Протопоповъ, и онъ, конечно, правъ, а все таки Рахменные „кое что“ дѣлаютъ въ деревнѣ, а Турчанинова ушла. . У нея ,положимъ, были слабыя плечи. За то у Ефрема, у Лизы Гарденинной (революціонеры романа Эртеля) относительно личныхъ невзгодъ были крѣпкія плечи, но и они, или вѣрнѣе, ихъ реальные прототипы - ушли изъ деревни, убѣдившись, что она не соотвѣтствуетъ ихъ мечтѣ, и ушли никакъ не для облегченія своихъ плечъ: ушли на поиски за новой тяжестью. А Рахменные остаются и производятъ время отъ времени по парѣ „свѣтлыхъ явленій“ : парня выучатъ, мужика вылѣчатъ, что нибудь въ земствѣ выхлопочутъ. Почему же это ? Г. Протопоповъ не задается такимъ вопросомъ. Онъ только сердится и на Рахменнаго, и на Турчанинову, и на декабриста, говорящаго про народника Кустарева (въ романѣ Боборыкина „На ущербѣ) :“ До сихъ поръ ни онъ, ни другіе, подобные ему, не хотятъ понять. что простой народъ — противъ нихъ ; а они то его обсахариваютъ . . .“

„Будемъ продолжать „обсахаривать“ мужика, отвѣчаетъ на эти слова г. Протопоповъ, не боясь ничьихъ насмѣшекъ. Насмѣшкамъ этимъ — грошъ цѣна... Народъ не за насъ, но неужели сострадать можно только тому, кто „за насъ?“ Неужели въ своихъ человѣческихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ нужно руководствоваться не совѣстью и не чувствомъ справедливости, а временными партійными соображеніями?“ Рѣчь прекрасная, но къ декабристу вовсе не относится. Изъ его словъ, что простой народъ (деревенскій, конечно, — ушедшихъ въ города не „обсахаривали“ народники) не за народниковъ, слѣдуетъ не тотъ выводъ, что народу нужно отказать за это въ сочувствіи, а тотъ, что *народники безъ народа* не могутъ оказать никакой помощи ни ему, ни себѣ, никому на свѣтѣ, и только самихъ себя обманываютъ. Въ послѣднемъ декабристъ ошибается. Народники давно помирились съ тѣмъ фактомъ, что „народъ не за нихъ“. помирился съ этимъ и г. Протопоповъ. „Въ прогрессивномъ смыслѣ, говоритъ онъ, народъ сила только потенціальная... Но если не все черезъ народъ, то все — для народа...“ Весь вопросъ теперь въ томъ, какого рода это „все“, которое народники сдѣлаютъ для народа помимо его содѣйствія. и какіе для этого „всего“ нужны люди.

Если бы Вѣра Турчанинова шла въ деревню не на „подвигъ и служеніе“, а просто на мѣсто и не задавалась никакими цѣлями, кромѣ обученія ребятъ грамотѣ, то открывши, что реальный крестьянинъ вовсе не похожъ на „обсахаренное“ существо, полное раз-

ныхъ (дедуктивно выведенныхъ изъ общиннаго землевладѣнія) добродѣтелей, она, вѣроятно, огорчилась бы своимъ открытіемъ, но оно не лишило бы ее возможности оставаться въ деревнѣ и продолжать свою педагогическую дѣятельность. Но она хотѣла гораздо большаго. У нея были кое-какіе принципы, состоявшіе изъ всевозможной доброты, любви и справедливости, которые—называя или не называя ихъ соціализмомъ—она, навѣрное, считала чѣмъ-то въ родѣ новаго ученія, ведущаго къ общему счастью. Воображаемыя свойства и идеалы воображаемаго крестьянина давали ей право падѣяться на плодотворную работу для приближенія этого счастья, и она несла на такую работу всѣ свои „помыслы, чувства и знанія“. При такихъ цѣляхъ, при такомъ настроеніи, она не могла не прійти въ отчаяніе отъ своего открытія, не могла и удовольствоваться однимъ „грамотнымъ парнемъ“, приводящимъ въ восторгъ Рахменнаго. Потому-то она и ушла изъ деревни, что у нея было много той „горячности“, которой не имѣлось у Рахменнаго.

Народникъ, помирившійся съ фактомъ, что „народъ не за насъ“, что онъ сила только „потенціальная“, черезъ посредство которой ничего нельзя сдѣлать, долженъ помириться также и съ полнѣйшей невозможностью работать надъ измѣненіемъ общихъ условій, порождающихъ въ деревнѣ „избытокъ нищеты и гнусности“; долженъ помириться съ тѣмъ, что „*все*“, чего онъ добьется „*для народа*“ своими единичными усиліями, не можетъ, ни въ какомъ случаѣ, превосходить тѣхъ самыхъ „двухъ съ половиною“ единичныхъ „свѣтлыхъ явленій“, надъ которыми иронизируетъ г. Протопоповъ: грамотнаго парня, вылѣченной бабы, разстроенной плутни какого нибудь Колупаева. Это все доброе, хорошее дѣло, но горячность и увлеченіе могутъ помѣшать его дѣлать, а качества Рахменнаго, наоборотъ, очень полезны для него. Заниматься этимъ дѣломъ цѣлые годы, цѣлую жизнь сможетъ только тотъ, кто, при видѣ кусочка пластыря на одной изъ безчисленныхъ ранъ, которыя въ громадномъ количествѣ, систематически и безостановочно наноситъ крестьянину историческая палка, тотчасъ же забываетъ и о ранахъ и о самой палкѣ. Люди „горячности“ и „беззавѣтнаго увлеченія“, въ глазахъ которыхъ единичный „отрадный фактъ“ безслѣдно пропадаетъ въ общей картинѣ страданій, не выдерживаютъ такого дѣла. Они неизбѣжно стремятся къ работѣ надъ устраненіемъ самой причины страданій, стремятся переломить палку. Потерявши надежду переломить ее вмѣстѣ съ крестьяниномъ—*черезъ народъ*, болѣе слабые изъ этихъ горячихъ людей приходятъ въ отчаяніе; люди сильные, какими были старые народники-революціонеры, бросаются на палку въ одиночку и погибаютъ, не нанося ей никакого вреда. Но назначеніе такихъ людей именно въ борьбѣ и ни въ чемъ иномъ. Лишь для этой борьбы въ нихъ вложена и горячность и беззавѣтное увлеченіе. Въ значительномъ количествѣ подобные люди и появляются въ исторіи лишь въ тѣ времена, когда она собирается уничтожить ту или иную изъ своихъ палокъ.

Какъ для филантропической дѣятельности, такъ и для исполненія тѣхъ или иныхъ полезныхъ должностей гораздо пригоднѣе Рах-

менные, - люди, безъ горячности и увлеченія, ищущіе службы и „дѣловъ", а не служенія и подвиговъ. Для людей „беззавѣтныхъ увлеченій", нужна если не увѣренность, то хоть надежда, что ихъ дѣятельность подготовляетъ уничтоженіе общихъ условій, порождающихъ нищету и гнусность.

На самомъ дѣлѣ, какъ только наша оппозиціонная мысль перестала давать такую надежду, какъ только изъ круга идей интеллигенціи исчезло представленіе о переходѣ подъ ея вліяніемъ общины въ соціализмъ и о борьбѣ вмѣстѣ съ народомъ за свободныя условія этого перехода, въ литературѣ — рядомъ съ проповѣдью личнаго „служенія" въ деревнѣ — начали появляться различные проэкты обманыванья исторіи. Исторія порождала въ среднемъ русскомъ классѣ элементы беззавѣтныхъ увлеченій: безпокойную совѣсть и потребность борьбы. Ей требовалось все это, какъ одно изъ орудій для переломленія своей палки. Въ этомъ ей помогала и оппозиціонная литература, продолжая будить безпокойную совѣсть изображеніемъ народныхъ бѣдствій. Но тутъ же рядомъ немедленно предлагались рецепты притупленія вызваннаго возбужденія и усыпленія проснувшейся совѣсти. Что, если не такіе рецепты, представляютъ толстовщина и всякіе проэкты земледѣльческихъ колоній изъ интеллигентныхъ людей? Вотъ какъ изображаетъ такія колоніи Г. И Успенскій въ цитированной *) уже статьѣ „Крестьянскія женщины": „Поле, соха, а за нею идетъ пахарь. Достоинство этого пахаря заключается въ томъ, что онъ добываетъ хлѣбъ своими трудами, чужого не ѣстъ, чужимъ трудомъ не пользуется, — слѣдовательно, совѣсть у него спокойна, а въ этомъ-то самая суть и есть... Есть и еще школа, руководствующаяся въ желаніи идти въ деревню уже чисто практическими цѣлями: оградить свою впечатлительную душу отъ золъ городской цивилизаціи, устроить себѣ уголъ, гдѣ-бы мысль (о будущемъ, конечно) работала безъ стѣсненія и не ощущалась бы необходимость безплодной борьбы за идею, чего невозможно избѣжать въ городѣ".

Здѣсь г. Успенскій видимо проницаетъ надъ интеллигентными поселеніями, но и онъ писывалъ рецепты жизни „трудами рукъ своихъ". При томъ же и въ этихъ поселеніяхъ онъ видитъ ошибку въ томъ, что въ нихъ не достигается широта размѣровъ трудового обихода народной жизни. Въ особенности-же узокъ трудовой обиходъ интеллигентной крестьянки: она и въ поселеніи только и дѣлаетъ, что дѣтей рожаетъ. Но и при предлагаемыхъ г. Успенскимъ улучшеніяхъ въ устройствѣ поселеній, имя все же, если что нибудь и достигнется, то ничто иное, какъ облегченіе участи нѣсколькихъ интеллигентныхъ паръ, которымъ разстроило нервы противорѣчіе между „городской цивилизаціей", вызывающей „ощущеніе необходимости борьбы", и народнической теоріей, дѣлающей всякую борьбу безплодной.

Не естественно ли послѣ этого появленіе проповѣдниковъ полной безъидейности и примиренія съ дѣйствительностью, предлагаю-

*) Рус. Мысль. Апрѣль. 1896 годъ.

нихъ гигіеническія мѣры противъ заболѣванія „потребностью идейной борьбы", вмѣсто рецептовъ для ея излеченія?

Безнадежная русская идейность, не могущая ничего предложить своимъ послѣдователямъ, кромѣ филантропической дѣятельности или благочестивыхъ земледѣльческихъ упражненій, очевидно, нуждается въ обновленіи. Это чувствуютъ почти всѣ, это слышится въ писаньяхъ самихъ народниковъ, при чемъ многіе посматриваютъ на Западъ: не найдется-ли въ его жизни явленій, способныхъ возвратить нашей литературѣ утраченную бодрость и энергію?

Мы упоминали уже объ обвиненіи, взведенномъ на Европу литературнымъ обозрѣвателемъ „Русской Мысли": „Какъ ни тяжелы были, говоритъ онъ, условія 40-хъ гг. (не помѣшавшія появленію замѣчательныхъ произведеній русскаго слова), они были, такъ сказать, только мѣстнаго характера. Идеи не имѣютъ отчизны и, какъ электричество, невидимо передаются во всѣ мѣста, пробивая кору самой тщательной опеки и заставляя всѣ сердца горѣть надеждой и стремленіемъ къ зиждительной работѣ. Такимъ нравственнымъ стимуломъ для русской литературы 40-хъ гг. служило, какъ всѣмъ извѣстно, умственное и политическое броженіе Франціи, да и не одной Франціи. Но укажите теперь хоть одинъ уголокъ Европы, гдѣ бы ярко горѣлъ костеръ такого возбужденія, откуда уставшіе почерпали бы бодрость, а начинающіе—надежду. Напротивъ, отъ многихъ бывшихъ костровъ идетъ только удушливый чадъ и нигдѣ пока не открывается перспектива свѣжаго, обновляющаго воздуха." Невольно раждается вопросъ: съ какими уставшими и съ какими начинающими такъ жестоко поступаетъ современная Европа, и какая именно Европа?

Мы знаемъ, какое „броженіе" заставляло „горѣть сердца" нашихъ западниковъ 40-хъ годовъ. Послушаемъ, однако, Бѣлинскаго, самаго авторитетнаго изъ этихъ западниковъ. Въ критической (Отеч. Зап. 1844 г.) статьѣ о романѣ Сю: „Парижскія Тайны" Бѣлинскій, охарактеризовавши умственное и нравственное паденіе французской буржуазіи и необезпеченное положеніе парижскаго пролетарія, говоритъ: „Но искры добра еще не погасли во Франціи... Народъ—дитя; но это дитя растетъ и обѣщаетъ сдѣлаться мужемъ, полнымъ силы и разума. Онъ уже не вѣритъ говорунамъ и фабрикантамъ законовъ и не станетъ больше проливать своей крови за слова, которыхъ значеніе для него темно, и за людей, которые любятъ его только тогда, когда имъ нужно загрести жаръ чужими руками, чтобы воспользоваться некупленнымъ тепломъ. Въ народѣ уже быстро развивается образованіе... Онъ еще слабъ, но онъ одинъ хранитъ въ себѣ огонь національной жизни и свѣжій энтузіазмъ убѣжденія, погасшій въ слояхъ „образованнаго" (вносные знаки Бѣлинскаго) общества. Но и теперь еще у него есть истинные друзья: это люди, которые слили съ его судьбой свои обѣты и надежды, и которые добровольно отреклись отъ всякаго участія на рынкѣ власти и денегъ."

Мы видимъ, что въ главномъ кострѣ тогдашняго возбужденія, въ Парижѣ, Бѣлинскій находилъ *ободреніе* только въ „народѣ" (рѣчь идетъ, конечно, о городскихъ рабочихъ: во французскомъ крестьянствѣ 40-хъ годовъ такъ же мало можно было подмѣтить огня и

энтузіазма убѣжденія, какъ и въ современномъ). Въ немъ одномъ, да въ немногихъ, слившихся съ нимъ, друзьяхъ видѣлъ онъ и „огонь“ и „энтузіазмъ убѣжденія, погасшій въ слояхъ образованнаго общества“. Въ этихъ слояхъ онъ съ тѣхъ поръ окончательно застылъ, но „народъ“, тогда еще „дитя“, выросъ и сдѣлался „мужемъ, полнымъ силы и разума“. Онъ вполнѣ оправдалъ всѣ возлагавшіяся на него надежды. Парижскій народъ утратилъ, правда, свое первенствующее мѣсто во главѣ рабочаго движенія; но не потому же восхищался имъ Бѣлинскій, что онъ народъ парижскій, а потому, что въ немъ всего ярче горѣлъ тогда привлекавшій его огонь. Теперь этотъ огонь разлился по всему цивилизованному міру. Въ то время рабочій народъ былъ сознательной, разумной силой лишь въ своихъ самихъ развитыхъ слояхъ, едва насчитывавшихъ нѣсколько тысячъ на всю Европу; въ общемъ же онъ былъ тогда лишь легко воспламеняющейся „толпой“, увлекаемой время отъ времени „героями“ на арену исторіи, въ качествѣ какой-то стихійной силы. Теперь вмѣсто этой толпы существуютъ громадныя рабочія партіи со своимъ вполнѣ выработаннымъ общественнымъ мнѣніемъ, единодушно дѣйствующія по опредѣленной, сознательно принятой программѣ, объединяясь постепенно въ единую многомилліонную рабочую партію всего цивилизованнаго міра.

Страннымъ кажется на первый взглядъ, почему наша демократическая „интеллигенція“, чувствуя потребность въ надеждѣ и ободреніи съ Запада, не находитъ этого ободренія въ быстромъ ростѣ и постоянно усиливающейся борьбѣ съ буржуазіей европейскаго пролетаріата, первые, еще дѣтскіе шаги, котораго такъ восхищали Бѣлинскаго и его друзей. Вѣдь она считаетъ борьбу съ буржуазіей своимъ призваніемъ.... Правда, рабочее соціалистическое движеніе 40-хъ гг., о которомъ пишетъ Бѣлинскій, больше говорило фантазіи, чѣмъ современное. Неизмѣримо больше и писалось, и говорилось тогда, и въ стихахъ, и въ прозѣ, хорошихъ волнующихъ словъ о геройствѣ, о подвигахъ и о самопожертвованіи. Объ этомъ заботилась сравнительно многочисленная въ то время богема-интеллигенція. Но мы не думаемъ, чтобы одно отсутствіе такого декоративнаго элемента, необходимаго для начинающагося движенія и излишняго для развившагося и окрѣпшаго, мѣшало нашей интеллигенціи понять строгую поэзію этой — по выраженію Либкнехта — „опирающейся на науку религіи рабочихъ массъ и всѣхъ угнетенныхъ“. Она слишкомъ громко говоритъ сама за себя, чтобы нуждаться въ подчеркиваньяхъ.

Наша интеллигенція считаетъ себя заклятымъ, прирожденнымъ врагомъ буржуазіи, и какъ это ни странно, а именно вражда-то къ буржуазіи и мѣшаетъ ей понять поэзію рабочаго движенія, принять живое, сердечное участіе въ борьбѣ непобѣдимаго противника западной буржуазіи. Этотъ противникъ ведетъ борьбу съ буржуазіей, такъ сказать, не съ того конца Онъ борется съ ней, какъ съ представительницей и охранительницей господствующаго теперь экономическаго и политическаго строя, но ровно ничего не имѣетъ противъ ея разрушительной работы надъ остатками стараго, до-революціоннаго строя и быта. Эта сторона дѣятельности буржуазіи только

усиливаетъ пролетаріевъ. Наши же самобытные враги буржуазіи боятся не иного чего, какъ именно ея разрушительнаго вліянія на господствующій въ настоящую минуту экономическій и гражданскій строй русской деревни, который кажется имъ достойнымъ охраненія. Они борются (словами, конечно) съ развитіемъ буржуазіи только потому, что съ нимъ неразрывно связано развитіе пролетаріата. Западнымъ врагамъ буржуазіи, рабочимъ, та „хозяйственная самостоятельность" мелкаго крестьянина, кустаря, ремесленника, о сохраненіи которой мечтаетъ русская интеллигенція, показалась бы неизмѣримо хуже ихъ настоящаго положенія. Сами пролетаріи, они ничего такъ не желаютъ, какъ возможно быстраго развитія пролетаріата — единственной въ мірѣ силы, способной уничтожить и пролетаріатъ, и буржуазію.

Западные враги буржуазіи борются съ ней за будущее; наши мечтаютъ охранить отъ нея остатки прошедшаго. Поэтому-то, обращаясь къ Европѣ, они и на нее невольно смотрятъ сквозь свои консервативные очки и не могутъ уже находить надежды и ободренія въ тѣхъ явленіяхъ западной жизни, зачатки которыхъ вызывали эти чувства у Бѣлинскаго и его друзей, смотрѣвшихъ на Западъ съ точки зрѣнія самого революціоннаго Запада, не затуманивая себѣ глазъ никакой предвзятой самобытной теоріей. Для этихъ западниковъ европейская жизнь представляла совершенно самостоятельный интересъ. Они также свободно оріентировались среди ея разнообразныхъ партій и умственныхъ теченій, и также твердо и горячо становились на одну опредѣленную сторону, какъ и лучшіе изъ современныхъ имъ европейцевъ. Но именно этотъ-то живой, самостоятельный интересъ, который представляла для нихъ западная жизнь, и далъ имъ возможность сдѣлать такъ много для русскаго развитія, внести столько мысли и знанія во всѣ отрасли русской литературы.

Для нашей современной интеллигенціи западная жизнь, даже при близкомъ знакомствѣ съ тѣмъ или другимъ ея отдѣломъ, съ той или другой отраслью знанія, остается въ большинствѣ случаевъ совершенно постороннимъ вѣдомствомъ, во внутреннія дѣла котораго она не мѣшается, и кто тамъ правъ, кто виноватъ, особенно пристально не разбираетъ. Вообще, конечно, виноватъ капитализмъ, но мѣшаться въ частности не наше дѣло. Не мѣшаясь серьезно въ дѣла Запада, мы съ своей стороны не позволяемъ и Западу серьезно мѣшаться въ наши. Не для того знакомимся мы съ жизнью и мыслью западной Европы, чтобы выяснять свое міросозерцаніе и освѣщать для себя, при помощи вынесеннаго знанія, нашу русскую жизнь и наши собственныя задачи. Кому нужны такія вещи, тотъ получаетъ ихъ готовыми изъ русскихъ журналовъ. Мы возлагаемъ на Европу совсѣмъ иныя обязанности. Великая книга западной жизни необходима для насъ въ качествѣ сборника примѣровъ и иллюстрацій къ нашему собственному, заранѣе составленному, тексту; мы подыскиваемъ въ ней подходящія басни къ своей давно написанной морали. Съ этой цѣлью мы выхватываемъ изъ западной жизни то или другое явленіе, разсматриваемъ его внѣ всякой перспективы, безъ всякой связи съ остальными явленіями, и въ такомъ очищенномъ видѣ

легко приспособляемъ его къ задуманному поученію. Не много „ободренія" можетъ дать подобная работа, не „загорится", конечно, ни чье сердце отъ такихъ притянутыхъ за уши поученій. Но ихъ-то, главнымъ образомъ, и ищетъ на Западѣ наша народническая литература.

Вполнѣ подходящіе примѣры и поученія встрѣчаются, положимъ, довольно рѣдко; по большей части приходится довольствоваться лишь отдаленными намеками и сближеніями, но иногда попадаются за то такіе перлы, что лучше и не выдумаешь. Что можетъ быть лучше, напримѣръ, какъ найти въ самой Англіи народническую интеллигенцію, чтобы была совсѣмъ какъ наша : такая же добрая и занималась бы „подвижничествомъ", но чтобы этой интеллигенціи все удавалось, чтобы никто ее не обижалъ, а всѣ ободряли. Правительству былъ бы намекъ : вотъ, молъ, какъ въ просвѣщенныхъ странахъ съ хорошими людьми обращаются, и какая отъ этого выходитъ польза; и самому народнику получилось бы ободреніе: дескать, подожди немного, отдохнешь и ты... Трудно казалось бы выудить изъ западной жизни подобный примѣръ, и однако же онъ оказался на лицо.

Тотъ же литературный обозрѣватель „Русской Мысли", такъ горько жаловавшійся на Европу въ февральской книжкѣ журнала, въ мартовской находитъ уже тамъ нѣчто способное „вселить вѣру въ человѣческій прогрессъ даже въ закоренѣлаго пессимиста". Разъискать это „свѣтлое явленіе" помогла ему статья г. Янжула въ февральской книжкѣ „Вѣстника Европы" : „Практическая филантропія въ Англіи", въ особенности же сообщеніе объ „университетскомъ поселеніи въ Восточной части Лондона."

Въ этомъ благочестивомъ поселеніи гг. англійскіе студенты занимаются подъ руководствомъ викарія церкви св. Луки отца Барнетта и пастора Гардинера „поднятіемъ нравственности" лондонскихъ бѣдняковъ посредствомъ развлеченій, лекцій, устройства различныхъ кооперативныхъ обществъ, а главнымъ образомъ, посредствомъ своего личнаго общенія. Они стремятся, по преимуществу, разсѣять очень сильное въ Англіи „предубѣжденіе бѣдныхъ противъ богатыхъ". Вѣковой опытъ доказалъ, что одна матерьяльная помощь не уменьшаетъ этого „предубѣжденія",— необходимы личныя сношенія съ благодѣтельствуемыми бѣдняками. Поселившись среди бѣднѣйшаго квартала Лондона, въ парочно устроенномъ великолѣпномъ зданіи, господа студенты даютъ вечера своимъ нищимъ сосѣдямъ и занимаютъ гостей музыкой, а благотворительныя дамы поютъ имъ романсы.

Въ духѣ и по завѣту умершаго филантропа Тойнби, въ память котораго основано учрежденіе, члены университетскаго поселенія убѣждены, говоритъ г. Янжулъ, что „разрѣшеніе соціальнаго вопроса должно заключаться не въ переворотахъ, сопровождаемыхъ насиліемъ, а въ мирномъ, поступательномъ, реформаторскомъ движеніи *сверху внизъ*". О благѣ низшихъ классовъ, заключающемся, главнымъ образомъ, въ ихъ нравственномъ усовершенствованіи, позаботятся сами высшіе классы. „Обратно съ тѣми утопистами, которые предполагаютъ устранить существующіе соціальные невзгоды *путемъ ломки*

учрежденій, оставивъ людей такими, какими они до сихъ поръ были." — студенты-филантропы „убѣждены, что всякая ломка составляетъ прежде всего зло . . . и что истинный ходъ великой реформы этого рода долженъ состоять отнюдь не въ пониженіи высшихъ классовъ до умственнаго и нравственнаго уровня низшихъ,.... а совершенно наоборотъ. По ихъ мнѣнію, мирный, нормальный, а потому единственно желательный путь къ разрѣшенію всякаго соціальнаго вопроса долженъ прежде всего выразиться въ стремленіи образованныхъ классовъ поднять до своей высоты бѣдную массу двумя путями: увеличеніемъ ея образованія и культуры, и затѣмъ личнымъ примѣромъ искренней, безкорыстной человѣческой симпатіи, доказываемой на дѣлѣ улучшеніемъ и поднятіемъ уровня ея нравственности."

Видите, какъ все это будетъ просто: родители будутъ эксплуатировать рабочихъ, а сынки, получая отъ нихъ приличное содержаніе, будутъ поднимать нравственный уровень этихъ рабочихъ „личнымъ примѣромъ *безкорыстной* симпатіи". Лишь бы рабочіе „положились" на высшіе классы и не стремились къ разрѣшенію своего вопроса *снизу вверхъ*, къ уничтоженію всякихъ классовъ, все будетъ отлично: волки будутъ сыты, а овцы, если и не совсѣмъ цѣлы, то культурны, нравственны, и будутъ питать нѣжную симпатію къ альтруистамъ- волкамъ

Можетъ быть самъ Тойнби, умолявшій рабочихъ „положиться" на представителей „средняго класса въ Англіи", которые „начинаютъ измѣняться къ лучшему", и искренно вѣрилъ въ грядущій волчій альтруизмъ; можетъ быть не совсѣмъ сознательно дѣйствуютъ и нѣкоторые изъ студентовъ; тѣмъ не менѣе очевидно, что въ основѣ попытокъ этого рода лежитъ спасеніе надвигающагося на Англію рабочаго движенія *снизу вверхъ*. Помощь бѣднымъ, вошедшая въ государственныя учрежденія, испоконъ вѣку практиковалась въ Англіи въ такихъ размѣрахъ, какъ нигдѣ на континентѣ, и приносила не малую пользу англійской буржуазіи, поддерживая въ полужившемъ состояніи громадныя арміи рабочихъ, полезныя и даже необходимыя для предпринимателей въ моменты оживленія производства. При этомъ точно также испоконъ вѣку благодѣтельствуемые и общественной и частной благотворительностью всей душой ненавидѣли своихъ благодѣтелей. Это было въ порядкѣ вещей и никого не безпокоило. Буржуазія не нуждалась въ сердцахъ рабочихъ и довольствовалась ихъ руками. Теперь, въ виду приближающагося введенія всеобщей подачи голосовъ въ Англіи, а также и быстраго распространенія соціалистическаго и вообще умственнаго движенія среди рабочаго класса этой страны, буржуазія начинаетъ стремиться къ пріобрѣтенію вмѣстѣ съ руками сердецъ и умовъ рабочихъ. Не даромъ американскій профессоръ Адамсъ, а съ нимъ и г. Янжулъ, совершенно увѣрены, что населеніе Истъ-Энда пошлетъ въ парламентъ любезныхъ джентельменовъ, живущихъ въ его средѣ.

Нельзя не признать, что англійскіе филантропы борются въ данномъ случаѣ, такъ сказать, законнымъ оружіемъ, что ихъ дѣятельность никакого вреда рабочимъ принести не можетъ, а собственно лекціи, хотя бы даже „о краснорѣчіи" или „объ итальянскомъ

искусствѣ", могутъ и пригодиться; но во всякомъ случаѣ—это попытка борьбы отживающаго буржуазнаго порядка съ ростущею силою соціализма.

Какъ отнесся бы къ этой дѣятельности Бѣлинскій, мы можемъ узнать изъ той же, уже цитированной нами, статьи о романѣ Эженя Сю. „Изображая французскій народъ, говоритъ Бѣлинскій, Эженъ Сю, какъ истинный мѣщанинъ (bourgeois) смотритъ на него очень просто — какъ на голодную, оборванную чернь, невѣжествомъ и нищетою осужденную на преступленія. Онъ не знаетъ ни истинныхъ пороковъ, ни истинныхъ добродѣтелей народа, не подозрѣваетъ, что у него есть будущее, котораго уже нѣтъ у торжествующей и преобладающей партіи, потому что въ народѣ есть вѣра, есть энтузіазмъ, есть сила нравственности. Эженъ Сю сочувствуетъ бѣдствіямъ народа: зачѣмъ отнимать у него благородную способность состраданія... Но какъ сочувствуетъ — это другой вопросъ. Онъ желалъ бы, чтобы народъ не бѣдствовалъ, и, переставъ быть голодною, оборванною и часто поневолѣ преступною чернью, сдѣлался сытою, опрятною и прилично себя ведущею чернью, а мѣщане, теперешніе фабриканты законовъ во Франціи, оставались бы по прежнему господами Франціи." Бѣлинскій допускаетъ даже, что романъ, заставивши „общество потолковать нѣсколько времени о народѣ", можетъ вызвать ту или другую законодательную мѣру, клонящуюся къ улучшенію участи бѣдняковъ. и все-же его сочувствіе вовсе не на сторонѣ этихъ благодѣтелей „сверху внизъ". Никогда не повѣрилъ бы онъ въ волчью идиллію и смѣшной показалась бы ему претензія юныхъ буржуа поднимать народъ до своего „нравственнаго уровня". Бѣлинскій сочувствовалъ въ Европѣ ея революціоннымъ теченіямъ снизу вверхъ. Изъ людей, вышедшихъ изъ высшихъ классовъ, онъ признавалъ „друзьями" народа лишь тѣхъ, „которые слили съ его судьбой свои обѣты и надежды"; но вѣдь тѣ никогда не сказали бы подобно Тойнби, рабочимъ: „положитесь на *насъ*, представителей средняго класса, *мы* ужъ о васъ позаботимся, поднимемъ, исправимъ и поведемъ." Тѣ „друзья", о которыхъ говоритъ Бѣлинскій, не говорили отъ имени „средняго класса", а боролись съ этимъ классомъ въ рядахъ рабочихъ.

Литературнаго обозрѣвателя „Русской Мысли" „духовное общеніе интеллигенціи съ народомъ" — какъ онъ величаетъ филантропію нѣсколькихъ десятковъ англійскихъ студентовъ — приводитъ, наоборотъ, въ полнѣйшій восторгъ. Ему кажется, что все движеніе русской интеллигенціи за послѣдніе тридцать лѣтъ: воскресныя школы 60-хъ годовъ, хожденіе въ народъ въ семидесятыхъ годахъ, возникновеніе обширной народнической литературы, дѣятельность земскихъ учителей и врачей, и, наконецъ, современное стремленіе въ деревню и идеализація мужика, — все это движеніе важется ему совершенно аналогичнымъ по своимъ мотивамъ съ движеніемъ, выразившимся въ дѣятельности „Университетскаго поселенія". Онъ отдаетъ даже предпочтеніе англійскому движенію „въ смыслѣ логичности и стройности", потому что „въ лицѣ своихъ піонеровъ оно прямо взяло на себя роль руководителя во всѣхъ вопросахъ народной жизни"....

„Трудно и сравнивать русское и англійское движеніе по ихъ внѣшней обстановкѣ", меланхолически продолжаетъ авторъ. У послѣдняго и „огромные капиталы", и „попутный вѣтеръ", и „матеріальная и нравственная поддержка всѣхъ свѣтилъ науки". Еще бы, на то оно и движеніе „сверху внизъ"! Ни капиталовъ, ни поддержки университетскихъ свѣтилъ науки не было, конечно, у соціалистовъ, приходившихъ изо дня въ день, подъ дождемъ и туманомъ, проповѣдывать чернорабочимъ въ томъ же Истъ-Эндѣ, у входа въ доки, освобожденіе *снизу вверхъ* (см. корреспонденцію м-съ Эвелингъ въ 1-мъ № нашего журнала). Правда, русскіе народники въ восьмидесятыхъ годахъ рѣшили двигаться сверху внизъ; но, во первыхъ, это одно недоразумѣніе: они и сами то—или, вѣрнѣе,—тотъ слой, настроеніе котораго они выражаютъ, находится, благодаря преслѣдованіямъ правительства, далеко не на верху и двигаться въ избранномъ направленіи либеральные народники не имѣютъ никакой возможности, а во вторыхъ, движеніе сверху внизъ встрѣчаетъ и „попутный вѣтеръ", и „огромные капиталы" только въ тѣхъ случаяхъ, когда является противовѣсомъ движенію снизу вверхъ.

Въ той же мартовской книжкѣ „Русской Мысли", въ цитированномъ уже нами очеркѣ, такъ восхитившемъ толстовца, г. Шелгуновъ тоже обращается къ Европѣ и извлекаетъ изъ нея примѣръ интеллигентнаго народничества. Но что это за примѣръ! Глухо сказавши, что народничество составляетъ въ настоящее время идеалъ всѣхъ культурныхъ народовъ и въ Германіи, Франціи и Англіи выражается въ заботахъ объ улучшеніи положенія пролетаріата, а въ Скандинавскихъ государствахъ—крестьянства, онъ по необходимости ограничивается указаніемъ на героя одного переводнаго романа, какъ на образецъ „энтузіаста-идеалиста" изъ высшихъ классовъ. Замѣчательно, что романъ переведенъ со шведскаго: только въ беллетристикѣ скандинавскихъ странъ г. Шелгуновъ и могъ встрѣтить подходящаго героя. Буржуазія отсталыхъ скандинавскихъ государствъ переживаетъ теперь свой запоздалый періодъ литературнаго свободомыслія, и ея беллетристы изображаютъ ее въ геройскихъ позахъ. Чтобы найти „интеллигентнаго" энтузіаста въ нѣмецкихъ или французскихъ романахъ, г. Шелгунову пришлось бы обратиться лѣтъ на 30, на 40 назадъ, къ первымъ романамъ Шпильгагена для Германіи, къ Жоржъ Сандъ для Франціи. Да и тамъ не много нашлось бы героевъ, которые могли бы составить компанію шведскому народнику. Идеалисты этихъ старыхъ романовъ были неизмѣримо умнѣе и революціоннѣе кислосладкаго героя, плѣнившаго г. Шелгунова. Теперь во Франціи и въ Германіи всѣ идеалисты сосредоточились въ рабочихъ партіяхъ. Здѣсь за то, — по заявленію самихъ противниковъ рабочаго движенія, — „безчисленное множество идеалистовъ." *) Но наша интеллигенція ищетъ для своего ободренія лишь такихъ геро-

*) Заявленіе члена консервативной партіи, принца Каролата Шейнаха, въ германскомъ рейхстагѣ. См. статью Аксельрода „Политическая роль Соц.-Демокр.", №2 Соціаль-Демократа.

евъ, которые напоминали бы ей ея собственныя черты, и находитъ ихъ, то въ лагерѣ противниковъ революціоннаго рабочаго соціализма, то въ произведеніяхъ фантазіи шведскихъ беллетристовъ. Но подобнымъ ободреніямъ — грошъ цѣна, скажемъ мы любимыми словами г. Протопопова. И не „загорятся сердца интеллигенціи надеждой и стремленіемъ къ зиждительной работѣ" отъ такихъ грошевыхъ ободреній. Только виновата въ этомъ не западная Европа, а современное русское непониманіе общественныхъ отношеній западной Европы. И пока мы не разстанемся съ этимъ непониманіемъ, до тѣхъ поръ не перестанутъ бродить въ потемкахъ наши оппозиціонные писатели и читатели, до тѣхъ поръ теоретическое безсиліе ихъ мысли необходимо будетъ вести за собою практическое безсиліе ихъ въ жизни.

В. Засуличъ.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

(Статья третья)

Въ предыдущей статьѣ мы разобрали взгляды нашего автора на стоимость, на деньги, на капиталъ и на заработную плату. Продолжая теперь наше изложеніе, мы переходимъ къ его ученію о прибыли.

Мы уже не разъ говорили, что цѣль Н. Г. Чернышевскаго заключалась не въ самостоятельномъ изслѣдованіи законовъ буржуазнаго хозяйства и не въ критической провѣркѣ относящихся къ этимъ законамъ ученій буржуазныхъ экономистовъ, а въ оттѣненіи невыгодныхъ сторонъ современнаго экономическаго порядка и въ указаніи основныхъ чертъ иного строя, согласнаго съ интересами производителей и съ требованіями „здравой экономической теоріи". При этомъ какъ понятіе о невыгодныхъ сторонахъ буржуазнаго порядка, такъ и „требованія здравой теоріи" основывались въ сущности на ученіяхъ той же буржуазной экономіи. Чернышевскій самъ говоритъ это не одинъ разъ. По его собственнымъ словамъ задача его заключается лишь въ „*пополненіяхъ*" къ ученіямъ буржуазныхъ экономистовъ, и пополненія эти заимствуетъ онъ изъ трудовъ мыслителей, признаваемыхъ имъ своими прямыми учителями. Извѣстно, что учителями его были соціалисты-утописты. Такимъ образомъ, онъ не идетъ дальше выводовъ, сдѣланныхъ утопистами изъ ученій классической буржуазной экономіи. Вотъ почему, при оцѣнкѣ его экономическихъ взглядовъ, почти всегда оказывается необходимымъ предварительно разобрать лежащія въ основѣ этихъ взглядовъ ученія буржуазныхъ экономистовъ и главнымъ образомъ Д. С. Милля.

I.

„При трехчленномъ дѣленіи продукта — говоритъ Н. Г. Чернышевскій — затраты на производство дѣлаетъ капиталистъ; за вычетомъ этихъ расходовъ остается ему изъ продукта доля, называющаяся прибылью. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ элементовъ. Часть ея служитъ капиталисту вознагражденіемъ за то, что онъ обратилъ на производство свой капиталъ; эта часть называется въ строгомъ

смыслѣ слова процентами на капиталъ. Изъ остающагося, за вычетомъ этихъ процентовъ, излишка прибыли часть служитъ вознагражденіемъ за рискъ предпріятія. Другая часть излишка служитъ вознагражденіемъ за трудъ управленія дѣломъ. Каждый изъ этихъ трехъ элементовъ прибыли очень часто отдѣляется отъ другихъ. Капиталистъ имѣетъ иногда наемнаго распорядителя, при которомъ самъ уже вовсе не вмѣшивается въ дѣло; этотъ распорядитель получаетъ вознагражденіе за веденіе дѣла, а капиталисту остаются только проценты съ капитала и страховая премія. Но часто предприниматель занимаетъ на веденіе дѣла капиталъ у другого капиталиста, которому и выдѣляетъ проценты, а самъ получаетъ только страховую премію и вознагражденіе за управленіе дѣломъ,—если же имѣетъ при этомъ наемнаго распорядителя, то одну только страховую премію. Чтобы велись промышленныя дѣла при системѣ трехчленнаго дѣленія продукта, прибыль должна имѣть величину, достаточную на образованіе всѣхъ этихъ трехъ элементовъ прибыли въ размѣрѣ, какой нуженъ по состоянію даннаго общества въ данное время. Но при разномъ состояніи общества величина каждаго изъ трехъ элементовъ прибыли бываетъ очень различна.“ *)

Нѣсколькими страницами далѣе нашъ авторъ говоритъ, что поземельная рента есть „только излишекъ прибыли, остающійся въ нѣкоторыхъ случаяхъ по нѣкоторымъ отраслямъ производства.“**) Затѣмъ изъ его объясненій видно, что прибыль на торговый капиталъ также разсматривается имъ, какъ часть прибыли вообще.

Изо всего этого слѣдуетъ, что подъ предпринимательскою прибылью онъ понимаетъ собственно *прибавочную стоимость*, т. е. всю ту часть создаваемой работниками стоимости, которая подъ разными названіями распредѣляется между различными категоріями присвоителей плодовъ чужого неоплаченнаго труда. Поэтому мы при изложеніи его взглядовъ будемъ замѣнять слово прибыль болѣе точнымъ выраженіемъ: прибавочная стоимость.

Какъ подраздѣляется прибавочная стоимость между различными категоріями эксплуататоровъ, объ этомъ Н. Г. Чернышевскій распространяется очень мало. Только относительно поземельной ренты мы находимъ у него болѣе подробныя объясненія. Что же касается другихъ „элементовъ прибыли“, то мы встрѣчаемъ лишь нѣкоторыя общія замѣчанія въ родѣ того, что „въ занятіи болѣе рискованномъ страховая премія стоитъ выше средняго уровня; въ занятіи особенно пріятномъ вознагражденіе распорядителю бываетъ ниже средняго уровня“.***) Онъ даже не считаетъ нужнымъ объяснить, какія же это промышленныя предпріятія такъ пріятны, что распорядители ихъ довольствуются вознагражденіемъ ниже средняго. Главное вниманіе его направлено на вопросъ объ уровнѣ прибавочной стоимости. „Этотъ средній уровень самъ то понижается, то возвышается—говоритъ онъ. Отъ чего же зависитъ его величина?“ Отвѣтъ на это онъ заимствуетъ у Милля, полагая, что „трудами англій-

*)Сочиненія Н. Чернышевскаго, Т. IV, стр. 174—175.

**) Тамъ же, стр. 185.

***) Тамъ же стр. 175.

скихъ экономистовъ, въ особенности Рикардо, вопросъ этотъ превосходно разъясненъ, и у Милля, достойнаго ученика Рикардо, онъ изложенъ какъ нельзя лучше".*)

Какъ же, однако, изложенъ онъ у Милля? Въ приводимой Чернышевскимъ выпискѣ, объясненія Милля начинаются указаніемъ на происхожденіе прибавочной стоимости. „Человѣку, незнакомому съ наукой, представляется будто бы прибыль коммерческаго дѣла зависитъ отъ цѣнъ. Производитель или торговецъ получаетъ свою прибыль, повидимому, тѣмъ, что беретъ за свой товаръ больше, чѣмъ онъ стоилъ ему, и можно подумать, будто прибыль — результатъ покупки и продажи. Незнакомые съ наукой люди полагаютъ, что будто производитель получаетъ прибыль только отъ того, что есть покупщики на товаръ; будто бы запросъ, покупщики, рынокъ товара, вотъ причины выгодъ, получаемыхъ капиталистами, которые продажею своихъ товаровъ возобновляютъ свой капиталъ и увеличиваютъ его массу. Но думать такъ, значитъ смотрѣть только на внѣшнюю поверхность экономическаго механизма общества."

Мы просимъ читателя припомнить, какъ опредѣляетъ Милль мѣновую стоимость товара. „Если оставить въ сторонѣ случайные элементы стоимости, то предметы, количество которыхъ можетъ возростать неопредѣленно, естественнымъ и постояннымъ образомъ обмѣниваются другъ на друга по пропорціи количества рабочей платы, какую надобно употребить на ихъ производство (по мнѣнію Милля всѣ издержки производства сводятся къ рабочей платѣ) и количеству прибыли, какая должна быть получена капиталистами, выдающими эту плату.**) Иными словами: „общее правило таково, что предметы имѣютъ тенденцію обмѣниваться другъ на друга по такимъ цѣнностямъ, которыя оплачиваютъ каждому производителю стоимость производства съ обычной прибылью." Что же это значитъ? Это значитъ именно то, что „производитель получаетъ свою прибыль тѣмъ, что беретъ за свой товаръ больше, чѣмъ онъ стоилъ ему", и что прибыль есть „результатъ покупки и продажи". Но вѣдь такой взглядъ достоинъ только людей, „незнакомыхъ съ наукой"?! Да, такъ говоритъ Милль въ главѣ о прибыли, а въ главѣ о стоимости онъ высказываетъ какъ разъ этотъ взглядъ, недостойный людей науки. Какъ же разрѣшить такое странное, такое вопіющее противорѣчіе? Логическаго разрѣшенія для него нѣтъ и не можетъ быть, а психологическое объясненіе есть и состоитъ въ томъ, что въ головѣ Милля очень часто и очень мирно уживались самые противорѣчивые взгляды на одинъ и тотъ же предметъ.

Что причина прибавочной стоимости заключается *не* въ обмѣнѣ, это понятно само собою, такъ какъ обмѣнъ не создаетъ ровно никакихъ стоимостей. Но отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, что въ изслѣдованіи о происхожденіи прибавочной стоимости мы можемъ закрывать глаза на законы обмѣна, т. е. слѣдовательно и на мѣновую

---

*) Тамъ же, стр. 176—177.

**) Мы выписываемъ это опредѣленіе въ переводѣ Чернышевскаго, оно приведено у него на стр. 254 четвертаго тома его сочиненій. Въ нашей второй статьѣ о Чернышевскомъ оно цитировано на стр. 100, 2-го № С. Д.

стоимость товаровъ. „Причина прибыли та, говоритъ намъ Милль, что трудъ производитъ больше, чѣмъ требуется на его содержаніе... Если капиталистъ возьмется кормить работниковъ на условіи [получить продуктъ, то кромѣ возвращенія своей затраты онъ получитъ нѣсколько (sic) лишняго." Чего же именно лишняго? Продукта? Но вѣдь въ своемъ непосредственномъ, вещественномъ видѣ созданный рабочими продуктъ несоизмѣримъ съ ихъ „кормомъ". Какъ надо понимать насъ, если мы скажемъ, что произведенный рабочими миткаль больше съѣденнаго ими хлѣба или изношенной ими обуви? Хотимъ ли мы сравнивать аршины миткаля съ пудами хлѣба или съ парами сапоговъ? Ясно, что для сравненія „корма" рабочихъ съ созданнымъ ихъ рабочею силою продуктомъ нужно обратиться къ *стоимости* того и другого. (Ниже мы увидимъ, что и самъ Милль не считаетъ возможнымъ обойтись безъ этой аппеляціи къ стоимости.) Слѣдовательно, мы должны сказать, что прибавочная стоимость или (какъ выражаются Чернышевскій и Милль) прибыль есть разность между стоимостью, созданною данной рабочей силой и стоимостью „корма", который мы затратили на производство этой силы; а если мы захотимъ выразиться точнѣе, мы скажемъ, что прибавочная стоимость („прибыль") есть разность между стоимостью, созданной данной рабочей силой и стоимостью этой силы. Но выражаясь такъ, мы опять приходимъ къ вопросу о томъ, чѣмъ же опредѣляется стоимость. Милль говоритъ намъ, что она опредѣляется издержками производства даннаго товара въ соединеніи съ прибылью, которую должны принести эти издержки предпринимателю. Пользуясь этимъ опредѣленіемъ для разрѣшенія интересующаго насъ вопроса о „прибыли" (прибавочной стоимости), мы приходимъ къ слѣдующему поучительному выводу: величина прибыли опредѣляется величиною стоимости того „лишняго", которое произвели работники сверхъ стоимости своего „корма"; а стоимость этого „лишняго", какъ и всякого другого товара, опредѣляется издержками его производства и прибылью, которую должны принести эти издержки. Прибыль зависитъ отъ стоимости, а стоимость отъ прибыли, подобно тому, какъ земля лежитъ на китахъ, а киты на водѣ, а вода на землѣ. Это уже и само по себѣ мудрено; но еще болѣе мудреннымъ представится намъ все дѣло, когда мы вспомнимъ, что интересующее насъ „лишнее" получается предпринимателемъ *сверхъ* сдѣланныхъ имъ издержекъ и слѣдовательно ни о какихъ издержкахъ его на производство этого „лишняго" не можетъ быть и рѣчи. Выходитъ, что, слѣдуя опредѣленіямъ Милля, мы не только не попадаемъ на прямой путь для разрѣшенія вопроса о „прибыли", но странствуемъ по такой логической кривой, которую можно назвать *кривою двойной кривизны*.

Во всемъ изслѣдованіи Милля о „прибыли" вѣрно лишь то, что для ея производства нужна извѣстная степень производительности труда, позволяющая рабочимъ производить больше, чѣмъ необходимо для ихъ содержанія. Но если это показываетъ намъ, — да и то сквозь густѣйшій туманъ противорѣчій — что „прибыль" производится даровымъ трудомъ работниковъ, то мы еще вовсе не видимъ, какимъ образомъ производство „прибыли" обусловливается механиз-

момъ буржуазнаго общества. Въ этомъ отношеніи Милль остался далеко позади Рикардо, который уже умѣлъ связать вопросъ о производствѣ прибавочной стоимости съ вопросомъ стоимости вообще. Чернышевскій не замѣчаетъ ошибокъ „достойнаго ученика Рикардо". Подкупленный признаніемъ Милля относительно эксплуатаціи работника предпринимателемъ, онъ прощаетъ ему какъ запутанность тѣхъ объясненій, которыми тотъ сопровождаетъ это признаніе, такъ и другія нелѣпости, въ родѣ того, что „во всемъ процессѣ производства, начинающемся матерьяломъ и орудіями труда и кончающемся готовымъ продуктомъ, всѣ затраты состоятъ исключительно изъ рабочей платы", и что „вся та часть окончательнаго продукта, которая не составляетъ прибыли, служитъ возвращеніемъ капиталисту затратъ, сдѣланныхъ на рабочую плату". Чернышевскому кажется, что все это такъ и есть въ дѣйствительности. Соглашаясь съ Миллемъ по вопросу о происхожденіи прибыли, онъ не расходится съ нимъ и въ указаніи причинъ, отъ которыхъ зависитъ ея уровень.

По словамъ Милля „выигрышъ капиталистовъ зависитъ исключительно отъ двухъ обстоятельствъ: во первыхъ, отъ величины продукта, иначе сказать, отъ производительной силы труда, и, во вторыхъ отъ того, какую часть этого продукта получаютъ сами работники, отъ пропорціи между вознагражденіемъ работниковъ и всею суммою ими производимою. Эти два элемента служатъ данными, которыми опредѣляется вся сумма, раздѣляющаяся въ видѣ прибыли между всѣми капиталистами страны. Но величина прибыли (Милль хочетъ сказать ея уровень), процентное ея отношеніе къ капиталу, опредѣляется только вторымъ изъ этихъ элементовъ, — тѣмъ, какую долю получаетъ работникъ, а не суммою, раздѣляемою между работникомъ и капиталистомъ. Если продуктъ труда удвоится, и работники будутъ получать такую же пропорцію изъ него какъ прежде, т. е. если ихъ вознагражденіе также удвоится, то капиталисты, правда, получатъ вдвое больше прежняго, но такъ какъ они затратили вдвое больше прежняго, величина ихъ прибыли не увеличится, а останется прежняя." Затѣмъ Милль замѣчаетъ, что для опредѣленія уровня прибавочной стоимости („прибыли") имѣетъ значеніе собственно не рабочая плата, а стоимость труда, т. е. стоимость рабочей силы. „Дешевый трудъ можетъ быть неуспѣшенъ, говоритъ онъ... Вознагражденіе земледѣльческаго работника на западѣ Ирландіи не превышаетъ половины самой низкой платы, какую получаетъ англійскій работникъ, — платы дорсетширскому работнику. Но если по меньшему своему искусству и усердію ирландецъ въ два рабочіе дня исполняетъ работы не больше, чѣмъ англійскій работникъ въ одинъ день, то трудъ ирландца стоитъ не дешевле, чѣмъ трудъ англичанина, хотя самъ ирландецъ получаетъ гораздо меньше." Мы видимъ теперь, что самъ Милль не считаетъ возможнымъ опредѣлить уровень *прибавочной* стоимости безъ аппеляціи къ стоимости вообще. И, конечно, лучше поздно чѣмъ никогда, но плохо то, что онъ ограничивается лишь соображеніями о „стоимости труда", забывая о стоимости создаваемаго „трудомъ" продукта. Одно изъ обстоятельствъ,

отъ которыхъ зависитъ, по его словамъ, общая сумма прибыли (прибавочной стоимости) есть „производительная сила труда“. Это не точно. *Прибавочная* стоимость, какъ стоимость, по природѣ своей ничѣмъ не отличается отъ всякой другой стоимости. Эпитетъ—*прибавочная* указываетъ не на природу, а на происхожденіе ея. Это ясно безъ поясненій. Чѣмъ опредѣляется стоимость даннаго товара? Количествомъ труда, нужнаго на его производство. Если это количество, вслѣдствіе техническихъ усовершенствованій, т. е. вслѣдствіе возрастанія производительности труда, станетъ вдвое меньше, то уменьшится вдвое и стоимость товара. Величина стоимости даннаго товара обратно пропорціональна производительности труда въ той отрасли промышленности, которая производитъ этотъ товаръ. Слѣдовательно, производительность труда еще не опредѣляетъ намъ размѣровъ прибавочной стоимости. Отъ нея зависитъ количество предметовъ, представляющихъ эту стоимость, но не величина самой стоимости. Чѣмъ же опредѣляется, въ такомъ случаѣ, величина прибавочной стоимости? Да тѣмъ же, чѣмъ опредѣляется величина стоимости вообще, то есть *трудомъ*. Трудъ, воплощенный въ прибавочной стоимости, имѣетъ лишь ту особенность, что онъ есть *неоплаченный трудъ*, трудъ, присвоиваемый эксплуататоромъ *задаромъ*. Но это не измѣняетъ природы труда: оплаченный или неоплаченный, онъ одинаково является единственнымъ источникомъ стоимости. Слѣдовательно, размѣры прибавочной стоимости зависятъ отъ того количества труда, которое удается эксплуататорамъ выжать изъ рабочихъ. Если мы предположимъ, что количество этого труда остается неизмѣннымъ, то величина прибавочной стоимости также останется безъ измѣненія, хотя бы производительность труда росла какъ нельзя болѣе быстро.

„Если продуктъ труда удвоится, увѣряетъ Милль, и работники будутъ получать такую же пропорцію изъ него какъ прежде, т. е., если ихъ вознагражденіе также удвоится, то капиталисты, правда, получатъ вдвое больше прежняго, но такъ какъ они затратили вдвое больше прежняго, величина ихъ прибыли не увеличится, а останется прежняя.“ Все это разсужденіе есть настоящій Гордіевъ узелъ всяческихъ запутанностей. О какомъ удвоеніи продукта говоритъ Милль? Это ясно изъ предыдущаго: онъ говоритъ объ удвоеніи продукта, происходящемъ вслѣдствіе возрастанія производительности труда. Но если это возрастаніе происходило при прочихъ равныхъ условіяхъ, то оно не вело за собою ни малѣйшаго измѣненія ни въ величинѣ прибавочной стоимости, ни въ величинѣ стоимости рабочей силы. Значитъ, чего же именно капиталисты „получатъ вдвое больше прежняго“? Если не прибавочной стоимости, то..... чего же? Тѣхъ продуктовъ, на которые они обмѣниваютъ свою прибавочную стоимость. Другими словами: при тѣхъ же размѣрахъ прибавочной стоимости, при томъ же количествѣ выжатаго изъ рабочихъ неоплаченнаго труда, эти люди, по выраженію Адама Смита, живущіе тамъ, гдѣ не сѣяли, получатъ возможность жить вдвое лучше прежняго, точно также какъ ведущій естественное хозяйство помѣщикъ получилъ бы возможность жить вдвое лучше прежняго, если бы его крѣ-

постные, работая на него по прежнему извѣстное число дней въ недѣлю, стали бы производить въ эти дни вдвое больше, чѣмъ прежде. Но разъ это такъ, то какимъ же это образомъ капиталисты ухитрятся затрачивать на производство вдвое больше прежняго? Не ясно ли, напротивъ, по всему смыслу нашего предположенія, что стоимость ихъ затратъ останется неизмѣнной? Милль хочетъ сказать, что работники получатъ возможность жить вдвое лучше прежняго (для него вѣдь всѣ расходы производства сводятся въ послѣднемъ счетѣ къ затратамъ на покупку рабочей силы). Понимаемый такимъ образомъ, онъ разумѣется правъ. Но улучшеніе матеріальнаго положенія работниковъ будетъ результатомъ увеличенія производительности труда, а не затратъ, дѣлаемыхъ капиталистами.

А можетъ быть, говоря объ увеличеніи продукта (т. е. всего вообще національнаго продукта). Милль имѣетъ въ виду увеличеніе его стоимости? Въ такомъ случаѣ его гипотеза объ увеличеніи производительности труда сводится къ тому предположенію, что работники данной страны произвели продуктъ, имѣющій вдвое большую стоимость. Остановимся на этомъ предположеніи.*)

Чтобы произвести вдвое большую стоимость, работники должны затратить вдвое больше труда. Это возможно при двухъ различныхъ условіяхъ: 1) или при удвоеніи числа эксплуатируемыхъ работниковъ, или 2) въ томъ случаѣ, когда работники, не увеличиваясь въ числѣ, станутъ трудиться вдвое больше прежняго. Разумѣется, возможенъ и третій случай: большее или меньшее увеличеніе числа работниковъ, сопровождаемое большимъ или меньшимъ увеличеніемъ труда, приходящагося на долю каждаго отдѣльнаго работника; но безполезно разсматривать этотъ случай, такъ какъ онъ ничего не прибавитъ къ пониманію предмета. Итакъ, посмотримъ, что будетъ, если продуктъ, имѣющій вдвое большую стоимость, будетъ произведенъ трудомъ вдвое большаго числа рабочихъ. Милль предполагаетъ, что съ увеличеніемъ продукта не измѣняется подраздѣленіе его на рабочую плату и стоимость: если прежде на прибавочную стоимость приходилось, скажемъ, половина всей суммы продукта, то и теперь будетъ то же самое. Слѣдовательно, на заработную плату также будетъ приходиться, теперь какъ и прежде, половина продукта. Такъ какъ стоимость всего продукта увеличилась вдвое, то и та часть его, которая представляетъ собою заработную плату, будетъ имѣть вдвое большую стоимость. Но эта вдвое большая стоимость дѣлится между вдвое большимъ числомъ рабочихъ. Слѣдовательно, заработная плата каждаго изъ нихъ въ отдѣльности остается неизмѣнной въ смыслѣ своей стоимости. А что же будетъ съ капиталистами? Присвоиваемая ими прибавочная стоимость будетъ вдвое больше прежняго; иначѣ сказать, они будутъ присвоивать теперь вдвое большее количество чужого неоплаченнаго труда. Уровень прибавочной стоимости оста-

*) Въ стоимость продукта даннаго года всегда входитъ, какъ очень значительная составная часть, стоимость средствъ производства, созданныхъ трудомъ предыдущихъ лѣтъ. Но мы для простоты разсужденія оставляемъ эту часть безъ вниманія, т. е. называемъ продуктомъ даннаго года лишь ту часть стоимости національнаго годового продукта, которая произведена трудомъ даннаго года.

нется неизмѣннымъ, но эксплуатація рабочаго класса ровно вдвое увеличится въ отношеніи количества, подвергающагося ей живого матерьяла. У Милля этотъ неизбѣжный выводъ скрывается за разсужденіями о томъ, что хотя капиталисты получатъ вдвое больше, „но такъ какъ они затратили вдвое больше прежняго (т. е. купили вдвое больше рабочей силы), то величина (уровень) ихъ прибыли не увеличится." Дѣйствительно, уровень прибавочной стоимости не измѣнится, если не измѣнится отношеніе ея къ рабочей платѣ. Но что же такое — отношеніе ея къ рабочей платѣ? Это именно и есть ея уровень. Значитъ, уровень ея не измѣняется, если остается неизмѣннымъ. Грѣшно было бы утверждать, что этимъ сказано очень много!

Теперь — другой случай. Прежнее число работниковъ, трудясь вдвое больше прежняго, производитъ вдвое большую стоимость. Отношеніе прибавочной стоимости къ заработной платѣ не измѣняется. Рабочіе получаютъ теперь вдвое большую стоимость въ видѣ заработной платы, капиталисты вдвое большую прибавочную стоимость. Объ этомъ случаѣ Милль опять скажетъ намъ, что такъ какъ капиталисты затратили вдвое больше, то они и проч. и проч., словомъ, что уровень прибыли не измѣнится. Но вѣдь это мы знаемъ и безъ него, это стоитъ въ условіяхъ задачи. Намъ интересно знать, къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ въ предположенномъ нами случаѣ „увеличеніе продукта". Вдумаемся же въ нихъ внимательнѣе. Прибавочная стоимость создается неоплаченнымъ трудомъ рабочихъ. Прибавочная стоимость въ разсматриваемомъ случаѣ оказалась вдвое больше, чѣмъ была прежде. Слѣдовательно, г.г. капиталисты выжали изъ рабочихъ вдвое большее количество неоплаченнаго труда. Число рабочихъ осталось безъ измѣненія. Слѣдовательно, изъ каждаго рабочаго гг. капиталисты выжимаютъ теперь вдвое больше дарового труда. Это очень немаловажное обстоятельство. Но Милль ни однимъ словомъ не намекаетъ на то, что національный продуктъ ростомъ своимъ можетъ быть обязанъ увеличенію именно этого рода „производительности" труда, т. е. увеличенію выгодныхъ сторонъ эксплуатаціи.

Марксъ сказалъ бы, что Милль смѣшиваетъ трудъ, какъ источникъ матеріальнаго богатства съ трудомъ, какъ источникомъ стоимости. Различеніе этихъ двухъ понятій существенно важно для объясненія самыхъ коренныхъ законовъ буржуазнаго хозяйства. Правда, только Марксу удалось вполнѣ выяснить различіе этихъ понятій; до него экономисты постоянно путались въ нихъ, незамѣтно для себя подставляя одно вмѣсто другого. Но у Милля и въ этомъ случаѣ путаницы больше, чѣмъ у классическихъ представителей буржуазной экономіи.

Увеличеніе производительности труда играло очень важную роль въ историческомъ увеличеніи уровня прибавочной стоимости. Удешевляя предметы, необходимые для существованія работниковъ, оно тѣмъ самымъ уменьшало стоимость рабочей силы и давало продавцамъ этой силы, пролетаріямъ, фактическую возможность довольствоваться все меньшею и меньшею долею національнаго продукта.

Но само собою разумѣется, что мы ничего не поймемъ въ этомъ явленіи, если будемъ путать понятіе о матерьяльномъ богатствѣ съ понятіемъ о стоимости.

Изложивъ ученіе Милля о „прибыли“ и совершенно согласившись съ нимъ, нашъ авторъ находитъ, однако, нужнымъ сдѣлать къ нему пополненіе, которое онъ считаетъ очень важнымъ. Сущность этого пополненія сводится вотъ къ чему.

По ученію Мальтуса бѣдность рабочаго класса происходитъ отъ излишняго размноженія, отъ того, что люди размножаются быстрѣе, чѣмъ средства ихъ существованія. Но можно представить себѣ такое положеніе дѣлъ: средства существованія ростутъ очень быстро, какъ и все вообще богатство страны; населеніе размножается далеко не такъ быстро или даже совсѣмъ не размножается, а между тѣмъ заработная плата падаетъ, рабочій классъ все болѣе и болѣе бѣднѣетъ. И такое положеніе дѣлъ непремѣнно явится въ томъ случаѣ, если прибавочная стоимость станетъ расти быстрѣе, чѣмъ ростетъ вся сумма національнаго продукта. Въ этомъ случаѣ прибавочная стоимость, очень скоро поглотивъ весь приростъ національнаго богатства, начнетъ дѣлать все большіе и большіе захваты изъ той доли, которая достается рабочему классу. Слѣдовательно, бѣдность рабочаго класса будетъ происходить въ этомъ случаѣ не отъ того, что продуктовъ мало, а отъ того, что распредѣляются они слишкомъ неравномѣрно, не отъ слабости производительныхъ силъ, а отъ неудовлетворительности распредѣленія. На первый взглядъ это положеніе дѣлъ представляется чисто гипотетическимъ. Но стоитъ только всмотрѣться въ бытъ цивилизованныхъ странъ, чтобы видѣть, до какой степени подобная гипотеза соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ прибавочная стоимость „имѣетъ постоянную тенденцію развиваться до того, чтобы захватывать какъ можно большую долю изъ фонда рабочей платы; она стремится поглотить весь этотъ фондъ и останавливается въ такомъ стремленіи лишь матеріальною невозможностью для работника существовать иначе, какъ при извѣстной величинѣ рабочей платы.“ Странно приписывать бѣдность рабочаго класса его излишнему размноженію, когда она объясняется совершенно другими причинами; странно размноженію приписывать тѣ бѣдствія, которыя совершенно достаточно объясняются современнымъ распредѣленіемъ продуктовъ и необходимо изъ него вытекаютъ. На эту сторону вопроса не обратилъ вниманія никто изъ экономистовъ смитовской школы, поэтому никто изъ нихъ не умѣлъ правильно взглянуть и на ученіе Мальтуса.

Мы изложили мысль Чернышевскаго не такъ, какъ она изложена въ его сочиненіи. Но мы увѣрены, что передали ее правильно. И всякій, кто имѣетъ хоть нѣкоторое понятіе о нынѣшнемъ состояніи экономической науки, скажетъ, что въ общемъ нельзя не согласиться съ нею. Въ настоящее время не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что бѣдность пролетаріата обусловливается не *законами природы*, а *общественными отношеніями*. Если бы рабочій классъ совершенно пересталъ размножаться, то развитіе капитализма все такп привело бы къ образованію относительнаго избытка населенія и ко всѣмъ

связаннымъ съ нимъ бѣдствіямъ. Бѣдность современнаго пролетаріата есть бѣдность совершенно особеннаго рода. Она развивается *рядомъ* съ развитіемъ національнаго богатства и *вслѣдствіе* его развитія. Законы размноженія людей не только не объясняютъ этой бѣдности, но, по скольку дѣло идетъ о размноженіи въ существующемъ обществѣ, сами объясняются ею, такъ какъ количество рожденій повсюду стоитъ въ тѣсной связи съ общественными отношеніями, „абстрактные же законы размноженія существуютъ только для животныхъ и растеній". Ничего этого дѣйствительно не подозрѣвали экономисты смитовской школы, по крайней мѣрѣ до Рикардо, у котораго есть уже довольно ясное понятіе о причинахъ относительнаго перенаселенія въ капиталистическомъ обществѣ. Такимъ образомъ, Чернышевскій въ общемъ правъ. Но въ подробномъ развитіи его мысли заключается множество самыхъ страшныхъ ошибокъ.

Бѣдность рабочаго класса зависитъ отъ того, что прибавочная стоимость захватываетъ все большую и большую долю національнаго продукта. Это такъ. Но отчего же зависитъ это вѣрно указанное обстоятельство? Отъ того, отвѣчаетъ Чернышевскій, что прибавочная стоимость имѣетъ свойство расти по геометрической пропорціи. „Каждому извѣстно, съ какою огромною силою ростетъ капиталъ, когда проценты прилагаются къ первоначальной суммѣ и снова даютъ на себя проценты." Слѣдуетъ таблица, показывающая ростъ капитала при разныхъ величинахъ прибыли отъ 10 до 40 проц. „Возможно ли коммерческому человѣку получать по 40 % чистой прибыли? — спрашиваетъ Чернышевскій. Да, это очень возможно; иначе не было бы примѣровъ тому, что начавъ свои торговые обороты лѣтъ въ 20 съ какою нибудь сотнею рублей, человѣкъ становится въ 50 лѣтъ милліонеромъ . . . Но не будемъ останавливаться на этихъ 40 %, не будемъ останавливаться ни на 35 %, ни на 30 %, ни на 25 %, ни даже на 20 %, — остановимся только на 15 % чистой прибыли... При этомъ процентѣ, который ниже обыкновеннаго, капиталъ въ теченіе одного поколѣнія возростаетъ въ 66 разъ. Спрашиваемъ теперь, бывало ли когда нибудь и возможно ли было когда нибудь, чтобы сумма богатствъ, принадлежащихъ націи, возросла въ теченіе какихъ нибудь 30 лѣтъ,—не говоримъ въ 66 разъ, а хотя въ 30 разъ, хотя въ 20 разъ?" На этотъ вопросъ дается отрицательный отвѣтъ: національное богатство не можетъ возростать въ такой быстрой степени. Слѣдовательно, прибыль постоянно поглощаетъ все большую и большую часть продукта, заключаетъ Чернышевскій. Вотъ его собственныя слова. „Мы знаемъ, что величина прибыли (слѣдовало сказать: прибыль) есть остатокъ продукта за вычетомъ рабочей платы... Мы видимъ, что одна изъ двухъ долей продукта ростетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ вся сумма продукта. Это значитъ, что другая доля продукта уменьшается."

Чтобы сдѣлать свои доводы болѣе наглядными, Чернышевскій приводитъ новую таблицу, въ которой показывается, какъ будетъ измѣняться по десятилѣтіямъ распредѣленіе національнаго продукта, — который первоначально равнялся 10,000, — если ежегодный процентъ его возростанія принять равнымъ 6,15, а ежегодный процентъ

прибыли — 10,5, причемъ прибыль первоначально составляетъ лишь десятую часть продукта, т. е. 1000. Вотъ эта таблица.

Годы	Сумма продукта	Сумма прибыли	Сколько изъ суммы продукта остается на рабочую плату	Какую долю изъ суммы продукта составляетъ сумма прибыли	Какая доля изъ суммы продукта остается на рабочую плату
1-й	10,000	1,000	9,000	10%	90%
11-й	18,171	2,714	15,457	15	85
21-й	33,019	7,681	25,338	22	78
31-й	60,000	20,000	40,000	33	67
41-й	109,030	54,288	54,942	48	52
51-й	198,120	147,360	50,760	74	26
61-й	360,000	400,000	— 40,000	111	— 11

По поводу этой таблицы Чернышевскій замѣчаетъ, что представленный ею ходъ дѣлъ будетъ въ сущности одинаковъ, какъ въ томъ случаѣ, если населеніе не размножается, такъ и тогда, когда оно остается постояннымъ. „Разница лишь въ томъ, что при неразмножающемся населеніи рабочая плата сначала возвышалась бы значительнѣе, чѣмъ при размножающемся.“ Чтобы понять это замѣчаніе, нужно помнить, чѣмъ опредѣляется у него величина заработной платы : она есть частное, происходящее отъ дѣленія фонда рабочей платы на число работниковъ. Фондъ же рабочей платы есть разность, происходящая отъ вычитанія прибыли изъ годового продукта страны. Ясно, что число работниковъ не вліяетъ на величину прибыли, а между тѣмъ, въ этой величинѣ все дѣло: фондъ рабочей платы уменьшается единственно потому, что прибыль дѣлаетъ изъ него все большіе и большіе захваты. Для простоты разсчета мы остановимся на томъ случаѣ, когда населеніе не размножается. Но прежде, чѣмъ приступить къ какимъ нибудь разсчетамъ, мы просимъ читателя вдуматься въ общій характеръ доводовъ нашего автора.

Откуда берется процентъ не капиталъ ? Изъ прибавочной стоимости. Величина той части прибавочной стоимости, которая распредѣляется между капиталистами въ видѣ процентовъ на ихъ капиталъ, а слѣдовательно и высота процента, зависитъ отъ многихъ условій, въ разсмотрѣніе которыхъ мы входить не станемъ. Для насъ важно лишь то, что возвышеніе процента, платимаго по ссудамъ, еще не указываетъ на увеличеніе общей суммы прибавочной стоимости. Если бы въ какой нибудь странѣ обычный процентъ возросъ съ 3 до 6, то это, разумѣется, не означило бы, что въ этой странѣ удвоилась общая сумма прибавочной стоимости. Эта перемѣна могла произойти просто вслѣдствіе того обстоятельства, что измѣнилось *распредѣленіе* данной суммы прибавочной стоимости : въ качествѣ процентовъ на капиталъ стала отдѣляться отъ нея вдвое большая часть, чѣмъ отдѣлялась прежде. Это ясно. Пойдемъ далѣе. Если

процентъ, платимый по ссудамъ, равняется въ данной странѣ десяти, то значитъ ли это, что капиталъ этой страны увеличивается ежегодно на десять процентовъ? Если лица, получающія такой процентъ, проживаютъ весь свой доходъ и если, кромѣ того, всѣ остальныя части прибавочной стоимости (рента, предпринимательская прибыль, прибыль на торговый капиталъ) также проживаются своими получателями, топётъ никакихъ основаній для роста національнаго капитала. Правда, приносимая имъ прибавочная стоимость можетъ возростать не смотря на все это, просто вслѣдствіе того, что увеличится относительное количество дарового труда, высасываемаго имъ изъ рабочихъ. Но мы не принимаемъ пока во вниманіе этого обстоятельства, мы предполагаемъ пока, что общая сумма прибавочной стоимости зависитъ единственно отъ общей суммы капитала, какъ предполагаетъ это и Чернышевскій. Итакъ, что же будетъ у насъ, если вся прибавочная стоимость проживается гг. присвоителями? Національный капиталъ не будетъ возростать, а слѣдовательно не будетъ рости и сумма прибавочной стоимости, каково бы ни было и какъ бы ни измѣнялось ея подраздѣленіе на процентъ, торговую прибыль и проч... Но если часть прибавочной стоимости даннаго года присоединяется къ капиталу слѣдующаго года, то по нашему предположенію увеличится и приносимая имъ прибавочная стоимость. Прибавочная стоимость второго года будетъ больше, чѣмъ прибавочная стоимость перваго года? Каковъ же математическій законъ ея увеличенія? Прибавочная стоимость второго года будетъ во столько разъ больше прибавочной стоимости перваго года, во сколько капиталъ второго года больше капитала перваго года. А во сколько же разъ капиталъ второго года больше капитала перваго года? Этого мы не знаемъ, это зависитъ отъ того, какъ велика была присоединившаяся къ капиталу второго года часть прибавочной стоимости. Положимъ, что прибавочная стоимость, получаемая присвоителями въ концѣ перваго года, равняется милліарду рублей, и притомъ не бумажныхъ рублей, надъ которыми г. Вышнеградскій продѣлываетъ свои удивительные фокусы, а золотыхъ рублей, стоимость которыхъ, къ счастью, не зависитъ отъ г. Вышнеградскаго. Этотъ милліардъ золотыхъ рублей составляетъ — нашъ авторъ не любитъ торговаться, не станемъ торговаться и мы — 50 % *всего* національнаго капитала. Положимъ, что весь этотъ милліардъ рублей употребленъ гг. присвоителями на непроизводительное занятіе „прожиганія жизни“, и отъ этой колоссальной траты спасено только сто рублей, которые присоединены къ національному капиталу. Согласно нашему предположенію прибавочная стоимость второго года должна будетъ увеличиться на пятьдесятъ рублей (пятьдесять % съ новаго капитала во сто рублей). Это значитъ, что прибавочная стоимость второго года во столько разъ больше прибавочной стоимости перваго года, во сколько милліардъ + сто больше милліарда. Если вамъ не лѣнь прибѣгнуть къ „математическому методу“, то вы легко можете высчитать *процентъ* этого увеличенія. Вы увидите, что онъ во много и много разъ меньше того процента, который получается у васъ при сопоставленіи общей суммы прибавочной стоимости съ общею суммой капитала. Этотъ послѣдній

процентъ равнялся *пятидесяти*, а тотъ первый процентъ, будетъ равняться одной десятитысячной (0,0001). Что же это значитъ? Это значитъ, что даже при предположенныхъ нами условіяхъ процентъ ежегоднаго возростанія прибавочной стоимости вовсе не равенъ процентному отношенію общей суммы прибавочной стоимости къ общей суммѣ національнаго капитала. Въ какомъ же случаѣ онъ можетъ сравняться съ нимъ? Въ томъ случаѣ, если *вся* прибавочная стоимость даннаго года присоединяется къ капиталу слѣдующаго года. Такъ ли это? Мы увидимъ, что это не совсѣмъ такъ, но Чернышевскій предполагаетъ, что это такъ, и мы не хотимъ пока вступить съ нимъ въ споръ. Но все таки мы просимъ замѣтить нашъ выводъ: процентъ возростанія прибавочной стоимости равняется процентному отношенію общей суммы ея къ общей суммѣ капитала только тогда, когда вся прибавочная стоимость даннаго года присоединяется къ капиталу слѣдующаго года. Держа въ памяти этотъ выводъ, обратимся къ таблицѣ нашего автора.

Что мы видимъ въ ней? Мы видимъ, что прибавочная стоимость, первоначально равнявшаяся тысячѣ, по прошествіи сорока лѣтъ равняется уже 147,360. При какомъ условіи возможно такое возростаніе? Именно при только что указанномъ условіи, т. е. когда прибавочная стоимость цѣликомъ прилагается къ капиталу. Но это значитъ, что капиталисты ничего не тратятъ на свою жизнь, и при томъ ничего не тратятъ въ теченіе *сорока лѣтъ*. Чѣмъ же живутъ капиталисты, какъ поддерживаютъ они свое грѣшное существованіе? Неизвѣстно, но фактъ тотъ, что они не потратили на себя за все это время ни одного атома прибавочной стоимости. Это въ полномъ смыслѣ слова рѣдкій случай капиталистическаго „воздержанія“. Чтобы не тратить на себя ничего въ теченіе сорока лѣтъ, капиталистамъ нужно было не имѣть никакихъ потребностей. А кто не имѣетъ никакихъ потребностей, тому нѣтъ надобности и въ эксплуатаціи рабочихъ.

А впрочемъ, можетъ быть мы ошиблись? Посмотримъ еще разъ на таблицу Чернышевскаго. Первоначальная прибавочная стоимость равняется въ ней одной тысячѣ. Значитъ, былъ же капиталъ, принесшій эту тысячу. Какъ великъ онъ былъ? Чернышевскій ничего не говоритъ объ этомъ. Но предполагая, что ежегодный процентъ возростанія прибавочной стоимости равняется выраженному въ процентахъ отношенію общей суммы ея къ общей суммѣ капитала, мы находимъ, что капиталъ, принесшій прибавочную стоимость въ одну тысячу, равенъ 9523,8. Куда же дѣвался этотъ капиталъ въ нашей таблицѣ? Очевидно, онъ пересталъ приносить прибавочную стоимость, потому что въ таблицѣ фигурируетъ лишь та прибавочная стоимость, которая получается вслѣдствіе роста (по сложнымъ процентамъ) первоначальной прибавочной стоимости въ одну тысячу. Значитъ капиталисты перестали употреблять его въ производство. Что же они сдѣлали съ нимъ? Можетъ быть онъ то и поддерживалъ ихъ существованіе за всѣ тѣ десятки лѣтъ, къ которымъ относится разсчетъ Чернышевскаго? Если это такъ, то позволительно спросить какъ сохраняли и въ какомъ видѣ потребляли этотъ, такъ сказать,

умершій капиталъ его обладатели? Очень значительную часть всякаго „производительнаго капитала“ составляютъ средства производства: сырой матеріалъ, орудія труда и т. п.. Что же, капиталисты ѣли всѣ эти вещи, чтобы не умереть съ голоду? Это было бы странно, но положимъ, что это было такъ; положимъ, что капиталисты въ теченіе десятковъ лѣтъ жизни, потребляя тѣ средства производства, съ помощью которыхъ рабочіе создали первоначальную тысячу прибавочной стоимости. Тогда все таки остается непонятнымъ слѣдующее обстоятельство. Принеся прибавочную стоимость въ одну тысячу, капиталъ устраняется изъ производительнаго потребленія, въ оборотъ пускается лишь эта тысяча единицъ прибавочной стоимости. Слѣдовательно, весь производительный капиталъ второго года равняется одной тысячѣ. А между тѣмъ, по смыслу таблицы выходитъ, что рабочая плата во второмъ году составитъ 9510. Что такое заработная плата? Это часть капитала, перемѣнная часть его, скажемъ мы, держась современной терминологіи. Какъ же это такъ можетъ быть, что перемѣнный капиталъ, т. е. одна часть національнаго капитала, равняется 9510 (см. таблицу), а весь національный капиталъ въ совокупности составляетъ лишь одну тысячу? Это явная несообразность. Но дѣло не ограничивается одной этой несообразностью. По смыслу таблицы прибавочная стоимость второго года равняется 1105 единицъ. Выходитъ, что капиталъ, ровный тысячѣ ед. принесъ 1105 ед. прибавочной стоимости. Значитъ уровень прибавочной стоимости равняется уже не 10,5 %, а 110,5 %, и что въ третьемъ году у насъ употребляется въ дѣло уже капиталъ, равный 2105 (т.е. 1000 + 1105). При такомъ ходѣ его возрастанія онъ будетъ увеличиваться гораздо быстрѣе, чѣмъ предположено въ таблицѣ Чернышевскаго. Какъ же объяснить эту новую несообразность? Вѣроятно мы опять ошибаемся. Вѣроятно капиталъ второго года равняется *десяти* тысячамъ, т. е. что въ него вошла воспроизведенная работниками стоимость заработной платы перваго года (9000) и созданная ихъ трудомъ прибавочная стоимость. Если онъ приноситъ 10,5 проц. прибавочной стоимости, то къ концу этого года онъ долженъ возрасти до одинадцати тысячъ пятидесяти ед. (11,050). Эти 11,050 ед. и будутъ составлять продуктъ этого года. Но по разсчету Чернышевскаго выходитъ иначе. По его разсчету оказывается, что продуктъ второго года равняется лишь десяти тысячамъ шести стамъ пятнадцати едич. (10,615). Если изъ этой суммы продукта вычтемъ десятъ тысячъ каптала, то на прибавочную стоимость остается лишь 615 ед. А это значитъ, что капиталъ принесъ 6,15 прц. „прибыли“. Но и это еще не все. Изъ таблицы Чернышевскаго мы видимъ, что заработная плата второго года равняется уже не 9000, а 9510. Заработная плата могла вырости только на счетъ прибавочной стоимости. Вычтемъ же изъ этой послѣдней ту сумму, на которую увеличилась заработная плата: 615—510=105. Итакъ, на „прибыль“ у насъ остается только 105 единицъ. Но если капиталъ въ 10,000 принесъ 105 ед. „прибыли“ , то это значитъ, что каждая сотня единицъ приноситъ лишь 1,05 (одну цѣлую пять сотыхъ), т. е., другими словами, что нашъ капиталъ принимаетъ лишь 1,05 процента. Но это

противорѣчитъ нашему предположенію, по которому капиталъ приноситъ 10,5 проц. прибыли. Чтобы остаться вѣрными этому предположенію, мы должны принять, что продуктъ второго года равняется 11,050 ед.; другими словами, что его стоимость равняется стоимости затраченнаго капитала, въ соединеніи съ прибавочной стоимостью или, какъ сказалъ бы Чернышевскій, съ прибылью, которая сама составляетъ 10,5 % капитала. Иначе и быть не можетъ. Если мы говоримъ, что данный капиталъ принесъ 10,5 % прибыли, то это значитъ, что въ стоимости продукта, во первыхъ, воспроизводится стоимость капитала, а во вторыхъ, къ этой воспроизведенной стоимости капитала прибавляется еще новая стоимость, „*прибыль*“. Но если это такъ, то не можетъ произойти и того несоотвѣтствія между „суммою продукта“ и „суммою прибыли“, на которое указываетъ таблица Чернышевскаго. А таблица эта затѣмъ и составлена, чтобы доказать неизбѣжность такого несоотвѣтсвія. Мы видимъ теперь, что она разбивается о свою собственную логику, и при томъ разбивается, такъ сказать, съ разныхъ сторонъ и на различные лады: Логика одной рубрики (положимъ, рубрики—„сумма прибыли“) разбиваетъ ее съ одной стороны и на одинъ ладъ, а логика другой, (скажемъ, рубрики — сумма продукта) на другой ладъ и съ совершенно другой стороны. Это показываетъ, что въ самомъ основаніи таблицы лежатъ какія-то ошибки. И не трудно найти эти ошибки.

Какъ составлена таблица Чернышевскаго? Ежегодный процентъ возрастанія продукта принятъ равнымъ 6,15, ежегодный процентъ возрастнія суммы прибыли—10,5. Есть-ли какая нибудь связь между этими двумя рубриками? Ня малѣйшей. Продуктъ ростетъ совершенно независимо отъ роста прибыли, а слѣдовательно и отъ роста капитала, прибыль, а слѣдовательно и капиталъ — совершенно независимо отъ роста продукта. Прибыль вычитается, правда, каждый годъ изъ продукта, но ростетъ она сама изъ себя и сама по себѣ, по особому закону, объясненія котораго мы напрасно стали бы искать въ ходѣ національнаго производства. Чернышевскій разсуждаетъ такъ: если бы первоначальная тысяча единицъ прибыли была положена въ банкъ и приносила бы ежегодно столько-то процентовъ, причемъ эти проценты постоянно прилагались бы къ ней, то она росла бы вотъ такимъ образомъ; слѣдовательно законъ ея роста найденъ, остается только ежегодно вычитать изъ продукта ея постоянно возрастающую сумму, чтобы опредѣлить для каждаго даннаго года величину фонда рабочей платы. Рано или поздно фондъ этотъ начнетъ очень быстро уменьшаться, такъ какъ продуктъ не можетъ расти съ тою же быстротою, съ какой растетъ капиталъ. Такимъ образомъ, „гипотеза“ возрастанія прибыли построена безъ всякаго вниманія къ конкретнымъ условіямъ производства и воспроизведенія капитала. Единственнымъ основаніемъ ея служитъ ариѳметическое правило сложныхъ процентовъ. А такъ какъ величина „фонда рабочей платы“ зависитъ отъ величины „суммы прибыли“, то выходитъ, что и законъ рабочей платы опредѣляется въ послѣднемъ счетѣ тѣмъ же правиломъ процентовъ. Мы видимъ изъ таблицы, что въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій фондъ рабочей платы растетъ очень быстро. Въ сорокъ

первомъ году онъ оказывается въ шесть разъ больше, чѣмъ былъ первоначально. Почему же онъ выросъ такъ значительно? Просто потому, что возрастала та разность, которая получалась отъ вычитанія суммы прибыли изъ суммы продукта. Капиталисты отсчитали себѣ то, что имъ слѣдовало, а затѣмъ весь остатокъ отдали рабочимъ, не присвоивъ себѣ изъ него ни одной копѣйки. Ариѳметика рѣшаетъ весь вопросъ, отъ нея зависитъ все *распредѣленіе* продукта, дѣйствительныя отношенія труда къ капиталу совершенно исчезаютъ изъ нашего кругозора. А отъ чего зависитъ ростъ продукта, чѣмъ опредѣляется ходъ національнаго производства? Онъ опредѣляется тоже ариѳметикой: продуктъ ростетъ тоже по сложнымъ процентамъ, но только процентъ его возрастанія меньше процента возрастанія суммы прибыли. Все дѣло изображается такъ, какъ будто у насъ есть два банка, изъ которыхъ одинъ принялъ въ видѣ вклада первоначальную сумму продукта, платя на нее по 6,15 % въ годъ, а другой принялъ первоначальную сумму прибыли и платитъ за нее по 10,5 %. Намъ остается только принять къ свѣдѣнію эту операцію и смотрѣть съ какой удивительной быстротой *прибыль* догоняетъ и даже перегоняетъ продуктъ въ своемъ ростѣ. Но вѣдь капиталъ не можетъ приносить прибыль иначе, какъ будучи употребленъ на производство, а будучи употребленъ на производство, онъ воспроизводитъ свою стоимость въ стоимости продукта; а воспроизводя свою стоимость въ стоимости продукта, и притомъ, воспроизводя ее съ извѣстною прибылью, т. е. всегда составляя лишь часть стоимости продукта, онъ не можетъ перерости цѣлое, не можетъ имѣть большую стоимость, чѣмъ продуктъ. Отсюда слѣдуетъ, что какова бы ни была въ дѣйствительности „тенденція прибыли“, она порождается не тою причиной, на которую указываетъ Чернышевскій. Это становится очевиднымъ тотчасъ же, какъ только мы покидаемъ область абстракціи и принимаемъ въ соображеніе дѣйствительныя условія воспроизведенія капитала.

Но позвольте, скажетъ читатель. Откуда же вы взяли, что стоимость капитала не можетъ перерости стоимость ежегоднаго продукта страны. Стоимость капитала не только *можетъ*, но и непремѣнно *должна* быть больше стоимости продукта. Капиталъ подраздѣляется, какъ вамъ извѣстно, на постоянный капиталъ (средства производства) и перемѣнный капиталъ (заработная плата). Перемѣнный капиталъ, дѣйствительно, цѣликомъ воспроизводится въ стоимости продукта. Но что касается *постояннаго* капитала, то онъ переноситъ на продуктъ *только часть* своей стоимости. Орудія труда, фабричныя зданія и тому подобныя части тѣла постояннаго капитала служатъ для производства въ теченіе многихъ лѣтъ; ихъ ежегодное изнашиваніе сравнительно не велико; поэтому не велика и та часть ихъ стоимости, которая переносится на продуктъ даннаго года. Достаточно имѣть хоть нѣкоторое понятіе объ экономикѣ капиталистическихъ странъ, чтобы знать, что годовой продуктъ любой изъ странъ гораздо меньше общей суммы находящагося въ ней капитала. И Чернышевскій вполнѣ правъ, если имѣетъ въ виду этотъ всѣмъ

извѣстный фактъ, утверждая, что національный капиталъ растетъ быстрѣе національнаго продукта.

Несомнѣнно, что Чернышевскій избѣжалъ бы многихъ ошибокъ, если бы принялъ въ соображеніе существенное различіе составныхъ частей капитала. Однако онъ поступилъ какъ разъ наоборотъ. Въ своихъ примѣрныхъ разсчетахъ онъ совершенно забылъ о постоянномъ капиталѣ. Въ этомъ случаѣ его ввелъ въ ошибку Д. С. Милль. По мнѣнію Милля, во всемъ процессѣ производства „всѣ затраты состоятъ исключительно изъ рабочей платы". Понятно, что при такомъ взглядѣ на „издержки производства" стоимость всякаго товара сводится къ формулѣ: рабочая плата (издержки производства, какъ сказалъ бы Милль, постоянный капиталъ, — скажемъ мы) + прибыль (т. е. прибавочная стоимость). Въ этой формулѣ не отводится опредѣленнаго мѣста для постояннаго капитала, или, вѣрнѣе, для переносимой на данный продуктъ части его стоимости. Чернышевскій принялъ эту формулу безъ всякихъ поправокъ и оговорокъ, а она очень нуждалась въ нихъ. Когда Милль говорилъ, что въ стоимости товара входятъ только два элемента: рабочая плата и прибыль, то подъ рабочей платой онъ, *по крайней мѣрѣ иногда*, понималъ не только плату рабочихъ, трудившихся *въ данномъ году* надъ производствомъ этого товара. Онъ имѣлъ въ виду также и плату рабочихъ, приготовившихъ сырой матеріалъ и другія средства производства. А всѣ эти средства производства могутъ представлять собою продуктъ труда предыдущаго года или даже предыдущихъ лѣтъ. То же по отношенію къ прибыли. Въ формулѣ: *рабочая плата + прибыль* должна быть принимаема въ соображеніе прибыль всѣхъ тѣхъ предпринимателей, черезъ руки которыхъ прошли средства производства въ процессѣ свего изготовленія. Понятая такимъ образомъ, формула эта лишь нелѣпо выражаетъ фактъ перенесенія стоимости производительныхъ средствъ на стоимонть даннаго товара, но она все таки считается съ этимъ фактомъ. Чернышевскій же при составленіи своей таблицы придалъ другой смыслъ этой формулѣ. Пользуясь ею, онъ подъ прибылью и подъ рабочей платой понималъ плату и прибыль, получаемыя участникомъ производства только въ томъ году, къ которому относится его разсчетъ. Это уже большая ошибка, хотя надо признаться, что не легко было избѣжать ее при нелѣпомъ видѣ разбираемой формулы стоимости. Посмотримъ же, къ чему привела Чернышевскаго его ошибка. Національное богатство состоитъ изъ стоимостей. Общая сумму этихъ стоимостей можетъ быть выражена въ общей формулѣ стоимости. Въ этой общей формулѣ мы имѣемъ только два „элемента": рабочую плату и прибыль, подъ которыми понимается платы и прибыль каждаго даннаго года. Выходитъ, что національное богатство каждой данной страны въ каждомъ данномъ году равняется рабочей платѣ, полученной въ этомъ году работниками, въ соединеніи съ прибавочной стоимостью, присвоенной эксплуататорами. При составленіи своей таблицы, Чернышевскій вездѣ принимаетъ это равенство. Вся она построена на томъ соображеніи, что „сумма богатствъ націи" не можетъ рости также быстро, какъ ростетъ „прибыль"; „сумма богатствъ націи" постоянно принимается равной „сум-

мѣ продукта" даннаго года. Всякому извѣстно, что „сумма продукта" даннаго года далеко не тоже, что „сумма богатствъ націи". И тѣмъ не менѣе, эта ошибка Чернышевскаго не привела бы его къ новымъ ошибкамъ, если бы онъ „сумму національнаго продукта" даннаго года не приравнивалъ къ суммѣ „рабочихъ платъ" и „прибылей" (прибавочной стоимости) этого года. Но изъ его формулы стоимости необходимо вытекало это новое равенство. Формула оставляетъ безъ вниманія постоянный капиталъ. Слѣдовательно, въ стоимости національнаго продукта остается мѣсто лишь для „прибыли" и для рабочей платы. Вотъ почему и мы не принимаемъ въ соображеніе постояннаго капитала, дѣлая тѣ или другіе выводы изъ посылокъ Чернышевскаго.

Но что такое рабочая плата? Это перемѣнный капиталъ. Воспроизводится ли онъ въ стоимости продукта? Безъ сомнѣнія, воспроизводится. Если весь капиталъ страны сводится къ оборотному капиталу,—можетъ ли стоимость суммы продукта быть меньше суммы затраченнаго на ея производство капитала? Ни въ какомъ случаѣ. Стоимость „суммы продукта" будетъ равняться *суммѣ капитала + сумма прибыли*. Капиталъ всегда будетъ составлять лишь часть стоимости продукта. Можетъ ли часть перерости цѣлое? Не можетъ. Значитъ не можетъ быть и несоотвѣтствія между ростомъ капитала и ростомъ продукта или ростомъ „суммы богатствъ націи".

Намъ могутъ замѣтить еще, что Чернышевскій говоритъ собственно о ростѣ „суммы прибыли", а не о ростѣ капитала. Это такъ. Но вѣдь прибыль постоянно прилагается у него къ капиталу, т. е. постоянно превращается въ капиталъ. Прибыль одного года становится капиталомъ слѣдующаго года. Только при этомъ условіи она и можетъ въ свою очередь становиться источникомъ прибыли. А такъ какъ, кромѣ того, Чернышевскій предполагаетъ неизмѣнный уровень прибыли, то ясно, что ростъ ея „суммы" тождественъ съ ростомъ капитала.

Принимаемая Чернышевскимъ формула стоимости по прямому смыслу своему вовсе не доказываетъ противоположности интересовъ труда и капитала. Стоимость товара равняется рабочей платѣ+прибыль. Если рабочая плата низка, то у защитниковъ капитала оказывается на готовѣ очень хорошая уловка: чѣмъ выше прибыль, тѣмъ скорѣе ростетъ или, по крайней мѣрѣ, можетъ расти капиталъ. А капиталъ цѣликомъ затрачивается на рабочую плату. Слѣдовательно, чѣмъ выше прибыль, тѣмъ больше данныхъ для возрастанія фонда рабочей платы, т. е. для повышенія заработной платы. Такимъ образомъ, капиталъ оказывается чѣмъ-то въ родѣ того копья, которое само исцѣляло наносимыя имъ раны: если рабочимъ трудно приходится теперь подъ ярмомъ капитала, то именно трудность-то современнаго ихъ положенія и несетъ въ себѣ залогъ лучшаго будущаго. Излишне напоминать, что задача Чернышевскаго заключается именно въ опроверженіи этихъ апологетическихъ выводовъ. Но онъ могъ опровергать ихъ только при одномъ условіи: именно, разсматривая принятую имъ формулу стоимости съ самой отвлеченной и односторонней точки зрѣнія. Формула грѣшитъ тѣмъ, что въ ней отведено

мѣсто только перемѣнному капиталу. Это уже само по себѣ достаточно односторонне, и только благодаря такому одностороннему взгляду на капиталъ и можно утверждать, что весь приростъ капитала идетъ на увеличеніе „фонда рабочей платы“. Но говоря, что весь приростъ капитала идетъ на увеличеніе фонда рабочей платы, мы предполагаемъ *воспроизведеніе* капитала. Наши посылки абстрактны и односторонни. Представьте же себѣ, что мы дѣлаемъ еще нѣсколько шаговъ въ смыслѣ отвлеченности. Прежде мы оставляли безъ вниманія постоянный капиталъ, т. е. *одно* изъ необходимыхъ *условій* производства. А теперь мы оставляемъ безъ вниманія *весь вообще процессъ* производства и воспроизведенія капитала. Во что обращается наша формула стоимости? Отъ нея отлетаетъ послѣднее дыханіе жизни, она становится сухой и мертвой абстракціей, которая не только не напоминаетъ намъ о движеніи дѣйствительнаго экономическаго процесса, но какъ бы приглашаетъ совершенно позабыть о немъ, ведя насъ къ новымъ и новымъ ошибкамъ. Стоимость товара, а слѣдовательно и національное богатство, а слѣдовательно и „сумма продукта“ = рабочая плата + прибыль, вотъ все, что говоритъ намъ эта формула. Какъ создается національный продуктъ? Этого не видно изъ нея, и мы, не углубляясь въ вопросъ, „предполагаемъ“, что „сумма продукта“ ежегодно ростетъ на 6,15 %. Какія превращенія переживаетъ прибыль, прилагаемая къ капиталу и, въ свою очередь, становящаяся источникомъ прибыли? Иначе сказать, при какихъ условіяхъ прибыль становится капиталомъ? Этого опять не видно изъ нашей формулы, и мы, не углубляясь въ вопросъ, опять разрѣшаемъ его простымъ предположеніемъ о томъ, что „сумма прибыли“, увеличивается быстрѣе суммы продукта, ежегодно возростая на 10,5 %. Что такое „фондъ рабочей платы“? Какъ относится онъ къ капиталу? Представляетъ ли онъ собою часть капитала, весь капиталъ, или можетъ быть его нужно разсматривать какъ особую экономическую категорію? Наша формула основана на томъ предположеніи, что „всѣ затраты состоятъ изъ рабочихъ платъ“, т. е. иначе сказать, что капиталъ и фондъ рабочей платы— одно и то же. Но если разсматривать ее независимо отъ процесса воспроизведенія, то она не напоминаетъ даже и объ этой, на самомъ дѣлѣ невѣрно выраженной, связи между капиталомъ и „фондомъ рабочей платы“. Въ этомъ случаѣ наша формула говоритъ намъ только то, что по мѣрѣ увеличенія „суммы прибыли“, уменьшается „фондъ рабочей платы“. Это кажется очевиднымъ уже безъ всякихъ предположеній: для каждаго даннаго года „сумма продукта“ есть величина опредѣленная, и потому, чѣмъ больше вычитаемое, прибыль, тѣмъ меньше разность, доля рабочаго класса. Но мы уже предположили, что сумма продукта, уменьшаемое, ростетъ медленнѣе вычитаемаго. Ясно, что рано или поздно фондъ рабочей платы долженъ сойти на нѣтъ, т. е. что возростаніе прибыли ведетъ насъ къ „невозможному состоянію общества“. Теперь намъ остается только пояснить наши выводы примѣрными ариѳметическими выкладками, — и наше дѣло сдѣлано, мы *доказали* то, чего *не замѣтилъ* ни одинъ экономистъ смитовской школы. Само собою разумѣется, что наши

пояснительныя выкладки будутъ отличаться такою же отвлеченностью, какъ и весь нашъ анализъ формулы стоимости : ариѳметика не можетъ напомнить намъ о конкретныхъ условіяхъ экономическаго процесса производства. И вотъ мы пишемъ одинъ рядъ цифръ, показывающихъ ростъ продукта ; возлѣ него располагается другой рядъ цифръ, изображающихъ ростъ „суммы прибыли“. Въ основѣ каждаго изъ этихъ рядовъ лежатъ только наши „предположенія“; ряды эти не связаны одинъ съ другимъ никакою внутренней зависимостью; ихъ взаимное отношеніе есть чисто внѣшнее отношеніе вычитаемаго къ уменьшаемому. Въ результатѣ вычитанія получится новый рядъ цифръ, изображающихъ разность, „фондъ рабочей платы“, который опять таки связанъ съ другими рядами цифръ одною ариѳметическою зависимостью, безъ всякаго вниманія къ дѣйствительному ходу производства и воспроизведенія. Но какъ бы то ни было, наша цѣль, повидимому, достигнута, противоположность интересовъ труда и капитала доказана „математически“ ; буржуазные сикофанты опровергнуты. Однако, какой пріемъ употребили мы для ихъ опроверженія ? Въ нашемъ распоряженіи были извѣстныя посылки, очень односторонніе и потому ошибочныя. Мы признали справедливость этихъ ошибочныхъ посылокъ, но для избѣжанія вытекающихъ изъ нихъ выводовъ мы сдѣлали новую ошибку, мы представили ошибочный анализъ ошибочной формулы стоимости. Мы боролись противъ абстракціи посредствомъ новой и еще большей абстракціи. Неудивительно, что наши разсужденія оказываются несостоятельными при самомалѣйшемъ прикосновеніи критики, что составленная нами таблица поминутно разбивается о логику то одного, то другого изъ своихъ собственныхъ рядовъ.

Что все разсужденіе Чернышевскаго о ростѣ прибыли основано на ошибочномъ анализѣ формулы стоимости, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго. По его словамъ, дѣйствительность расходится съ „математическимъ закономъ“ : „сумма прибыли“ ростетъ на самомъ дѣлѣ не такъ скоро, какъ того можно ожидать на основаніи таблицы. И происходитъ это по причинамъ, лежащимъ „въ натурѣ человѣка“. Чѣмъ больше ростетъ капиталъ любого „коммерческаго предпріятія“, чѣмъ обширнѣе становится дѣло, тѣмъ больше выходятъ его подробности изъ подъ прямого контроля хозяина. Все большая и большая часть надзора за веденіемъ дѣла переходитъ въ руки наемныхъ распорядителей. „Кто же не знаетъ, какъ ведется дѣло наемнымъ распорядителемъ ? Почти всегда небрежно и едва ли не въ большинствѣ случаевъ недобросовѣстно... Но и въ самомъ хозяинѣ большею частью развивается небрежность соразмѣрно увеличенію его капитала. По нашей поговоркѣ, копѣйка рубль бережетъ ; но скучно слѣдить за копѣйками тому, у кого прежніе рубли разрослись въ тысячи ... Процентъ прибыли уменьшается съ увеличеніемъ имущества, на которое идетъ прибыль. Это — фактъ, до такой степени всеобщій, что въ Англіи уже никто не станетъ спорить, если вы скажете : процентъ прибыли, получаемой коммерческимъ человѣкомъ съ его капитала, обратно пропорціоналенъ размѣру его капитала ... Но это еще не все. Пока благосостояніе человѣка ростетъ до сте-

нени, сообразной съ его разумными нуждами, человѣкъ становится все разсудительнѣе и разсудительнѣе. Но есть размѣръ средствъ, превышающій силу обыкновеннаго человѣческаго благоразумія. Каждый знаетъ, вѣрна ли поговорка: съ жиру бѣсится... Очень не рѣдки примѣры людей, глупѣющихъ по мѣрѣ своего обогащенія... Но если часто встрѣчаются и примѣры противоположнаго, если остаются до конца бережливы и благоразумны люди, разбогатѣвшіе собственными усиліями, то рѣдко уже бываютъ таковы ихъ дѣти: то, что накоплено отцомъ, проматывается сыномъ,—это обыкновенная исторія."*)

Можно было бы сдѣлать не мало возраженій на всѣ эти доводы. Но мы не споримъ съ Чернышевскимъ, а стараемся выяснить его взгляды. Поэтому мы просимъ читателя обратить вниманіе лишь на общую мысль нашего автора. Она сводится, если мы не ошибаемся, къ тому, что „сумма прибыли" не ростетъ со всею возможною для нея быстротою единственно по винѣ самихъ предпринимателей, или, если вамъ угодно, по винѣ человѣческой природы, которая не можетъ быть иною при данныхъ обстоятельствахъ. Ростъ „суммы прибыли" замедляется вслѣдствіе того, что по мѣрѣ обогащенія буржуазіи ростутъ всякого рода непроизводительныя затраты. Это вѣрно. Но припомнимъ нашу таблицу. Она показываетъ, что чѣмъ больше „сумма прибыли", тѣмъ меньше фондъ рабочей платы. Непроизводительныя затраты замедляютъ ростъ „суммы прибыли", слѣдовательно онѣ замедляютъ и уменьшеніе фонда рабочей платы. Слѣдовательно, непроизводительныя траты, роскошь и мотовство буржуазіи, полезны для рабочаго класса: чѣмъ больше мотовства, тѣмъ больше шансовъ для роста или, по крайней мѣрѣ, для менѣе быстраго уменьшенія фонда рабочей платы. Это ли хотѣлъ сказать Чернышевскій? Склоненъ ли онъ былъ оправдывать роскошь высшихъ классовъ соображеніями о благѣ рабочихъ? Рѣшительно нѣтъ. Въ его сочиненіяхъ можно найти не мало страницъ, которыя посвящены доказательству прямо противоположнаго взгляда. Но вѣдь, не правда ли, говоря, что мотовство высшихъ классовъ полезно рабочимъ, мы дѣлаемъ совершенно вѣрный выводъ изъ таблицы Чернышевскаго? Стало быть, онъ опять впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою? И да, и нѣтъ. Ему просто не пришла въ голову мысль о возможности сдѣланнаго нами вывода, а не пришла по той простой причинѣ, что онъ при составленіи своей таблицы забылъ обо всѣхъ дѣйствительныхъ отношеніяхъ производства, помня только то, что *разъ дана сумма продукта*, доля рабочаго класса будетъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше прибыль и наоборотъ. Попробуйте забыть о воспроизведеніи капитала при анализѣ формулы: сумма продукта=рабочая плата+прибыль. Вы и сами скажете, что отъ какихъ бы причинъ ни уменьшалась сумма прибыли, рабочему классу выгодно ея уменьшеніе. Вѣдь вопросъ о мотовствѣ высшихъ классовъ есть именно вопросъ о *воспроизведеніи капитала въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ*. Упустивъ изъ виду воспроизведеніе, вы естественно упускаете изъ виду и вопросъ объ экономическомъ значеніи мотовства. А когда вы вспомните о воспроизведеніи капитала, то вспомните и о вредномъ значеніи мотовства, бур-

*) Сочиненія Чернышевскаго, Т. IV, стр. 189—190—191.

жуазнаго и барскаго „прожиганія жизни“. Тогда вы не скажете, что отъ какихъ бы причинъ ни происходило уменьшеніе „суммы прибыли“, оно во всякомъ случаѣ выгодно рабочимъ. Вы будете помнить, что если „сумма прибыли“ уменьшается вслѣдствіе уменьшенія размѣровъ національнаго капитала, то ея уменьшеніе при прочихъ равныхъ условіяхъ означаетъ уменьшеніе суммы продукта. Ростъ этой суммы продукта перестанетъ представляться вамъ въ томъ абстрактномъ видѣ, въ какомъ его изображаетъ таблица Чернышевскаго. Вы сейчасъ же увидите, что между ростомъ продукта и ростомъ капитала существуетъ тѣсная связь, ни мало не выражаемая внѣшнимъ отношеніемъ уменьшаемаго къ вычитаемому. Но какая же именно связь? Что касается этого вопроса, то вашъ отвѣтъ на него опредѣлится опять таки вашими понятіями объ отношеніяхъ производства и объ условіяхъ воспроизведенія капитала. Если на эти отношенія и условія вы смотрите глазами, напримѣръ, Милля, то вы и скажете объ этой связи то же, что что говорилъ Милль. А если вы смотрите на нихъ какъ нибудь иначе, вы, конечно, разойдетесь съ Миллемъ, но и въ томъ и въ другомъ случаѣ для васъ будутъ совершенно безполезны здѣсь тѣ выводы, къ которымъ вы пришли, позабывъ о воспроизведеніи капитала. Обязанные своимъ происхожденіемъ неумѣстной абстракціи, они, вѣроятно, будутъ позабыты вами тотчасъ же, какъ только вы покинете туманную область односторонностей отвлеченностей и хоть одной ногой станете на реальную экономическую почву.

По крайней мѣрѣ, такъ случилось съ Чернышевскимъ. Въ главѣ—„Прибыль“ онъ противопоставляетъ капиталъ „фонду рабочей платы“ и утверждаетъ, что чѣмъ быстрѣе ростетъ капиталъ, тѣмъ болѣе прибыль стремится поглотить рабочую плату, и что это происходитъ одинаково, какъ при размножающемся, такъ и при неразмножающемся населеніи. То же говоритъ онъ и въ главѣ—„Рента“. Но перейдя къ вопросу о *вліяніи экономическаго прогресса на рабочую плату*“, онъ высказывается уже совсѣмъ въ другомъ духѣ. „Если бы при возростаніи капитала населеніе не возростало—пишетъ онъ—то стала бы возвышаться рабочая плата; слѣдовательно прибыль стала бы составлять все меньшій и меньшій процентъ на затраченный капиталъ, потому что прибыль — остатокъ изъ продукта за вычетомъ рабочей платы... Эта тенденція прибыли къ пониженію задерживается или непроизводительною растратою капитала, или перенесеніемъ капитала въ другія страны, или улучшеніями производительныхъ процессовъ. Непроизводительною растратою капиталовъ (напр. отъ праздной роскошной жизни, или отъ коммерческихъ кризисовъ) уменьшается размѣръ капитала, значитъ уменьшается и рабочая плата; а если рабочая плата уменьшается, то, конечно, увеличивается остатокъ продукта, составляющій прибыль. Перенесеніемъ капитала за границу точно также уменьшается сумма его, остающаяся въ странѣ. Наконецъ, улучшеніями производительныхъ процессовъ понижается стоимость производства, а ея пониженіе при нынѣшнемъ бытѣ обыкновенно влечетъ за собою пониженіе рабочей платы; если

*) Тамъ же, стр. 205.

же рабочая плата уменьшается, то возростаетъ остатокъ продукта, получаемый капиталистомъ за вычетомъ рабочей платы.“*)

Итакъ, чѣмъ болѣе ростетъ капиталъ, тѣмъ болѣе увеличивается, при прочихъ равныхъ условіяхъ, и фондъ рабочей платы. Если бы вы, припомнивъ вышеприведенную таблицу, возразили на это, что быстрый ростъ капитала означаетъ также и быстрый ростъ „суммы прибыли“, а, слѣдовательно, и уменьшеніе „фонда рабочей платы“, то Чернышевскій указалъ бы вамъ на пониженіе *уровня* прибыли, вслѣдствіе котораго *сумма* ея можетъ остаться неизмѣнной, не смотря на увеличеніе размѣровъ національнаго капитала. Необходимость пониженія уровня прибыли доказывается ссылкой на то обстоятельство, что прибыль есть „остатокъ изъ продукта за вычетомъ рабочей платы“, подобно тому, какъ необходимость уменьшенія размѣровъ фонда рабочей платы доказывалась тѣмъ соображеніемъ, что рабочая плата есть остатокъ изъ продукта за вычетомъ прибыли. Все это очень затрудняетъ пониманіе мыслей Чернышевскаго. Вы спрашиваете себя, каковъ же окончательный выводъ его: стремится или не стремится „сумма прибыли“ поглотить рабочую плату при быстромъ ростѣ капитала и при неразмножающемся населеніи? Это затрудненіе, которое испыталъ, вѣроятно, всякій, что внимательно читалъ „Очерки изъ политической экономіи“, разрѣшается очень просто. Въ главѣ, посвященной вопросу о прибыли, онъ позабываетъ о воспроизведеніи капитала, а въ главѣ, посвященной вопросу о вліяніи экономическаго процесса на рабочую плату, онъ вспоминаетъ о немъ и, вводя этотъ новый элементъ въ свои разсужденія, онъ, естественно, приходитъ къ новымъ выводамъ. Но, вспомнивъ о воспроизведеніи капитала, онъ вовсе не отказывается отъ своей формулы стоимости. Онъ только разсматриваетъ ее въ движеніи, между тѣмъ какъ прежде разсматривалъ ее въ абстрактномъ, неподвижномъ видѣ. Онъ покидаетъ область абстракцій и потому приближается къ правильному взгляду на дѣло. Но онъ не совсѣмъ покидаетъ ее: его формула стоимости сама представляетъ собою не болѣе, какъ ошибочную абстракцію. Поэтому, хотя онъ и анализируетъ ее теперь съ болѣе правильной точки зрѣнія, онъ все таки приходитъ къ совершенно ошибочному выводу. Въ дѣйствительности ростъ національнаго капитала далеко не всегда сопровождается увеличеніемъ спроса на рабочую силу. Спросъ этотъ зависитъ не отъ общей „суммы“ капитала, а отъ величины перемѣннаго капитала, т. е. именно того капитала, который идетъ на покупку рабочей силы. Если съ увеличеніемъ общей суммы капитала уменьшается перемѣнная часть его, то спросъ на рабочую силу падаетъ. Статистика западно-европейскихъ странъ, въ особенности Англіи, неоспоримо доказываетъ, что на извѣстной ступени развитія капитализма ростъ капитала совершается параллельно съ ростомъ *относительно*-излишняго рабочаго населенія. Собственно говоря, Чернышевскій вполнѣ допускалъ возможность такого явленія, да и не могъ не допускать ее, такъ какъ она была доказана еще Рикардо. Чернышевскій придерживается

*) Тамъ же, стр. 363.

подраздѣленія капитала „на оборотный, потребляемый и воспроизводимый одною операціей производства, и основной капиталъ, служащій цѣлому длинному ряду производственныхъ операцій". По смыслу этого подраздѣленія выходитъ, что капиталъ, называемый теперь перемѣннымъ, или, какъ говорилъ Чернышевскій, „продовольствіе работниковъ", составляетъ значительную или даже „главную часть оборотнаго капитала". Съ развитіемъ машиннаго производства часть оборотнаго капитала переходитъ въ—основной, а „это значитъ, что та сумма продовольствія, которая ежегодно потреблялась и воспроизводилась работниками, берется изъ ихъ потребленія, чтобы впослѣдствіи воспроизводиться лишь гораздо меньшими частями".*) Отсюда уже совершенно ясно, что ростъ капитала можетъ, смотря по обстоятельствамъ, вести какъ къ увеличенію, такъ и къ уменьшенію „фонда рабочей платы". Но Чернышевскій не дѣлаетъ никакихъ выводовъ изъ этого чрезвычайно важнаго соображенія. По поводу его онъ ограничивается замѣчаніемъ: „Безъ вреда для работниковъ можетъ поступить въ основной капиталъ только тотъ излишекъ ежегодныхъ новыхъ сбереженій, какой остается за полнымъ воспроизведеніемъ прежняго оборотнаго капитала, съ прибавкою процента, соотвѣтствующаго приращенію населенія страны".**) Это сказано имъ при разборѣ взглядовъ Милля на „трудъ и капиталъ, какъ элементы производства". Въ ученіи о распредѣленіи, которое разсматривается имъ совершенно независимо отъ производства, онъ, какъ мы видѣли, забываетъ не только объ *отношеніи* основного капитала къ оборотному, но и о *самомъ существованіи* какъ основного капитала, такъ и той части оборотнаго, которая не идетъ на покупку рабочей силы. Тамъ весь капиталъ сводится у него къ „продовольствію рабочихъ". Поэтому тамъ не можетъ быть и рѣчи объ измѣненіи относительной величины составныхъ частей капитала. Но даже и тамъ, въ ученіи о распредѣленіи, онъ не сводитъ въ одно цѣлое своихъ взглядовъ на прибавочную стоимость. Въ главѣ о прибыли онъ дѣлаетъ къ буржуазному ученію о ней извѣстное уже намъ пополненіе, которое считаетъ очень важнымъ. А въ главѣ о вліяніи экономическаго прогресса на рабочую плату онъ совершенно забываетъ объ этомъ пополненіи и повторяетъ тѣ самые взгляды буржуазныхъ экономистовъ на движеніе прибавочной стоимости, которые, казалось, были окончательно опровергнуты извѣстнымъ уже читателю „пополненіемъ".

Иначе и быть не могло. Теорія стоимости не даромъ считается краеугольнымъ камнемъ науки о хозяйствѣ буржуазнаго общества. Не имѣя яснаго понятія о стоимости вообще, Чернышевскій не могъ подвергнуть основательной критикѣ буржуазное ученіе о *прибавочной* стоимости. Возможность такой критики исключалась уже просто отношеніемъ его къ буржуазной экономіи. Возражая буржуазнымъ экономистамъ, онъ въ то же время цѣликомъ и безъ всякой провѣрки принималъ всѣ ихъ основныя „теоремы", причемъ и теоремы эти онъ бралъ не у классиковъ буржуазной экономіи, а у туманнаго.

*) Сочиненія Чернышевскаго. Т. III, стр. 160—161.

**) Тамъ же, та же страница.

исполненнаго противорѣчій Милля. Къ теоріямъ Милля онъ и дѣлалъ свои пополненія. Въ основѣ пополненій часто лежали очень важныя и остроумныя мысли, свидѣтельствующія, какъ объ умѣ Чернышевскаго, такъ и о горячихъ симпатіяхъ его къ рабочему классу. Но развивая эти мысли, Чернышевскій не переставалъ—и не могъ перестать,—быть утопистомъ. Сдѣланныя имъ пополненія имѣютъ совершенно утопическій характеръ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, сталкиваясь съ основными теоремами, они скоро утрачиваютъ всякое вліяніе на разсужденія Чернышевскаго, такъ что въ *послѣдующихъ главахъ* ему поневолѣ приходится повторять выводы буржуазныхъ экономистовъ, повидимому такъ блистательно, съ такою горячностью, иронією и остроуміемъ опровергнутыя въ—*предыдущихъ*. Какъ много вредилъ ему при всемъ этомъ его абстрактный гипотетическій методъ, позволяющій разсматривать экономическія явленія внѣ ихъ взаимной жизненной связи, одно послѣ другого и одно независимо отъ другого, мы уже говорили не разъ. Трудно открыть что либо при помощи такого метода, замѣтили мы во второй статьѣ. Теперь прибавимъ—и читатель, надѣемся, согласится съ нами,—что употребляя этотъ методъ легко надѣлать множество самыхъ страшныхъ ошибокъ. Пополняя Милля, Чернышевскій, въ своемъ пристрастіи къ „математическому“ методу, дошелъ до самыхъ невозможныхъ абстракцій, устранивъ изъ своихъ соображеній всѣ реальныя отношенія производства. Онъ опирался на одну математику, представителемъ которой явилось правило сложныхъ процентовъ, да пожалуй еще правило вычитанія. Чернышевскій вдался, можно сказать, въ какой то экономическій пиѳагореизмъ, ища въ „математическихъ законахъ“ причинъ *экономическихъ явленій*. Но математика не можетъ указать, да и не претендуетъ на указаніе причинъ общественной жизни или природы. Она только помогаетъ намъ оцѣнить количественную сторону дѣйствія этихъ причинъ. Сила свѣта обратно пропорціональна квадратамъ разстояній. Объясняетъ ли математика причину этого явленія? Нѣтъ, она только помогаетъ формулировать его законъ, предоставляя физикѣ отвѣчать на всѣ тѣ „почему?“, которыя могутъ возникнуть въ головѣ любознательнаго человѣка. Когда физика пытается сказать свое „потому“, математика опять очень услужливо является ей на помощь, но опять таки предоставляетъ рѣшительное слово физикѣ. Такъ же поступаетъ она и съ политической экономіей, если рѣчь идетъ о какомъ нибудь экономическомъ явленіи. Математика—очень почтенная, очень полезная и очень услужливая наука. Но не надо злоупотреблять ея услужливостью, не надо задавать ей такія задачи, которыхъ рѣшить она не можетъ. Если вы вздумаете предъявлять ей неосновательныя требованія, она жестоко отомститъ за это, заведя васъ въ такія дебри абстракціи, изъ которыхъ трудно и выбраться безъ своевременной помощи той науки, къ области которой относится заинтересовавшее васъ явленіе. Да и не одна математика отличается подобною мстительностью. Она глубоко коренится въ характерѣ всѣхъ прочихъ наукъ. Вотъ напримѣръ, людямъ, занимавшимся философіей исторіи, приходила иногда мысль сводить къ законамъ физіологіи — частью физіологіи растительныхъ процессовъ, а больше

всего физіологіи нервной системы — рѣшеніе вопроса о вліяніи природы на развитіе общественныхъ отношеній. И что же вышло? Умные люди, въ родѣ Монтескье, наговорили массу страшнаго, чисто ребяческаго вздора, который, правда, и до сихъ поръ повторяется по временамъ тоже довольно толковыми людьми, но на самомъ дѣлѣ только мѣшаетъ рѣшенію въ высшей степени важнаго научнаго вопроса. И нельзя удивляться появленію этого вздора. Стали задавать физіологіи историческія задачи, къ которымъ она не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого прямого отношенія; стали примѣнять ея „*потому*“ къ совершенно неподходящимъ случаямъ, ну и получились нелѣпости, отъ которыхъ дай богъ поскорѣе отдѣлаться общественной наукѣ. Это въ порядкѣ вещей.

Экономическая возможность даннаго явленія вовсе еще не ручается за то, что оно возможно въ природѣ или въ общественной жизни. Чернышевскій прекрасно зналъ и очень остроумно доказывалъ это. Вотъ что говоритъ онъ по поводу книги нѣмецкаго писателя Зюсмильха, на которую ссылался Мальтусъ. „Зюсмильхъ, между прочимъ, просилъ Эйлера составить таблицы возростанія числа людей при разныхъ пропорціяхъ рожденій и смертностей. Эйлеръ бралъ разныя цифры, и при однихъ — періодъ удвоенія выходилъ очень длинный, при другихъ, разумѣется, очень короткій, отъ 600 слишкомъ лѣтъ до 7 съ небольшимъ лѣтъ. Разумѣется, можно было бы вычислить періоды еще болѣе короткіе. Иное дѣло, если спросить, какой процентъ возростанія допускается самимъ устройствомъ человѣческаго организма. Можно ли положить, чтобы въ дѣйствительности люди, при какихъ бы то ни было условіяхъ, могли размножаться по ежегодной прогрессіи приращенія въ 10‰ или въ 8%, или хоть въ 5‰? Но Зюсмильхъ не спрашивалъ объ этомъ Эйлера; онъ только просилъ его составить таблицы удвоенія по сложнымъ процентамъ, при разныхъ величинахъ процента, въ томъ родѣ, какъ могъ бы просить его разсчитать, сколько пищи въ день понадобится человѣку при различныхъ величинахъ его роста, отъ 1 фута до 20 саженъ. Эйлеръ сказалъ бы, сколько пищи попадобится человѣку, имѣющему ростъ въ 10 саженъ, имѣющему ростъ въ 11 саженъ и т. д. Словомъ сказать, Эйлеръ рѣшалъ тутъ задачу въ томъ родѣ, какія очень часто попадаются въ руководствахъ къ математикѣ или къ физикѣ. Напримѣръ: во сколько времени достигнетъ до солнца ядро, летящее съ быстротою, какую имѣетъ въ первую секунду полета; или: что будетъ съ кускомъ желѣза, постепенно опускаемымъ въ колодезь, прорытый до центра земли? Математикъ очень правильно отвѣчаетъ, что ядро долетитъ до солнца во столько-то времени, кусокъ желѣза дойдетъ до степени краснаго каленія во столькихъ-то верстахъ ниже поверхности земли, до бѣлаго во столькихъ-то, наконецъ расплавится во столькихъ-то верстахъ. При этомъ математику нѣтъ никакого дѣла разбирать, существуетъ ли предполагаемый колодезь, существуетъ ли пушка, брошенное которою ядро могло бы полетѣть дальше немногихъ верстъ: подразумѣвается само собою, что математика только группируетъ цифры, вовсе не ручаясь за ихъ дѣйствительность. Но вообразимъ себѣ, что прочиталъ рѣшеніе

такихъ задачъ человѣкъ, забывшій или незнавшій, что надобно подразумѣвать это. Вообразимъ себѣ, что ему показалось, будто бы авторъ алгебраическаго руководства не просто сгруппировалъ цифры, а прямо говоритъ, будто всѣ эти выводы могутъ осуществиться на самомъ дѣлѣ. Какія поразительныя теоріи могутъ родиться въ головѣ такого человѣка! Онъ предложитъ, напримѣръ, раскалить желѣзо для ковки не кузнечными печами, а просто опусканіемъ на 20 верстъ подъ поверхность земли, или отбить ядромъ кусокъ отъ луны, чтобы этотъ кусокъ упалъ на землю, и тогда мы узнали бы, изъ чего состоитъ луна. Вотъ нѣчто въ этомъ самомъ родѣ случилось съ Мальтусомъ. Увидѣвъ цифры Эйлеровыхъ таблицъ, онъ прямо такъ и подумалъ, что населеніе можетъ удвоиваться въ 25, въ 20, въ 15, въ 10 лѣтъ и даже еще быстрѣе, какъ написано въ таблицахъ Эйлера у Зюсмильха. Если бы у него голова не была вся занята мыслью отыскать аргументъ противъ теоріи Годвина,*) онъ конечно не сдѣлалъ бы такой опрометчивой ошибки; но въ таблицахъ Зюсмильха (Эйлера) онъ увидѣлъ нужный ему аргументъ, имя Эйлера ручалось за вѣрность вычисленій, чего же больше?“**) Это все очень хорошо, но оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, что и какъ случилось съ Мальтусомъ, мы замѣтимъ, что именно „нѣчто въ этомъ родѣ“ случилось съ самимъ Чернышевскимъ. Пополняя ученіе Милля о прибавочной стоимости, онъ именно только „группировалъ цифры“, совершенно забывая объ экономической дѣйствительности. И случилось это въ значительной степени по той же причинѣ, которою вызвана была, по его словамъ, опрометчивая ошибка Мальтуса: Чернышевскій имѣлъ въ виду исключительно только полемическую цѣль, руководствовался однимъ только желаніемъ оттѣнить невыгодныя стороны существующаго порядка. Математика ручалась, повидимому, за справедливость всѣхъ его разсчетовъ. Онъ и удовольствовался этимъ ручательствомъ. А какъ и отчего совершается дѣйствительное движеніе прибавочной стоимости, объ этомъ справиться онъ не подумалъ.

Разборъ ученія Мальтуса предшествуетъ у Чернышевскаго изслѣдованію о прибыли. Такимъ образомъ, онъ повторяетъ ту самую ошибку, въ которой упрекаетъ Мальтуса, и повторяетъ уже послѣ того, какъ она была имъ самимъ указана. И мы увидимъ, что онъ не только въ изслѣдованіи о прибыли повторяетъ эту ошибку. Главное возраженіе его Мальтусу было построено на подобной же математической абстракціи.

Чернышевскій не хочетъ забавлять читателя „курьезными разсчетами“, доказывающими, что „если бы Адамъ положилъ въ банкъ одну копѣйку, то нынѣ каждому изъ насъ пришлось бы получить изъ банка массу золота, гораздо большую, чѣмъ какая могла бы помѣститься въ шарообразномъ мѣшкѣ, діаметромъ своимъ равняю-

---

*) Извѣстно, что Мальтусъ писалъ свой „Опытъ о законѣ народонаселенія“ для того, чтобы опровергнуть тогдашнія „системы равенства“, главнымъ образомъ взгляды Годвина, изложенные въ его книгѣ „Political justice“ (о политической справедливости).

**) Соч. томъ III, стр. 194—195—196.

щемся всему поперечнику сотнечной системы до орбиты Нептуна.“*) Почему же нѣтъ? Потому что слишкомъ бросается въ глаза экономическая нелѣпость этого разсчета. Но въ примѣненіи къ фактамъ новѣйшей экономической жизни совершенно подобный же разсчетъ не кажется Чернышевскому нелѣпымъ и принимается какъ нѣчто совершенно основательное. А между тѣмъ, вся разница заключается здѣсь *просто во времени*. „Чтобы соображеніе наше могло справиться съ цифрами, какія будутъ получаться у насъ,—говоритъ Чернышевскій, приступая къ составленію своей таблицы — мы должны ограничить разсчетъ временемъ, соотвѣтствующемъ дѣятельности одного поколѣнія, тридцатью годами“.**) Но неосновательный разсчетъ остается одинаково неосновательнымъ, какъ бы ни былъ коротокъ тотъ промежутокъ времени, къ которому онъ относится. При длинномъ промежуткѣ сами цифры, своею ни съ чѣмъ несообразною величиною, напоминаютъ намъ о дѣйствительности. При короткомъ промежуткѣ онѣ не дѣлаютъ этого, оставляя насъ въ заблужденіи относительно правильности нашихъ разсужденій. Въ этомъ вся выгода (или невыгода) короткихъ промежутковъ.

Во всемъ разсчетѣ Чернышевскаго единственная ссылка на экономическую дѣйствительность заключается въ указаніи того обстоятельства, что нѣкоторые отдѣльные капиталы чрезвычайно быстро ростутъ „по геометрической прогрессіи“. „Начавъ свои обороты съ какою нибудь сотнею рублей, человѣкъ становится въ 50 лѣтъ милліонеромъ.“ Но современному читателю едва ли нужно напоминать, что ростъ отдѣльныхъ и въ особенности *торговыхъ* капиталовъ можетъ быть причиненъ измѣненіями въ *распредѣленіи* національнаго дохода и вообще національнаго богатства, не сопровождаясь при этомъ возростаніемъ общей суммы національнаго капитала, а слѣдовательно и общей „суммы прибыли“. Ростъ же національнаго богатства буржуазныхъ странъ нельзя объяснить иначе, какъ условіями его *воспроизведенія* капитала.

Чернышевскій предполагаетъ въ своей таблицѣ, что „сумма продукта“, равнявшаяся первоначально десяти тысячамъ, черезъ шестьдесятъ лѣтъ разростается до 360,000. И такой ростъ ея предполагается одинаково возможнымъ, какъ при размножающемся, такъ и при неразмножающемся населеніи, т. е. при неизмѣняющемся числѣ работниковъ. Но что изображаютъ собою различныя цифры, относящіяся къ рубрикѣ: сумма продукта? Онѣ не могутъ выражать ничего, кромѣ стоимости этой суммы. Но вѣдь стоимость создается трудомъ. Если стоимость товара А въ 36 разъ больше стоимости товара В, то это значитъ, что на производство товара В нужно въ 36 разъ меньше труда, чѣмъ на производство товара А. Если при неизмѣняющемся числѣ работниковъ стоимость продукта ихъ труда становится въ 36 разъ больше, чѣмъ была прежде, то это значитъ, что каждый работникъ вкладываетъ теперь въ продуктъ въ 36 разъ больше труда, чѣмъ

*) Соч., т. IV., стр. 181—182.

**) Тамъ же, стр. 183.

вкладывалъ первоначально.*) А это ни въ какомъ случаѣ невозможно безъ увеличенія интенсивности труда и продолжительности рабочаго дня. Чернышевскій ничего не говоритъ ни о томъ, ни о другомъ. Даже болѣе. Какъ и у Милля, какъ и у Рикардо, какъ и у множества другихъ экономистовъ, продолжительность рабочаго дня и интенсивность труда всюду безмолвно принимаются у него за величины постоянныя.**) Но при неизмѣнной интенсивности труда и при неизмѣнной продолжительности рабочаго дня стоимость продукта даннаго числа работниковъ остается неизмѣнною. Какъ же не замѣтилъ этого Чернышевскій? Дѣло въ томъ, что онъ и самъ едва ли ясно сознавалъ что такое имѣетъ онъ въ виду, говоря о ростѣ „суммы продукта“: *стоимость* продукта или представляемое имъ вещественное богатство? Да съ той отвлеченной точки зрѣнія, на которую онъ сталъ при составленіи своей таблицы, не видно было и надобности въ строгомъ различеніи этихъ существенно различныхъ понятій.

Еще одно, послѣднее замѣчаніе. Когда Чернышевскій упрекаетъ экономистовъ смитовской школы въ томъ, что они не замѣтили свойства прибыли расти по сложнымъ процентамъ, онъ невѣрно выражаетъ свою собственную мысль. Въ его таблицѣ „сумма продукта“ ростетъ тоже по сложнымъ процентамъ. Если, тѣмъ не менѣе, прибыль поѣдаетъ въ ней весь продуктъ, то это происходитъ единственно потому, что процентъ ея возрастанія больше процента возрастанія продукта. Значитъ, дѣло не въ прогрессіи, а въ *знаменателѣ* прогрессіи. Можно бы и не говорить о такихъ мелочахъ. Но мы еще увидимъ, что неточность *выраженій* нашего автора не рѣдко вела за собою вовсе уже не мелочныя послѣдствія, причиняя ошибки въ его *разсужденіяхъ*.

Но, повторяемъ, совершенно справедлива та основная мысль, которую хотѣлъ доказать Чернышевскій. Съ развитіемъ капитализма рабочая плата дѣйствительно составляетъ все меньшую и меньшую часть національнаго продукта. Теперь это доказано самымъ убѣдительнымъ образомъ, но доказано, разумѣется, не ариѳметикой, а статистикой. Къ статистикѣ и должны обратиться тѣ, которые захотѣли бы убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ. А кто, не сомнѣваясь въ существованіи этого явленія, захотѣлъ бы найти удовлетворительное объясненіе его, тотъ долженъ былъ бы взглянуть на вопросъ объ относительномъ ростѣ прибавочной стоимости съ точки зрѣнія измѣняющихся условій воспроизведенія капитала, съ точки зрѣнія отношеній рабочихъ къ капиталистамъ. „Прибыль“ (прибавочная стоимость) стремится „поглотить рабочую плату“ потому, что съ развитіемъ капитализма отношенія эти все болѣе и болѣе измѣняются въ пользу предпринимателей. „Быстрый ростъ капитала является, по отношенію къ наемному труду, наивыгоднѣйшимъ изъ

*) Еще разъ напоминаемъ, что у Чернышевскаго въ стоимость продукта не входитъ стоимость воспроизводимой въ немъ части постояннаго капитала.

**) Потому онъ и не пришелъ къ мысли о необходимости законодательнаго ограниченія рабочаго дня.

всѣхъ условій".*) Рабочій прежде и чувствительнѣе всѣхъ платится за всякій застой въ историческомъ развитіи капитализма. А между тѣмъ „ростъ капитала вызываетъ несравненно болѣе быстрое возрастаніе конкурренціи, т. е. ведетъ къ несравненно болѣе быстрому относительному уменьшенію источниковъ заработка и средствъ существованія для рабочаго класса".**) Ростъ общей суммы капитала сопровождается уменьшеніемъ перемѣнной его части, и это происходитъ въ то время, когда, даже независимо отъ роста народонаселенія, увеличивается предложеніе рабочей силы: рядомъ со взрослыми рабочими на „рынкѣ труда" являются дѣти, рядомъ съ мущинами — женщины. Соперничество между продавцами рабочей силы страшно понижаетъ ея цѣну, которая падаетъ теперь ниже ея стоимости. Капиталисты блаженствуютъ. Руки и дешевы и сговорчивы. Эксплуатація рабочихъ увеличивается въ неслыханной степени. А на ней основывается обогащеніе капиталистовъ. Вмѣстѣ съ ростомъ эксплуатаціи ростетъ и уровень прибавочной стоимости, которая составляетъ все большую и большую долю національнаго продукта. И это еще не все. Мы сказали, что цѣна рабочей силы падаетъ ниже ея стоимости. Но если бы этого и не было, если бы капиталистъ покупалъ рабочую силу по ея дѣйствительной стоимости, то и тогда было бы неизбѣжно относительное уменьшеніе доли рабочаго класса въ національномъ продуктѣ. Развитіе капитализма сопровождается увеличеніемъ производительности труда. Съ увеличеніемъ производительности труда удешевляется содержаніе работника, а такъ какъ стоимость рабочей силы опредѣляется стоимостью содержанія ея представителя, то ясно, что съ увеличеніемъ производительности труда должна увеличиваться та доля національнаго продукта, которая остается у капиталиста за вычетомъ стоимости рабочей силы. Такимъ образомъ, по мѣрѣ развитія капитализма отношенія производства все болѣе и болѣе измѣняются къ выгодѣ капиталистовъ и къ невыгодѣ работниковъ. Слѣдовательно, если прибыль поглощаетъ рабочую плату, то причина этого лежитъ въ отношеніяхъ людей, а не въ качествахъ вещей и не въ свойствахъ той или другой экономической категоріи. Говоря, что прибыль имѣетъ свойство увеличиваться въ той или другой прогрессіи, мы только выражаемъ извѣстнымъ образомъ экономическій фактъ, который не перестаетъ требовать отъ насъ своего объясненія. Нѣкоторые буржуазные экономисты ограничивали свои разсужденія о мѣновой стоимости указаніями на то, что предметы имѣютъ способность обмѣниваться другъ на друга въ извѣстной пропорціи. Такимъ образомъ, мѣновая стоимость оказывалась однимъ изъ свойствъ вещей. Чернышевскій ищетъ причины относительнаго уменьшенія рабочей платы въ свойствахъ прибыли, т. е. въ свойствахъ одной изъ экономическихъ категорій. Но экономическія категоріи сами выражаютъ собою не что иное, какъ взаимныя отношенія людей, или цѣлыхъ классовъ людей, въ общественномъ

*) Наемный Трудъ и Капиталъ, Карла Маркса, стр. 44 русскаго женевскаго изданія.

**) Карлъ Марксъ, тамъ же.

процессѣ производства. Экономическая наука только тогда и стала на правильную точку зрѣнія, когда поняла это и занялась изслѣдованіемъ тѣхъ взаимныхъ отношеній которыя скрываются за мнимыми качествами вещей и за таинственными свойствами экономическихъ категорій. Но необходимости этого, въ высшей степени важнаго, шага въ развитіи экономической науки еще не подозрѣвали ни Д. С. Милль, ни его переводчикъ и критикъ, Н. Г. Чернышевскій.

Вернемся къ вопросу о прибавочной стоимости. Мы сказали, что по мѣрѣ развитія капитализма увеличивается ея уровень. Чернышевскій, пытавшійся доказать ту же самую мысль въ главѣ о прибыли, въ послѣдующихъ главахъ утверждаетъ, что слѣдствіемъ промышленнаго прогресса бываетъ пониженіе прибыли. „Въ передовыхъ странахъ прибыль вообще довольно близка къ minimum, а по достиженіи этого minimum перестаетъ возрастать капиталъ и наступаетъ такъ называемое неподвижное состояніе“.*) Таковъ окончательный выводъ нашего автора. Мы уже говорили, что выводъ этотъ противорѣчитъ дѣйствительности. Но для того, чтобы со всѣхъ сторонъ выяснить себѣ взглядъ Чернышевскаго, мы должны сопоставить ученіе его о прибыли съ его же ученіемъ о поземельной рентѣ.

II

Въ ученіи о поземельной рентѣ Чернышевскій, повидимому, строго держится взглядовъ Рикардо. Онъ зло смѣется надъ Кэри, пытавшимся опровергнуть теорію знаменитаго англійскаго экономиста. Но излагая и защищая ученіе Рикардо, Чернышевскій не забываетъ и главной своей цѣли: оттѣненія невыгодныхъ сторонъ существующаго экономическаго порядка. Онъ замѣчаетъ, что въ видѣ ренты землевладѣлецъ присвоиваетъ себѣ продуктъ чужого неоплаченнаго труда. „Если угодно, вы можете доказывать — говоритъ онъ—что рента не входитъ въ издержки производства, что она не составляетъ лишняго расхода, а выражаетъ собою только экономію труда въ лучшихъ условіяхъ сравнительно съ трудомъ въ менѣе хорошихъ условіяхъ. Положимъ, что все это такъ; но какъ бы то ни было, рента составляетъ долю продукта; если она отдѣляется отъ рабочей платы, это значитъ, что у человѣка, занимающагося производствомъ, остается ровно настолько меньше продукта, насколько выдѣляется изъ продукта ренты.“**) Это разумѣется совершенно справедливо. Но когда, почти непосредственно вслѣдъ за этимъ, Чернышевскій говоритъ, что „рента подобно прибыли имѣетъ тенденцію захватывать все большую и большую долю изъ продукта“, и что такимъ образомъ „рента играетъ относительно прибыли и рабочей платы точно такую же роль, какую прибыль играетъ относительно рабочей платы“,— то

*) Т. IV, стр. 366.

**) Соч. Т. 4, стр. 200.

онъ обнаруживаетъ значительную неясность своихъ экономическихъ понятій. Въ самомъ дѣлѣ, въ своемъ изслѣдованіи о прибыли Чернышевскій имѣлъ въ виду не собственно предпринимательскую прибыль, а всю вообще прибавочную стоимость. Онъ самъ оговаривается, „что рента тутъ въ счетъ не идетъ, потому что она сама только излишекъ прибыли, остающійся въ нѣкоторыхъ случаяхъ по нѣкоторымъ отраслямъ производства". И дѣйствительно, поземельная рента составляетъ лишь часть прибавочной стоимости. Но если это такъ, то замѣчаніе Чернышевскаго о ростѣ ренты приходится выразить слѣдующимъ образомъ: достающаяся землевладѣльцу часть прибавочной стоимости играетъ относительно всей вообще прибавочной стоимости и рабочей платы точно такую же роль, какую прибавочная стоимость играетъ относительно рабочей платы: ростъ части прибавочной стоимости, *поземельной ренты*, приводитъ къ уменьшенію той доли продукта, которая, *за вычетомъ ренты*, остается *на всю вообще* прибавочную стоимость и на рабочую плату. Это явная несообразность, происхожденіе которой можетъ быть объяснено только тѣмъ, что въ главѣ о поземельной рентѣ Чернышевскій словомъ „прибыль" обозначаетъ уже не всю вообще прибавочную стоимость, а собственно такъ называемую предпринимательскую прибыль, т. е. опять таки лишь одну часть прибавочной стоимости. Въ такомъ случаѣ мысль его становится, повидимому, совершенно понятной. Однако и это не совсѣмъ такъ. Если въ главѣ о рентѣ Чернышевскій подъ прибылью понималъ только прибыль предпринимателя, а не прибавочную стоимость вообще, то онъ не имѣлъ права уподоблять тенденцію ренты тенденціи предпринимательской прибыли, такъ какъ къ этой послѣдней не имѣетъ прямого отношенія разсужденіе его о ростѣ прибавочной стоимости. Ясно, что Чернышевскій, связывая со словомъ „прибыль" совершенно различныя понятія, незамѣтно для себя, — а потому и безъ всякихъ оговорокъ, — переходитъ отъ одного къ другому, чѣмъ вноситъ запутанность какъ въ изложеніе, такъ и въ самое изслѣдованіе предмета. Въ виду подобной неточности его выраженій невольно является мысль, что можетъ быть онъ вовсе не противорѣчитъ самъ себѣ, когда, разсуждая „о вліяніи экономическаго прогресса на рабочую плату", приписываетъ прибыли „тенденцію къ пониженію": можетъ быть онъ разумѣетъ тамъ не всю вообще прибавочную стоимость, а лишь доходъ предпринимателей. Чтобы устранить это сомнѣніе, напоминаемъ подлинныя слова нашего автора. „Если бы при возрастаніи капитала населеніе не возрастало, то стала бы возвышаться рабочая плата; слѣдовательно прибыль стала бы составлять все меньшій и меньшій процентъ на затраченный капиталъ, потому что прибыль — остатокъ продукта за вычетомъ рабочей платы. А если бы населеніе размножилось, надобно было бы увеличиваться количеству пищи, то есть надобно было бы земледѣлію спускаться на земли менѣе плодородныя, земледѣльческій трудъ становился бы менѣе успѣшнымъ и опять таки стала бы уменьшаться доля, остающаяся у предпринимателя за вычетомъ расхода на содержаніе работника".*) Если мы не ошибаемся, въ этихъ строкахъ подъ словомъ

*) Соч. Т. 4, стр. 368.

„прибыль“ понимается прибавочная стоимость вообще, т. е. та доля продукта, которой Чернышевскій приписывалъ свойство рости въ геометрической прогрессіи. Но если бы, противъ ожиданія, нужно было понимать здѣсь слово „прибыль“ въ смыслѣ дохода предпринимателя, то и тогда нашъ авторъ все таки противорѣчилъ бы самъ себѣ. Пониженіе прибыли оказывается здѣсь неизбѣжнымъ даже въ томъ случаѣ, когда населеніе не размножается, запросъ на пищу не увеличивается, земледѣліе не переходитъ на менѣе плодородные участки и потому поземельная рента не возрастаетъ. Причиной пониженія прибыли является здѣсь единственно только увеличеніе спроса на трудъ и возвышеніе заработной платы, которое признается неизбѣжнымъ слѣдствіемъ роста капитала, между тѣмъ какъ раньше Чернышевскій доказывалъ, что даже при неразмножающемся населеніи ростъ капитала означаетъ не паденіе уровня прибыли, а уменьшеніе фонда рабочей платы.

Но что понимаетъ Чернышевскій подъ выраженіемъ уровень прибыли? Въ виду того, что со словомъ прибыль у него соединяются два различныхъ понятія, само выраженіе *уровень прибыли* имѣетъ у него двойственный смыслъ: иногда оно означаетъ отношеніе къ капиталу всей суммы прибавочной стоимости, а иногда только отношеніе къ нему собственно предпринимательской прибыли. Это понятно само собою. Но спрашивается, о какомъ именно капиталѣ говоритъ Чернышевскій? Если въ каждомъ данномъ процессѣ производства всѣ издержки предпринимателя „сводятся къ рабочимъ платамъ“, то весь капиталъ превращается въ то, что называется теперь перемѣннымъ капиталомъ. Значитъ, подъ выраженіемъ уровень прибыли нашъ авторъ, по крайней мѣрѣ иногда, понималъ совершенно то же самое что и теперь понимается подъ нимъ: отношеніе прибавочной стомоисти къ стоимости рабочей силы. О *такомъ* „уровнѣ прибыли“ можно категорически сказать, что онъ не только не понижается, но постоянно возвышается съ ходомъ экономическаго прогресса. Если же, говоря объ „уровнѣ прибыли“, Чернышевскій припоминалъ, что въ дѣйствительности далеко не всѣ издержки предпринимателя сводятся къ рабочимъ платамъ, если онъ принималъ въ соображеніе постоянный капиталъ, то въ такомъ случаѣ приходится замѣтить, что пониженіе „уровня прибыли“ можетъ прекрасно уживаться съ возрастаніемъ степени эксплуатаціи работника. Чтобы пояснить это прибѣгнемъ и мы къ „гипотезѣ“. Положимъ, что и постоянный и перемѣнный капиталъ равняются у насъ каждый десяти единицамъ; прибавочная стоимость тоже равняется десяти. Общая сумма капитала относится къ прибавочной стоимости какъ 20 къ 10. Слѣдовательно, „уровень прибыли“ равняется (10 : 20) 50 %. Положимъ далѣе, что нашъ капиталъ ростетъ, при чемъ ростъ его сопровождается измѣненіемъ относительной величины его частей: постоянный капиталъ равняется 35 един.; перемѣнный по прежнему—10, а прибавочная стоимость возросла до 15. „Уровень прибыли“ равенъ теперь (15 : 45) 33⅓ %. Онъ, какъ видите, понизился, но степень эксплуатаціи труда испытала огромное увеличеніе: прежде рабочіе, получая въ видѣ платы 10 единицъ стоимости, создавали своимъ не-

оплаченнымъ трудомъ тоже 10 единицъ для предпринимателей. Степень эксплуатаціи труда равнялась (10 : 10) 100%. Теперь же она равняется (15: 10) 150%. Капиталисты получаютъ теперь относительно гораздо большую долю годоваго продукта. Но такъ какъ процентное отношеніе этой доли къ общей суммѣ капитала значительно уменьшилось, то можно подумать, что не „прибыль стремится поглотить“ теперь рабочую плату, а наоборотъ, рабочая плата поглотила часть прибавочной стоимости. Чернышевскій упустилъ изъ виду возможность такого сочетанія обстоятельствъ.

Что касается поземельной ренты, то по смыслу теоріи Рикардо она ростетъ единственно вслѣдствіе перехода земледѣлія на менѣе и менѣе плодородные участки. Но переходъ земледѣлія на менѣе плодородные участки при прочихъ равныхъ условіяхъ означаетъ возростаніе стоимости содержанія работника, т. е. иначе сказать, возростаніе стоимости рабочей силы. А возрастаніе стоимости рабочей силы равносильно уменьшенію доли эксплуататоровъ въ національномъ продуктѣ, а слѣдовательно уменьшенію степени эксплуатаціи труда и уровня „прибыли“ (прибавочной стоимости). Чернышевскій былъ бы совершенно правъ, если бы сказалъ, что ростъ поземельной ренты, причиняемый переходомъ земледѣлія на менѣе плодородные участки, ведетъ къ относительному уменьшенію прибавочной стоимости. Но онъ говоритъ совсѣмъ не то. Изъ его словъ выходитъ, что рента ростетъ одновременно съ относительнымъ увеличеніемъ прибавочной стоимости, но ростетъ скорѣе, чѣмъ эта послѣдняя, вслѣдствіе чего очень быстро уменьшается доля продукта, достающаяся предпринимателямъ и работникамъ вмѣстѣ взятымъ. Но такой ходъ дѣла противорѣчитъ его собственнымъ посылкамъ, т. е. той самой теоріи Рикардо, которая лежитъ въ основѣ его разсужденій о вліяніи роста поземельной ренты на распредѣленіе національнаго продукта.

Впрочемъ, здѣсь надо оговориться. Многіе буржуазные экономисты считали постепенное уменьшеніе производительности земледѣльческаго труда, сопровождающее ростъ народонаселенія и капитала, совершенно безспорнымъ явленіемъ. Чернышевскій только условно допускаетъ такое уменьшеніе. Онъ думаетъ, что оно непремѣнно имѣло бы мѣсто, если бы не происходило улучшеній въ земледѣліи. Но такія улучшенія постоянно совершаются, а этимъ задерживается ростъ поземельной ренты. „Общая формула всякаго прогресса, говоритъ намъ авторъ, состоитъ въ томъ, что онъ уменьшаетъ силу неравенствъ.*) Въ примѣненіи къ земледѣльческому производству каждое усовершенствованіе, возвышая успѣхъ дѣла въ лучшихъ обстоятельствахъ, обыкновенно еще значительнѣе возвышаетъ его въ обстоятельствахъ менѣе хорошихъ, а во всякомъ случаѣ устраняетъ надобность вести дѣло въ обстоятельствахъ, бывшихъ прежде самыми худшими. Напр., если отъ замѣны сохи хорошимъ плугомъ на землѣ перваго сорта будетъ родиться 12 четвертей вмѣсто прежнихъ 10,

*) Это, разумѣется, не вѣрно. Мы уже опровергали эту мысль во второй статьѣ. Замѣтимъ здѣсь, что она и до сихъ поръ признаетъ безспорной нѣкоторыми русскими „соціологами“ въ ихъ разсужденіяхъ о томъ, „*что такое прогрессъ?*“

то на землѣ пятаго сорта будетъ въ большей части случаевъ родиться вмѣсто прежнихъ 6 четвертей не 8, а 9; а во всякомъ случаѣ отъ значительнаго увеличенія продукта съ этихъ первыхъ пяти сортовъ земли, отстранится надобность воздѣлывать землю шестаго сорта, которая воздѣлывалась прежде, давая только 5 четвертей. Такимъ образомъ, низшая норма успѣшности дѣла, норма, опредѣляющая ренту, значительно облегчается".*)

Есть еще другая сила, задерживающая, по мнѣнію Чернышевскаго, возрастаніе поземельной ренты. Сила эта заключается „въ самой чрезмѣрности стремленія ренты возрастать: рента идетъ къ поглощенію прибыли и рабочей платы, т. е. къ низверженію трехчленнаго дѣленія продукта, къ замѣнѣ его формою устройства, еще менѣе удовлетворительною, — формою, при которой и предприниматель и работникъ потеряли бы самостоятельность, сдѣлались бы принадлежностью землевладѣльца, частью его собственности. Прибыль идетъ при этой системѣ къ подчиненію работника капиталисту, а рента идетъ къ подчиненію работника и капиталиста вмѣстѣ землевладѣльцу. Само собою разумѣется, что такая ретроградная тенденція отражается на производствѣ уменьшеніемъ его успѣшности, т. е. рента при трехчленномъ дѣленіи идетъ не только къ уменьшенію доли продукта, остающейся на рабочую плату и прибыль, но и къ уменьшенію самой суммы продукта, т. е. ведетъ къ уменьшенію населенія; а при уменьшеніи населенія конечно прекращается надобность воздѣлывать послѣдній изъ воздѣлывавшихся прежде сортовъ земли, а отъ этого рента подрываетъ сама себя. Эта тенденція ренты уменьшать сумму продукта конечно борется съ силою прогресса, стремящеюся увеличить его, и въ новыя времена сила прогресса стала уже настолько велика, что одерживаетъ постоянный перевѣсъ, и дѣйствіе ренты въ новой исторіи является не уменьшающимъ продуктъ, а только уменьшающимъ его увеличеніе".**)

Въ главѣ о рентѣ Чернышевскій только мимоходомъ касается вопроса о мнимомъ уменьшеніи производительности земледѣльческаго труда. Подробнѣе разсматриваетъ онъ его при разборѣ ученія Мальтуса о народонаселеніи, а также въ главѣ о вліяніи экономическаго прогресса на рабочую плату. Главный доводъ его противъ Мальтуса сводится къ тому, что уменьшеніе производительности земледѣльческаго труда, причиняемое переходомъ земледѣлія на худшіе участки, въ сущности очень ничтожно, и что даже во времена самаго мрачнаго средневѣковаго застоя земледѣльческія усовершенствованія легко могли пересилить дѣйствіе этой причины. Мы еще вернемся къ этому доводу Чернышевскаго, а пока остановимся лишь на слѣдующихъ соображеніяхъ его. Количество труда, нужное на производство продуктовъ, уменьшается какъ въ мануфактурной промышленности, такъ и въ земледѣліи. Но въ земледѣліи оно уменьшается не такъ быстро, какъ въ мануфактурной промышленности. Поэтому стоимость земле-

*) Соч. Черныш. Т. 4, стр. 202. Здѣсь, кажется, опечатка. Должно быть: *повышается*, а не *облегчается*.

**) Соч. Чер., Т. 4, стр. 204.

дѣльческихъ продуктовъ увеличивается сравнительно со стоимостью мануфактурныхъ товаровъ. Спрашивается, почему же земледѣліе отстаетъ отъ мануфактурной промышленности? „Земледѣльческое искусство и знаніе ростутъ медленно, а распространяются еще медленнѣе", говоритъ Милль. Чернышевскій справедливо замѣчаетъ, что „этотъ очень справедливый отвѣтъ вовсе еще не отвѣтъ, а только новый вопросъ". „Отчего же земледѣльческое искусство и знаніе ростутъ медленно, а распространяются еще медленнѣе?"—спрашиваетъ онъ. Извѣстно, что „земледѣльческое производство составляетъ процессъ гораздо болѣе многосложный, чѣмъ какая нибудь фабрикація; натурально, что задача объ усовершенствованіи простѣйшаго дѣла требуетъ меньшихъ соображеній, чѣмъ усовершенствованіе дѣла болѣе запутаннаго. Но вѣдь и это все еще не отвѣтъ. Если одна задача труднѣе другой, то слѣдовало бы ожидать, что геніальнѣйшіе умы займутся первою, предоставивъ вторую умамъ второстепеннымъ." Но геніальные умы, какъ бы сговорившись, обходятъ вопросы земледѣлія. „Всѣмъ готовы заниматься геніальные люди: живописью и математикой, исторіей и медициной, а земледѣліемъ теперь занимается только одинъ изъ нихъ — Либихъ, да и то занимается такъ себѣ, почти что только въ свободное время отъ другихъ трудовъ; а до Либиха не укажете вы ни одного великаго ученаго по теоріи земледѣлія." Это явленіе Чернышевскій старается объяснить указаніемъ на тѣсную связь, существующую между развитіемъ науки и интересами господствующихъ классовъ. „Тѣ классы, интересами которыхъ направлялась до сихъ поръ наука, не нуждаются въ хлѣбѣ, говоритъ онъ. Любознательность, общая имъ со всѣми людьми, направляла человѣческую мысль къ отвлеченнымъ наукамъ; въ практическихъ знаніяхъ направляла она ее къ усовершенствованію всѣхъ дѣлъ, по которымъ недостаетъ чего нибудь нужнаго высшему или среднему классу. Мы выучились, какъ строить корабли, дома, ткать матерію; удивительныхъ успѣховъ достигли эти искусства, потому что безъ очень высокаго развитія ихъ чувствуетъ неудобство въ жизни человѣкъ богатый или зажиточный. Но и при самомъ младенческомъ состояніи земледѣлія, дурна ли, или недостаточна ли его пища? — слава богу, онъ ѣстъ вкусно и сытно. Разумѣется, каждый долженъ заниматься своимъ дѣломъ, думать о своихъ надобностяхъ. Усовершенствованіе земледѣлія нужно только простолюдину. Пока простолюдины не имѣли никакого значенія въ исторіи, они одни съ своимъ невѣжествомъ и хлопотали о земледѣльческихъ улучшеніяхъ. Появленіе Таэра, который первый раціонально занялся сельскимъ хозяйствомъ, не даромъ совпадаетъ съ концомъ прошлаго вѣка, когда простолюдины сдѣлали попытку заявить свои права въ исторіи. Либихъ, который первый изъ великихъ ученыхъ занялся земледѣліемъ, не случайно явился современникомъ такъ называемыхъ утопистовъ".*)

По поводу этого „кореннаго отвѣта" Чернышевскаго на вопросъ объ осталости земледѣлія приходится сказать почти то же, что говорили мы обо всѣхъ другихъ пополненіяхъ его къ ученіямъ буржу-

*) Томъ 4, стр. 357—358—359.

азныхъ экономистовъ. Отвѣтъ этотъ очень остроуменъ. Давая его, нашъ авторъ обнаруживаетъ гораздо болѣе вѣрный взглядъ на исторію науки и вообще на движеніе мысли, чѣмъ тѣ будто бы глубокіе мыслители, по мнѣнію которыхъ наука и мысль развиваются сами изъ себя и сами для себя, независимо отъ вліяній жизни и безъ всякаго отношенія къ экономическимъ интересамъ общества. Но остроумный отвѣтъ Чернышевскаго все таки сдѣланъ безъ достаточнаго вниманія къ конкретнымъ экономическимъ отношеніямъ, и потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признанъ „кореннымъ отвѣтомъ“. Это все таки еще очень абстрактный, односторонній и потому ошибочный отвѣтъ. Извѣстно, что въ настоящее время хлопчатобумажная промышленность составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ отраслей производства въ капиталистическихъ странахъ. Но какіе же классы одѣваются въ хлопчатобумажныя издѣлія? Бѣдные; богатые предпочитаютъ другія издѣлія. Прусскіе юнкера старательно занимаются выдѣлкой картофельнаго спирта. Для кого предназначается этотъ полезный продуктъ? Конечно, не для богатыхъ классовъ, тѣ предпочитаютъ другіе напитки. Да и вообще, можно ли сказать: что современная промышленность разсчитываетъ преимущественно на богатыхъ и зажиточныхъ потребителей, что она занимается исключительно производствомъ предметовъ роскоши и комфорта? Далеко нѣтъ. Современная промышленность, во-первыхъ, имѣетъ въ виду нужды самого производства: такова желѣзодѣлательная, машиностроительная и каменноугольная промышленность; во-вторыхъ, стараясь обезпечить себѣ возможно большій рынокъ, она имѣетъ въ виду прежде всего народныя массы, т. е. тѣхъ самыхъ бѣдняковъ, о которыхъ она совершенно забываетъ, по мнѣнію Чернышевскаго. Эта погоня за массовымъ сбытомъ существенно отличаетъ ее отъ промышленности, напримѣръ, народовъ Востока, которая дѣйствительно имѣетъ въ виду почти исключительно только потребности высшихъ классовъ, такъ какъ низшіе классы, живущіе тамъ при условіяхъ натуральнаго хозяйства, удовлетворяютъ свои нужды собственными издѣліями. Въ значительной степени также было и въ античномъ мірѣ, и вотъ почему Плутархъ, описывая механическія изобрѣтенія Архимеда, извиняется за него передъ читателемъ, говоря, что знаменитый математикъ обратился къ такому, недостойному философа, занятію единственно для защиты отъ римлянъ своего отечества. Въ Греціи и Римѣ складъ общественныхъ отношеній дѣйствительно направлялъ человѣческую мысль почти исключительно къ отвлеченнымъ наукамъ. Но теперь дѣло измѣнилось кореннымъ образомъ. Въ капиталистическомъ обществѣ интересы самихъ эксплуататоровъ направляютъ человѣческую мысль на техническія изобрѣтенія, которыя не имѣли бы никакого практическаго смысла, если бы могли примѣняться только къ производству предметовъ роскоши и комфорта. Да и какое дѣло капиталисту до того, кѣмъ потребляются издѣлія его работниковъ, богачами или бѣдняками? Занимаясь выдѣлкой дрянного, гнилого ситца, г. Морозовъ съ такимъ же успѣхомъ служитъ интересамъ своего кармана, какъ и г. Сазиковъ, приготовляющій роскошныя серебряныя издѣлія. Этого совершенно достаточно для г. Морозова.

Деньги не пахнутъ. И посмотрите, кто больше пользуется или, по крайней мѣрѣ, кто имѣетъ большую возможность пользоваться техническими изобрѣтеніями, г. Сазиковъ, или г. Морозовъ? Вы увидите, что для промышленности, удовлетворяющей нужды бѣдняковъ, сдѣлано въ техническомъ смыслѣ гораздо больше, чѣмъ для промышленности, производящей предметы роскоши. Почему же это такъ? Потому ли, что гг. техники очень заботятся объ интересахъ бѣдняковъ? Нѣтъ, просто потому что, какъ мы уже сказали, промышленность перваго рода несравненно важнѣе теперь для самихъ эксплуататоровъ, чѣмъ промышленность второго рода.*) Она даетъ тонъ, потому ей усерднѣе и служитъ наука.

Но въ такомъ случаѣ, отчего же земледѣліе отстало отъ мануфактурной промышленности? Отчасти потому, что земледѣліе дѣйствительно сложнѣе фабричнаго производства, а главнымъ образомъ потому, что земледѣліе развивалось при другихъ отношеніяхъ производства, чѣмъ мануфактурная промышленность. Успѣхи техники шли рядомъ съ успѣхами капитализма. Они обусловливались, вызывались къ жизни именно этими послѣдними успѣхами. Гдѣ же получилъ начало, гдѣ прежде всего развился и окрѣпъ капитализмъ, въ городѣ или въ деревнѣ? Извѣстно, что въ городѣ. Вѣрнѣе сказать, извѣстно, что капитализмъ овладѣлъ прежде всего такими отраслями производства, которыя, при отдѣленіи города отъ деревни, составляли принадлежность горожанъ. Мануфактурная промышленность раньше земледѣлія приняла капиталистическій характеръ, испытала поощрительное вліяніе конкурренціи. Неудивительно, что она далеко обогнала земледѣліе.

Международный обмѣнъ дѣйствовалъ въ томъ же направленіи. Когда Англія заводила торговыя сношенія съ Россіей, она могла предложить ей только мануфактурныя издѣлія. Земледѣльческихъ продуктовъ было достаточно въ Россіи, не смотря на всю ея отсталость. Но развитіе вывоза мануфактурныхъ издѣлій изъ Англіи способствовало расширенію ихъ производства, привлекало къ мануфакурной промышленности новые капиталы и новые таланты. Такъ создавались для этой промышленности новыя условія успѣха. Наоборотъ, земледѣліе передовыхъ странъ, по скольку оно не прибѣгало къ покровительственному тарифу, терпѣло отъ ввоза земледѣльческихъ продуктовъ изъ отсталыхъ странъ, область сбыта съуживалась для него, а этимъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, задерживались его успѣхи. По отношенію къ отсталымъ странамъ, высылающимъ на международный рынокъ свои земледѣльческіе продукты, обмѣнъ дѣйствовалъ какъ революціонный двигатель, расшатывая и ломая ихъ изстари унаслѣдованные общественные порядки. Этимъ подготовлялась

*) „Почему же хлопокъ, картофель и водка стали краеугольнымъ камнемъ буржуазнаго общества? Потому что ихъ производство требуетъ наименьшаго труда и они имѣютъ, вслѣдствіе этого, наименьшую цѣну. А почему минимумъ цѣны обусловливаетъ максимумъ потребленія? Ужъ не вслѣдствіи ли абсолютной, внутренней полезности дешевыхъ вещей, ихъ способности наилучшимъ образомъ удовлетворять потребности рабочаго, какъ человѣка, а не человѣка, какъ рабочаго? Нѣтъ, это потому, что въ обществѣ, основанномъ на *нищетѣ*, самые *нищенскіе* продукты имѣютъ роковое преимущество служить для потребленія массы". Карлъ Марксъ, Нищета Философіи, стр. 87 рус. перевода.

почва для развитія капитализма въ отсталыхъ странахъ, Но и тамъ, благодаря феодальнымъ или крѣпостническимъ отношеніямъ, мануфактурная промышленность представляла обыкновенно болѣе удобствъ для прилоложенія нарождающагося капитала. Не знавшая ни феодальныхъ, ни старозавѣтныхъ крѣпостническихъ отношеній, Америка представляетъ одно изъ тѣхъ исключеній, которыя только подтверждаютъ общее правило.*) На дѣвственной американской почвѣ земледѣльческій капитализмъ сдѣлалъ не менѣе, если не болѣе успѣховъ, чѣмъ и мануфактурная промышленность. Но за то американцы справедливо гордятся успѣхами своего земледѣлія, и отсталый русскій крестьянинъ, при всей красотѣ своихъ „устоевъ", все сильнѣе и сильнѣе чувствуетъ непосильную для него тяжесть американскаго соперничества.

Стараясь объяснить медленное распространеніе земледѣльческихъ знаній, Чернышевскій горячо нападаетъ на тѣхъ „рутинистовъ" которые говорятъ, что крестьянинъ врагъ нововведеній, что онъ любитъ держаться старины. „Это одинъ изъ сотни тѣхъ глупѣйшихъ афоризмовъ, — восклицаетъ онъ — упорное существованіе которыхъ въ книгахъ и въ мысляхъ образованнаго общества принуждаетъ думать, что вотъ именно оно, образованное и прогрессивное общество, до безумія любитъ сохранять всякую нелѣпость, которая засядетъ въ него". По мнѣнію Чернышевскаго, дѣло не во враждѣ крестьянъ къ улучшеніямъ, а просто въ ихъ бѣдности. „У человѣка очень бѣднаго, разумѣется, нѣтъ средствъ ни къ чему, въ томъ числѣ и къ производству земледѣльческихъ улучшеній." **). Ни мало не желая защищать „образованное и прогрессивное общество", мы все таки замѣтимъ съ своей стороны, что одною бѣдностью крестьянъ отсталость ихъ еще далеко не объясняется.Промышленные рабочіе тоже бѣдны, а между тѣмъ они гораздо больше и легче крестьянъ увлекаются всякими нововведеніями. Отсталость крестьянина объясняется общею отсталостью тѣхъ экономическихъ условій, среди которыхъ онъ живетъ. Человѣкъ есть продуктъ окружающей его общественной среды. Чернышевскій часто повторялъ и прекрасно доказывалъ это положеніе. Но онъ не всегда умѣлъ надлежащимъ образомъ воспользоваться имъ при изслѣдованіи того или другого общественнаго явленія. Вотъ почему, какъ мы уже сказали въ первой статьѣ, матеріализмъ Чернышевскаго замѣтенъ гораздо болѣе въ его „антропологическихъ", чѣмъ въ его историческихъ воззрѣніяхъ, т. е. замѣтенъ болѣе въ его взглядахъ на отдѣльнаго человѣка, чѣмъ во взглядахъ на цѣлое общество.

III

Теперь намъ остается разобрать ученіе Чернышевскаго о кризисахъ о народонаселеніи, чтобы покончить съ важнѣйшими экономи-

*) Рабство черныхъ въ южныхъ штатахъ само было продуктомъ капитализма (мы сказали бы *колоніальнаго* капитализма). Но и это рабство было преградой для успѣховъ земледѣлія. Только съ окончаніемъ междоусобной войны началась для Сѣверной Америки эпоха неслыханнаго земледѣльческаго процвѣтанія.

**) IV стр. 360-361

ческими взглядами его. Какъ смотримъ мы на возраженія, сдѣланныя Мальтусу имъ, это мы скажемъ въ слѣдующей статьѣ. Въ настоящее же время мѣсто позволяетъ намъ сдѣлать лишь одно заключительное замѣчаніе. Намъ часто приходилось оспаривать нашего автора, доказывать несостоятельность а мѣстами и противорѣчивость его взглядовъ. Это можетъ обрадовать русскихъ охранителей. „Такъ вотъ онъ идолъ, богъ нигилистовъ! воскликнутъ они. Вотъ онъ, учитель, ссылка котораго объявлялась величайшимъ преступленіемъ нашего правительства передъ наукой. Теперь оказывается, что экономическіе взгляды его не выдерживаютъ критики. Очень пріятное открытіе!“ — На такіе и подобные возгласы мы заранѣе отвѣчаемъ слѣдующее. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что экономическая наука сдѣлала большіе успѣхи со временъ Чернышевскаго, и что, поэтому, взгляды его значительно устарѣли теперь. При томъ же новѣйшими успѣхами своими экономическая наука обязана соціалистамъ, а не гг. охранителямъ, которые вездѣ употребляли въ дѣло самые безстыдные софизмы, для того чтобы задержать ея развитіе. Правда, и для своего времени Чернышевскій не былъ большимъ знатокомъ политической экономіи. Но онъ все таки понималъ въ ней несравненно больше, чѣмъ гг. русскіе охранители. Его заживо похоронили въ сибирской пустынѣ, но ни разу, ни одинъ изъ реакціонеровъ даже не попытался опровергнуть хотя бы нѣкоторую часть его ученій. Отчего же это? Оттого ли, что у нихъ не было охоты спорить съ нимъ? Какъ бы не такъ! Имъ очень хотѣлось бы опровергнуть его, но на бѣду свою они умѣли лишь писать пошлости на тему о томъ, „что дѣлали въ романѣ: Что дѣлать?“ Уже одно это показываетъ, насколько превосходилъ онъ своихъ враговъ и умомъ и талантомъ и знаніями. А потому лучше молчать гг. охранителямъ, чтобы неосторожными и запоздалыми нападками на Чернышевскаго не напомнить читателямъ о своемъ собственномъ безсиліи.

Г. Плехановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Современное обозрѣніе

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ ВО ФРАНЦІИ

СО ВРЕМЕНИ КОММУНЫ.

— —

Мы должны имѣть мужество сознаться, что въ Международномъ Обществѣ Рабочихъ французы являлись реакціоннымъ элементомъ. За исключеніемъ Варлэна, Дэреза и еще двухъ- трехъ человѣкъ, французскіе работники, пропитанные индивидуалистической метафизикой Прудона, представляли себѣ освобожденіе пролетаріата не иначе, какъ въ предѣлахъ капиталистической собственности. Приговоръ суда надъ парижскимъ бюро Международнаго Общества не даромъ говоритъ, что „члены этого общества стремились улучшить положеніе всѣхъ рабочихъ, безъ различія національностей, посредствомъ *кооперацiи, производительныхъ товариществъ, кредита и т. д.*“ Дальше они, дѣйствительно, не шли.

Поэтому, когда революція 18 Марта на цѣлыхъ два мѣсяца передала власть надъ Парижемъ въ руки рабочихъ, ихъ правительство — Коммуна — оказалось ниже своей задачи. Характеръ Коммуны, какъ правительства рабочаго класса, до нѣкоторой степени сказался лишь въ немногихъ изъ принятыхъ ею мѣръ. Такими мѣрами были: 1) ограниченіе жалованья лицъ, занимающихъ общественныя должности, шестью тысячами франковъ въ годъ; 2) декретъ, запрещавшій частнымъ предпринимателямъ и общественной администраціи дѣлать штрафы и вычеты изъ заработной платы рабочихъ и жалованья служащихъ: 3) запрещеніе ночной работы въ булочныхъ и 4) перепись покинутыхъ предпринимателями фабрикъ и мастерскихъ „для немедленнаго употребленія ихъ въ дѣло производительными товариществами рабочихъ“.

Массовыя убійства, которыми сопровождалось паденіе Коммуны, не только не заставили французскихъ рабочихъ разстаться съ ихъ ультраконсервативнымъ образомъ мыслей, но еще болѣе усилили его.

Между тѣмъ какъ кровь 35,000 жертвъ знаменитой майской расправы во всѣхъ другихъ странахъ вызывала у рабочихъ жажду мести, въ Парижѣ остатки пролетаріата, соединившись въ новыя организаціи, синдикальныя камеры, тяготѣли къ одной мысли — къ соединенію сословій, т. е. убійцъ и убиваемыхъ. *) Первыя одинадцать возстановившихся корпорацій, основавшія 28 Мая 1872 г. Le cercle de l'Union syndicale ouvrière (Союзъ синдикальныхъ камеръ рабочихъ) на ряду, но не въ противоположность синдикальному союзу патроновъ (l'Union syndicale patronale), желали только „возможнаго соглашенія различныхъ интересовъ" эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ. Въ группировкѣ по профессіямъ, которую имъ было желательно провести, онѣ видѣли „движеніе, которое въ ближайшемъ будущемъ, путемъ *образованія кооперативныхъ мастерскихъ*, должно дать рабочимъ независимость и благосостояніе." И когда центральный союзъ, намѣревавшійся „покончить эру стачекъ", не смотря на все это, былъ распущенъ 23 Октября по приказанію правительства, 28 делегацій рабочихъ группъ, которыя его составляли, вотировали заявленіе, гласившее, что „эти группы стремились покончить съ антагонизмомъ между патронами и рабочими образованіемъ смѣшанныхъ комиссій, составленныхъ на половину изъ рабочихъ и на половину изъ патроновъ, которыя полюбовно рѣшали бы всѣ споры." Кромѣ того, и въ особенности отрицаютъ онѣ, „что имѣли когда-либо намѣреніе образовать изъ рабочихъ партію, преслѣдующую какія-либо исключительныя классовыя цѣли." Но это еще не все. Рабочіе, которые были тогда во главѣ движенія, „предполагали, что въ синдикальныхъ камерахъ патроновъ они встрѣтятъ нравственную поддержку для защиты дѣла рабочихъ, пострадавшаго отъ уничтоженія Союза ихъ синдикальныхъ камеръ." И такъ какъ, конечно, „изъ этого ничего не вышло", то знаете-ли, чему приписывали они „косность патроновъ" ? Тому, „что эти послѣдніе, очевидно, тоже боялись за существованіе своихъ синдикатовъ". (Общій отчетъ французской рабочей делегаціи на всемірной вѣнской выставкѣ, стр. 56) Въ этомъ же духѣ высказывается и независимая делегація, посланная въ 1873 году на всемірную вѣнскую выставку подъ покровительствомъ и съ политической и денежной поддержкой Толена, Кантагреля, Порталиса и другихъ буржуазныхъ политикановъ. Въ коллективномъ отчетѣ 107 делегатовъ, представлявшихъ 42 парижскія корпораціи и различныя группы въ Анжерѣ, въ Ангулемѣ, въ Нанси, синдикальная организація выставляется какъ послѣднее слово освобожденія рабочихъ, которые должны „посредствомъ своихъ сбереженій организовать профессіональное и общее образованіе, основать потребительныя и производительныя товарищества, и постепенно, съ помощью взаимнаго кредита, достигнуть уничтоженія процента на капиталъ." Редакціонная комиссія — во главѣ которой былъ Шаберъ, нынѣшній парижскій муниципальный совѣтникъ — „разсмотрѣвъ всѣ желанія, изложенныя въ

*) „Мы желали бы, чтобы всѣ французы, объединившись одной мыслью о примиреніи и о возрожденіи и т. д. (Манифестъ 30 Октября 1872, подписанный Шаберомъ, Оттенномъ, Мейеромъ и т. д.)

кооперативныхъ отчетахъ, изучивъ всѣ требованія, рѣшаетъ, что кооперація будетъ освободительнымъ средствомъ, которое навсегда устранитъ наемный трудъ, если только она будетъ имѣть основаніемъ *частную инициативу* наемныхъ производителей.“ Итакъ, здѣсь нѣтъ рѣчи даже о государственной помощи рабочимъ товариществамъ, которой требовалъ Лассаль въ 1863 году! Что же касается „сопротивленія подъ видомъ стачекъ“, о немъ говорится какъ „о первобытномъ образѣ дѣйствій, осужденномъ опытомъ и отъ котораго должно отказаться во всякомъ случаѣ.“ На національномъ рабочемъ конгрессѣ, созванномъ черезъ три года въ Парижѣ, въ Октябрѣ 1876, говорилось то же самое. *) На этомъ истинномъ сеймѣ французскаго пролетаріата (болѣе 100 корпорацій и болѣе 50 городовъ послали на него своихъ делегатовъ) кооперація, какъ единственное рѣшеніе соціальнаго вопроса, нашла только одного противника — позитивиста Финанса. А извѣстно, что позитивизмъ не потому возстаетъ противъ коопераціи, что она не въ состояніи устранить систему наемнаго труда, а именно потому, что она выражаетъ собою стремленіе устранить эту систему, которая для Огюста Конта и его учениковъ представляетъ собою идеальный строй.

На этомъ конгрессѣ, который своимъ „благоразуміемъ“ радовалъ сердца нашей буржуазіи всѣхъ оттѣнковъ, классовое сознаніе пролетаріата проявилось по поводу одного только политическаго вопроса: *участія пролетаріата въ выборномъ представительствѣ*. Послѣ рѣчи дижонскаго делегата Проста (бывшій членъ Интернаціонала, нынѣ радикальный депутатъ) конгрессъ единогласно высказался за рабочія кандидатуры, однако не какъ за средство завоеванія верховной власти рабочими, а просто какъ за способъ высказать буржуазному правительству требованія пролетаріевъ.

Второй національный конгрессъ, который долженъ былъ собраться въ Ліонѣ 1877 года, и который, благодаря правительственному кризису 16 Мая, былъ отложенъ до Января 1878 года, пришелъ къ тѣмъ же заключеніямъ. Да и какъ могло быть иначе, когда въ своемъ воззваніи парижская коммиссія (въ ней участвовалъ Симонъ Соенъ, умершій въ 1888 г. поссибилистскимъ муниципальнымъ совѣтникомъ Парижа) хвалила „безспорное благоразуміе рабочихъ“, которые „показали, что они не покушаются ни на чье добро“. Ліонскій конгрессъ 1878 г., какъ и парижскій 1876 г., допускаетъ законодательное сокращеніе рабочаго дня только для дѣтей и для женщинъ, т. е. для лицъ несовершеннолѣтнихъ или необладающихъ юридической правоспособностью. Ліонскій конгрессъ, какъ и парижскій, ждалъ устраненія системы наемнаго труда, которая именовалась „переходнымъ не опредѣляемымъ ближе состояніемъ между крѣпостною зависимостью и другимъ, лучшимъ состояніемъ“, только отъ „развитія потребительныхъ, кредитныхъ и производительныхъ товариществъ“. Ліонскій конгрессъ, какъ

*) Я умалчиваю о делегаціи, отправленной 1876 г. на всемірную выставку въ Филадельфію, такъ какъ ея тенденціи были тождественны съ тенденціями вѣнской делегаціи. Правда, ея общій отчетъ написанъ инымъ языкомъ, но это потому, что онъ былъ изданъ уже въ 1879 году, когда точка зрѣнія его авторовъ измѣнилась подъ вліяніемъ нашихъ конгрессовъ и нашей соціалистической прессы.

и парижскій, всегда, когда дѣло касается „пенсіонныхъ кассъ для стариковъ и инвалидовъ труда“, прибавляетъ, что „возстаетъ противъ всякаго вмѣшательства (читай: помощи) государства“. „Принципъ представительства пролетаріата въ парламентѣ“ снова былъ признанъ съ слѣдующей, однако, поправкой, или вѣрнѣе урѣзкой: при перебаллотировкахъ слѣдуетъ покидать рабочія кандидатуры и „поддерживать республиканскихъ кандидатовъ, если республикѣ угрожаетъ опасность“.

Но хотя въ своихъ оффиціальныхъ рѣшеніяхъ ліонскій конгрессъ былъ только вторымъ изданіемъ парижскаго, онъ все таки отличается отъ этого послѣдняго тѣмъ, что на немъ уже явилось коллективистское меньшинство въ нѣсколько голосовъ, поддержавшее слѣдующее предложеніе Дюпира и Балливэ:

„Принимая во вниманіе,

„Что освобожденіе рабочаго класса можетъ совершиться только тогда, когда рабочіе будутъ пользоваться полнымъ продуктомъ своего труда;

„Что для достиженія этой цѣли необходимо, чтобы рабочіе обладали средствами производства: сырымъ матеріаломъ и орудіями труда;

„Конгрессъ приглашаетъ всѣ рабочіе союзы заняться изученіемъ способовъ практическаго приложенія принципа коллективной собственности по отношенію къ землѣ и къ орудіямъ труда.“

На это почти незамѣтное меньшинство набросились всѣ газеты, взывая къ „здравому смыслу французовъ“

Но 21 мѣсяцъ спустя это меньшинство явилось уже значительнымъ большинствомъ на марсельскомъ конгрессѣ, чему не мало способствовалъ шумъ, вызванный парижскимъ международнымъ конгрессомъ конца 1878 года.

Но прежде чѣмъ разсказать, какъ оно боролось и какъ оно побѣдило, бросимъ бѣглый взглядъ на исторію его возникновенія.

II

Дѣло происходило въ Сентябрѣ 1877 года. Когда газета „les Droits de l'homme“ (права человѣка) и продолженіе ея, „le Radical“, изнемогли подъ тяжестью штрафовъ, нѣкоторые изъ самыхъ молодыхъ сотрудниковъ этихъ двухъ передовыхъ газетъ, убѣжденные въ необходимости заняться соціалистическимъ воспитаніемъ массъ, задумали основать еженедѣльный органъ „науки и политики, борьбы и теоріи“; этотъ органъ былъ „l'Egalité“ (равенство). Время было самое неблагопріятное: можно сказать безъ преувеличенія, что реакція, которая въ теченіе семи долгихъ лѣтъ текла широкимъ потокомъ, съ 16 Мая разрушила всѣ преграды. Вниманіе публики

было поглощено поединкомъ между коалиціей старыхъ монархическихъ партій съ одной стороны и республиканскимъ большинствомъ палаты — съ другой. Но наши редакторы не остановились передъ этимъ. Не имѣя 12,000 франковъ для залога, который тогда требовался отъ каждаго журнала, выходящаго въ Парижѣ, они перенесли редакцію въ Мо (Meaux), и — благодаря денежной поддержкѣ со стороны нѣкоторыхъ рабочихъ и служащихъ — они 18 Ноября выпустили первый нумеръ, въ которомъ высказались слѣдующимъ образомъ:

„Мы вовсе не стремимся управлять умами на манеръ поповъ, ставить предвзятыя системы на мѣсто научныхъ данныхъ и стремленій народа. Но какъ сторонники коллективистскаго ученія, котораго придерживаются теперь всѣ серьезные умы пролетаріата Стараго и Новаго Свѣта, мы думаемъ, что *естественное и научное развитіе человѣчества ведетъ его неизбѣжно къ коллективной собственности на землю и на орудія производства. И съ этой именно точки зрѣнія мы и будемъ изучать всю совокупность соціальныхъ явленій.*“

Эти предшественники „Рабочей Партіи“ были: Жюль Гэдъ, только что возвратившійся изъ изгнанія, Жираръ, нынѣ профессоръ римскаго права въ парижскомъ университетѣ, Габріель Девиль, Эмиль Массаръ, и Евгеній Удэнъ, къ которымъ вскорѣ примкнулъ докторъ медицины Юстинъ Бахъ и три студента: Марукъ, Лабюскьеръ и Шабри. Не забудемъ и двухъ иностранныхъ соціалистовъ: нѣмца Карла Гирша и испанца Меза. Малонъ, жившій тогда въ Лугано, принадлежалъ также къ этой группѣ, хотя его сотрудничество было чисто платоническимъ (двѣ статьи за цѣлый годъ). Съ перваго же дня своего появленія этотъ органъ, твердо державшійся научнаго соціализма, возбудилъ противъ себя всеобщія нападки. Правительство начало противъ него процессъ и сдѣлало три полицейскихъ обыска въ конторѣ журнала и въ квартирѣ главнаго редактора и управляющаго. Типографія отказалась печатать его,—затрудненіе, изъ котораго мы вышли, лишь переѣхавъ въ Ланьи, благодаря щедрой помощи нѣмецкаго соціаль-демократа Карла Гохберга. Организованная уже часть нашего рабочаго класса публично осуждала „l'Egalité“, какъ она впрочемъ осуждала, чрезъ посредство органа Шабера, проэктъ сбора въ пользу стачечниковъ въ Монсо-лэ-Минъ. Даже заграницей анархисты, въ „*Бюллетенѣ Юрской Федераціи*“ и въ *Авангардѣ* Поля Брусса, старались помѣшать успѣху нашего журнала, называя его простыми избирательными подмостками для его основателей.

„Egalité“, которую безуспѣшно старались притянуть къ дѣлу Косты и Анны Кулишевой, подвергшихся преслѣдованію за пропаганду ученія Интернаціонала, продолжала тѣмъ не менѣе свое дѣло распространенія и выясненія правильныхъ взглядовъ. Ея неумолимый анализъ не пощадилъ ни одной изъ тѣхъ вздорныхъ выдумокъ, которыми были набиты головы рабочихъ. Сбереженіе, кооперація, профессіональное образованіе, правильное и мирное развитіе республиканскихъ учрежденій, уничтоженіе городскихъ пошлинъ, борьба съ религіозными предразсудками и другія игрушки, которыми республиканская буржуазія забавляла такъ долго крѣпостныхъ нашего времени, одна за другой разлетались въ прахъ. Проповѣди химери-

ческихъ ассоціацій, которыя, по мнѣнію ихъ сторонниковъ, должны были, объединивъ ничего не имѣющихъ рабочихъ, бороться съ соединенными силами капиталистовъ, "l'Egalité" противопоставила единственную практически возможную и плодотворную ассоціацію, которая, въ борьбѣ съ безграничными требованіями капиталистовъ, побѣждала бы ихъ упорство коллективнымъ отказомъ отъ работы или *стачкой*. Безплодность политическихъ или правительственныхъ реформъ въ дѣлѣ освобожденія рабочихъ была доказана опытомъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ рабочіе такъ же эксплуатируются и такъ же бѣдствуютъ, какъ и въ Старомъ Свѣтѣ, не смотря на всѣ права, предоставляемыя имъ конституціей. Увеличеніе производительности труда, ожидавшееся Гамбеттой и комп. отъ введенія всеобщаго первоначальнаго и профессіональнаго образованія, было представлено въ истинномъ свѣтѣ, т. е. какъ источникъ благосостоянія и богатства для капиталистическаго меньшинства, которое заставляетъ другихъ работать на себя, но не для рабочаго, заработная плата котораго при теперешней системѣ вовсе не соотвѣтствуетъ его производительной способности. Наконецъ, Egalité показала, что всеобщая подача голосовъ сама по себѣ ничего не разрѣшаетъ и можетъ только, путемъ классовыхъ кандидатуръ, способствовать организаціи пролетаріата въ отдѣльную партію, имѣющую цѣлью овладѣть посредствомъ революціи политической властью и обратить въ общественную собственность средства производства.

Таковъ былъ критическій и теоретическій походъ Egalité. Этотъ журналъ, въ первый разъ во Франціи, выяснилъ законы заработной платы и капиталистическаго накопленія. Въ то же время его издатели основали стачечный фондъ для поддержки борющихся рабочихъ, а на ежегодныхъ банкетахъ въ память 18 Марта они, продолжая революціонныя традиціи, старались оттѣнить международную солидарность соціалистовъ всѣхъ странъ.

Изъ этой-то школы вышли тѣ делегаты, которые на ліонскомъ конгрессѣ осмѣлились напасть на пресловутый принципъ кооперація, заявивши, что помимо коллективнаго овладѣнія всѣмъ существующимъ капиталомъ нѣтъ спасенія для рабочихъ, ибо нѣтъ другаго средства уничтожить систему наемнаго труда.

Точно также, лишь благодаря непосредственному вмѣшательству группы, сформировавшейся вокругъ нашего журнала, былъ созванъ международный парижскій конгрессъ, который, не смотря на полицейскія преслѣдованія, подготовилъ знаменитый конгрессъ въ Марселѣ.

Еще въ Ліонѣ рѣшили созвать, независимо отъ ежегодныхъ рабочихъ конгрессовъ, международный конгрессъ по случаю всемірной выставки на Марсовомъ Полѣ. Но это дѣло встрѣтило большія затрудненія. Во-первыхъ, революціонеры, въ виду консервативныхъ стремленій синдикальныхъ камеръ, желали созвать свой особенный конгрессъ. Чтобы предотвратить эту первую опасность, потребовался цѣлый рядъ частныхъ собраній, гдѣ редакція Egalité доказала невозможность никакого другого конгресса, помимо существующихъ рабочихъ организацій. Вторая и болѣе серьезная опасность исходила отъ рабочихъ синдикатовъ, которые, приготовивъ все нужное, разославъ

приглашенія заграницу, установивъ программу преній и даже назначивъ день открытія конгресса, вдругъ, когда 31 Іюля правительство дало понять, что запретитъ его, рѣшили было покориться и оставить все дѣло. Конгрессъ вовсе не состоялся бы, еслибы, опять таки подъ вліяніемъ Egalité, меньшинство въ учредительномъ комитетѣ не заняло мѣста подавшаго въ отставку большинства и не рѣшилось нарушить полицейскій запретъ.

Это меньшинство, — „буйная группа“, какъ назвалъ ее прокуроръ, требовавшій осужденія ее по всей строгости закона — заключало въ себѣ, кромѣ трехъ редакторовъ Egalité, представителей шести корпорацій (механиковъ, столяровъ, портныхъ, дубильщиковъ, слесарей и лицъ, служащихъ по торговой части) и одного потребительнаго товарищества, l'Egalitaire. Гонимое полиціей изъ одного зала собранія въ другой, это меньшинство тѣмъ не менѣе соединилось съ семью делегатами англійскихъ трэдъ-юніоновъ и делегатами изъ Марсели. 4-го Сентября вечеромъ, какъ только въ улицѣ Entreprenеurs, открылся конгрессъ (къ которому, въ концѣ концовъ, пристали наканунѣ группы, отъ него удалившіяся, и между ними группа Prolétaire, только что начавшая формироваться), полицейскіе набросились на делегатовъ, и нѣсколько членовъ названнаго меньшинства было арестовано. Гэдъ, Массаръ и Шабри были заключены въ тюрьму Мазасъ, гдѣ и оставались около мѣсяца. Правительство начало противъ нихъ большой процессъ, къ которому было привлечено 39 лицъ. Но побѣда все таки осталась за коллективистами, хотя они и были наказаны тюремнымъ заключеніемъ и штрафами. Нѣсколько синдикальныхъ камеръ и нѣкоторые кружки самообразованія признали себя сторонниками революціоннаго соціализма передъ судомъ исправительной полиціи.

„Мы хотимъ — говорили подсудимые въ своей коллективной защитѣ — третьей революціи, которая дополнила бы революціи 1789 и 1848 годовъ, и которая, сверхъ равенства предъ закономъ и предъ избирательной урной, дала бы всѣмъ равныя средства къ развитію и къ дѣятельности. Мы хотимъ положить конецъ *праву первородства* привиллегированнаго класса, предоставивъ всѣмъ людямъ одинаковое пользованіе наслѣдствомъ человѣчества, возвращеннымъ человѣчеству... Мы желаемъ, чтобы капиталъ, переставъ быть частной собственностью, былъ отданъ цѣликомъ и навсегда въ распоряженіе всѣхъ трудящихся.“

Этотъ процессъ-монстръ нашелъ себѣ сильный отголосокъ въ средѣ всѣхъ французскихъ рабочихъ. Наша защитительная рѣчь, изданная брошюрой подъ заглавіемъ: *Коллективизмъ передъ 10-той камерой исправительной полиціи*“, была распродана въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ, и въ то же время наложенный на насъ штрафъ въ 4,000 фр. былъ покрытъ въ нѣсколько недѣль подпиской по мастерскимъ. Даже газета Proletaire испытала на себѣ послѣдствія этой побѣды идеи коллективизма. Хотя она и заявила въ своей программной статьѣ отъ 23 Ноября 1878 года, что не хочетъ быть „исключительнымъ органомъ какого-нибудь одного соціалистическаго ученія“, такъ какъ, по ея мнѣнію, „ни одно ученіе не обла-

дало полной истиной въ соціальныхъ вопросахъ", она все таки должна была пойти по дорогѣ, пробитой Egalité. Изъ тюрьмы Пэлажи сотрудники этой послѣдней газеты, задавленной „законными" преслѣдованіями, выпустили первое воззваніе „къ пролетаріямъ, къ крестьянамъ-собственникамъ и къ мелкимъ хозяевамъ", въ которомъ они приглашали ихъ соединиться для поддержки слѣдующихъ двухъ требованій:

„1° Всѣ расходы по содержанію, воспитанію, общему и профессіональному образованію всѣхъ дѣтей безъ исключенія должны быть приняты обществомъ на свой счетъ."

„2° Земля и другія орудія труда, т. е. весь капиталъ, какъ движимый, такъ и недвижимый, долженъ быть возвращенъ обществу и оставаться въ его рукахъ, какъ недѣлимая и неотчуждаемая собственность."

Сочувственныя заявленія посыпались отовсюду: изъ Сетты, Бэзье, Альи-на-Соммѣ. Гренобля, Люважа, Марсели, Орлеана, Перпиньяна, Понтуаза, Пюто, Сенъ-Этьенна, Труа, Вьенны и т. д.

Мы съ увѣренностью ожидали открытія національнаго конгресса въ Марсели. Не было никакого сомнѣнія, что, благодаря совершившейся въ умахъ перемѣнѣ, онъ, какъ предсказывала Egalité еще въ Февралѣ 1878 г., „похоронитъ навсегда кооперативныя идеи", и что французскій пролетаріатъ быстро пойдетъ по дорогѣ коммунизма, по которой уже столько лѣтъ идутъ рабочіе классы Германіи и Соединенныхъ Штатовъ.

III

Марсельскій Конгрессъ, рѣшившій въ первомъ же своемъ засѣданіи назваться, въ отличіе отъ предшествовавшихъ конгрессовъ, „соціалистическимъ", превзошелъ всѣ ожиданія. Составленный изъ 138 делегатовъ отъ Парижа, Ліона, Бордо, Марсели, Лилля, Тулузы, Сенъ-Этьенна, Буржа, Рубэ, Роанна, Тулона, Вьенны, Сетты и 32 другихъ городовъ, онъ пошелъ дальше Международнаго Общества Рабочихъ, которое, требуя коллективной собственности лишь по отношенію къ землѣ, не касалось промышленнаго и торговаго капитала. Конгрессъ высказался за возвращеніе обществу не только земли, но и всѣхъ орудій труда, всѣхъ средствъ производства.

Заявленіе, подписанное 30 Октября 61 делегатомъ и одобренное въ засѣданіи 31 Октября, гласитъ такъ:

„Принимая во вниманіе, что соціальный вопросъ рѣшится только тогда, когда каждый человѣкъ — свободный мужчина и равная ему женщина — будетъ въ состояніи дать полное удовлетвореніе своимъ потребностямъ и достигнуть всесторонняго развитія своихъ способностей, конгрессъ заявляетъ, что частная собственность

причиняя имущественное и умственное неравенство, не можетъ обезпечить ни этого удовлетворенія, ни этого развитія; онъ требуетъ обращенія въ общественную собственность земли, рудниковъ, машинъ, путей сообщенія, строеній и проч. и считаетъ такое обращеніе единственнымъ возможнымъ средствомъ обезпечить каждому пользованіе полнымъ продуктомъ его труда.

„Принимая во вниманіе: 1° что наука и опытъ доказали совершенную безплодность выкупа, кооперації, союза капитала и труда; 2° что при современномъ строѣ налогъ, прогрессивный и всякій другой, всегда падаетъ всей своей тяжестью на потребителя, т. е. на рабочаго; 3° что между людьми, захватившими народное богатство, съ одной стороны и тѣми, которые справедливо требуютъ его возвращенія — съ другой, невозможно никакое соглашеніе въ виду различія ихъ интересовъ, — конгрессъ заявляетъ, что должно стремиться всѣми средствами къ обращенію въ общественную собственность всѣхъ орудій труда и всѣхъ средствъ прозводства."

По вопросу о наемномъ трудѣ смыслъ принятаго рѣшенія не менѣе ясенъ: „Въ виду того, что никакое серьезное улучшеніе положенія пролетаріевъ немыслимо безъ устраненія самой системы наемнаго труда; въ виду того, что система наемнаго труда есть слѣдствіе раздѣленія общества на два класса, — изъ которыхъ одинъ обладаетъ всѣмъ и не дѣлаетъ ничего, другой же работаетъ и ничего не имѣетъ, — и что только тогда, когда капиталы, употребляемые въ дѣло рабочими, будутъ составлять ихъ собственность, названная система можетъ быть устранена и замѣнена другимъ порядкомъ, въ которомъ производитель будетъ получать полный продуктъ своего труда; въ виду того, что эта принадлежность капиталовъ рабочимъ можетъ быть постоянной и повсемѣстной только тогда, когда капиталы перестанутъ быть личной собственностью и станутъ коллективными, безличными и неотчуждаемыми, — конгрессъ рѣшаетъ, что цѣлью рабочихъ должна быть національзація капиталовъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д., которые должны быть отданы производителямъ, т. е. рабочимъ."

Рѣшеніе, касающееся собственности, сводится также „къ общественному и неотчуждаемому владѣнію землей и всѣмъ, что находится въ ея нѣдрахъ, равно какъ и орудіями труда и сырыми матеріялами."

Какъ средство достиженія этихъ цѣлей, конгрессъ предлагаетъ „образованіе рабочей партіи, организаціей которой должны заняться Союзъ синдикальныхъ камеръ, общества самообразованія, потребительныя и производительныя ассоціаціи."

Проводя далѣе мысль объ „организаціи во Франціи партіи рабочихъ, которая должна совершенно порвать съ буржуазіей и отдѣлиться отъ нея во всѣхъ отношеніяхъ", конгрессъ, въ своемъ рѣшеніи касательно *участія пролетаріата въ выборномъ представительствѣ*, придаетъ этой мысли конкретную форму, предлагая проэктъ устава, первая статья котораго гласитъ такъ:

„Изъ всѣхъ группъ, согласныхъ съ этими рѣшеніями и входящихъ въ составъ рабочей организаціи, образуется федерація соціа-

листовъ-рабочихъ обоихъ половъ, съ цѣлью добиться приложенія принципа Справедливости, и т. д.“

Какъ показываетъ эта послѣдняя фраза, основатели французской рабочей коллективистской партіи руководствовались еще, если не исключительно, соображеніями сентиментальными или метафизическими. Ихъ болѣе занимаетъ распредѣленіе продуктовъ, оцѣниваемое ими съ точки зрѣнія справедливости, чѣмъ организація производства, которая подсказывается экономической необходимостью и отъ которой зависитъ само распредѣленіе. Но какъ бы тамъ ни было, партія возникла и при самомъ возникновеніи своемъ она уже обладала такими жизненными силами, что могла устоять и противъ внѣшнихъ нападеній и противъ внутреннихъ интригъ.

IV

Согласно съ уставомъ, который раздѣлилъ организацію партіи на шесть областныхъ вѣтвей, въ 1880 въ Парижѣ основывается Центральный Федеративный Союзъ; въ С.-Этьенѣ и въ Ліонѣ Западная Федерація; въ Лиллѣ и въ Рубэ Сѣверная Федерація; въ Ангулемѣ и Бордо Юго-восточная Федерація; въ Марсели Южная Федерація и, наконецъ, въ Алжирѣ, Алжирская Федерація; каждая изъ этихъ федерацій имѣла свою организацію и созывала свои областные конгрессы.

На долю перваго областного конгресса Центральной Федераціи, созваннаго въ Парижѣ въ Іюлѣ 1880 г., выпала честь дать партіи ея избирательную программу.

Содержаніе ея слѣдующее.

„Принимая во вниманіе,

„Что освобожденіе производительнаго класса является освобожденіемъ всего человѣчества безъ различія пола и племени;

„Что производители будутъ свободны только тогда, когда будутъ обладать орудіями производства;

„Что эти орудія производства могутъ имъ принадлежать только въ двухъ формахъ:

1° Или въ формѣ частной собственности, которая никогда не существовала въ видѣ общаго явленія и предѣлы распространенія которой все болѣе и болѣе съуживаются теперь, благодаря успѣхамъ промышленности;

2° Или въ формѣ коллективной собственности, матеріальные и духовные элементы которой уже подготовлены самымъ развитіемъ капиталистическаго общества;

„Принимая во вниманіе,

„Что эта коллективная собственность на средства производства

можетъ явиться лишь какъ слѣдствіе революціоннаго дѣйствія производительнаго класса, — или пролетаріата — организованнаго въ особенную политическую партію;

„Что къ такой организаціи должно стремиться всѣми средствами, какими обладаетъ пролетаріатъ, включая сюда и всеобщую подачу голосовъ, которая такимъ образомъ превращается изъ орудія обмана, какимъ она была до сихъ поръ, въ орудіе освобожденія;

„Французскіе работники-соціалисты, поставивъ себѣ задачей въ экономической области возвращеніе къ коллективной собственности на всѣ орудія производства, рѣшили для успѣховъ организаціи и борьбы принимать участіе въ выборахъ съ слѣдующей программой наименьшихъ (минимальныхъ) требованій.

А. — ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА

1° Отмѣна всѣхъ законовъ о печати, о сходкахъ и о союзахъ и въ особенности закона о Международномъ Обществѣ Рабочихъ. — Отмѣна рабочей книжки, этого желтаго билета работника, и всѣхъ статей свода законовъ, дающихъ патронамъ преимущество предъ рабочими;

2° Уничтоженіе бюджета вѣроисповѣданій, возвращеніе націи всѣхъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, наз. biens de mainmorte и принадлежащихъ религіознымъ корпораціямъ (постановленіе Коммуны отъ 2 Апрѣля 1871 г.), *включая сюда всѣ промышленныя и торговыя предпріятія этихъ корпорацій*;

3° Всеобщее народное вооруженіе;

4° Административное и полицейское самоуправленіе общинъ.

В. — ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА

1° *Одинъ день отдыха въ недѣлю* и законодательное запрещеніе патронамъ заставлять рабочихъ трудиться *болѣе шести дней изъ семи*. — Законодательное сокращеніе рабочаго дня для взрослыхъ до восьми часовъ. — Запрещеніе дѣтямъ ниже 14 лѣтъ работать въ частныхъ мастерскихъ, и сокращеніе рабочаго дня до 6 часовъ для лицъ отъ 14 до 18 лѣтъ;

2° Законный минимумъ рабочей платы, установляемый каждый годъ сообразно съ мѣстными цѣнами жизненныхъ припасовъ;

3° Равенство заработной платы для рабочихъ обоихъ половъ;

4° Научное и *профессіональное* образованіе всѣхъ дѣтей, всѣ издержки котораго падаютъ на общество, т. е. на государство и на общины;

5° *Общество принимаетъ на себя содержаніе стариковъ и инвалидовъ труда*;

6° Устраненіе всякаго вмѣшательства со стороны хозяевъ въ завѣдываніе рабочими кассами взаимной помощи, пенсіонныхъ и др., завѣдываніе которыми должно быть предоставлено исключительно рабочимъ;

7° Отвѣтственность патроновъ за несчастные случаи съ ихъ рабочими, обезпеченная залогомъ, внесеннымъ хозяиномъ и пропор-

ціональнымъ числу нанимаемыхъ рабочихъ и опасностямъ даннаго производства;

8о Участіе рабочихъ въ составленіи правилъ для разныхъ мастерскихъ; уничтоженіе захваченнаго патронами права наказывать своихъ рабочихъ штрафами или вычетами изъ заработной платы (постановленіе Коммуны отъ 27 Апрѣля 1871 г.);

9о Пересмотръ всѣхъ контрактовъ, которыми отчуждалось государственное имущество (банки, желѣзныя дороги, рудники, и т. д.); эксплуатація всѣхъ государственныхъ мастерскихъ рабочими, которые тамъ работаютъ;

10о Уничтоженіе всѣхъ косвенныхъ налоговъ и приведеніе всѣхъ прямыхъ къ одному прогрессивному налогу на доходы свыше 3,000 франковъ. — *Уничтоженіе наслѣдства по боковой линіи и всякаго наслѣдства свыше 20,000 фр. по прямой линіи.*"

Эта программа была выработана въ Лондонѣ Карломъ Марксомъ, Энгельсомъ, Ж. Гэдомъ и Лафаргомъ; ее призналъ тоже Малонъ (жившій тогда еще въ Швейцаріи). Она дополняетъ окончательныя и общія требованія соціализма цѣлымъ рядомъ ближайшихъ требованій, дающихъ возможность вести повседневную борьбу, безъ которой ни одна партія не можетъ ни жить, ни развиваться.

Эта программа, названная программой наименьшихъ требованій, была представлена въ видѣ проэкта группамъ различныхъ областей и дополнена въ нѣкоторыхъ пунктахъ (см. вышеподчеркнутыя мѣста). Будучи принята парижскимъ конгрессомъ, она вызвала отпаленіе отъ партіи, очень, впрочемъ неинтересныхъ людей, которые впослѣдствіи назвали себя анархистами, и которые слышать не хотятъ объ избирательной агитаціи.

Подтвержденная на національномъ конгрессѣ въ Гаврѣ (въ Ноябрѣ 1880 г.), эта программа стала нашей хартіей; внѣ ея стояла лишь упомянутая горсть анархическихъ болтуновъ и еще немногія синдикальныя камеры, которыя, заявивши протестъ противъ революціонныхъ коллективистскихъ рѣшеній Марсельскаго конгресса, созвали въ томъ же Гаврѣ контръ-конгрессъ.

Предводимое нѣкіимъ Барберэ, ставшимъ впослѣдствіи начальникомъ отдѣленія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и нѣкіимъ Ліоннэ, выбраннымъ депутатомъ въ 1883 г., благодаря поддержкѣ патроновъ и опортюнистовъ департ. Нижней Сены, это враждебное соціализму рабочее меньшинство не замедлило скоро распасться. Послѣ двухъ жалкихъ попытокъ созвать конгрессъ въ Бордо и въ С. Мандэ, оно, не смотря на покровительство и на денежную поддержку со стороны правительства, уже въ 1882 г. не существовало даже pro forma.

Первое нападеніе, которому подверглась основанная Марсельскимъ и Гаврскимъ конгрессами рабочая партія, имѣло мѣсто въ 1880 году послѣ амнистіи, возвратившей во Францію ссыльныхъ и изгнанниковъ Парижской Коммуны. За исключеніемъ Малона, Дерера, Вальяна, Потье и человѣкъ двадцати другихъ, французскіе изгнанники вообще ничему не научились и ничего не забыли. Ихъ часы остановились на 1871 годѣ, и, недопуская, чтобы люди могли

идти впередъ безъ нихъ; не будучи въ состояніи или не желая понять то движеніе, которое совершалось въ ихъ отсутствіи, они выступили не только критиками, но и противниками этого движенія. Противъ передоваго слоя французскаго пролетаріата, впервые организовавшагося въ классовую партію, они выставили такъ называемый соціалистическій союзъ, который въ дѣйствительности означалъ лишь союзъ съ идеями и людьми буржузнаго радикализма. Къ этому союзу присоединились Журдъ, Тейсъ, Амуру, А. Арну, Луспіа и даже Лонгэ. Впрочемъ, дѣло этого союза кончилось ничѣмъ, или же компрометтировало его организаторовъ.

Между тѣмъ какъ главы этого реакціоннаго движенія потерпѣли жалкое пораженіе во время парижскихъ выборовъ, коллективистская программа нашей партіи уже въ Сентябрѣ 1880 года одержала побѣду на муниципальныхъ выборахъ въ Ковантри. Въ Январѣ 1881 года во время парижскихъ муниципальныхъ выборовъ за нее голосовали 12,000 человѣкъ, хотя избирательная борьба могла вестись сторонниками нашей классовой партіи только въ немногихъ кварталахъ *). Для начала это было большимъ торжествомъ, къ которому прибавились затѣмъ успѣхи на выборахъ въ законодательное собраніе въ Апрѣлѣ того же года. За нашу программу высказалось 50,000 человѣкъ въ Парижѣ, въ Ліонѣ, въ Рубэ, въ Алэ, въ Труа, въ Реймсѣ, въ Монлюсонѣ, въ Эльбефѣ и т. д., хотя мы были безъ денегъ, безъ газетъ и хотя радикальная фракція буржуазіи ограбила нашу программу, заимствовавъ изъ нея многіе пункты.

При такомъ ходѣ дѣлъ и въ особенности въ виду того, что у насъ скоро явился свой ежедневный органъ Le Citoyen, а новые законы о печати, о собраніяхъ и о синдикальныхъ союзахъ облегчали дѣло рабочей организаціи и борьбы, наша партія несомнѣнно скоро сравнялась бы по силѣ и по численности съ нѣмецкой Соціальной Демократіей. Но къ сожалѣнію тогда возникли печальныя несогласія, которыя, хотя и не помѣшали распространенію идей, но разбили единство движенія и оставили намъ только осколки партіи.

Съ одной стороны свирѣпствовали анархисты. Одни по своей хвастливой болтливости, другіе повинуясь полицейскимъ внушеніямъ (бывшій префектъ полиціи Андріэ хвалится этими внушеніями въ своихъ запискахъ), они запугивали массу своей динамитной фразеологіей и говорили лишь о грабежѣ булочныхъ, объ истребленіи хозяевъ — при чемъ ни одинъ хозяинъ никогда не пострадалъ отъ нихъ въ дѣйствительности — и о поджогахъ фабрикъ, этихъ каторжныхъ тюремъ капитализма. La Revolution Sociale и другіе провокаторскіе журналы, — направленные исключительно противъ соціалистовъ, которыхъ они называли не иначе какъ честолюбцами, властолюбцами, усыпителями и голосователями, **) — обильно распро-

*) Внѣ рабочей партіи и ея программы — говорилъ избирательный манифестъ работникамъ — могутъ стоять только одураченные люди или сообщники капиталистовъ.

**) Votards — отъ voter — подавать голосъ на выборахъ. Извѣстно, что участіе въ выборахъ всегда было большимъ преступленіемъ въ глазахъ анархистовъ.

ред.

странялись между рабочими, возбуждая недовѣріе въ однихъ, отвращеніе въ другихъ и вообще отталкивая ихъ отъ соціализма.

Съ другой стороны друзья и послѣдователи Бланки, первоначально соединившіеся съ нами, сгруппировались въ особую организацію, во главѣ которой стоялъ парижскій Comité révolutionnaire central (центральный революціонный комитетъ). И хотя самый выдающійся человѣкъ между бланкистами, Вальянъ, не расходился съ марксистами рабочей партіи ни по отношенію къ цѣли, ни по отношенію къ средствамъ, хотя во всѣхъ важныхъ случаяхъ (агитація 1884 года между не имѣвшими работы рабочими, общіе выборы 1885 года и агитація противъ выбора Ферри въ президенты въ 1888 году), хотя во всѣхъ этихъ случаяхъ бланкисты дѣйствовали за-одно съ нами, но все таки ихъ, по крайней мѣрѣ номинальное, отдѣленіе отъ насъ было новой причиной нашего ослабленія.

Наконецъ, и въ особенности благодаря стараніямъ бывшаго анархиста Брусса, рабочая партія разбилась на двѣ враждебныя части, постоянная взаимная борьба которыхъ ни въ какомъ случаѣ не могла содѣйствовать сплоченію рабочихъ силъ, тѣмъ болѣе, что сторонники Брусса умышленно сводили ее на почву клеветъ и личныхъ нападокъ.

Но личные вопросы были только маской, въ дѣйствительности раздѣленіе касалось программы. Подъ тѣмъ предлогомъ, что наша программа приспособлена была преимущественно къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ развита крупная промышленность, между тѣмъ какъ во Франціи еще очень распространена мелкая промышленность и мелкая крестьянская поземельная собственность, люди, ставшіе извѣстными подъ именемъ поссибилистовъ, стремившіеся въ дѣйствительности только къ одной цѣли: доставить себѣ *возможность* попасть въ палату и въ муниципальные совѣты, и потому считавшіе *возможными* (possibles) всякія сдѣлки съ буржуазіей и съ буржуазнымъ правительствомъ, самовольно устранили изъ программы (когда Жоффрэнъ выставилъ свою кандитатуру въ Монмартрѣ) экспропріацію капиталистическаго класса, обращеніе въ общественную собственность средствъ производства и даже сокращеніе рабочаго дня до восьми часовъ; въ то же время они упрекали въ стремленіи къ диктатурѣ тѣ группы, которыя остались вѣрны программѣ, и которыя считали въ своихъ рядахъ Гэда, Лафарга, Дэвиля, Дэреза и др. Наша программа не нравилась поссибилистамъ, потому что она, казалось имъ, мѣшала ихъ успѣхамъ на выборахъ. *)

На сент-этьенскомъ конгрессѣ 1882 года они оказались въ большинствѣ, благодаря всевозможнымъ происканъ и даже подложнымъ полномочіямъ; тогда они поспѣшили замѣнить общія, столько же научныя, сколько и революціонныя посылки нашей программы очень растяжимыми и совершенно безцвѣтными фразами, предоставляя каждому избирательному округу право дополнять этотъ наборъ фразъ тѣми требованіями, которыя онъ найдетъ полезными.. для кандидата. Та-

*) Она болѣе оттолкнула отъ насъ избирателей, чѣмъ привлекла ихъ къ намъ — говорилъ одинъ изъ нихъ на конгрессѣ въ Рэймсѣ.

кимъ образомъ, классовая борьба уступила у нихъ мѣсто требованіямъ въ родѣ слѣдующихъ: „скорое прорытіе берегового канала Роны“; „безплатная раздача американскихъ прививокъ для виноградниковъ“; „удлиненіе улицы Монжа“.

Въ числѣ этихъ разрушителей дѣла, сдѣланнаго марсельскимъ и гаврскимъ конгрессами, разрушителей сплотившихся въ „Федерацію рабочихъ соціалистовъ Франціи“ (Fédération des travailleurs socialistes de France), и удержавшихъ за собою Парижъ, Брэстъ и Анжеръ, нужно прежде всего назвать Малона, который, впрочемъ, впослѣдствіи и самъ сожалѣлъ о своемъ поступкѣ и совершенно разорвалъ съ Бруссомъ; Дэйно, потерпѣвшаго крушеніе въ буланжистской затѣѣ; Адэмара Леклера, который служитъ теперь чиновникомъ въ Камбоджѣ; Жоффрена, оффиціальнаго кандидата Констана на послѣднихъ выборахъ въ палату; Аллемана, который въ 1888 году основалъ газету „Le Parti ouvrier“, при тайной денежной поддержкѣ со стороны министерства Флокэ, — и т. д.

Другая фракція, называемая гэдистской или марксистской, созвавъ въ томъ же году конгрессъ въ Роаннѣ, удержала старую программу и сохранила названіе рабочей партіи; составляя меньшинство въ Парижѣ, она безраздѣльно господствуетъ въ департаментахъ. Представленная на роанскомъ конгрессѣ такими людьми, какъ Дормуа изъ Монлюсона, Бушаръ изъ Коммантри, Фаржа изъ Ліона, Пэдронъ изъ Реймса, Дерэзъ, Гэдъ и Лафаргъ изъ Парижа, Фульянъ и Делормъ изъ Роанны, Лалозъ изъ Алэ и др. она уже въ 1882 году подчинила своему вліянію департаменты; Роны, Марны, Луары, Алліэ и Гаръ, къ которымъ присоединились затѣмъ: Сѣверный департаментъ, Па-де-Калэ, Энъ, Объ, Нижней Сены, Устьевъ Роны и отчасти департаменты: Уазы, Гэро, Ода, Пюи-де-Дома и Крэзы.

V

Различіе въ направленіи поссибилистовъ съ одной стороны и гэдистовъ — съ другой обнаружилось по поводу рѣшительно всѣхъ вопросовъ, привлекавшихъ къ себѣ вниманіе рабочаго Парижа. Вотъ напримѣръ поднимается квартирный вопросъ. Между тѣмъ какъ марксисты рабочей партіи требуютъ изданія закона, понижающаго плату за квартиры, закона, который не только имѣлъ бы характеръ общей мѣры, но и представлялъ бы собою первое нападеніе на право собственности, первое наложеніе обществомъ руки на капиталистическую прибыль и прибавочную стоимость, — поссибилисты вышеназванной „Федераціи“ предлагаютъ постройку муниципальныхъ домовъ, которые явились бы въ рукахъ буржуазіи новымъ средствомъ господства, новымъ способомъ избирательныхъ подкуповъ.

Возникаетъ вопросъ о рабочей биржѣ. Марксисты, видящіе въ ея основаніи могучее средство рабочей централизаціи, высказываютъ

ся за единую, центральную биржу, на которой сходились бы рабочіе всѣхъ ремеслъ; поссибилисты, напротивъ, требуютъ заведенія отдѣльныхъ биржъ по округамъ или даже по кварталамъ, биржъ которыя разъединяли бы рабочихъ, ищущихъ занятій или борющихся со своими предпринимателями, всегда объединенными съ своей стороны.

Разражается промышленный кризисъ 1884-85 гг., вслѣдствіе котораго голодаютъ сотни тысячъ рабочихъ, уволенныхъ изъ мастерскихъ. Этимъ кризисомъ необходимо было воспользоваться для того, чтобы показать пролетаріату необходимость завоеванія политической власти и направить его противъ современнаго буржуазнаго правительства, отъ котораго нужно было требовать матеріальной помощи бѣдствующимъ рабочимъ. Марксисты хорошо поняли это и, въ союзѣ съ „Центральнымъ революціоннымъ Комитетомъ“ бланкистовъ, начали агитаціонную кампанію. Они созывали митинги и предлагали отправить въ буржуазныя палаты делегаціи, которыя настоятельно требовали бы дѣятельной помощи жертвамъ современной производительной анархіи. — Поссибилисты стараются помѣшать этой агитаціи; они осуждаютъ ее въ особыхъ расклеенныхъ по стѣнамъ воззваніяхъ; они не хотятъ мѣшать спокойному пищеваренію членовъ господствующаго класса, въ ряды которыхъ они стремятся протискаться.

Такая же разница замѣтна и въ сношеніяхъ обѣихъ партій съ иностранцами. Между тѣмъ какъ марксисты братаются съ нѣмецкими соціаль-демократами, съ испанской рабочей партіей и проч.. поссибилисты тяготѣютъ лишь къ старымъ англійскимъ Trade's unions, которые пережили Международное Общество Рабочихъ и Парижскую Коммуну, не узнавъ даже азбуки соціализма. *) Между тѣмъ какъ на конгрессѣ 1884 г. въ Рубэ мы открыто заявили свою солидарность съ людьми въ родѣ Бебеля, Либкнехта, Иглезіаса, Ансееля **) и т. д., — поссибилисты привлекаютъ на свою такъ называемую международную парижскую конференцію Бродгерста, Шайптона и другихъ трэдъ-юніонистовъ, продавшихся англійской буржуазіи.

VI

Не смотря на это, рабочая партія, чувствуя себя выше направленныхъ противъ нея клеветъ и оскорбленій, сдѣлала попытку войти въ такія же сношенія съ „Федераціей рабочихъ соціалистовъ“, какія уже были у нея съ „Центральнымъ Революціоннымъ Комитетомъ“. Она слишкомъ хороша сознавала, что зрѣлище происходящихъ въ

*) Впрочемъ теперь уже замѣчается нѣкоторое соціалистическое движеніе въ средѣ Trade,s unions, которые вмѣстѣ съ соціалистами манифестировали 4-го Мая.

**) Иглезіасъ — испанскій марксистъ; Ансеель — одинъ изъ самыхъ выдающихся бельгійскихъ марксистовъ. Примѣч. ред.

передовомъ отрядѣ междоусобій должно дурно дѣйствовать на рабочую армію. Но всѣ предложенія нашей партіи встрѣчали систематическій отказъ со стороны вожаковъ поссибилизма, которые боялись, что сближеніе съ нами ослабитъ ихъ вліяніе на идущихъ за ними рабочихъ.

Однако, одно время, именно въ эпоху Деказвильской стачки, можно было ожидать, что событія болѣе сильныя, чѣмъ всякаго рода критика и всевозможныя измѣны, снова приведутъ къ созданію единой рабочей партіи, имѣющей свою правую и лѣвую сторону. Въ Парижѣ, служащемъ сильнѣйшимъ оплотомъ поссибилистовъ, кандидатура одного изъ осужденныхъ по поводу стачки соединила болѣе 100,000 голосовъ противъ 140,000, полученныхъ кандидатомъ соединенныхъ буржуазныхъ партій. За этой первой общей побѣдой, одержанной вопреки усиліямъ вожаковъ поссибилизма, противопоставившихъ рабочему кандидату кандидатуру Субріэ — могла и должна была послѣдовать общая организація. Но „Cri du peuple“, газета такъ много способствовавшая этому сближенію, скоро ускользнула изъ рукъ прежней редакціи (Девиль, Дюкъ-Кэрси, Гэдъ и др.) и попала въ руки полиціи. Междоусобія въ рядахъ рабочихъ начались съ новой силой.

Въ 1887 году поссибилисты выступили на выборахъ въ муниціпальный совѣтъ Парижа противъ кандидатуры Вальяна, который уже и прежде былъ совѣтникомъ и велъ въ Совѣтѣ въ высшей степени замѣчательную соціалистическую кампанію. Поссибилисты боролись противъ его кандидатуры, не смотря, а можетъ быть даже надѣясь на то, что ихъ противодѣйствіе ему могло привести къ побѣдѣ буржуазнаго кандидата.

Въ Декабрѣ того же года, во время политическаго кризиса, вызваннаго отставкой Грэви, когда Рабочая Партія и „Центральный Революціонный Комитетъ“ готовы были взяться за оружіе, поссибилисты поощряли рабочихъ къ измѣнѣ общему дѣлу и рекомендовали смиренное подчиненіе Ферри, обезсмертившему себя съ Маѣ 1871 года фразой: on n,en fusillera jamais assez *) (никогда не будетъ достаточно разстрѣлянныхъ).

Буланжистское движеніе еще больше усилило анархическое положеніе дѣлъ во Франціи, хотя въ тоже время оно сорвало послѣднія маски.

Между тѣмъ какъ подъ предлогомъ защиты республики поссибилисты вступили въ тѣсный союзъ съ Ранкомъ (этимъ Ферри въ миньятюрѣ) и съ Клемансо и продавали свои услуги сначала кабинету Флоке — Лакруа, а потомъ кабинету Тирара — Констана, которые платили имъ деньгами и поддержкой на выборахъ, — большинство бланкистовъ (Гранье, Рошъ, Булье и другіе) пошли за генераломъ Буланже, говоря, что они во чтобы то ни стало хотятъ покончить съ оппортюнистской буржуазіей.

Только рабочая партія или марксисты, оставшіеся на почвѣ классовой борьбы, да меньшинство „центральнаго революціоннаго коми-

*) Рѣчь шла о разстрѣливаемыхъ „коммунарахъ„ Примѣч. ред.

тета" съ Вальяномъ во главѣ не дѣлали различія между тѣми буржуа, которые находились у власти и тѣми, которые стремились захватить власть; марксисты и меньшинство названнаго комитета одинаково энергично боролись какъ противъ оппортюнистовъ, такъ и противъ буланжистовъ.

Чтобы закончить этотъ историческій очеркъ нашихъ раздѣленій, я долженъ былъ бы перейти теперь къ парижскому международному конгрессу и манифестаціи 1-го Мая. Но съ одной стороны мой очеркъ и безъ того уже слишкомъ растянулся, а съ другой стороны, кто же не знаетъ, какъ и почему въ Іюлѣ 1889 года оказалось два международныхъ конгресса въ Парижѣ? Поссибилисты ни за что не хотѣли отказаться отъ удовольствія скандализировать этимъ французскій пролетаріатъ. Впрочемъ, поссибилистскій конгрессъ былъ международнымъ только по имени, такъ какъ за исключеніемъ итальянцевъ, бельгійцевъ и голландцевъ, которые, стремясь примирить оба конгресса, фигурировали на обоихъ, — всѣ соціалистическія партіи Европы и Америки соединились на марксистскомъ конгрессѣ, представлявшемъ организованный пролетаріатъ стараго и новаго свѣта.

Кто не знаетъ также, что поссибиллисты оказались измѣнниками дѣлу рабочаго класса и соучастниками буржуазныхъ правителей и эксплуататоровъ 1-го Мая текущаго года, когда милліоны рабочихъ стараго и новаго свѣта единодушно манифестировали въ пользу восьмичасового рабочаго дня. Парижскіе поссибилисты были противъ этой манифестаціи.

VII

Въ заключеніе скажу, какъ обстоитъ дѣло французскаго рабочаго движенія въ ту минуту, когда я пишу эти строки, то есть въ Іюнѣ 1890 года.

У насъ существуютъ теперь:

1) Корпоративная организація или организація по ремесламъ, которая называется Fedération nationale des syndicats et grouqqes corpôratifs ouvriers de France (національная федерація синдикальныхъ камеръ и рабочихъ союзовъ Франціи) и охватываетъ болѣе 4 0 синдикальныхъ камеръ. Въ Сентябрѣ текущаго года состоится четвертый національный конгрессъ въ Калэ. Главныя силы этой федераціи сосредоточены въ департаментѣ Роны, въ Марсели, въ Сент-Этьенѣ, въ Бордо, въ Тулузѣ, въ Калэ, въ Рубе и проч.

2) „Рабочая партія (марксистская), въ составъ которой входитъ болѣе двухсотъ политическихъ группъ и которая управляется національнымъ совѣтомъ изъ семи членовъ. Она имѣетъ своихъ представителей въ муниципальныхъ совѣтахъ Коммантри, Монлюсона, Кал-Рубэ, Бовэ, С. Фаржо, Сэтта, а также въ законодательномъ собраніи гдѣ ея представителемъ является депутатъ Тивріе; у нея три еже-,

недѣльныхъ органа: „Le cri du travailleur“ въ Лиллѣ, „Le salari t“ въ Руанѣ и „Le réveil social“ въ Коммантри, а въ первыхъ числахъ Іюля появился центральный органъ этой партіи „Le socialiste“.

„Центральный революціонный комитетъ“, во главѣ котораго стоитъ Вальянъ и силы котораго группируются главнымъ образомъ въ Парижѣ и въ департаментѣ Шера съ нѣкоторыми развѣтвленіями въ Ліонѣ и въ Амьенѣ. „Центральный революціонный комитетъ“ имѣетъ своими представителями Вальяна и Шовьера въ муниципальномъ совѣтѣ Парижа и Бодэна въ палатѣ.

Между этими тремя организаціями не существуетъ никакой разницы во взглядахъ. Синдикальная федерація на всѣхъ своихъ конгрессахъ всегда высказывалась въ пользу уничтоженія системы наемнаго труда путемъ возвращенія обществу производительныхъ средствъ и планомѣрной организаціи общественнаго производства и распредѣленія. Но на практикѣ названная федерація воздерживается отъ всякихъ политическихъ дѣйствій, борясь исключительно на экономической почвѣ: посредствомъ ремесленныхъ организацій, стачекъ и т. п. Напротивъ „Рабочая партія“ и „Центральный революціонный комитетъ“ организуетъ рабочихъ для завоеванія всѣми зависящими отъ нихъ средствами политической власти. Ни по цѣлямъ своимъ, ни по способамъ дѣйствій эти двѣ организаціи не отличаются отъ нѣмецкой соціаль-демократіи и отъ рабочихъ партій Голландіи, Даніи, Испаніи и Австро-Венгріи.

Впѣ перечисленныхъ трехъ организацій *) стоятъ соціалисты, называющіе себя независимыми, какъ Малонъ и Фурніеръ, но за ними нѣтъ никакихъ организацій.

Со времени послѣдняго международнаго конгресса въ Парижѣ наше рабочее движеніе приняло размѣры, превосходящіе всякія ожиданія. Первое Мая привело въ движеніе въ Марселѣ 50,000 работниковъ, Въ Ліонѣ 30,000, въ Рубэ 30,000, въ Лиллѣ 20,0000, въ Арментьерѣ 6000, въ Калэ 1500, въ С. Кентенѣ 20,000 рабочихъ (тамъ всѣ фабрики льняныхъ издѣлій и всѣ прядильни, за исключеніемъ одной, опустѣли въ этотъ день), въ Реймсѣ 10,000, въ Ланѣ 10,000, въ Труа 10,000, въ Монъ-Люсонѣ 6000, въ Коммантри 10,000, въ С. Этьенѣ 15,000, въ Живорѣ, Курѣ **) и Роаннѣ—35,000, въ Сеттѣ (гдѣ ни одно судно не было разгружено) 6000, въ Нантѣ 5000, въ Бордо 15,000, въ Тулонѣ 5000, въ Віеннѣ 4000, въ Бессэжъ и другихъ центрахъ угольной промышленности департамента Гара — 15,000, и т. д. и т. д. не считая 150,000 парижскихъ рабочихъ, оставившихъ въ этотъ день мастерскія по международному призыву своего класса, не

*) Я не считалъ ни поссибилистовъ, ни бланкистовъ, перешедшихъ на сторону Буланже и образовавшимъ „Центральный революціонный соціалистическій комитетъ“, потому что поссибилисты, существующіе теперь только въ Парижѣ и его окрестностяхъ, представляютъ собою чисто мѣстную партію, а буланжисты, поддерживавшіе Буланже, не переживутъ паденія своего храбраго генерала.

**) Cours фабричная деревня въ департаментѣ Роны.

смотря на запрещеніе со стороны генеральнаго штаба поссибилистовъ и на терроръ организованный Констаномъ.

Всѣ эти сотни тысячъ рабочихъ, которые манифестировали 1-го Мая и между которыми было около 100,000 членовъ рабочей партіи" составятъ въ недалекомъ будущемъ одну велпкую соціалистическую партію Франціи.

Жюль Гэдь.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ

Соціальной-Демократіи

и

ПОСЛѢДНІЕ ВЫБОРЫ ВЪ ГЕРМАНСКІЙ РЕЙХСТАГЪ

(СТАТЬ АВТОРАЯ.)

Мы закончили свой очеркъ въ предъидущей книжкѣ нашего журнала рѣчью Либкнехта, закончившаго, какъ помнитъ читатель, словами, обращенными къ членамъ картеля: Мы чувствуемъ себя сильнѣе васъ. На нашей сторонѣ великое преимущество. Вы боитесь насъ, мы же васъ ничуть не боимся.... Мы замѣтили по поводу этого обращенія вождя нѣмецкой соц.-демократіи къ правительственнымъ партіямъ, что весь ходъ избирательной агитаціи представляетъ собою яркую иллюстрацію спеціально къ заключительнымъ словамъ его: „вы насъ боитесь". Но и пренія въ парламентѣ объ антисоц. законѣ и поведеніе правительства наканунѣ и при закрытіи рейхстага въ достаточной мѣрѣ подтвердили справедливость этихъ словъ.

Окончательное вотпрованіе правительственнаго проэкта происходило 25 января, въ день послѣдняго засѣданія прежняго рейхстага. Но едва ли кто нибудь изъ депутатовъ могъ бы за часъ до его распущенія съ увѣренностью предсказать судьбу этого проэкта. Соглашеніе относительно параграфа объ административной высылкѣ между партіями картеля достигнуто не было. Но обѣ половины картеля все надѣялись, что вотъ вотъ появится Бисмаркъ и своимъ авторитетнымъ вмѣшательствомъ уладитъ ихъ споръ. Національ-либералы очень охотно пошли бы на такой, примѣрно, компромиссъ: предоставить полиціи право высылки, но только на опредѣленный срокъ Злые языки говорятъ даже, что въ концѣ концовъ, они, вопреки своимъ

декламаціямъ, совсѣмъ таки уступили бы своимъ консервативнымъ союзникамъ, но что для этого нужно было, чтобы на трибунѣ появился самъ Бисмаркъ и показалъ имъ необходимость этой „жертвы“ съ ихъ стороны, какъ единственнаго средства предохранить общество и государство противъ опасностей, угрожающихъ имъ со стороны соціаль-демократіи. Съ часу на часъ, или вѣрнѣе, съ минуты на минуту, ждали бѣдные либералы прихода желѣзнаго канцлера, въ надеждѣ, что онъ не оставитъ своихъ вѣрныхъ союзниковъ, точнѣе лакеевъ, въ безвыходномъ положеніи и предложитъ имъ какой нибудь компромиссъ или, по крайней мѣрѣ, устроитъ имъ приличное отступленіе. Съ другой стороны, и консерваторы уступили бы, разъ правительство пожелало бы этого. До послѣдней минуты ждали они хоть какого-нибудь намека въ этомъ смыслѣ. Но напрасно.

Дѣло въ томъ, что и въ правительственныхъ сферахъ не было единства и опредѣленности по вопросу объ отношеніи къ рабочему движенію вообще и къ соціалистическому закону въ частности. Уже во время Рейнско-Вестфальской стачки въ этихъ сферахъ возникли разныя, болѣе или менѣе взаимно противоположныя, теченія по „рабочему вопросу“, и борьба между ними естественно вносила нерѣшительность и противорѣчія въ тактику правительства относительно соціальной демократіи. Я уже упомянулъ о сравнительной свободѣ агитаціи въ послѣднее время. Но какъ бы само испугавшись послѣдствій своего поведенія, правительство вдругъ назначило выборы на 20 февраля, день, въ который истекалъ только срокъ дѣятельности функціонировавшаго рейхстага. А между тѣмъ, послѣднему предстояло еще окончательное обсужденіе нѣсколькихъ очередныхъ вопросовъ, между прочимъ, — второе и третье чтеніе соціалистическаго закона[a]. Такимъ образомъ, легко могло случиться, что старому рейхстагу пришлось бы еще засѣдать наканунѣ или даже въ самый день выборовъ новаго. Это противорѣчило всѣмъ исконнымъ парламентскимъ обычаямъ, и потому всѣ увидѣли въ неожиданномъ назначеніи выборовъ избирательный маневръ со стороны правительства, разсчитанный на то, чтобы по возможности сократить періодъ избирательной борьбы и помѣшать парламентскимъ вождямъ оппозиціи, особенно соціалистамъ, припять непосредственное участіе въ ней. А національ-либералы увидѣли даже въ этомъ избирательномъ маневрѣ средство избавить ихъ депутатовъ отъ непріятной необходимости оправдываться передъ избирателями въ своемъ вотѣ относительно соціалистическаго закона. „Теперь“—съ наивной откровенностью писали „Гамбургскія Извѣстія“—можно будетъ затянуть рѣшеніе этого вопроса до кануна выборовъ, т. е. оставлять его висѣть въ воздухѣ до того момента, когда уже поздно будетъ эксплуатировать его въ избирательной борьбѣ“ и національ-либеральнымъ депутатамъ не прійдется „отвѣчать за свой вотъ передъ своими избирателями“. Само собою разумѣется, что правительственный маневръ оказался для либераловъ не болѣе какъ соломинкой, за которую они съ отчаянія ухватились. Онъ только побудилъ представителей клерикальной и „свободомыслящей“ оппозиціи еще съ большимъ усердіемъ „эксплуатировать“ въ свою пользу вопросъ о соціалистическомъ законѣ.

Между тѣмъ, неожиданное назначеніе выборовъ на 20 февраля только внушило партіи картеля ошибочную увѣренность въ томъ, что правительство твердо рѣшилось провести свой проэктъ, хотя бы и съ нѣкоторыми уступками относительно спорнаго пункта. На дѣлѣ же оно вплоть до распущенія рейхстага само не знало, какъ быть, на что рѣшиться. 24 и 25 января государственный совѣтъ собирался три раза подъ предсѣдательствомъ императора и ни къ чему положительному не пришелъ. Поэтому то канцлеръ и не являлся въ рейхстагъ, чтобы своимъ авторитетомъ произвести на рѣшившихся самостоятельно дѣйствовать національ-либераловъ давленіе, котораго они сами такъ жаждали. И волей-неволей пришлось имъ на этотъ разъ остаться „непреклонными“ въ своей оппозиціи, и вотировать противъ всего параграфа объ административной высылкѣ. Консерваторы, въ свою очередь, истолковывали молчаніе правительства въ смыслѣ солидарности его съ ихъ „убѣжденіемъ“ въ томъ, что безъ спорнаго параграфа законъ не будетъ имѣть никакого значенія. Кромѣ того, они руководились анархическимъ девизомъ: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. Недаромъ одинъ изъ вожаковъ реакціонеровъ, бывшій министръ Путткамеръ, заявилъ въ одномъ собраніи вскорѣ послѣ распущенія рейхстага, что по всей вѣроятности соціалистическій законъ совсѣмъ не будетъ возобновленъ и что тогда „*малое осадное* положеніе должно будетъ уступить мѣсто *большому* осадному положенію, а параграфъ 28 прійдется замѣнить пушками“. Вѣроятно, въ виду этой перспективы, консерваторы послѣ того національ-либераловъ соединились со всѣми противниками правительственнаго проэкта и сообща съ ними провалили его цѣликомъ. Консерваторы однако, ошибались, воображая, что правительство послѣдовательно и безусловно держится ихъ точки зрѣнія въ вопросѣ о соціалистическомъ законѣ. Разногласія и нерѣшительность, господствовавшія въ правительственныхъ сферахъ относительно этого закона, съ особенной ясностью отразились въ содержаніи тронной рѣчи, прочитанной императоромъ передъ депутатами при распущеніи рейхстага. Въ ней много говорилось о заслугахъ рейхстага въ области „соціальныхъ реформъ“ на пользу трудящихся классовъ и высказывалось убѣжденіе, что „хотя *многое остается еще сдѣлать въ этой сферѣ* (курсивъ мой), народъ, тѣмъ не менѣе, не забудетъ участія парламента въ томъ, что уже осуществлено“. Императоръ выражалъ также увѣренность, что будущій рейхстагъ поддержитъ его въ стремленіи дальше развивать „соціальную политику“ съ тѣмъ, чтобы „доказать рабочимъ классамъ, что сердце законодательныхъ властей исполнено теплаго сочувствія къ ихъ интересамъ и справедливымъ желаніямъ“. Только о соціалистическомъ законѣ, составлявшемъ, по выраженію одной ультрамонтанской газеты, „важнѣйшую задачу послѣдней сессіи“, ни словомъ не упоминалось въ тронной рѣчи. Фактъ этотъ поразилъ всѣ партіи и указывалъ на то, что само правительство признаетъ за результатомъ преній о соціалистическомъ законѣ значеніе моральной побѣды соціальной демократіи и считаетъ его предвѣстникомъ избирательнаго пораженія картеля. Можно было даже подумать, что Вильгельмъ II и его ближайшіе совѣтники не желаютъ, чтобы ихъ считали инициаторами и защитниками этого закона. Но

въ такомъ случаѣ, это значило, что творецъ картеля и глава правительства, желѣзный канцлеръ, уже до исхода избирательной борьбы потерялъ свой авторитетъ и вліяніе на императора...

Все это естественно дѣйствовало деморализующимъ и реорганизующимъ образомъ на господствующія партіи. „Никакими фразами", писала враждебная соціалистамъ ультрамонтанская „Германія" „нельзя замаскировать тотъ фактъ, что правительственная политика и картель потерпѣли крушеніе на важнѣйшей задачѣ этой сессіи и что картель пошелъ при этомъ ко дну". Партіи картеля „вступаютъ теперь въ избирательную борьбу разбитыми и надломленными, какъ вслѣдствіе раскола въ своей собственной средѣ, такъ и вслѣдствіе отсутствія полнаго согласія съ правительствомъ". Справедливость этого замѣчанія органа ультрамонтановъ наглядно подтверждается всей тактикой и всѣмъ поведеніемъ правительства и картеля въ самый разгаръ избирательной борьбы, оффиціально начавшейся со времени объявленія дня выборовъ и достигшей своего апогея въ послѣднія недѣли, когда старый рейхстагъ былъ уже распущенъ. Какъ ни интересны подробности этой борьбы, мы на нихъ останавливаться здѣсь не можемъ. Для нашей цѣли достаточно будетъ отмѣтить факты, особенно рельефно характеризующіе тактику и взаимныя отношенія правительства и картеля съ одной стороны, и соціальной демократіи съ другой.

Въ то время какъ въ парламентѣ и внѣ его дебатировался законъ противъ соціалистовъ, національ-либеральная пресса усиленно пропагандировала мысль объ образованіи „реформаторской (т. е. антиреволюціонной, или проще, реакціонной) *рабочей* партіи", „свободной отъ всякихъ соціаль-демократическихъ, анархическихъ и космополитическихъ тенденцій" О характерѣ и пріемахъ дѣятельности „либеральной интеллигенціи" въ этомъ направленіи даютъ нѣкоторое понятіе правила, выработанныя ея представителями на конфиденціональномъ собраніи во Фрейбургѣ (Баденъ). Тамъ рѣшено было, чтобы либералы попарно посѣщали рабочіе трактиры и „въ снисходительномъ тонѣ" вели разговоры съ рабочими. Особенное вниманіе слѣдовало обращать на *мастеровъ* и *надсмотрщиковъ*, при помощи которыхъ разсчитывали дѣйствовать на индифферентные и наиболѣе зависимые слои рабочихъ. Затѣмъ рекомендовалось не скупиться на пиво и, если понадобится, не брезгать пить съ „представителями народа" на ты. Въ такомъ же духѣ должна была вестись „агитація" въ средѣ крестьянъ и сельскихъ рабочихъ.

Плодомъ такого хожденія либераловъ въ народъ было образованіе — покрайней мѣрѣ, на бумагѣ — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „рабочихъ обществъ" подъ знаменемъ либерализма. Была основана также національ-либеральная „Рабочая Газета", просуществовавшая, какъ кажется, очень недолго. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ либералы даже выступили съ „рабочими кандидатурами" для городскихъ думъ и рейхстага. И вотъ такими-то путями имъ удалось осуществить въ Дармштадтѣ „рабочій союзъ", заявившій о своемъ существованіи слѣдующимъ воззваніемъ: „Почему бы нѣмецкому рабочему не быть настоящимъ добрымъ нѣмцемъ, проникнутымъ лю-

бовью къ императору и отечеству? Зачѣмъ искусственно искоренять у него любовь къ родинѣ....

„Что принесла съ собой многолѣтняя дѣятельность соціаль-демократовъ, кромѣ раздраженія и одичанія?.. .....Одни только профессіональные агитаторы имѣютъ отъ нея пользу: не *будучи сами рабочими*, они живутъ преимущественно на гроши послѣднихъ. Пора рабочимъ, желающимъ порвать связь съ этими праздношатающимися господами.... собраться съ духомъ и открыто объявить себя противниками подстрекателей".

Столь же характерно воззваніе, съ которымъ бывшій революціонеръ (40-ыхъ годовъ) Марръ обратился къ „соціаль-демократическимъ рабочимъ: „Одинаковыя причины, сказано въ этомъ воззваніи, порождаютъ одинаковыя послѣдствія. Предавая соціализмъ евреямъ, мы сдѣлаемъ то, что и онъ, подобно политикѣ 48 г., сдѣлается добычей (Domaine) евреевъ. И если мы допустимъ возможность удачной соціальной реформы, (должно быть „революціи" хотѣлъ онъ сказать), то президентъ красной соціально-демократической республики окажется олицетвореніемъ понятія Ротшильдъ и Ко, и соціаль-демократическіе рабочіе совершенно также будутъ соціалистически эксплуатируемы евреями, какъ мы, старики 48-го года:...

„Я не намѣреваюсь сдѣлать васъ антисемитами; я хочу только, опираясь на нашъ (людей 48 г.) опытъ политическихъ сношеній съ евреями, подать вамъ благой совѣтъ: обходитесь безъ евреевъ! Въ противномъ случаѣ вы будете только работать на евреевъ. ...Я, революціонеръ 48 года, говорю вамъ въ качествѣ соціалиста я предпочелъ бы вступить въ союзъ съ чертомъ и его бабушкой, чѣмъ съ Коганомъ, Леви, Итцикомъ".

Едва ли кто-нибудь изъ политически образованныхъ людей, не безусловно ослѣпленныхъ эгоизмомъ и предразсудками высшихъ классовъ, могъ обольщаться надеждами на результаты демагогической агитаціи, образчики которой мы представили. Классовое сознаніе нѣмецкихъ рабочихъ такъ далеко подвинулось впередъ, что ихъ уже не собьешь съ революціоннаго пути ни явно реакціонными воззваніями, ни замаскированно-реакціонными декламаціями, приправленными соціалистической фразеологіей. Гораздо основательнѣе были разсчеты либерально-реакціонныхъ партій на массу буржуазныхъ и мелкобуржуазныхъ филистеровъ. Слѣдовало только надлежащимъ образомъ разрисовать имъ опасности, которыми красный призракъ непосредственно угрожаетъ семьѣ, религіи, а главное собственности.

„Всякій, кто хочетъ, чтобы общество владѣло дѣйствительными средствами самообороны противъ грубыхъ, антикультурныхъ, разрушительныхъ тенденцій, всякій, кто желаетъ, чтобы прекратилось, наконецъ, движеніе по наклонной плоскости лести народу, боготворенія черни и апоѳеоза глупости, — писала либеральная „Кельнская Газета", тотъ по необходимости пристаетъ къ картелю... Ибо въ одномъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, именно, что соціальная демократія разрастается до такихъ размѣровъ, которые должны испугать и заставить глубоко призадуматься всякій серьезный умъ, преданный культурнымъ идеаламъ человѣчества".

„Торжество сторонниковъ красной, не признающей отечества, партіи переворота, — говоритъ въ своемъ воззваніи одинъ либеральный избирательный комитетъ — подвергло бы чрезвычайной опасности внутренній и внѣшній миръ, могущество и благосостояніе германской имперіи. Соціальная демократія не имѣетъ сердца и лишена всякаго чувства по отношенію къ нашему нѣмецкому отечеству. Она ненавидитъ его силу и величіе гораздо больше, чѣмъ самый злой врагъ нашъ. Соціальная демократія не признаетъ Бога. Она хочетъ *разрушить святость семейныхъ узъ. Она осмѣиваетъ супружескую* вѣрность и стремится водворить на ея мѣсто *безстыдное распутство.* Она желаетъ *насильственно отнять дѣтей отъ родителей* и содержать ихъ въ большихъ воспитательныхъ домахъ.....Нашъ избирательный округъ охранитъ себя отъ позора явиться сторонникомъ этихъ печестивыхъ стремленій. Противъ этого натиска на все, что намъ, нѣмцамъ, свято и дорого, намъ необходимы вся сила и все величіе нашей имперіи, нашихъ законовъ, и дружная самооборона всѣхъ преданныхъ имъ избирателей въ день 20 февраля".

Въ избирательномъ воззваніи 6-го избирательнаго округа Ганновера находимъ слѣдующія строки: „Съ 1-го мая 90 года частная собственность уничтожается, все имущество каждаго гражданина должно быть передано въ центральную государственную кассу. . . . .Всѣ существующіе законы отмѣняются.... ....Таковъ былъ бы, любезный читатель, правительственный указъ, если бы соціаль-демократія получила теперь господство".

Такъ держались правительственныя партіи своего пароля: „*противъ соціальной демократіи!*"

Вскорѣ послѣ распущенія рейхстага министерство торговли и промышленности перешло отъ Бисмарка къ Берлепшу, оберпрезиденту Рейнской провинціи. Послѣдній занималъ во время стачки углекоповъ второстепенную должность въ Вестфаліи и тогда же получилъ повышеніе за то, что предпочелъ политику уступокъ репрессивнымъ мѣрамъ. Назначеніе его министромъ указывало на намѣреніе императора видоизмѣнить тактику борьбы съ соціальной демократіей, въ смыслѣ „христіанско-соціальныхъ" тенденцій. Это уже само по себѣ равносильно было отступленію правительства передъ непріятелемъ. Но вотъ 4-го февраля появились рескрипты Вильгельма II на имя Бисмарка и новаго министра торговли. Въ первомъ рескриптѣ императоръ поручалъ Бисмарку вступить съ правительствами промышленныхъ странъ въ переговоры о созваніи международной конференціи въ Берлинѣ для выработки интернаціональныхъ договоровъ по рабочему законодательству. При этомъ цѣлью конференціи выставлялось разсмотрѣніе именно тѣхъ требованій, „которыя уже составляютъ предметъ интернаціональныхъ переговоровъ рабочихъ этихъ странъ", и тѣхъ жалобъ и стремленій, „которыя проявились въ послѣдніе годы въ стачкахъ и другими путями". Въ рескриптѣ на имя министра торговли Вильгельмъ заявилъ о созваніи государственнаго совѣта подъ его предсѣдательствомъ съ участіемъ свѣдущихъ лицъ для обсужденія желаній рабочихъ въ области государственной защиты ихъ противъ произвола капиталистовъ. „Это

обсужденіе должно исходить изъ того положенія, что государственная власть обязана регулировать время, продолжительность и способъ работы такимъ образомъ, чтобы обезпечены были здоровье, требованія нравственности, экономическія потребности рабочихъ и ихъ стремленія къ законной *равноправности* (курсивъ мой)". Далѣе указывалась необходимость учрежденія представительныхъ органовъ рабочаго класса для отстаиванія его интересовъ передъ хозяевами и органами правительства. „Такое учрежденіе дастъ рабочимъ возможность свободно и мирно выражать ихъ желанія и жалобы, а правительству — знакомиться съ положеніемъ вещей и съ стремленіями рабочихъ."

Кто хоть бѣгло слѣдилъ за европейской прессой въ періодъ послѣдней избирательной борьбы въ Германіи, тотъ припомнитъ, какое ошеломляющее впечатлѣніе произвели императорскіе рескрипты на нѣмецкую буржуазію, а отчасти и на высшіе классы другихъ странъ. Общественное мнѣніе цивилизованнаго міра увидѣло въ этихъ рескриптахъ „капитуляцію" высшаго представителя государственной власти передъ соціальной демократіей „прежде избирательнаго сраженія". „Соціальная политика" Бисмарка по отношенію къ рабочимъ представляла собою смѣсь полицейской опеки и манчестерства и не шла дальше сферы регулированія пособія имъ въ старости, болѣзни и при потерѣ способности работать. О защитѣ рабочихъ, какъ продавцевъ своего времени и труда предпринимателямъ, Бисмаркъ и слушать не хотѣлъ, а идею международныхъ договоровъ въ области рабочаго вопроса онъ считалъ вредной химерой. Еще въ 72 году въ Эрфуртѣ было запрещено собраніе, на которомъ должно было говориться о минимальномъ рабочемъ днѣ. Для доказательства необходимости увѣковѣченія закона противъ соціалистовъ, реакціонеры приводили, между прочимъ, рѣшеніе парижскаго конгресса интернаціональной соціаль-демократіи и агитацію, производившуюся въ Германіи въ пользу этихъ резолюцій. И вдругъ,черезъ какую нибудь недѣлю послѣ распущенія рейхстага, похоронившаго правительственный законопроэктъ противъ соціалистовъ, въ самый разгаръ избирательной агитаціи, на полѣ борьбы является императовъ съ „оружіемъ, взятымъ изъ арсенала соціальной демократіи", въ надеждѣ тѣмъ успѣшнѣе побороть ее. Но этимъ самымъ онъ наносилъ пораженіе прежней правительственной системѣ, носителемъ которой былъ Бисмаркъ, и въ то же время оффиціально констатировалъ, какъ справедливость соціаль-демократической критики „соціальныхъ реформъ" истекшаго десятилѣтія, такъ и вліяніе соціалистической партіи въ Германіи на политику правящихъ сферъ.

Эта сторона рескриптовъ слишкомъ бросалась въ глаза, чтобы не быть замѣченной буржуазной прессой и не произвести смятенія въ средѣ господствующихъ партій. „О томъ, — писалъ берлинскій корреспондентъ капиталистической „Новой Цюрихской Газеты"—„чтобы соціаль-демократія потеряла (вслѣдствіе рескриптовъ) голоса, и думать нечего. Она съ полнымъ правомъ можетъ утверждать, что оба указа суть плодъ рабочаго движенія. Это, конечно, фактъ непріятный и его будутъ отрицать; но онъ, однако, несомнѣненъ. Поэтому....

для правительства будетъ уже большой выигрышъ, если число соціаль-демократическихъ голосовъ хоть не увеличится на этотъ разъ." Одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ органовъ крупной французской буржуазіи, Temps, писалъ, что „соціалистическая партія могла бы даже почерпать ободреніе для себя въ томъ фактѣ, что правительство, для борьбы съ нею, заимствуетъ у ней одно оружіе за другимъ."

Въ томъ же смыслѣ, но съ гораздо болѣе тревожнымъ чувствомъ, отнеслись почти всѣ органы картеля къ „соціально-реформаторскимъ" рескриптамъ. Они забыли о своихъ народолюбивыхъ фразахъ, о своихъ проэктахъ образованія „монархической", „національной" „реформаторской рабочей партіи". Берлинская „Post" указывала отъ имени капиталистовъ на „серьезную опасность" проэктировавшихся въ рескриптахъ рабочихъ комитетовъ. Опасность эту она видѣла въ томъ, что представительныя учрежденія рабочихъ „могутъ превратиться въ организацію" „соціаль-демократовъ". „Кельнская Газета", „Гамбургскія Извѣстія", „Рейнско-Вестфальская Газета" — спеціальный органъ „угольныхъ бароновъ" — въ одинъ голосъ вопили о томъ, что императорскіе рескрипты прежде всего послужатъ на пользу соціальной демократіи. Впрочемъ, „Гамбургскія Извѣстія" сопровождали свои іереміады утѣшеніями, что рескрипты проложатъ пути къ „отдѣленію рабочей партіи отъ соціальной демократіи." По мнѣнію этой газеты партіи порядка должны были всѣми силами стараться вызвать это раздѣленіе, отъ котораго такъ много зависитъ.

Но всѣ подобныя утѣшенія нисколько не устраняли „удручающаго дѣйствія рескриптовъ" на высшіе слои буржуазіи.

„Кто хоть сколько нибудь знакомъ съ настроеніемъ соціаль-демократовъ, — писала Кельнская газета — тотъ напередъ увѣренъ, что указы ни одного изъ нихъ не побудятъ отказаться отъ партіи переворота. Наоборотъ, тѣсно сомкнутыми рядами пойдутъ они въ день выборовъ къ избирательной урнѣ и подадутъ голоса за своихъ представителей".

Дѣйствительно, „настроеніе соціаль-демократическихъ рабочихъ" было таково, что исключало всякую мысль о переходѣ хоть бы „одного изъ нихъ", подъ вліяніемъ императорскихъ обѣщаній „на сторону порядка". Въ этомъ отношеніи очень характерно поведеніе рабочаго, привлеченнаго въ государственный совѣтъ въ качествѣ „свѣдущаго человѣка". Никто не имѣлъ понятія, къ какой партіи онъ принадлежитъ. Агенты правительства постарались найти среди берлинскихъ рабочихъ личность, ничѣмъ не выдававшуюся, человѣка массы въ полномъ смыслѣ слова, и были, повидимому, увѣрены въ его политической благонадежности. И вдругъ, когда словоохотливый императоръ, предсѣдательствовавшій въ совѣтѣ, бросилъ нѣсколько ругательныхъ словъ по адресу соціаль-демократовъ, „свѣдущій человѣкъ" изъ рабочей среды всталъ и заявилъ: „Ваше величество, я самъ соціаль-демократъ тѣломъ и душей!" Не смотря на это „дерзкое заявленіе", его, наравнѣ съ прочими членами государственнаго совѣта, пригласили къ императорскому столу, и тамъ Вильгельмъ опять вступилъ съ нимъ въ споръ: „Почему вы (вообще ра-

бочіе) довѣряете соціалистическимъ агитаторамъ?" „А почему же намъ не довѣрять имъ, вѣдь мы ихъ сами выбираемъ: если они не оправдаютъ нашего довѣрія, мы всегда можемъ лишить ихъ его".

Получивъ еще нѣсколько отвѣтовъ въ такомъ же родѣ, раздосадованный Вильгельмъ съ негодованіемъ воскликнулъ. „Такъ чего же вы хотите отъ меня? Развѣ посадить мнѣ Бебеля на престолъ?!". Онъ не даромъ сердился: если такъ говорилъ съ нимъ выбранный его же слугами рабочій, то не трудно было составить себѣ понятіе о настроеніи массъ, находящихся подъ вліяніемъ соціальной демократіи.

Рескрипты императора еще болѣе обнаружили разногласія, существовавшія въ правительственныхъ сферахъ по вопросу о системѣ борьбы съ соціальной демократіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они ставили въ очень щекотливое положеніе либерально-реакціонныхъ союзниковъ правительства, такъ часто декламировавшихъ о соціальныхъ реформахъ и о своей любви къ рабочимъ классамъ. Ропотъ и интересы представляемыхъ ими классовъ заставляли ихъ стать въ отрицательное отношеніе къ реформамъ, возвѣщеннымъ главою государства. За то центръ и „свободомыслящіе" объявили себя солидарными съ новой „соціальной политикой". Мало того „свободомыслящіе", которые въ качествѣ нѣмецкихъ манчестерцевъ, никогда не грѣшили симпатіями къ государственному вмѣшательству въ отношенія между трудомъ и капиталомъ, вдругъ оказались (по ихъ словамъ) чуть не единственными или главными виновниками соціально-реформаторскихъ плановъ императора.

Такимъ образомъ, благодаря избирательной тактикѣ правительства и союзныхъ съ нимъ партій, поле избирательной борьбы превратилось въ арену для агитаціи и дебатовъ о рабочемъ вопросѣ вообще и соціальной демократіи въ частности. Популярность этой послѣдней все болѣе и болѣе возрастала. „Побѣдоносное настроеніе и переполненныя народомъ собранія соціаль-демократовъ" — горько плакалась „христіанско-монархическая" газета „Народъ" — представляютъ собою слишкомъ рѣзкій контрастъ съ подавленнымъ настроеніетъ и полупустыми собраніями консерваторовъ." Такого одушевленія и такой увѣренности въ побѣдѣ, писалъ корреспондентъ лондонскаго „Соціаль-Демократа" никогда еще не было въ массахъ во все время существованія общаго избирательнаго права въ Германіи. И „какія *силы*", восклицаетъ тотъ же корреспондентъ, находятся въ распоряженіи рабочей партіи! — это не забитыя, безсознательныя массы, дѣйствующія машинально, по командѣ, и превращающіяся въ мертвый кусокъ дерева, лишь только онѣ предоставлены самимъ себѣ. Каждый отдѣльный индивидуумъ изъ этихъ рабочихъ массъ является *личностью, полной воодушевленія*....., готовой съ радостью отдать *послѣдній грошъ* и *послѣднюю каплю крови* въ пользу святаго дѣла....." „По всей Германіи вы встрѣчаете проповѣдниковъ соціальной демократіи — въ каждый домъ, въ каждое училище, въ каждую хижину проникаютъ они, чтобы пропагандировать евангеліе соціализма."

Въ словахъ этихъ нѣтъ никакого преувеличенія. Къ сожалѣнію.

недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ входить въ большія подробности относительно хода избирательной агитаціи. Укажу только на такіе факты, какъ многочисленныя собранія работницъ, объявившихъ себя солидарными съ соціальной демократіей и съ резолюціями интернаціональнаго марксистскаго конгресса и провозглашавшихъ обязанностью женщинъ рабочаго класса всѣми силами содѣйствовать избирательной побѣдѣ соціалистовъ; далѣе, на энергическую агитацію соціаль-демократовъ въ сельскихъ округахъ и на чрезвычайный наплывъ народа въ ихъ собранія въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ населеніе жестоко избило бы соціаль-демократическихъ агитаторовъ, если бы они вздумали тамъ открыто пронагандировать свои идеи. Наконецъ, характернымъ фактомъ для оцѣнки единодушія рабочихъ въ послѣдній избирательный періодъ является „бойкотъ“, объявленный ими въ большихъ городахъ противъ пивоваровъ и трактирныхъ хозяевъ, отказавшихъ давать соціаль-демократамъ залы для ихъ собраній*). Во всѣхъ, или въ огромномъ большинствѣ случаевъ имъ удалось, благодаря добровольной дисциплинѣ и единодушію, заставить этихъ „друзей порядка“ отказаться отъ своихъ затѣй.

Пора однако перейти къ разсмотрѣнію результатовъ избирательной борьбы.

Наканунѣ самыхъ выборовъ, центральный органъ нѣмецкой рабочей партіи, лондонскій „Соціаль-Демократъ“, почелъ нужнымъ въ спеціальной статьѣ предостеречь своихъ читателей противъ чрезмѣрнаго оптимизма относительно ожидаемыхъ результатовъ избирательной борьбы. Во многихъ округахъ, сказано въ этой статьѣ, соціальная демократія разрослась уже до такихъ размѣровъ, что „удвоеніе ея голосовъ прямо *физически* невозможно“. Тамъ же, гдѣ она имѣла до сихъ поръ мало приверженцевъ, или совсѣмъ ихъ не имѣла, 20-тое февраля несомнѣнно доставитъ намъ не мало пріятныхъ сюрпризовъ, а врагамъ — горькія разочарованія... Но не слѣдуетъ забывать, что для роста партіи пока еще есть предѣлы, которыхъ она не можетъ перейти... „Отсталое состояніе промышленности (въ мѣстностяхъ, въ которыхъ соціальная демократія до послѣднихъ выборовъ получала мало голосовъ), низкій уровень умственнаго развитія населенія, связанная съ тѣмъ и другимъ большая зависимость рабочихъ и разбросанность ихъ по большимъ районамъ, препятствующая возникновенію въ ихъ средѣ массоваго сознанія и движенія“— всѣ эти препятствія, прежде затруднявшія успѣхи соціальной демократіи во многихъ провинціяхъ, остаются еще во всей силѣ. Къ всему этому присоединяется еще то обстоятельство, что въ періодъ, предшествовавшій изданію исключительныхъ законовъ, „почти всѣ партіи отрицали существованіе соціальнаго вопроса и проповѣдывали шульце-деличевскіе рецепты. Теперь же всѣ онѣ, вплоть до „свободомыслящихъ“, уступая давленію соціалистической агитаціи, включи-

*) Часто употребляемое теперь во всѣхъ европейскихъ языкахъ слово *бойкотъ* означаетъ отказъ имѣть сношенія. Въ данномъ случаѣ, по отношенію къ пивоварамъ бойкотъ означалъ рѣшеніе соціаль-демократовъ не пить пива, что причиняло тѣмъ большіе убытки.

ли въ свою программу требованіе рабочаго законодательства и выступаютъ съ „соціаль-реформаторами“; эта тактика партій высшихъ классовъ дѣлаетъ гораздо болѣе затруднительнымъ положеніе соціалистическихъ агитаторовъ среди политически неразвитой части народныхъ массъ, чѣмъ въ періодъ семидесятыхъ годовъ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, органъ нѣмецкой соціальной демократіи пришелъ къ заключенію, что увеличеніе числа голосовъ этой партіи до одного милліона будетъ означать „чрезвычайный, феноменальный ростъ партіи“.

Въ слѣдующемъ номерѣ, тотчасъ послѣ выборовъ, тотъ же органъ опредѣлилъ возрастаніе числа соціалистическихъ избирателей въ 467,000, т. е. увеличеніе ихъ числа до милліона съ четвертью. „Самыя смѣлыя ожиданія наши превзойдены, восклицалъ онъ съ тріумфомъ, наши наиболѣе оптимистическіе разсчеты остались далеко позади дѣйствительности! Но скоро оказалось, что дѣйствительность въ еще гораздо большей степени опередила „наиболѣе оптимистическіе разсчеты“ публицистовъ соціальной демократіи. По оффиціальной статистикѣ выборовъ, число соціалистическихъ избирателей поднялось до 1,427,298, т. е. почти удвоилось по сравненію съ 1887 г. (760,000). Энергія и самоотверженность пропагандистовъ нѣмецкой соціальной демократіи, классовое самосознаніе и политическая самодѣятельность передовыхъ слоевъ германскаго пролетаріата сдѣлали дѣйствительнымъ то, что казалось невозможнымъ.

Какъ извѣстно, соціаль-демократы вышли въ 20 округахъ побѣдителями при общей баллотировкѣ, и затѣмъ, 58 соціалистическимъ кандидатамъ пришлось подвергнуться перебаллотировкѣ. Это значитъ, что въ 78 округахъ соціалистическая партія частью имѣетъ численный перевѣсъ надъ всѣми буржуазными партіями *вмѣстѣ взятыми*, частью — она является самой сильной по сравненію съ *каждой* изъ нихъ въ отдѣльности или же очень близкой къ этому. Слѣдующая таблица даетъ приблизительное понятіе о степени распространенія соціальной демократіи въ теченіе этого десятилѣтія.

Выше 15,000 голосовъ соціалистическая партія получила:

Въ 1881	году въ	0 округахъ.
Въ 1887	„	8 „
Въ 1890	„	18 „

Между 10 и 15 тысяч.

Въ 1881	году въ	4 округахъ.
Въ 1887	„	9 „
Въ 1890	„	31

Между 5 и 10 тысяч.

Въ 1881 году въ 18 округахъ.
Въ 1887 „ 31 „
Въ 1890 „ 45 „

Общая цифра избирательныхъ округовъ, въ которыхъ соціалистическая партія получила какое-нибудь число голосовъ, равнялась десять лѣтъ тому назадъ 173, а теперь — 350. Затѣмъ, въ то время, какъ тогда у нея всего было 67 округовъ съ числомъ голосовъ не ниже одной тысячи, послѣдніе выборы доставили ей такихъ 221.

Приведенныя цифры наглядно показываютъ двойной ходъ избирательныхъ завоеваній нѣмецкой соц. демократіи. Увеличеніе округовъ съ числомъ соціалистическихъ избирателей выше 5,000 за истекшее десятилѣтіе съ 22 (въ 81 г.) до 94 указываетъ на интенсивный ростъ ея въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она пріобрѣла приверженцевъ, а удвоеніе числа округовъ, въ которыхъ вообще поданы были за нее голоса, указываетъ степень ея экстенсивнаго роста.

Когда-то важнѣйшіе центры торговли и образованія составляли какъ бы политическую монополію либеральной интеллигенціи, самоувѣренно предсказывавшей, что туда не сможетъ проникнуть вліяніе соціальной демократіи. Посмотримъ, на сколько сбылось это предсказаніе. Въ 26-ти крупнѣйшихъ городахъ Германіи (съ населеніемъ около 100,000 и выше), обнимающихъ 36 избирательныхъ районовъ, рабочая партія получила въ 81 г. — 162,000 голосовъ (въ круглыхъ числахъ), въ 87 г. — около 350,000, а на послѣднихъ выборахъ 516,000, т. е. за десять лѣтъ увеличеніе на 218%. Въ общей цифрѣ избирателей разсматриваемыхъ 36 округовъ, голоса соціальной демократіи составляли въ 81 г. меньше одной четвертой, въ 87 г. нѣсколько больше одной трети, а теперь — почти цѣлую половину. Противъ 516,000 ея голосовъ всѣ буржуазныя партіи *вмѣстѣ* взятыя получили всего только около 560,000. Въ столицѣ имперіи, Берлинѣ, около 54% вотировавшихъ избирателей находится въ лагерѣ соціальной демократіи; въ первомъ торговомъ городѣ Германіи, въ Гамбургѣ—около 60% или на цѣлую треть больше, чѣмъ всѣ буржуазныя партіи вмѣстѣ; въ Хемницѣ, считающемся нѣмецкимъ Манчестеромъ, она получила почти вдвое больше голосовъ, чѣмъ ея противники: 24,641 противъ 14,800.

Въ нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ центровъ соціалистическіе избиратели составляютъ всего только треть, или даже меньше, общаго числа вотировавшихъ. Но достаточно посмотрѣть на ростъ соціалистической партіи за послѣднее время въ разсмотрѣнныхъ округахъ вообще и въ этихъ городахъ спеціально, чтобы убѣдиться въ бли-

зости момента численнаго ея преобладанія и въ этихъ послѣднихъ избирательныхъ районахъ. Въ Берлинѣ, Мюнхенѣ, Кенигсбергѣ, Бреславлѣ, Франкфуртѣ на М. цифра ея голосовъ еще три года тому назадъ составляла около одной трети общаго числа избирателей, въ Штетинѣ всего около четвертой доли. Теперь она составляетъ въ однихъ изъ нихъ больше половины всѣхъ избирателей, въ другихъ почти половину. Къ числу немногихъ крупныхъ городовъ, въ которыхъ соціалисты являются меньшинствомъ, относятся: Кельнъ, Штутгартъ, Дрезденъ, Лейпцигъ, Дюссельдорфъ. Съ 1887 по 1890 г. число ихъ голосовъ поднялось тамъ слѣдующимъ образомъ:

ГОРОДА	1887 г.	1890 г.	Увеличеніе въ три года	бурж. партіи въ 90 г.
Кельнъ	4,952	10,688	больше чѣмъ вдвое	24,870
Лейпцигъ	10,087	12,921	около 30 пр.	16,050
Дрезденъ	16,117	25,097	больше чѣмъ 50 пр.	36,300
Штуттгартъ	4,496	10,446	больше чѣмъ удволось	17,640
Дюссельдорфъ	2,933	7,573	на 160 проц.	23,200
	38,585	66,725	28,140	118060

Въ три года число соціалистическихъ голосовъ почти удвоилось. между тѣмъ, какъ число голосовъ буржуазныхъ партій упало съ 142.000 на 118,000; въ 87 г. первые составляли четвертую долю послѣднихъ, теперь болѣе чѣмъ половину. На выборахъ этого года партіямъ буржуазнымъ пришлось въ перечисленныхъ центрахъ сплотиться въ одну компактную „реакціонную массу“, чтобы удержать за собою старыя позиціи—и только такимъ путемъ имъ удалось на этотъ разъ на перебаллотпровкахъ одолѣть соціаль-демократовъ. Но читатель самъ можетъ судить, много ли шансовъ у этихъ партій и на слѣдующихъ выборахъ устоять противъ постоянно усиливающагося натиска политически активныхъ массъ нѣмецкаго пролетаріата на главнѣйшіе центры „интеллигенціи“ и промышленно-торговой жизни. Но и второстепенные и даже третьестепенные центры политическаго и экономическаго движенія Германіи находятся уже почти въ такой же опасности. Я насчиталъ 50 городовъ съ населеніемъ приблизительно отъ 20,000 до 60,000 и нѣсколько выше, въ которыхъ общая цифра соціалистическихъ голосовъ поднялась въ послѣднее трехлѣтіе съ 162,000 до 312,000, т. е. почти на 100 проц. О степени успѣховъ соціальной демократіи въ этихъ городахъ и вѣроятной близости ея полнаго господства въ нихъ читатель можетъ судить по слѣдующимъ даннымъ относительно движенія ея

голосовъ въ нѣкоторыхъ изъ округовъ*), избирательными центрами которыхъ служатъ эти города.

Избирательн. окр. съ второстепенными городами (20-60,000 жителей)	1884 г.	1887 г.	1890 г.	Абсолютное увеличеніе съ 84 по 90 г.	Процентное отношеніе соц. голосовъ къ друг. партіямъ	
					въ 84 г.	въ 90 г.
Франкфуртъ на Од.	1,818	2,262	6,941	5,623	—	—
Котбусъ-Шпрембергъ	2,699	3,964	5,610	2,911	—	—
Лигницъ	960	2,220	5,178	4,218	—	—
Эрфуртъ	3,366	3,778	8,721	5,355	—	—
Фленсбургъ	920	2,711	3,890	2,970	—	—
Кильъ	7,851	9,599	14,443	6,592	—	—
Гильдесгеймъ	585	2,847	5,457	4,922	—	—
Геттингенъ	215	275	3,052	2,837	—	—
Кассель	4,198	6,412	9,170	4,972	—	—
Висбаденъ	2,125	2,356	5,162	3,037	—	—
Дортмундъ	1,812	2,141	10,422	8,610	—	—
Бохумъ	0	1,160	8,388	8,388	—	—
Гагенъ	1,126	2,702	5,221	4,095	—	—
Билефельдъ	2,624	2,707	4,683	2,059	—	—
Ганау	5,503	5,203	8,446	2,948	—	—
Карлсруэ	3,010	2,736	5,476	2,466	—	—
Гота	7,440	8,765	11,205	3,765	—	—
Гофъ	130	557	3,535	3,405	—	—
Вюрцбургъ	113	1,614	4,615	4,502	—	—
Аугсбургъ	1,550	2,888	5,070	3,520	—	—
Цвикау	11,590	12,913	17,424	5 834	—	—
Глаухау-Мееране	9,513	9,886	15.266	5,753	—	—
Плауэнъ	2,312	4,954	8,275	5.963	—	—
Мангеймъ	4,846	5,128	8,701	3,855	—	—
Шверинъ	1,170	2,568	7,637	6,467	—	
Итого	76,926	102,423	191,983	115,057	20	47

Читатель можетъ самъ на основаніи этой таблицы опредѣлить степень возрастанія соціалистическихъ голосовъ въ каждомъ изъ указанныхъ въ ней городовъ за послѣднія шесть лѣтъ. Онъ увидитъ, что въ большей части изъ нихъ оно достигло 100 проц., а въ нѣкоторыхъ даже больше 1000. Въ среднемъ счетѣ во всѣхъ этихъ округахъ вмѣстѣ увеличеніе числа соціалистическихъ избирателей равняется почти 150 проц. Рядомъ съ абсолютнымъ шло и относительное возрастаніе ихъ численности. Въ началѣ разсматриваемаго нами періода они составляли всего только одну пятую часть или 20 пр. избирателей, вотировавшихъ за кандидатовъ буржуазныхъ партій, въ концѣ его они возросли уже почти до половины общаго числа голосовъ этихъ партій. За разсматриваемое нами шестилѣтіе цифра из-

*) Большинство или, по крайней мѣрѣ, значительная часть городовъ съ населеніемъ между 20 и 50,000 жителей, не составляютъ самостоятельнаго избирательнаго округа, а являются центрами окрестныхъ мѣстечекъ и деревень, нерѣдко разбросанныхъ на довольно большой территоріи.

бирателей вообще поднялась на 148,000 съ чѣмъ то, но изъ этого новаго контингента голосовъ, на долю *всѣхъ* противниковъ соціальной демократіи *вмѣстѣ* взятыхъ достались всего только 22-3 проц. Остальные же 77-8 проц. или больше 3/4 избирателей вотировали за нее. Вы видите, какъ быстро она догоняетъ своихъ противниковъ. Съ такой же приблизительно быстротой процессъ этотъ совершается и въ другихъ округахъ изъ категоріи поименованныхъ нами въ таблицѣ. Въ отношеніи къ росту соціальной демократіи они находятся на той стадіи развитія, на которой стояли первостепенные города Германіи около середины прошлаго десятилѣтія. Всего три года тому назадъ немного болѣе трети общаго числа ихъ избирателей вотировало за соціалистическихъ кандидатовъ, а теперь половина, т. е. въ среднемъ итогѣ соціальная демократія получила въ этихъ центрахъ столько же или почти столько голосовъ, сколько всѣ другія партіи въ общей совокупности, и численно преобладаетъ надъ каждой изъ нихъ порознь. Этотъ моментъ, очевидно, близокъ и для второстепенныхъ и вообще провинціальныхъ городскихъ центровъ средней величины. Уже на послѣднихъ выборахъ они послали 8 (если не больше) соціалистическихъ депутатовъ въ рейхстагъ и въ 21 изъ нихъ буржуазнымъ кандидатамъ пришлось подвергнуться перебаллотировкѣ съ кандидатами соціальной демократіи — и въ большинствѣ случаевъ, только *совокупными* усиліями, позабывъ свои междуусобія, имъ удалось на этотъ разъ одержать надъ нею побѣду. Но поможетъ ли это и на будущихъ выборахъ?

Въ виду такихъ фактовъ уже никому не приходитъ въ голову смотрѣть на „центры интеллигенціи“ и политической жизни, какъ на спасительный оплотъ противъ соціально-демократическаго движенія. Чистокровные реакціонеры, впрочемъ, давно уже махнули на нихъ рукой. Неодолимой преградой для этого движенія имъ казались деревня и вообще мѣста, въ которыхъ преобладаетъ крестьянское населеніе, земледѣльческій пролетарій и „почтенное“, по своему долготерпѣнію, чинопочитанію и вообще политической неразвитости, „среднее сословіе“ мелкихъ буржуа. Нѣкогда выдававшій себя за соціалиста, утопистъ-реакціонеръ Шеффле, недавно еще съ тріумфомъ указывалъ на „черепъ крестьянина“, какъ на скалу, о которую разобьются „лжеученія“ и „иллюзіи“ соціальной демократіи. Съ такими же надеждами смотрѣли еще недавно онъ и его феодально-клерикальные коллеги вообще на всѣ тѣ низшіе слои населенія, которые, живя въ захолустьяхъ, разбросанно, вдали отъ центровъ умственной жизни и въ большей экономической зависимости отъ своихъ эксплуататоровъ, чѣмъ пролетаріи крупныхъ городовъ, дѣйствительно медленно поддаются вліянію новыхъ идей и лишены всѣхъ средствъ, необходимыхъ для общественной и политической самодѣятельности. Посмотримъ, поэтому, на сколько послѣдніе выборы оправдали разсчеты буржуазныхъ политическихъ партій на провинціальные и сельскіе избирательные округи.

Мы уже указали выше на тотъ фактъ, что избирательные районы съ городами средней величины захватываютъ въ значительной мѣрѣ и сельское населеніе. Даже въ первостепенныхъ городахъ, какъ напр.

въ Гамбургѣ, встрѣчаются округа, захватывающіе окрестныя деревни. Въ гораздо большей степени это имѣетъ мѣсто въ тѣхъ 50 избирательныхъ округахъ, о которыхъ мы только что говорили. Поэтому, изъ насчитанныхъ нами въ нихъ 200,000 соціалистическихъ голосовъ значительная часть приходится, конечно, и на долю сельскаго населенія. Всего, какъ припомнитъ читатель, соціальная демократія получила 1,427,000 голосовъ. Вычтя изъ этой цифры 8-900,000, полученныхъ ею въ большихъ и среднихъ городахъ, у насъ остается около пяти сотъ тысячъ на полу и чисто сельскіе округа, вообще на мѣстности, населенныя главнымъ образомъ „почтеннымъ среднимъ сословіемъ“, мелкими ремесленниками, торговцами, крестьянами, полусельскимъ и совсѣмъ сельскимъ пролетаріатомъ. Впрочемъ, пусть нѣсколько примѣровъ наглядно покажутъ, насколько успѣла проникнуть соціальная демократія и въ тѣ мѣстности, въ которыхъ „отсталое состояніе промышленности, низкій уровень умственнаго развитія и разбросанность населенія“ являлись до сихъ поръ, къ великому удовольствію сознательныхъ и полусознательныхъ недруговъ промышленнаго пролетаріата, неодолимою преградою для соціалистической агитаціи. Наиболѣе характерными изъ этой категоріи провинцій въ Германіи считаются: Восточная и Западная Пруссія, Померанія, Шлезвигъ-Гольштейнъ и Мекленбургъ, а потому избираемъ ихъ для иллюстраціи успѣховъ соціальной демократіи въ мелкихъ городахъ и селахъ.

ПРОВИНЦІИ	Съ главными городами I.			Безъ главн. городовъ II.			Увеличеніе за 6 лѣтъ
	84 г.	87 г.	90 г.	84 г.	87 г.	90 г.	
1) Восточная Пруссія.	4,470	8,223	18,058	119	236	5,688	Sub. I на 300 пр. Sub. II почти на 900 пр.
2) Западная Пруссія .	683	4,554	9,825	106	2,326	6,300	
3) Померанія . . .	1,909	8,178	20,631	770	3,900	12,892	
4) Шлезвигъ-Гольшт. .	24,701	39,876	61,746	5,090	12,446	23,880	
5) Мекленбургъ . . .	2,466	5,921	28,235	532	1,357	13,624	
Итого . .	32,229	58,752	138,495	6,617	20,265	62,384	

Приведенныя цифры рельефно показываютъ, съ какой скоростью подвигается процессъ завоеванія соціальной демократіей мелкихъ городовъ и селъ. Особенно поразительно быстрые успѣхи дѣлаетъ этотъ процесъ въ отдѣльныхъ округахъ и деревняхъ вышепоименованныхъ герцогствъ и прусскихъ провинцій. Въ одномъ изъ округовъ Мекленбургъ-Шверина цифра соціалистическихъ избирателей поднялась съ 77 въ 84 г. до 319 въ 87, и затѣмъ до 4877 въ — 90, въ другомъ округѣ она за тотъ же періодъ поднялась съ 50 до 2,389. Въ Ганноверѣ мы встрѣчаемъ мѣстечки и цѣлые избирательные районы (сельскіе), въ которыхъ соціалистическіе голоса за послѣдніе только три года увеличились въ четыре, десять и даже двадцать разъ. Такъ напр. въ Маховъ-Ильценѣ за соціальную демократію

подано было въ 87 г. — 55 голосовъ, а на послѣднихъ выборахъ — 1167, въ Госларъ-Герцбергѣ въ 87 году — 212, а въ этомъ году — 4197. Наконецъ, въ одномъ селѣ или мѣстечкѣ той же провинціи вмѣсто 2 голосовъ въ 87 г., она теперь получила 394. Въ одной деревнѣ, если не ошибаюсь, въ Восточной Пруссіи, изъ 78 вотиров. избирателей 56 подали свои голоса за кандидата соц. демократіи. Въ мѣстечкѣ Нейдаммъ изъ 1280 голосовъ поданы были, не смотря на внѣшнее давленіе, оказанное на избирателей, 500 за рабочаго кандидата. Въ Бранденбургѣ, гдѣ общая цифра соціалистическихъ избирателей въ сельскихъ районахъ поднялась за послѣднее шестилѣтіе съ 16,000 (въ круглыхъ числахъ) до 75,000, мы встрѣчаемъ округа, въ которыхъ соціалисты въ 84 г. получили всего нѣсколько десятковъ голосовъ или совсѣмъ нуль, а на послѣднихъ выборахъ—отъ одной тысячи до тысячи пятисотъ и больше.

Подобные успѣхи соціальной демократіи замѣчаются въ большей или меньшей степени почти во всѣхъ частяхъ Германіи. Возьмемъ хоть Баварію, второе, по величинѣ и населенію государство въ имперіи. Изъ 48 избирательныхъ районовъ, на которые она дѣлится, соціалисты шесть лѣтъ тому назадъ въ 26 не имѣли ни одного избирателя. Въ 87 г. такихъ чистыхъ отъ соціалистической „заразы“ округовъ было уже всего только 13 (прежде 26). Въ настоящее же время нѣтъ ни одного, въ которомъ за соц.-демокр. кандидатовъ не подано было бы извѣстное количество голосовъ. Въ тѣхъ 26 округахъ (въ одномъ только изъ нихъ имѣется городъ съ числомъ жителей около 30,000) — преимущественно сельскихъ, въ которыхъ она въ 84 г. не получила *ни одного* голоса, на послѣднихъ выборахъ за нее вотировало *27,800* избирателей, т. е. среднимъ числомъ больше, чѣмъ по 1,000 въ каждомъ. Наконецъ, въ 84 г., во всей Баваріи соціалистическая партія имѣла 7 округовъ съ числомъ избирателей выше 1,000. Послѣдніе выборы доставили имъ 20 округовъ съ цифрой голосовъ выше 1,000, и изъ нихъ только десять имѣютъ своими центрами города съ населеніемъ въ 20,000 и выше душъ.

Мы опасаемся утомить вниманіе читателя статистическими подробностями, а потому ограничимся только общимъ замѣчаніемъ, что указанный процессъ распространенія вліянія и популярности соціальной демократіи изъ крупныхъ и среднихъ городскихъ центровъ въ провинцію и захолустныя мѣста (конечно, не въ русскомъ смыслѣ) весьма замѣтно совершается и въ Баденѣ, Гессенѣ, Вюртембергѣ, вообще во всѣхъ большихъ и мелкихъ государствахъ, входящихъ въ составъ германской имперіи. *)

Въ 70-хъ, а отчасти и въ 80-хъ годахъ политики и публицисты клерикально-феодальныхъ элементовъ съ нескрываемымъ злорадствомъ смотрѣли на возраставшую со стороны соціалистической партіи конкурренцію либераламъ въ городахъ. Своими „лжеученіями“ и вольно-

*)Съ 1884-го по 90 годъ общая цифра соціалистическихъ избирателей въ мелкихъ городахъ и селахъ подчялась въ Баваріи съ 8607 до 29374, въ Саксоніи съ 65891 до 124,607, въ Баденѣ - съ 2,148 до 10,076, въ Гессенѣ - съ 573 до 6996.

думствомъ либералы подорвали въ массѣ городскаго населенія исконную вѣру въ авторитеты и въ божественный характеръ такихъ основъ общества и государства, какъ церковь, монархія и сословныя привиллегіи. Они уничтожили наше государство, такъ вотъ же теперь на вспаханной ими же почвѣ выростаетъ сила, угрожающая ихъ собственному существованію. Такого рода сужденіями могли въ прежнее время реакціонеры сопровождать избирательныя пораженія, наносимыя соціальной демократіей либераламъ. Еще въ началѣ прошлаго десятилѣтія дворяне, попы и самъ Бисмаркъ при случаѣ не прочь были подставить на выборахъ ногу „свободомыслящимъ“, хотя бы пораженіе послѣднихъ пошло на пользу однимъ только соціалистамъ. Да и сами исключительные законы противъ соціальной демократіи первоначально имѣли своимъ назначеніемъ косвенно послужить орудіемъ для ослабленія либерализма и буржуазно-демократическихъ теченій въ обществѣ. Теперь уже господамъ реакціонерамъ не до козней противъ „либеральнаго средняго сословія“ и его политическихъ вождей. Соціаль-демократы забрались въ недоступныя, какъ казалось, для нихъ гнѣзда „благородныхъ“ бароновъ, князей и юнкеровъ, и начинаютъ также успѣшно выживать ихъ оттуда, какъ они выживаютъ либераловъ изъ „деморализованныхъ“ либерализмомъ городовъ.

П. Аксельродъ.

(Третья статья слѣдуетъ).

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(Русская жизнь въ 1890 г.)

По поводу нашихъ обозрѣній въ двухъ предъидущихъ книжкахъ „Соціаль-Демократа" нѣкоторые читатели упрекали насъ въ томъ, что мы будто бы совсѣмъ не обращаемъ вниманія на дѣйствительную жизнь Россіи и ограничиваемся одними только теоретическими разсужденіями. Если бы даже этотъ упрекъ былъ заслуженъ нами, то и тогда мы могли бы сослаться въ свое оправданіе, на одно, очень важное, „смягчающее обстоятельство". Прежде чѣмъ, разсматривать отдѣльныя явленія русской жизни, мы хотѣли опредѣлить и указать ту общую точку зрѣнія, съ которой мы смотримъ на эту жизнь. Мы думали, что это необходимо для избѣжанія недоразумѣній между нами и нашими читателями. Разъ читатель знаетъ, съ какой точки зрѣнія смотримъ мы на современную Россію, его не удивятъ наши мнѣнія о томъ или другомъ отдѣльномъ фактѣ. Онъ можетъ быть не согласится съ нами, но и тогда онъ не откажется признать, что мы разсуждаемъ по своему правильно и логично. Такъ думали мы, и сообразно съ этимъ составили программу своихъ обозрѣній. Въ первой книжкѣ мы старались показать, что, не смотря на торжествующую теперь реакцію, въ Россіи все болѣе и болѣе развиваются тѣ экономическія отношенія, которыя необходимо должны привести къ измѣненію нашей политической конституціи. Но характеръ и историческій смыслъ этихъ измѣненій до сихъ поръ еще не сознанъ огромнымъ большинствомъ нашихъ передовыхъ писателей и общественныхъ дѣятелей. Стремясь къ новому, люди эти идеализируютъ всякое старье и тѣмъ страшно затрудняютъ себѣ достиженіе своей цѣли. Наша „интеллигенція" такъ мало понимаетъ освободительный смыслъ переживаемаго Россіей экономическаго процесса, что она стремится задерживать этотъ процессъ всѣми зависящими отъ нея сред-

ствами. Вслѣдствіе этого, изъ силы прогрессивной она, незамѣтно для себя, превращается въ силу реакціонную и вмѣсто народныхъ интересовъ защищаетъ интересы того самаго правительства и тѣхъ самыхъ эксплуататоровъ, противъ которыхъ онъ хотѣла бы бороться. Идя въ одну комнату, „интеллигенція“, къ величайшему сожалѣнію и огорченію своему, попадаетъ въ другую. Разумѣется, трудно дѣлать что нибудь при такихъ условіяхъ. „Интеллигенція“ приходитъ въ отчаяніе, складываетъ руки, теряетъ всякую вѣру въ себя и въ будущность своей страны, деморализуется, ищетъ утѣшенія во всякаго рода „прожиганіи жизни“ и вообще ведетъ себя совсѣмъ несоотвѣтственно тому „интеллигентному“ званію, о которомъ она такъ много кричитъ и которымъ она такъ сильно гордится. Единственнымъ выходомъ изъ такого непріятнаго положенія является *европеизація понятій* нашей интеллигенціи. Когда она откажется отъ своихъ нелѣпыхъ „самобытныхъ“ теорій, тѣхъ теорій, въ которыхъ

Русскій умъ и русскій духъ
Зады твердитъ и лжетъ за двухъ,

когда она съумѣетъ взглянуть на русскія общественныя отношенія съ надлежащей, *европейской* точки зрѣнія, она увидитъ, что положеніе ея вовсе не безнадежно, и найдетъ широкое поприще для самой плодотворной общественной дѣятельности. До тѣхъ же поръ, пока она останется при своихъ *азіятскихъ понятіяхъ*, ей нечего и думать о перенесеніи въ свою страну *западно-европейскихъ* политическихъ *учрежденій*. Это старались мы доказать во внутреннемъ обозрѣніи второй книжки „Соціаль-Демократа“. Теперь же, когда нашъ взглядъ на русскую жизнь и русскую мысль извѣстенъ читателю, мы переходимъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ фактовъ внутренней жизни Россіи, фактовъ, которые, какъ мы увѣрены, могутъ быть объяснены только вышеприведенными общими соображеніями.

Начнемъ съ экономіи. Въ Сентябрѣ текущаго года министръ финансовъ велъ очень поучительныя бесѣды съ ташкентскимъ купечествомъ. „Когда я въ первый разъ посѣтилъ нижегородскую ярмарку, сказалъ онъ, я долженъ былъ отъ имени Государя Императора передать нижегородскому а вмѣстѣ съ тѣмъ и всероссійскому купечеству, что всякіе успѣхи на поприщѣ отечественной промышленности и торговли будетъ признаны за особыя заслуги государству. Мнѣ выпала завидная доля быть исполнителемъ священной воли и предначертаній Государя Императора, и я буду считать своимъ долгомъ ознакомиться съ вашей дѣятельностью и сдѣлать все возможное, чтобы поддержать всякое полезное начинаніе.“ Слушая сладкорѣчиваго министра, ташкентскіе купцы, разумѣется, кланялись и благодарили. Въ пріѣздѣ министра въ ихъ край они вплѣли „особенную заботливость“ объ ихъ нуждахъ и интересахъ „насколько они связаны съ благосостояніемъ Россіи и поддержаніемъ русскаго значенія въ средней Азіи“ (День, №818). Говоря это, гг. ташкентцы едва-ли были искренни. Они знали, по всей вѣроятности, что истинная цѣль поѣздки министра заключалась не столько въ поддержаніи интересовъ среднеазіятской промышленности, сколько въ изысканіи новыхъ источниковъ податного обложенія. Пресловутый финансовый фокусникъ на всѣ вопросы народнаго хозяйства смотритъ прежде всего съ фискальной

точки зрѣнія. Но по скольку интересы „всероссійскаго купечества“ не идутъ въ разрѣзъ съ интересами фиска, по стольку министръ финансовъ, какъ и все вообще русское правительство, является вѣрнымъ и заботливымъ слугой „отечественной промышленности“. Въ этихъ предѣлахъ всякій успѣхъ на промышленномъ поприщѣ дѣйствительно является въ глазахъ нашихъ правителей „особою заслугою государству“. Г. Вышнеградскій не лгалъ, когда говорилъ это на нижегородской ярмаркѣ. Enrichissez-vous! воскликнулъ когда-то министръ Луи Филиппа, обращаясь къ французской буржуазіи. Почти такими же словами поощряетъ рвеніе русской буржуазіи „исполнитель воли и предначертаній“ Александра III. „Обогащайтесь! Каждый вашъ шагъ на пути наживы будетъ заслугой передо мною!“— такъ говоритъ устами своихъ слугъ повелитель Россіи. Всероссійскіе купцы слушаютъ и облизываются. Ихъ сердца горятъ восторгомъ и преданностью. Трудно представить себѣ болѣе полную картину трогательнаго согласія между царемъ и его подданными!

Но гг. купцы не краснобаи, а практики. Они знаютъ, что соловья баснями не кормятъ, и безпрестанно напоминаютъ объ этомъ исполнителямъ монаршей воли. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Легко сказать: „обогащайтесь!“, но не всегда легко исполнить этотъ благой совѣтъ. Для своего обогащенія русская, какъ и всякая другая, буржуазія нуждается въ рынкахъ. Обезпеченіе нашего внутренняго рынка отъ западно-европейской конкурренціи и завоеваніе иностранныхъ рынковъ, — вотъ тѣ два условія, которыя прежде всего должно обезпечить себѣ „всероссійское купечество“. И оно не забываетъ о нихъ ни на минуту. Чего только не выдумываетъ оно для того, чтобы добиться своей цѣли! Какихъ только доводовъ не приводитъ оно въ защиту своихъ интересовъ! Доводы экономическіе, доводы патріотическіе, доводы стратегическіе, — все пускается въ ходъ по извѣстной программѣ некрасовскихъ дѣльцовъ, едва только поднимается вопросъ объ устраненіи иностраннаго соперничества или о какой нибудь иной поддержкѣ „отечественной промышленности“. И какъ бы ни была слаба аргументація гг. предпринимателей, правительство признаетъ ее неопровержимой. Купеческія ходатайства рѣдко остаются безъ исполненія.

Осенью нынѣшняго года при министерствѣ финансовъ открылись засѣданія коммиссіи для общаго пересмотра нашего таможеннаго тарифа. Всѣмъ извѣстно, что и до сихъ поръ нашъ тарифъ оказывалъ болѣе чѣмъ достаточную поддержку русскимъ предпринимателямъ. Не далѣе какъ въ Августѣ нынѣшняго года произошло возвышеніе ввозныхъ пошлинъ почти для всѣхъ товаровъ на 20, а для угля, ввозимаго въ южные порты, на 40 процентовъ. „Происшедшая въ послѣднее время перемѣна во взаимномъ отношеніи цѣнъ золотого и кредитнаго рубля, при взиманіи пошлинъ золотою валютою, ослабила охрану, предоставленную производительнымъ силамъ страны дѣйствующимъ таможеннымъ тарифомъ“. Такъ объясняло правительство это новое повышеніе пошлинъ. Право оно было или нѣтъ, но сторонники покровительственной системы ликовали. Законъ о возвыше-

ніи пошлинъ назвали „великой хартіею вольностей или освобожденія отъ западно-европейскаго финансоваго ига". Можно было думать, что всѣ самыя крайнія требованія нашихъ промышленниковъ удовлетворены, что дальше идти уже некуда. Даже „Новое Время", этотъ вѣрный стражъ буржуазныхъ интересовъ, полагало, что „въ общемъ таможенный тарифъ нашъ достаточно покровительственъ" и что коммиссія, созванная для пересмотра этого тарифа, займется преимущественно сведеніемъ въ одно „стройное" цѣлое относящихся къ нему узаконеній (Новое Время №5252). Но не тутъ-то было. Еще до начала засѣданій названной коммиссіи въ обществѣ распространились слухи о новыхъ проэктахъ возвышенія таможенныхъ пошлинъ. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ проэкты эти имѣли по истинѣ величественный характеръ. Такъ, напримѣръ, по вопросу о пошлинахъ на сельско-хозяйственныя орудія сдѣланы были слѣдующія скромныя предложенія: членъ первой подготовительной коммиссіи изъ профессоровъ петербургскаго технологическаго института, г. Аѳанасьевъ, проэктировалъ существующую пошлину на сельскохозяйственныя орудія съ 70 коп. золот. повысить ровно вдвое, доведя ее до 1 р. 40 коп. съ пуда. Профессоръ Менделѣевъ предложилъ установить три новые размѣры пошлины: въ 80 коп. золот. съ пуда брутто, когда преобладающимъ по вѣсу матеріаломъ является дерево; въ 1 рубль, когда преобладаетъ чугунъ и желѣзо; въ 2 р. — при преобладаніи въ матеріалѣ мѣди. Это, какъ видите, уже очень значительное повышеніе. Но московскому биржевому комитету и отдѣленію совѣта торговли и мануфактуръ и этого показалось мало. Они предложили повысить пошлину на сельско-хозяйственныя машины сразу на 357 % или съ 70 коп. золотомъ до 2 руб. 50 коп. золот. съ пуда, когда общій вѣсъ машины болѣе 100 пудовъ, и ровно впятеро, или до 3 руб. 50 коп. золот. съ пуда брутто, когда привозная машина вѣситъ менѣе 100 пудовъ (Русскія Вѣдомости, №299). Но русскіе землевладѣльцы хорошо понимаютъ теперь, что безъ улучшенія земледѣлія они не могутъ выдержать американскаго соперничества. Возвышеніе пошлинъ на сельско-хозяйственныя машины равносильно вздорожанію этихъ машинъ, т. е. обложенію землевладѣльцевъ налогомъ въ пользу промышленниковъ. Само собою разумѣется, что гг. помѣщикамъ очень непріятна была перспектива этого, въ подномъ смыслѣ слова „несвоевременнаго", налога. Представители землевладѣльческихъ интересовъ вообще находили, что, если нужно измѣнить нашъ таможенный тарифъ, то скорѣе въ смыслѣ пониженія, чѣмъ въ смыслѣ возвышенія. Началась горячая полемика, въ которой спорящія стороны высказали другъ другу не мало горькихъ истинъ и пролили много свѣта на современное экономическое и соціальное положеніе Россіи. Защищая свои требованія, каждая сторона ссылалась, какъ водится, на интересы народа. Можно было подумать, что только о народномъ благосостояніи и заботятся всѣ эти господа, пишущіе за покровительственный тарифъ или противъ него. Впрочемъ, нужно отдать справедливость помѣщичьей партіи: она лучше тянула ноту народнаго благосостоянія. Это объясняется тѣмъ, что на ея сторону стали наши „интеллигент-

ные“ идеологи, несравненные мастера въ дѣлѣ защиты. . . на словахъ народныхъ интересовъ (извѣстно, что наши „интеллигентныя барышни даже замужъ выходятъ не иначе, какъ ради благополучія народа). „Если безпрепятственно сопоставить современное положеніе земледѣлія съ состояніемъ мануфактурныхъ предпріятій, писали „Русскія Вѣдомости“, то можетъ-ли придти кому либо на мысль

„требовать жертвъ отъ перваго въ пользу послѣднихъ? Кто не знаетъ, что наше сельское хозяйство уже много лѣтъ находится въ состояніи непрерывнаго кризиса; это фактъ общепризнанный и оффиціально подтвержденный назначеніемъ извѣстной коммиссіи по вопросу объ упадкѣ цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, а также немаловажными жертвами со стороны государства въ пользу потерпѣвшихъ отъ кризиса землевладѣльцевъ. Въ настоящемъ году потери земледѣльцевъ еще значительнѣе противъ прежняго вслѣдствіе возвышенія курса. И въ такое-то время предполагается оторвать часть ихъ и безъ того скуднаго дохода въ пользу мануфактуристовъ! А между тѣмъ спросите по душѣ любаго изъ мануфактурныхъ промышленниковъ, какъ идутъ его дѣла въ настоящую минуту, — и вы навѣрное получите благопріятный отзывъ. Впрочемъ, для сужденія по этому вопросу нѣтъ даже надобности вызывать на откровенность отдѣльныхъ лицъ; для этого достаточно просмотрѣть отчеты крупныхъ промышленныхъ предпріятій, которые печатаются во множествѣ въ любомъ номерѣ *Вѣстника финансовъ*. Эти отчеты ясно говорятъ о большихъ барышахъ, получаемыхъ промышленниками, — барышахъ, которые равняются нерѣдко 20%, 30%, 40% на капиталъ и половины которыхъ во всякомъ случаѣ было бы достаточно, чтобы сдѣлать счастливымъ самаго прихотливаго землевладѣльца. Такимъ образомъ и оцѣнка сравнительнаго положенія земледѣльцевъ и мануфактуристовъ не оправдываетъ возложенія на первыхъ новаго бремени. (№ 282)

На защиту землевладѣльцевъ выступило также Вольное Экономическое Общество, представившее министерству финансовъ обширную записку, въ которой собраны очень интересныя данныя о состояніи русской промышленности. Записка доказываетъ, между прочимъ, что барыши нашихъ промышленниковъ простираются иногда даже до 60% на капиталъ, что нисколько не мѣшаетъ имъ, по замѣчанію газеты „День“, плакаться на свою горькую долю и требовать дальнѣйшаго поощренія. Что касается сельско-хозяйственныхъ машинъ въ частности, то противники повышенія пошлинъ дали очень нелестную характеристику русской машино-строительной промышленности. Они ссылались на приговоръ экспертовъ относительно русскихъ машинъ, подвергнутыхъ испытанію на харьковской всероссійской сельско-хозяйственной выставкѣ 1887 года.

„Заграничныя машины—говоритъ этотъ приговоръ—заслужили свою добрую репутацію безукоризненною сборкою, однородностью матеріала и точностью исполненія. Если бы разобрать и смѣшать части 100 американскихъ жней, то ихъ снова можно собрать, при чемъ всѣ гайки и всѣ винты придутся. *Совсѣмъ не то съ нашими заводами:* не только винты и гайки, но даже на одномъ *выставочномъ* плугѣ колеса не пришлись, когда ихъ перенесли съ одного конца оси на другой. Кто слѣдитъ за нашею сельско-хозяйственною литературою, тому не одинъ разъ приходилось читать горькія жалобы нашихъ сельскихъ хозяевъ на плохую сборку, сырое дерево и вообще на неоднородность матеріаловъ, употребляемыхъ для постройки однихъ и тѣхъ же орудій. Въ одномъ мѣстѣ читаемъ: „вѣялка кривобока, уклонъ ситъ неправильный, зерно валится подъ вѣялку, цѣпочка на 3-й день сломалась“. Въ другомъ мѣстѣ: „рычагъ постоянно ломается, вслѣдствіе дыръ и сухости желѣза. Прутъ постоянно изгибается, лемехи скоро теряютъ форму, при чемъ скорѣе всего портится стѣнка близъ носка“ и т. д.“ (См. статью „Наше сельскохозяйственное машиностроеніе“, напечатанную въ № „Новаго Времени“ отъ 6-го Октября 1890.)

Все это несомнѣнная правда: наши предприниматели не стѣсняются съ потребителями, продавая имъ за дорогую цѣну подчасъ совершенно

никуда негодные предметы. Отчетъ саратовской земской сельско-хозяйственной выставки 1889 года указываетъ на то интересное явленіе, что крестьяне - кустари дѣлаютъ гораздо лучшія и болѣе дешевыя машины, чѣмъ крупные заводчики. Оно и неудивительно : кустарей подгоняетъ нужда и соперничество со стороны крупныхъ предпринимателей; а что подгоняетъ крупныхъ предпринимателей, знающихъ, что правительство всегда придетъ къ нимъ на помощь, если капиталы ихъ перестанутъ приносить обычную, неслыханную въ западной Европѣ прибыль? Но какъ бы тамъ ни было, наши промышленники не имѣли основаній опасаться послѣдствій похода, начатаго противъ нихъ противниками покровительственной системы. Во-первыхъ въ коммиссіи для пересмотра тарифа представительство отъ разныхъ промышленныхъ группъ и ихъ органовъ рѣшительно преобладало надъ представительствомъ отъ земледѣлія. А во - вторыхъ, всѣмъ было заранѣе извѣстно, что въ общемъ правительство не поддастся рѣшительно ни на какіе доводы русскихъ „фритрэдеровъ“. Поэтому „фритрэдерскія“ требованія были въ сущности какъ нельзя болѣе умѣренны. Нѣкоторое пониженіе пошлинъ — вотъ все, о чемъ они „ходатайствовали“. Многіе изъ нихъ наперед предвидѣли неудачу даже и этихъ умѣренныхъ требованій. Вы передовой статьѣ отъ 13 Октября „Русскія Вѣдомости“ „позволивъ себѣ“, въ виду новыхъ побѣдъ протекціонизма, „напомнить объ интересахъ многомилліонной массы русскихъ потребителей, включающей въ свой составъ все сельское населеніе Россіи“., меланхолически замѣчаютъ:

„Мы хорошо знаемъ, что при настоящемъ настроеніи всякое слово, подобное только что высказанному, есть голосъ вопіющаго въ пустынѣ, и потому ограничиваемся лишь однимъ скромнымъ желаніемъ: чтобы торжествующій промышленный протекціонизмъ хоть съ нѣкоторой пощадой отнесся къ обезсиленнымъ подъ давленіемъ продолжительнаго кризиса земледѣльческимъ классамъ; чтобы онъ остерегся отъ дальнѣйшаго искусственнаго повышенія цѣнъ, если ужъ не на всѣ главные предметы потребленія сельскихъ жителей, то по крайней мѣрѣ на орудія сельско-хозяйственнаго производства и на земледѣльческія удобренія.“

Скромнѣе этого говорить невозможно. Не такъ держали себя сторонники повышенія тарифа. Они были не только самоувѣренны, но временами просто нахальны. Вотъ какъ отвѣчало „Новое Время“ на доводы фритредэровъ :

„Россія страна земледѣльческая — учатъ насъ мудрецы. Она можетъ дешево производить хлѣбъ и на этотъ хлѣбъ покупать дешевые англійскіе ситцы и желѣзо. Къ счастью, мудрецовъ не всегда слушали. И дѣйствительно, теперь оказывается, что Соединенные Штаты и Ость-Индія производятъ хлѣбъ дешевле Россіи, Австралія и Африка производятъ дешевле шерсть, Южная Америка — кожи и сало. По фритредерской теоріи, эти продукты слѣдуетъ покупать въ этихъ странахъ. Что же спрашивается, остается дѣлать бѣдной Россіи? На одномъ мочалѣ и ржаномъ хлѣбѣ далеко не уѣдешь.“ (№ 5252)

Многое можно было возразить противъ такого соображенія. Но органу г. Суворина нужна была не теоретическая, а практическая побѣда надъ противниками, а онъ зналъ, что эта послѣдняя побѣда совершенно обезпечена за его партіей. Онъ зналъ, что торжество капитализма въ Россіи ни на минуту не можетъ подлежать теперь сомнѣнію. И онъ открыто радовался этой побѣдѣ.

„Существуетъ, конечно, мнѣніе, говоритъ этотъ органъ, что развитіе промышлен-

ности не составляетъ еще блага, что съ нимъ связана эксплоатація труда, созданіе пролетаріата, обѣдненіе массъ, сосредоточеніе колоссальныхъ капиталовъ въ немногихъ рукахъ, торжество евреевъ (sic!) и буржуазіи и соотвѣтственно съ этимъ общее ожесточеніе. Однако, какъ ни вѣрна эта картина, отчасти наблюдаемая уже и въ промышленныхъ районахъ Россіи, но періодъ индустріализма или капиталистическаго производства неизбѣженъ въ исторіи каждаго народа, и нѣтъ возможности воспользоваться успѣхами такъ называемой „цивилизаціи“, удешевленіемъ средствъ передвиженія и обработанныхъ издѣлій, оставаясь въ первобытныхъ патріархальныхъ формахъ общественнаго быта. Приходится идти съ вѣкомъ, какъ онъ ни дуренъ...“ (День, № 868.)

Эти слова чрезвычайно знаменательны. Русская буржуазія не считаетъ нужнымъ даже оправдываться противъ возводимыхъ на нее обвиненій: „Дурна я или хороша, говоритъ она, объ этомъ я спорить не стану; для меня довольно того, что я огромная сила, которой такъ или иначе должно будетъ уступить все и вся въ современной Россіи. Вы не только уступите мнѣ, вы пойдете со мною, какъ бы ни была я отвратительна и безжалостна въ вашихъ глазахъ.“

Все куплю, сказало злато. . .

Оградивъ внутренній рынокъ стѣною тарифа, который теперь слѣдовало бы назвать уже не *покровительственнымъ*, а по просту *запретительнымъ*, „Злато“ начинаетъ стремиться къ завоеванію иностранныхъ рынковъ. Конечно, въ западную Европу оно со своими мануфактурными издѣліями не пойдетъ: западной Европѣ некуда дѣвать и своихъ собственныхъ издѣлій. Но объ азіатскомъ рынкѣ „всероссійское купечество“, при дѣятельной поддержкѣ со стороны правительства, не прочь поспорить даже съ англичанами. Прежде всего удобнымъ рынкомъ являются наши среднеазіатскія владѣнія. Закаспійская желѣзная дорога принесла огромную пользу русскимъ предпринимателямъ какъ въ смыслѣ полученія сырья, такъ и въ смыслѣ сбыта готовыхъ издѣлій. Но этого мало, и при томъ же само собою разумѣется, что успѣхи русскаго оружія въ средней Азіи должны были послужить наполненію кармана нашихъ предпринимателей. Русской буржуазіи хочется овладѣть персидскимъ и по возможности китайскимъ рынкомъ. И вотъ начинаются „ходатайства“.

„Представители московскаго купечества, ведущаго торговыя сношенія съ Персіею, а равно и персіяне, производящіе торговлю персидскими товарами на нижегородской ярмаркѣ, а затѣмъ запасающіеся русскими товарами для Персіи, подали министру финансовъ новую записку о безотлагательной необходимости принятія нѣкоторыхъ мѣръ къ устраненію существующихъ препятствій, которыя не только мѣшаютъ сбыту русскихъ товаровъ на персидскихъ рынкахъ, но подрываютъ и результаты, до сего времени достигнутые. По мнѣнію купечества, необходимо въ возможно скоромъ времени установить давно уже рѣшенный въ принципѣ возвратъ пошлинъ съ хлопка, изъ котораго вырабатывается мануфактурный товаръ для восточныхъ рынковъ. Далѣе—необходимо энергичное содѣйствіе правительства въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ отъ Энзели къ Тегерану и вѣтви отъ Закаспійской дороги къ Мешхеду. Весьма необходимымъ является открытіе отдѣленій банка въ Тегеранѣ, Тавризѣ и Мешхедѣ и категорическое требованіе, чтобы персидское правительство хотя отчасти улучшило порты на Каспійскомъ морѣ. Беззащитность послѣднихъ все болѣе и болѣе вынуждаетъ русскія суда оставлять линію движенія между Россіей и Персіею. Принятіе всѣхъ этихъ мѣръ въ возможно непродолжительномъ времени является тѣмъ большею необходимостью, что по свѣденіямъ купечества, англичане уже ввозятъ свои мануфактурные товары въ Персію по Каруну и въ скоромъ времени предполагаютъ начать постройку желѣзной дороги отъ Каруна до Тегерана, черезъ Испагань.

Какъ видите, планъ довольно широкій. Не знаемъ, найдетъ ли распорядительный министръ возможность исполнить его во всей его обширности, но кое-что онъ уже рѣшился сдѣлать для предпринимателей, ведущихъ торговыя сношенія съ Персіей. Газеты сообщаютъ, что г. Вышнеградскій „убѣдился въ необходимости скорѣйшаго возстановленія русскаго торговаго и политическаго вліянія въ Персіи и написалъ особый докладъ по этому предмету". Кромѣ Персіи развиваются также наши торговыя сношенія съ Монголіей.

„Въ послѣднее время въ Монголію вывозится весьма значительное количество нашихъ желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій, говоритъ „День" (№ 888) со словъ „Казанскаго Биржевого Листка"... „Можно надѣяться, что въ непродолжительномъ времени наши металлическія издѣлія удовлетворятъ не только значительнымъ требованіямъ Монголовъ и жителей Киргизской степи, но даже и сѣвернаго Китая. Кабинетское управленіе оказываетъ всевозможную помощь предпринимателямъ въ этомъ отношеніи. Первыя партіи товаровъ, поступившія на рынки Хобдо, Улясутая и другихъ пунктовъ, были раскуплены весьма быстро и со значительною выгодой. На развитіе торговыхъ сношеній должно повліять благопріятнымъ образомъ еще то обстоятельство, что товары начали отправлять въ степь изъ ближайшихъ къ ней пунктовъ, а не съ Ирбитской ярмарки, какъ было прежде, чѣмъ путь гужевой перевозки товаровъ увеличивался на 2,000 верстъ."

Проведеніе желѣзной дороги въ Сибирь еще болѣе облегчитъ завоеваніе этого новаго рынка для русской промышленности. Казалось бы, что русской буржуазіи нечего гнѣвить Бога напрасными жалобами на свое положеніе, но она все таки жалуется: очень ужь сильно бьетъ ее англичанинъ своимъ соперничествомъ на азіатскихъ рынкахъ, и не разъ приходилось ей уступать ему даже, повидимому, прочно завоеванныя позиціи. Почему же бьютъ насъ англичане на азіатскихъ рынкахъ? На это у всѣхъ есть готовый отвѣтъ: „гдѣ ужь намъ соперничать съ англичанами! „Это, пожалуй, и справедливый отвѣтъ, но все таки не безъинтересно разсмотрѣть его подробнѣе. Почему трудно русскимъ купцамъ соперничать съ англичанами? Послушаемъ русскаго путешественника г. Миклашевскаго. По его словамъ, изъ нашихъ ситцевъ и матерій идутъ въ Персію преимущественно тѣ сорта, которые не дѣлаются заграницей, „напримѣръ, пунцовый, буковая ткань, демикотонъ и т. д. Но и тутъ русскимъ торговцамъ крайне трудно конкуррировать съ иностранными производителями. Для персіянъ дешевизна и новизна — все. Рисунки же русскихъ ситцевъ однообразны, не рѣдко совсѣмъ не подходятъ къ требованіямъ мѣстныхъ покупателей . . . Краски не прочны; то же можно сказать и относительно суконъ. Иностранные купцы, наводняющіе Персію своими товарами, заготовляютъ для нея спеціальный товаръ, который, конечно, не имѣетъ сбыта въ ихъ отечествѣ. Такъ, напримѣръ, для Персіи приготовляются платки съ религіозными надписями, и эти платки расходились въ странѣ очень бойко. Иностранныя фирмы имѣютъ въ Персіи своихъ рисовальщиковъ, составляющихъ рисунки, которые удовлетворяютъ вкусу мѣстныхъ потребителей. Ничего подобнаго нѣтъ у русскихъ торговыхъ фирмъ". Еще разъ, почему же нѣтъ? „При большомъ внутреннемъ сбытѣ русскіе фабриканты вовсе не даютъ себѣ труда приложить усилія ради какихъ нибудь 50 % барыша" (День, №886, статья „Наши Путешественники"). Теперь совершенно понятно: русскіе торговцы не считаютъ

мъ хорошо приготовиться къ борьбѣ съ иностранными соперника-, поэтому и терпятъ отъ нихъ пораженія. До какой степени доходитъ халатность избалованныхъ покровительственной системой русскихъ торговцевъ, доказываетъ, между прочимъ, слѣдующее интересное сообщеніе „Дня“ (№785):

„Персидскій купецъ М. Н. Ашимовъ доставилъ на нижегородскую ярмарку тюкъ товара, отправленнаго изъ Манчестера въ Персію, съ тѣмъ, чтобы ознакомить нашихъ мануфактуристовъ съ способомъ оригинальной англійской упаковки товаровъ, идущихъ въ Персію. Надняхъ въ присутствіи властей и лицъ, заинтересованныхъ этимъ дѣломъ, въ аванъ-залѣ главнаго дома тюкъ этотъ былъ вскрытъ, и всѣ присутствовавшіе имѣли возможность ознакомиться съ тѣмъ, какъ упаковываютъ свой товаръ англичане. Нужно, замѣтить, что тюкъ этотъ былъ отправленъ изъ Манчестера черезъ Требизонтъ въ Тавризъ, затѣмъ, вытребованный г. Ашимовымъ въ Россію изъ Тавриза, тюкъ этотъ черезъ Астару пришелъ въ Астрахань, откуда уже прослѣдовалъ сначала въ Москву, а потомъ уже въ Нижній-Новгородъ. Не смотря на этотъ громадный путь, тюкъ съ внѣшней стороны имѣлъ видъ образцовый, какъ будто бы онъ не сдѣлалъ и сотой части того разстоянія, которое въ дѣйствительности имъ пройдено. Но и въ этомъ отношеніи разница между нашей первобытной упаковкой и англійской—громадна. Наши тюки проходятъ часть этого пути, то есть отъ Нижняго въ Персію, и получаются тамъ, по свидѣтельству персидскихъ купцовъ и, между прочимъ, г. Ашимова, въ ужасномъ видѣ: часто на тюкѣ нѣтъ даже признаковъ рогожъ, въ которыя онъ былъ завернутъ, и весь товаръ оказывается скрѣпленнымъ исключительно только веревками!.. Нечего и говорить, что въ этихъ случаяхъ товаръ приходитъ почти въ негодномъ видѣ, но даже и въ лучшемъ случаѣ, когда рогожи хоть отчасти сохранились и имѣются на лицо хоть нѣкоторые признаки упаковки, товаръ получается помятымъ, по краямъ испачканнымъ и, въ общемъ, имѣетъ неприглядный видъ.“

Какъ это вамъ нравится? Отправляютъ товаръ и даже не позаботятся завернуть его какъ слѣдуетъ! Да и зачѣмъ хлопотать, казна-матушка богата, она выручитъ, если плохо пойдутъ дѣла „отечественной промышленности! А несомнѣнно, что при извѣстномъ вниманіи къ дѣлу, русскимъ купцамъ не трудно было бы выдерживать иностранное соперничество.“ Дешевизна нашихъ отечественныхъ бумажныхъ произведеній поразительна — говоритъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (8 Мая 1890 г.) другой знатокъ средне-азіятской торговли: въ розничной продажѣ аршинъ ситцу стоитъ отъ 9 до 11 копѣекъ, въ оптовой отъ 8 до 10 коп., тогда какъ англійскіе ситцы продаются отъ 14 до 20 и даже до25 к. аршинъ, при ширинѣ въ 1 метръ между тѣмъ какъ русскій имѣетъ отъ 13 до 15 вершковъ“. Правда, можно съ увѣренностью сказать. что продаваемые въ средней Азіи русскіе ситцы хуже англійскихъ. Но вѣдь если плохіе русскіе ситцы продаются почти вдвое дешевле хорошихъ ,англійскихъ, то хорошіе русскіе ситцы, вѣроятно, могли бы быть продаваемы, по крайней мѣне дороже, чѣмъ англійскіе. Газеты сообщали недавно, что петербургскіе и московскіе торговцы поняли. наконецъ. что нельзя овладѣть никакимъ иностраннымъ рынкомъ, не обративъ вниманія на его потребности. Говорятъ, что образовалось товарищество, рѣшившееся вести дѣло на западно - европейскій образецъ. Поживемъ, увидимъ, не парализуется-ли это усиліе излишней говностью правительства поддерживать интересы лѣнивыхъ предпринимателей.

Оно поддерживетъ эти интересы не однимъ только тарифомъ. Всюду, гдѣ рѣчь заходитъ о купеческой наживѣ, оно оказывается какъ нельзя болѣе услужливымъ. Въ этомъ смыслѣ между нашими

министерствами происходитъ какъ бы соревнованіе. Мы уже видѣли, какъ старается министерство финансовъ, взглянемъ теперь на министерство внутреннихъ дѣлъ. По словамъ газеты „День“ (№860),

„оно приступаетъ къ обширнымъ мѣропріятіямъ съ цѣлью оживленія промышленности въ Батумской и Карсской областяхъ. Съ этою цѣлью, по порученію министерства, произведены были подробныя изслѣдованія, которыя доказали присутствіе въ Батумской области колоссальныхъ горныхъ богатствъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересенъ Хидъ-Эли, гдѣ находится неисчерпаемый запасъ различныхъ металловъ и особенно мѣдной руды. Богатѣйшія залежи послѣдней находятся всего въ 10—15 верстахъ отъ сплавной рѣки Чорохъ-Су. Затѣмъ вблизи Орджаха на той же рѣкѣ найдены весьма большія залежи бѣлаго и цвѣтнаго мраморовъ, которые по своимъ достоинствамъ не уступаютъ каррарскимъ сортамъ; въ Хотильскомъ ущельѣ открыто богатѣйшее мѣдорудное мѣсторожденіе, колчеданъ и пестрая руда. Засимъ лѣсныя богатства Батумской области, при надлежащей обработкѣ, могутъ доставить солидный источникъ дохода, такъ какъ занимаютъ пространство въ 60,000 десятинъ. Особенно цѣнные лѣса находятся за Ялонузъ-Чаирскимъ переваломъ, гдѣ находится много цѣнной сосны и восточной ели. Теперь тамъ приступлено къ расширенію лѣсныхъ тропъ до колесныхъ путей, вслѣдъ затѣмъ начнется разработка лѣсныхъ богатствъ, которыя, кромѣ сбыта за-границу, найдутъ также большой сбытъ въ Карсскую область.“

Не правда - ли, пріятное для буржуазнаго уха извѣстіе? А вотъ другое, еще болѣе пріятное, такъ какъ въ немъ говорится уже прямо о *субсидіи*, этой богинѣ „всероссійскаго купечества“:

„Въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій государственнаго совѣта, какъ намъ сообщаютъ, долженъ получить окончательное разрѣшеніе вопросъ объ утвержденіи устава и опредѣленіи размѣра правительственной субсидіи вновь образующемуся акціонерному русскому Обществу Балтійскаго пароходства“ (Русскія Вѣд., 11 Октября 1880 г.).

А вотъ еще отрадный слухъ: „Желѣзныя дороги въ Персіи будутъ строить Поляковъ и Мерейнесъ, которые уже выѣхали туда“ (Р. Вѣд. 31 Марта 1890 г.). О гг. Поляковѣ и Мерейнесѣ похлопотало, очевидно уже министерство иностранныхъ дѣлъ.*) А вотъ предпріятіе одобренное всѣми безъ исключенія предержащими властями: рѣшено прорыть каналъ между Волгою и Дономъ. Для этой цѣли образовалась особое товарищество, которое, разумѣется, „испрашиваетъ у правительства“ льготъ и привиллегій. Стоимость проведенія канала исчислена въ 42,000,000 рублей. Видите, какъ быстро идемъ мы по пути всякаго рода экономическихъ преуспѣяній? Мы гордимся своими успѣхами и потому все болѣе и болѣе проникаемся патріотизмомъ. Наше патріотическое чувство глубоко возмущечо дѣятельностью иностранныхъ капиталовъ на русской почвѣ. Россія для русской буржуазіи — вотъ тотъ девизъ, которому мы служимъ съ поразительнымъ усердіемъ. 11-го Апрѣля въ засѣданіи общества для содѣйствія русской торговлѣ и промышленности г. Мецъ произнесъ цѣлую филиппику на тему „о вредѣ дѣятельности и объ *уничтоженіи* американскихъ страховыхъ компаній“. Это чума, восклицалъ краснорѣчивый ораторъ, это холера, это моръ! Г. Лаврентьевъ возражалъ г. Мецу, что „для страхователя безразлично, въ какомъ обществѣ, русскомъ или американскомъ, онъ застрахованъ: гдѣ больше гарантій и

*) Въ Декабрѣ иностранныя газеты сообщили, что это министерство заключило новый, очень „своевременный“ и далеко небезвыгодный для „всероссійскаго купечества “торговый договоръ съ Китаемъ.

выгоды, туда онъ и пойдетъ“ (Р. Вѣд. №103). Этотъ г. Лаврентьевъ, очевидно, очень плохой патріотъ и совершенно недогадливый человѣкъ. Онъ такъ же недогадливъ, какъ и газета „День“, которая въ № 714 высказала ту мысль, что недоброжелательное отношеніе русской буржуазіи къ иностраннымъ займамъ „основано на недоразумѣніи“. Трудно понять, разсуждаетъ газета, почему выгоднѣе платить отечественнымъ капиталистамъ высшій процентъ, чѣмъ заграничнымъ низшій“. Помилуйте, нѣтъ ничего легче какъ проникнуть въ тайну этой, на первый взглядъ странной капиталистической ариѳметики. Внутреннія государственные займы, какъ и покровительственная система, представляютъ собою могучее средство обогащенія буржуазіи. Вотъ почему и стоитъ за нихъ наше патріотическое купечество. Г. Вышнеградскій пока еще предпочитаетъ внутреннимъ займамъ сравнительно болѣе дешевые заграничные. Но рано или поздно ему, или его преемнику, придется уступить и этому требованію русскихъ капиталистовъ. Такова неизбѣжная логика того положенія вещей, упроченію котораго онъ самъ содѣйствуетъ всѣми зависящими отъ него средствами.

Въ будущемъ году истекаетъ срокъ аренды Аляской американской компаніи котиковаго промысла у Командорскихъ острововъ. Въ №255 „Правит. Вѣстника“ появилось сообщеніе русскаго генеральнаго консула въ Санъ-Франциско о вредномъ и „развращающемъ“ вліяніи американцевъ на экономическій бытъ приморскаго населенія Восточной Сибири. На основаніи этого сообщенія нѣкоторыя газеты тотчасъ же заговорили о необходимости „въ интересахъ мѣстнаго населенія и самого правительства безотлагательно принять энергическія мѣры для борьбы съ иностранной эксплуатаціей, а въ особенности съ хищничествомъ американцевъ, предоставивъ пользованіе морскими промыслами исключительно въ русскія руки“. Недогадливые люди и въ этомъ случаѣ скажутъ, пожалуй, что мѣстному населенію рѣшительно все равно, кто станетъ обирать и развращать его, русскіе или американцы. Но теперь никто уже не слушаетъ недогадливыхъ людей, и котиковые промыслы у Командорскихъ острововъ, навѣрное, будутъ переданы „исключительно въ русскія руки“, которыя и займутся тамъ наполненіемъ исключительно русскихъ буржуазныхъ кармановъ.

Когда православно-патріотическій вой русской буржуазіи направляется противъ американцевъ или противъ какой нибудь другой народности, не имѣющей трудно поправимаго несчастья находиться подъ сѣнью крылъ русскаго двуглаваго орла,—онъ болѣе смѣшенъ, чѣмъ вреденъ. Но когда предметомъ буржуазныхъ воплей являются народности, состоящія въ русскомъ подданствѣ, дѣло принимаетъ другой оборотъ. Оно ведетъ къ самому безстыдному, самому гнусному угнетенію слабыхъ сильными. Такова современная антисемитическая агитація въ Россіи. Не трудно понять, изъ какого источника беретъ она свое начало. Наша буржуазія нападаетъ на евреевъ по той же самой причинѣ, въ силу которой она кричитъ противъ западно-европейскихъ производителей, противъ „безнравственныхъ“ иностранныхъ страховыхъ компаній, противъ американскихъ „развратителей“

поморскаго населенія Восточной Сибири, противъ фабрикантовъ Царства Польскаго и т. д. и т. д.. Всероссійское купечество почитаетъ богиню *Монополію* не менѣе, чѣмъ богиню *Субсидію*. Вмѣстѣ съ соперничествомъ *иностранцевъ*, оно стремится устранить также соперничество *иновѣрцевъ*. Прикрывается это стремленіе, разумѣется, интересами народа. „Еврей — эксплуататоръ по преимуществу, кричатъ наши православные обиралы, стѣснять евреевъ значитъ поддерживать народное благосостояніе." Правительство дѣлаетъ видъ, что убѣждается этимъ доводомъ, и обрушивается на евреевъ со всею силою безграничнаго полицейскаго произвола. Нынѣшній годъ въ особенности ознаменовался вопіющими притѣсненіями и безъ того уже притѣсненныхъ евреевъ. Газеты то и дѣло сообщали о новыхъ и новыхъ антиеврейскихъ „мѣропріятіяхъ". Сегодня радовали васъ извѣстіемъ о томъ, что „въ маѣ мѣсяцѣ этого года въ правленіи минской женской гимназіи было получено циркулярное распоряженіе о прекращеніи пріема еврейскихъ дѣвочекъ въ женскую гимназію". на другой день вы читали, что

„Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ о систематическомъ уклоненіи въ мѣстечкѣ Ружанахъ (Гродненской губ.) господствующаго тамъ по численности еврейскаго населенія отъ избранія на должность мѣщанскаго старосты имѣющихъ въ этомъ мѣстечкѣ осѣдлость и вполнѣ правоспособныхъ для занятія сей должности обывателей христіанскаго исповѣданія, въ 25-й день октября сего 1890 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: замѣстить должность мѣщанскаго старосты въ поименованномъ мѣстечкѣ, по назначенію губернатора, изъ мѣстныхъ мѣщанъ-христіанъ, съ тѣмъ, чтобы дѣйствіе означенной мѣры сохраняло свою силу впредь до возможности возстановленія нарушеннаго порядка." (!)

Не успѣвали вы освоиться съ этими новостями, какъ васъ поражала перепечатка изъ „Times", въ которой говорится, что „евреямъ будетъ воспрещено креститься отдѣльно отъ своихъ семействъ". Затѣмъ вы узнавали, что существуетъ проэктъ ограничить права евреевъ, живущихъ въ чертѣ еврейской осѣдлости, по занятіямъ извѣстными промыслами. Далѣе васъ изумляли разсказомъ о распорядительности одесскаго градоначальника, который,—узнавъ, „по дошедшимъ до него жалобамъ", что молодые люди изъ евреевъ, „*во время занятія мѣстъ въ вагонахъ пригородныхъ желѣзныхъ дорогъ* стремительно бросаются къ вагонамъ, пренебрегая правилами вѣжливости", — заявилъ:

„Вслѣдствіе этого и на основаніи Высочайше утвержденнаго 3-го мая 1882 года положенія комитета министровъ, я, въ видахъ предупрежденія и для отвращенія поводовъ къ подобнымъ безпорядкамъ, объявляю во всеобщее свѣдѣніе, что каждый еврей, замѣченный въ нарушеніи порядка въ мѣстахъ скопленія публики или при посадкѣ въ вагоны пригородныхъ желѣзныхъ дорогъ, или же вообще въ оказаніи кому-либо при этомъ неуваженія или обиды — будетъ *немедленно подвергнутъ строгому взысканію* въ административномъ порядкѣ, *примѣняемому къ лицамъ, вреднымъ для общественнаго спокойствія.*"

Вы восхищались мудростью этого помпадура, какъ бы нарочно задавшагося цѣлью показать, что щедринская сатира чужда преувеличеній. Вы прекрасно знали, что именно означаетъ это строгое взысканіе въ „административномъ порядкѣ." Вы понимали, что подъ темной канцелярской фразеологіей скрывается намекъ на дорогую помпадурскимъ сердцамъ розгу, и если въ вашей душѣ была хоть кап-

ля человѣчности, вы принимались молить небо о томъ, чтобы „молодые люди изъ евреевъ“ какъ можно скорѣе отказались отъ своего „*пригороднаго*“ пренебреженія къ правиламъ вѣжливости. Но пока вы находились подъ впечатлѣніемъ „заявленія“ одесскаго Удава, васъ поражалъ Удавъ виленскій. Во время пріема депутаціи отъ городской Думы, *явившейся съ поздравленіемъ* по случаю производства его въ генералы отъ артиллеріи, г. Каханов обратился къ гласнымъ- евреямъ съ грубыми оскорбленіями.

„Во всѣхъ городахъ Европы, изрекъ онъ, въ общественной жизни евреи стараются не отличаться отъ другихъ національностей; у насъ же наоборотъ: евреи наперекоръ всѣмъ стремленіямъ правительства силятся отстоять свою обособленность. Не буду касаться еврейской распущенности вообще: она возмутительна. Дѣти ваши находятся безъ всякаго надзора; они ползаютъ кучами по тротуарамъ и улицамъ, мѣшая проходящимъ и ѣдущимъ. Болѣе взрослые прямо безчинствуютъ.“

Упрекнувъ далѣе евреевъ въ томъ, что они не рѣдко мѣшаютъ полиціи исполнять ея обязанности, новоиспеченный генералъ отъ артиллеріи заключилъ свою рѣчь зловѣщими словами: „Примите къ свѣденію и передайте вашимъ единовѣрцамъ, что ни единый подобный случай не пройдетъ безслѣдно: за всякое нарушеніе общественной тишины, спокойствія и порядка виновные не останутся безнаказанными“ (Рус. Вѣд. кор. отъ 3-го Іюля 1890 г.). Читатели знаютъ, что генеральскія угрозы тутъ же на мѣстѣ истолкованы были евреямъ компетентнымъ лицомъ въ смыслѣ той же самой розги, о которой говорилъ одесскій градоначальникъ. Съ своей стороны мы думаемъ, что разъ уже розга признана чудодѣйственнымъ средствомъ, исцѣляющимъ россіянъ отъ всѣхъ бѣдъ и пороковъ, начиная съ недоимокъ и кончая невѣжливостью, то не мѣшало бы полечить ею виленское превосходительство. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть неумѣстнѣе медвѣжьяго рева г. Каханова на людей, явившихся поздравить его съ „монаршею милостью“? Не знаемъ, какъ у кого, а у одесскаго учителя вѣжливости, навѣрное, чешутся руки на этого администратора, который ведетъ себя, и при томъ не только въ „пригородныхъ мѣстахъ“, гораздо болѣе „невѣжливо“, чѣмъ „молодые люди изъ евреевъ“. И подумайте, въ чемъ провинились евреи! Они силятся отстоять свою обособленность наперекоръ всѣмъ стремленіямъ правительства. О какихъ это стремленіяхъ правительства говоритъ г. Каханов? Не о тѣхъ-ли исключительныхъ законахъ, которые дѣлаютъ евреевъ паріями русской земли, отнимая у нихъ то здѣсь, то тамъ возможность честнаго заработка? Такіе-ли законы могутъ уничтожить еврейскую обособленность? Потому-ли западно-европейскіе евреи гораздо болѣе русскихъ слились съ окружающимъ ихъ обществомъ, что ихъ преслѣдовали тамъ еще свирѣпѣе, чѣмъ преслѣдуютъ ихъ единовѣрцевъ у насъ въ Россіи? Право, если бы этизамѣчательныя слова были произнесены не русскимъ администраторомъ, то ихъ пришлось бы назвать іезуитски-лицемѣрными. Но у русскаго администратора они означаютъ даже не лицемѣріе, а просто ту деревянную тупость, то „отсутствіе всякаго присутствія“, которыя столь свойственны нашимъ „высокопоставленнымъ лицамъ“. Можно-ли ожидать логики и здраваго смысла отъ этихъ „государственныхъ младенцевъ“?

Евреевъ стѣсняютъ будто бы въ интересахъ трудящагося населенія Россіи. Но во первыхъ, даже при тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыя законъ ставитъ русскихъ евреевъ, значительная часть ихъ совершенно въ такой же мѣрѣ принадлежитъ къ *трудящемуся населенію*, какъ русскіе крестьяне и рабочіе. Кто же не знаетъ, въ самомъ дѣлѣ, что у насъ нѣтъ ни одного ремесла, которое не считало бы евревъ въ числѣ своихъ представителей? А во-вторыхъ, что же выигрываетъ трудящееся населеніе отъ того, что его отдаютъ въ жертву эксплуататорамъ-христіанамъ, заботливо устраняя отъ пожиры эксплуататора-еврея? Ровно ничего; или нѣтъ, не такъ: оно *теряетъ* отъ этого, какъ и отъ всякаго уменьшенія соперничества между эксплуататорами. Вотъ одно изъ многихъ доказательствъ этой, впрочемъ, вполнѣ очевидной истины.

„Положеніе павловскихъ кустарей невольно приковываетъ къ себѣ вниманіе. Въ самомъ дѣлѣ, переполненіе рынка и вслѣдствіе этого крайне низкое паденіе цѣнъ на кустарныя издѣлія, отсутствіе дешеваго кредита — все это привело павловскаго кустаря въ крайне тяжелое, чтобы не сказать болѣе, экономическое положеніе. Работая по 18 — 19 часовъ въ сутки, сажая съ собой за работу жену и дѣтей, кустарь едва-едва зарабатываетъ себѣ на хлѣбъ. **Съ удаленіемъ съ рынка, по распоряженію начальника губерніи, евреевъ-скупщиковъ, положеніе дѣлъ еще болѣе ухудшилось. Евреи въ каждую недѣлю покупали не на одну тысячу рублей товара и сейчасъ же расплачивались деньгами.** Теперь на цѣлыя тысячи рублей несетъ кустарь своихъ издѣлій къ ростовщику и платитъ ему съ рубля по 2 и болѣе копѣйки въ недѣлю. Достоинство издѣлій падаетъ. Кустарь находится всецѣло въ рукахъ скупщика".

Эти строки мы заимствуемъ изъ корреспонденціи изъ Нижняго Новгорода, напечатанной въ №60 „Русскихъ Вѣдомостей" и помѣченный 1-мъ Марта. Уже значительно послѣ появленія этой корреспонденціи г. Короленко, въ своихъ, напечатанныхъ въ „Русской Мысли" статьяхъ „Павловскіе Очерки", точно также утверждалъ, что удаленіе съ рынка скупщиковъ-евреевъ очень невыгодно отразилось на карманахъ павловскихъ кустарей. Онъ разсказывалъ тамъ, какъ *обрадовались* ему кустари, принявъ его за еврея. Такимъ образомъ, всѣмъ извѣстно было, къ какимъ послѣдствіямъ привело антисемитическое „мѣропріятіе" нижегородскаго губернатора. Но мы что-то не слыхали объ его отмѣнѣ. Кустари терпятъ убытки и ворчатъ, евреи горько жалуются на несправедливость, но все это пустяки: православные ростовщики благоденствуютъ, а этого только и нужно нашимъ антисемитамъ!

По отношенію къ евреямъ обстоятельства давно уже сложились такъ, что противъ нихъ враждуютъ не столько представители крупнаго промышленнаго капитала, сколько торговцы и въ особенности ростовщики самыхъ различныхъ именъ, нарѣчій и вѣроисповѣданій. Еще въ „*Изслѣдованіи объ украинскихъ ярмаркахъ*" покойнаго И. С. Аксакова приведены были интересныя свидѣтельства московскихъ фабрикантовъ объ ихъ торговыхъ дѣлахъ съ евреями. Московскіе денежные тузы не могли нахвалиться „жидками", и отвѣчали насмѣшливыми улыбками на разспросы о томъ, не вредитъ-ли русскимъ промышленникамъ еврейское соперничество. „Имъ противъ насъ не выстоять, самоувѣренно отвѣчали московскіе фабриканты, евреи служатъ у насъ коммиссіонерами, и такихъ ловкихъ коммиссіонеровъ между

русскими не найдешь". Когда въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ происходили антиеврейскіе безпорядки, — такъ охотно поддержанные тѣмъ графомъ, котораго называли Мефистофелемъ Востока и который, въ сущности, есть нечто иное, какъ русскій мелкій бѣсъ изъ довольно, впрочемъ, чиновныхъ,—когда происходили антиеврейскіе безпорядки, говоримъ мы, то московское купечество обратилось къ названному графу съ весьма внушительнымъ увѣщаніемъ, ставя ему на видъ убытки, причиняемые торговлѣ его слишкомъ тонкой политикой. Изъ этого видно, что и въ восьмидесятыхъ годахъ представителямъ крупнаго промышленнаго капитала нечего было дѣлить съ евреями. Крупныхъ капиталистовъ между евреями сравнительно очень мало, да не противъ крупныхъ капиталистовъ и направляется современная антиеврейская травля. Тѣ самые Держиморды, которые готовы при первомъ удобномъ случаѣ отколотить или выдратъ „жида"-бѣдняка, сгибаются въ три погибели передъ *богатымъ бароном*ъ Гинцбургомъ и, конечно, даже не посмѣютъ напомнить ему объ его еврейскомъ происхожденіи. Экономическая подкладка всего нашего антисемитическаго движенія сводится къ тому, что мелкая буржуазія христіанскаго вѣроисповѣданія хочетъ отдѣлаться отъ соперничества мелкой буржуазіи Моисеева закона. Въ этомъ все дѣло. И этому похвальному стремленію русской мелкой буржуазіи какъ нельзя болѣе на руку всѣ тѣ исключительные законы, которые уже направлены или еще будутъ направлены противъ евреевъ.

Подъ выраженіемъ „мелкая буржуазія" мы разумѣемъ не однихъ только ростовщиковъ и торговцевъ. Къ ней относятся также люди „свободныхъ профессій", напримѣръ, врачи и адвокаты, которые въ большинствѣ случаевъ тоже очень рады были бы отдѣлаться отъ еврейской конкурренціи. Въ нынѣшнемъ году одинъ московскій присяжный повѣренный, громя евреевъ, ссылался даже на Гомера, который сдѣлалъ нелестную характеристику... не евреевъ, правда, а финикіянъ, но это все равно, такъ какъ финикіяне были близкими родственниками евреевъ. И опираясь на Гомера, московскій Балалайкинъ требовалъ ограниченія (а можетъ быть даже и запрещенія: не помнимъ хорошенько) доступа евреевъ въ почтенное сословіе присяжныхъ повѣренныхъ. Нечего сказать, очень хорошій доводъ. Плохо только вотъ что: если евреи вздумаютъ припомнить разсказы грековъ, напримѣръ, о скифахъ, считаемыхъ нѣкоторыми за нашихъ предковъ, то имъ легко будетъ доказать, что и московскій повѣренный долженъ былъ унаслѣдовать не очень пріятныя черты, за которыя его можно по справедливости лишить права адвокатской практики. Ему слѣдовало подумать объ этомъ.

А, впрочемъ, зачѣмъ? Пока существуетъ современное русское правительство, дѣло евреевъ будетъ оставаться проиграннымъ, какъ бы ни были нелѣпы доводы ихъ ненавистниковъ. Правительство преслѣдуетъ евреевъ потому, что ему нужно расчистить свободное поле для дѣятельности русскихъ торгашей. Это уже совершенно достаточное основаніе. Но есть и другое, еще болѣе солидное. Еврейская молодежь принимала широкое участіе въ революціонномъ движеніи. Этого никогда не проститъ царизмъ евреямъ. И хотя бы не только

англичане, но всѣ цивилизованные народы принялись выяснять русскому самодержцу гнусность его дѣйствій, онъ все таки будетъ безпощадно и безпрестанно, со свойственнымъ ему тупымъ и жестокимъ упрямствомъ, мстить „жидамъ“ за то, что между ними нашлось много благородныхъ молодыхъ людей, рѣшившихся пожертвовать собою для освобожденія своей злой мачихи-Россіи. Въ дѣлѣ русскихъ евреевъ ни англичане, ни другіе европейскіе народы дальше словъ не пойдутъ; русскій же царизмъ привыкъ склоняться лишь передъ однимъ доводомъ: *передъ силой*. Вотъ почему евреи какъ нельзя болѣе заинтересованы въ успѣхѣ нашего революціоннаго движенія, которое нанесетъ смертельный ударъ самодержавію и превратитъ всѣхъ русскихъ „*обывателей*“, безъ различія племенъ и національностей, въ *полно*правныхъ и *равно*правныхъ *гражданъ* свободнаго государства...

Для русскаго царизма антисемитическое движеніе имѣетъ еще значеніе очень удобнаго и дешеваго предохранительнаго клапана. Намъ сообщаютъ, что въ Варшавѣ въ ожиданіи „безпорядковъ“ перваго Мая предусмотрительныя власти заготовили *провокаторовъ, которые должны были направлять волнующихся рабочихъ на “жидовъ“* и тѣмъ отклонять отъ администраціи вполнѣ заслуженные ею удары. Такой многообѣщающій пріемъ, безъ сомнѣнія, не разъ еще будетъ примѣняться правительствомъ, и уже одного этого достаточно, чтобы русскіе революціонеры, занимаясь агитаціей, съ самой крайней подозрительностью отнеслись къ выходкамъ „народолюбивыхъ“ антисемитовъ. Если одна половина антисемитическихъ выходокъ обязана своимъ происхожденіемъ косорылюбію и глупости, то другая, навѣрное, подсказывается полицейскимъ участкомъ...

Мы видѣли, какъ живется русской буржуазіи. Ея капиталы приносятъ неслыханный въ западной Европѣ доходъ, законодательство заботливо охраняетъ всѣ, не только дѣйствительные, но даже и мнимые ея интересы. Буржуазія—это именно тотъ классъ, которому живется весело, вольготно на Руси. . . . конечно, по скольку можно жить весело и вольготно въ русскомъ полицейскомъ государствѣ. Самой буржуазіи не рѣдко солоно приходится отъ полицейскаго произвола. Но объ этомъ ниже. Теперь посмотримъ, какъ живется въ Россіи другимъ общественнымъ классамъ.

Прежде всего вспомнимъ о доблестномъ россійскомъ дворянствѣ. На него льется золотой дождь изъ дворянскаго банка. Ради него „подтягивается“ крестьянинъ, т. е. сельскій рабочій, котораго новые земскіе начальники всѣми силами стараются привести къ старому крѣпостному знаменателю. Казалось бы, какъ не процвѣсти „благородному сословію“, какъ не оправиться ему отъ ударовъ, нанесенныхъ ему въ прошлое царствованіе! И что же? „Благородное“ сословіе все болѣе и болѣе раззоряется. Не помогаютъ ему ни дворянскій банкъ, ни тяготѣющее надъ крестьяниномъ новое крѣпостное право. Вопреки всѣмъ ожиданіямъ правительства и самого дворянства, знаменитый банкъ оказался лишь новымъ средствомъ ликвидаціи дворянскаго землевладѣнія. Въ нынѣшнемъ году „Гражданинъ“ сообщилъ, что этимъ банкомъ назначается къ продажѣ до 3,000 имѣній. И какихъ имѣній! Въ числѣ несостоятельныхъ должниковъ

банка оказываются и Рюриковичи и Гедиминовичи, и князья и графы, и знатнѣйшіе представители нетитулованнаго дворянства. „Гражданинъ“ не безъ основанія приходитъ въ ужасъ отъ этого знаменательнаго явленія. „Дворянскій банкъ — ворчитъ онъ — принялъ заемщиковъ на облегченныхъ противъ другихъ и въ особенности противъ золотого банка условіяхъ; все, что можно было придумать для облегченія условій займа, было придумано и примѣнено. И что же получилось въ результатѣ? Получилось, что заемщики дворянскаго банка оказались противъ прежняго своего положенія заемщиковъ золотого банка въ безчисленное число разъ неаккуратнѣе и несостоятельнѣе.“ „Гражданинъ“ полагаетъ, что несостоятельность дворянства происходитъ отъ причины исключительно нравственнаго (а вѣрнѣе сказать, безнравственнаго) свойства. „Дворянскій банкъ не то, что частный, разсуждали будто бы дворяне, можно нецеремониться, потерпитъ, — и давай не платить.“ Это, конечно, такъ. Но вѣдь, съ другой стороны, какъ же выйти изъ этого противорѣчія: пока не было дворянскаго банка раззорялись отъ того, что невыгодны были условія займа, а теперь, съ основаніемъ этого банка, раззоряются оттого, что слишкомъ уже преувеличиваютъ выгодность предлагаемыхъ имъ условій? „Гражданинъ“ утѣшается, вѣроятно, той надеждой, что когда проучитъ хорошенько дворянскій банкъ своихъ благородныхъ неплательщиковъ, то они станутъ аккуратнѣе, и все пойдетъ хорошо. Мы думаемъ иначе. Поздно переучивать россійское дворянство.* Какъ *сословіе*, оно уже давно сыграло свою историческую роль и дѣлать ему больше нечего. Какъ *землевладѣльцы*, т. е. въ качествѣ экономическаго *класса*, наши дворяне до извѣстной степени могутъ, конечно, приспособиться къ новымъ, *буржуазнымъ* условіямъ современнаго русскаго народнаго хозяйства. Но дорого обойдется имъ это приспособленіе. Многимъ и многимъ изъ нихъ придется уступить свое мѣсто тѣмъ самымъ купцамъ, на которыхъ они, по старой привычкѣ, до сихъ поръ продолжаютъ смотрѣть сверху внизъ, какъ на грубыхъ и неотесанныхъ плебеевъ. Дворянское землевладѣніе въ значительной степени замѣнится, и уже замѣняется, купеческимъ землевладѣніемъ. Нѣкоторые дворяне — изъ наиболѣе развитыхъ и толковыхъ — прекрасно сознаютъ неотвратимость этого историческаго явленія. Г. С. Атава написалъ въ „Новомъ Времени“ цѣлую элегію на тему о гибели стараго дворянства. Ему грустно, что сходитъ со сцены это сословіе, давшее намъ и Пушкина, и Лермонтова, и Тургенева, и Толстого. Смотря на старый дворянскій бытъ изъ современнаго далека, онъ идеализируетъ его. Онъ не отрицаетъ, что привольное дворянское житье основано было на эксплуатаціи крѣпостного крестьянина. Но развѣ въ основѣ современнаго экономическаго быта не лежитъ эксплуатація наемнаго работника? Въ виду этого г. Атава не знаетъ хорошенько, точно ли

*) Правда, на этотъ разъ рѣшительный тонъ Дворянскаго банка оказалъ на гг. помѣщиковъ хорошее дѣйствіе. Газеты сообщаютъ, что многіе изъ нихъ поспѣшили очиститься отъ недоимокъ. На долго ли? „Что отсрочено, то не совсѣмъ еще потеряно“, говоритъ французская пословица. И, разумѣется, нигдѣ она не можетъ имѣть такого безусловнаго примѣненія, какъ въ дѣлѣ продажи съ молотка дворянскихъ имѣній.

современные порядки лучше старыхъ, крѣпостническихъ. Мы не станемъ разъяснять фельетонисту „Новаго Времени“ историческое значеніе капитализма. Для насъ важно лишь его признаніе о томъ, что дворянство есть уже мертвое сословіе, быстро уступающее свое мѣсто дѣльцамъ буржуазнаго пошиба. Указавъ на это признаніе тамбовскаго помѣщика, мы продолжаемъ свою лѣтопись русской общественной жизни и переходимъ къ положенію различныхъ слоевъ трудящагося люда.

Развитіе русскаго капитализма ведетъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ, къ какимъ вело оно повсюду. Экспропріація мелкихъ самостоятельныхъ производителей, отдѣленіе работника отъ средства производства, ростъ пролетаріата совершаются въ современной Россіи съ поразительной интенсивностью. Положеніе кустарей становится все болѣе и болѣе безнадежнымъ. Выше мы приводили уже отзывъ корреспондента „Рус. Вѣдомостей“ о положеніи кустарныхъ производителей села Павлова. Г. Короленко очень удачно сравнилъ павловскій кустарный промыселъ съ колоколомъ села Павлова. Вопреки ожиданіямъ, возникающимъ при видѣ его огромныхъ размѣровъ, этотъ разбитый колоколъ издаетъ лишь слабые, жалкіе, дребезжащіе звуки. Совершенно также и кустарь обманываетъ надежды русскихъ народолюбцевъ. И нельзя ему не обманывать ихъ, потому что плохо приходится ему вездѣ, гдѣ крупный капиталистъ находитъ нужнымъ давитъ его своимъ соперничествомъ. Вотъ какъ описываетъ г. Исаевъ положеніе тульскихъ кустарей, занимающихся выдѣлкою стальныхъ, желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій.

„Проѣзжая по подгороднымъ слободамъ, вы составляете себѣ приблизительно вѣрное понятіе объ условіяхъ, въ которыхъ живетъ большинство этого люда: прогнившія крыши, корпуса домовъ съ боками, какъ бы готовыми выскочить наружу, развалившіеся заборы, тамъ и сямъ подпертые жердинами, — таковы сотни и сотни лачугъ, которыми кустари владѣютъ на правѣ полной собственности. Иногда можно побиться объ закладъ, что въ домѣ никто не живетъ и что въ немъ жить нельзя, а между тѣмъ въ окнѣ виденъ кусокъ тряпицы, изображающей занавѣску, и 2—3 горшка съ цвѣтами. Кто изъ кустарей побогаче, у того тутъ же, въ углу грязнаго двора, пріютилась особая мастерская, слесарная или кузница; стѣны, крыши, окна, двери въ такихъ мастерскихъ—все носитъ на себѣ печать полнаго разрушенія. Часто вышина этихъ мастерскихъ не превышаетъ 2½ аршинъ, и кустари средняго роста должны работать, сильно нагнувшись. Станки съ 2—3 тисками прижаты къ сквознымъ стѣнамъ; проходы между станками не достигаютъ и одного аршина. Вотъ тутъ-то проводятъ большую часть своей жизни кустари съ членами семьи своей и съ двумя—тремя учениками. Такъ работаютъ тѣ, которые уже имѣютъ нѣкоторый достатокъ, а кто побѣднѣе, тотъ въ своей трехъ-оконной лачугѣ и живетъ, и работаетъ.“

Пріятнѣе быть самостоятельнымъ производителемъ, чѣмъ наемнымъ рабочимъ. Самостоятельность очень хорошая вещь. Но при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ приходится жить и работать тульскимъ кустарямъ, у нихъ нѣтъ основаній дорожить своею самостоятельностью. По словамъ г. Исаева „*большинство кустарей* мечтаетъ о томъ, какъ бы попасть въ рабочіе на императорскій оружейный заводъ, такъ какъ „въ самомъ дѣлѣ, онъ предлагаетъ условія довольно льготныя: рабочій день длится отъ 7 утра до 7 вечера съ двухчасовымъ промежуткомъ для обѣда, тогда какъ кустари работаютъ дома на 3 - 4 часа больше; помѣщеніе обширно и свѣтло; заработная плата, при

полномъ ходѣ работъ, составляетъ не менѣе 15 руб. въ мѣсяцъ, а для лучшихъ мастеровъ достигаетъ 35—40 руб." и т. д. Какъ видите, и тамъ не богъ знаетъ какая Аркадія! Такую Аркадію вы найдете на любомъ петербургскомъ металлическомъ заводѣ, а между тѣмъ условія тульскаго императорскаго завода для многихъ кустарей являются соблазнительною, но несбыточною мечтою, такъ какъ „онъ можетъ въ самое бойкое время занимать только 7,000 душъ". (Рус. Вѣдомости, № 276). Кустари, разумѣется, очень рады были бы, если бы побольше развилось въ Тулѣ такихъ заводовъ,которые лишили бы ихъ самостоятельности на перечисленныхъ „льготныхъ условіяхъ". Да и какъ имъ было бы не радоваться этому, съ какой стати дорожили бы они тою самостоятельностью, которая давно уже стала пустымъ словомъ. Тульскій кустарь такъ же мало самостоятеленъ, какъ и почти всѣ другіе кустари Россіи. Не угодно ли вамъ прочитать, какъ изображается эта самостоятельность другимъ корреспондентомъ „Рус. Вѣд." ?

„Тула, 16-го августа. Наиболѣе распространенный кустарный промыселъ въ нашей губерніи — обработка желѣза и мѣди. Необходимо однако сознаться, что этотъ промыселъ годъ отъ года все утрачиваетъ свой первоначальный характеръ самостоятельнаго производства. Съ утратою своей независимости кустарный промыселъ становится, конечно, менѣе доходнымъ и выгоднымъ для крестьянина. Чтобы лучше выяснить зависимость доходности этого кустарнаго промысла отъ утраты самостоятельности, скажемъ кратко о характерѣ производства замковъ въ прежнее время, лѣтъ 8—10 тому назадъ, и теперь. Прежде наши кустари-замочники вели свое дѣло такимъ образомъ: покупали въ любой лавкѣ необходимый для производства замковъ товаръ, выдѣлывали изъ него замки извѣстнаго формата и самолично продавали ихъ въ скобяныя лавки. При такомъ порядкѣ дѣла, по сознанію самихъ кустарей указаннаго района, шли довольно хорошо. Не таково положеніе дѣлъ въ настоящее время. Теперь кустари наши цѣлыми, напр., деревнями работаютъ на одного изъ своихъ односельчанъ, который является посредникомъ между ними и покупателемъ, торговцемъ замками и вообще скобянымъ товаромъ. Въ результатѣ въ барышахъ оказывается посредникъ-кулакъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ кустари цѣлыми деревнями работаютъ у себя дома прямо на фабриканта, получая отъ него плату лишь за работу, за выдѣлку выданнаго съ вѣса матеріала. На такихъ условіяхъ работаютъ, напр., на гг. Баташева, Субботина и др. извѣстныхъ въ Тулѣ фабрикантовъ."

Вы понимаете, что о самостоятельности при такомъ положеніи дѣлъ не можетъ быть и рѣчи. Кустарь такъ же зависитъ отъ капитала, какъ и наемный рабочій. Разница лишь въ томъ, что одинъ зависитъ отъ ростовщика, а другой отъ фабриканта или заводчика. Да и эта разница замѣчается далеко не повсюду. Вы видѣли, что тульскіе кустари тоже работаютъ иногда на фабрикантовъ. И знаете ли что? „Положеніе такихъ кустарей сравнительно лучше — продолжаетъ корреспондентъ—потому что у фабрикантовъ есть собственное большое производство, независящее въ такой степени, какъ производство посредника-кулака, отъ мѣстной скобяной торговли. Этотъ классъ кустарей довольно обширенъ" (Р. В. № 226). И обширенъ не въ одной только Тульской губ., и не въ одномъ только желѣзномъ дѣлѣ. Многочисленные кустари центральныхъ губерній, занимающіеся обработкой волокнистыхъ веществъ, давно уже находятся въ подобномъ положеніи. Г. А. И. въ статьѣ „О послѣдовательности при содѣйствіи кустарнымъ промысламъ" (Р. Вѣд. № 47) справедливо замѣчаетъ, что огромная часть кустарей этого рода „образуетъ вовсе не

кустарно-промышленныя единицы, а такъ называемую домашнюю мануфактуру, при которой работающіе находятся въ полной зависимости отъ капиталиста, снабжающаго ихъ сырымъ матеріаломъ, именно пряжей." Тамъ, гдѣ капиталисты, вслѣдствіе избытка рабочихъ или какихъ нибудь другихъ мѣстныхъ условій производства, не видятъ надобности въ услугахъ кустаря, ему приходится просто, какъ говорится, класть зубы на полку. „Свѣтелки ярославскихъ кустарей, приготовлявшихъ полотна, пишетъ тотъ же авторъ, закрываются подъ вліяніемъ соперничества ткацкихъ фабрикъ и мануфактуръ; тверскіе гвоздари еще съ 70-хъ годовъ стонутъ подъ непосильной конкурренціей со стороны машинно-гвоздарнаго производства; многіе ножевщики павловскаго района уже сдѣлались фабричными работниками". Но кустарный промыселъ теряетъ свой первоначальный характеръ не только вслѣдствіе вліянія предпринимательскаго или ростовщическаго капитала. Когда-то однородная масса кустарей, подобно крестьянству, все болѣе и болѣе раздѣляется теперь на два слоя: зажиточныхъ эксплуататоровъ и бѣдняковъ-эксплуатируемыхъ. Такъ, въ московскомъ мебельномъ округѣ около 40% кустарей работаютъ съ наемными рабочими, при чемъ, по словамъ того же г. А. И., „во всѣхъ мастерскихъ съ наемнымъ трудомъ на каждую приходится съ небольшимъ 3 работника". Въ Загарскомъ мѣдно-промышленномъ районѣ „изъ 139 заведеній—одиночныхъ и семейныхъ избъ 38,1%, а мастерскихъ съ наемными рабочими 61,9%. Есть уже довольно большое число заведеній, имѣющихъ 10 рабочихъ и больше." Подобные же факты сообщаются и о многихъ другихъ отрасляхъ кустарнаго труда. Первобытный типъ кустарнаго промысла сохраняется только тамъ, гдѣ сама техника производства имѣетъ пока ремесленный характеръ и гдѣ не дорогъ сырой матеріалъ, какъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ родахъ обработки дерева. Тамъ же, гдѣ развитая техника требуетъ усовершенствованныхъ орудій и, слѣдовательно, сравнительно большихъ затратъ капитала, кустарный промыселъ неудержимо и быстро принимаетъ новый видъ: вмѣсто самостоятельныхъ производителей являются эксплуататоры и эксплуатируемые, буржуа и пролетаріи.

Вмѣстѣ съ кустарями плохо приходится также и ремесленникамъ. Въ № 733 „Дня" было перепечатано изъ „Самарской Газеты" замѣчательное извѣстіе.

„Самарскіе ремесленники: кузнецы, слесаря, столяры, сапожники, портные, даже портнихи, швеи и модистки,—всѣ безъ исключенія когда-то занимавшіеся самостоятельно своимъ ремесломъ и отличавшіеся сравнительнымъ благосостояніемъ, въ настоящее время переживаютъ весьма плачевное матеріальное положеніе: работы нѣтъ и не предвидится, — а потому экономическое ихъ положеніе вполнѣ плачевно. Эти ремесленники, въ борьбѣ за существованіе, довели свой заработокъ до классическаго minimum'а."

Съ кѣмъ же борются за существованіе самарскіе ремесленники? Этого мы не знаемъ; объ этомъ можно только догадываться. Мы не думаемъ, что жители Самары не имѣютъ теперь надобности въ кузнечныхъ, слесарныхъ, сапожныхъ, портняжныхъ и тому подобныхъ издѣліяхъ. Не думаемъ также, что самарскія дамы перестали имѣть нужду въ издѣліяхъ модистокъ. По всей вѣроятности всѣхъ этихъ

издѣлій потребляется теперь въ Самарѣ не меньше, чѣмъ прежде, когда самарскіе ремесленники „занимались самостоятельно своимъ ремесломъ и отличались сравнительнымъ благосостояніемъ“. Почему же нѣтъ теперь работы у этихъ ремесленниковъ? Должно быть потому, что нужды города удовлетворяются помимо ихъ, произведеніями крупныхъ фирмъ. Должно быть самарскіе ремесленники бѣдствуютъ по той же причинѣ, которая заставляетъ ярославскаго кустаря закрывать свою свѣтелку и вызываетъ стоны тверскихъ гвоздарей. Съ развитіемъ капитализма плохо приходится всѣмъ мелкимъ самостоятельнымъ производителямъ.

Что же дѣлаетъ для облегченія ихъ участи правительство, превратившее всю Россію въ теплицу для культуры капитализма? Представьте себѣ: оно рѣшилось помочь бѣдному промышленному люду. Образовалась даже „особая коммиссія“ для разработки вопроса о помощи кустарнымъ производителямъ. Въ числѣ членовъ коммиссіи фигурируютъ довольно высоко поставленныя лица. Это, разумѣется, очень большая честь для кустарей, что ради нихъ безпокоются важные господа, но много ли выиграютъ они въ матерьяльномъ отношеніи? Что обѣщаетъ имъ „особая коммиссія“? Конечно, не субсидіи и не банки на манеръ дворянскаго, — это для тѣхъ, которые почище. Кустари должны удовольствоваться „заказами разныхъ казеныхъ и общественныхъ учрежденій“. Знаете ли вы, что такое *казенный* заказъ? Это такой заказъ, который, будучи полученъ крупнымъ капиталистомъ, приноситъ большія выгоды этому капиталисту, а будучи принятъ мелкими производителями, приноситъ большія выгоды правительству. Какъ это такъ? А вотъ какъ. Положимъ рѣчь идетъ о поставкѣ сапоговъ на христолюбивое воинство. Если крупный предприниматель беретъ 4 рубля за пару, то кустари возьмутъ 3 или даже того меньше. Предприниматель не возьмется за дѣло, если оно не сулитъ ему по крайней мѣрѣ обычной у насъ *прибыли* на капиталъ. Кустарь же, изнемогая подъ тяжестью капиталистическаго соперничества, удовольствуется средней *заработной платой*, оставляя всю прибавочную стоимость въ рукахъ правительства. До сихъ поръ было такъ, что несмотря на это казенные заказы дѣлались все таки крупнымъ предпринимателемъ. Теперь дѣло получитъ, кажется, нѣсколько иное направленіе. Въ своей неустанной погонѣ за деньгами правительство напало на счастливую мысль воспользоваться бѣдственнымъ положеніемъ кустарей и тѣмъ нѣсколько уменьшить свои расходы. Для г. Вышнеградскаго, который употребляетъ нечеловѣческія усилія для того, чтобы избѣжать употребленія непріятнаго и неприличнаго слова: *дефицитъ*, кустарь—это цѣлая находка. Пусть извинятъ его гг. крупные предприниматели: въ наше смутное время интересы фиска выше всего!

Такъ вотъ какъ объясняются казенные заказы кустарямъ. „Начальство имѣетъ свои виды.“ И не только имѣетъ, но откровенно высказываетъ. И всѣ хорошо понимаютъ, что только пріятной перспективой эксплуатаціи кустаря и можно въ этомъ случаѣ соблазнить русское правительство. 16-го Октября, въ первомъ засѣданіи „особой“ коммиссіи для поддержки кустарнаго производства, пред-

сѣдатель коммиссіи, профессоръ Исаевъ, въ своей вступительной рѣчи, прямо говорилъ, что казенныя учрежденія, обратившись къ кустарямъ, „будутъ имѣть возможность избѣжать подрядчиковъ и ихъ стачекъ и получатъ хорошо приготовленные предметы *за болѣе дешевую цѣну*.“ Пермское земство просило г. Исаева выслать образцы тѣхъ предметовъ, которые требуются разными учрежденіями. По этимъ образцамъ кустари „приготовятъ предметъ и *назначатъ минимальную стоимость его*“. Такъ говорится въ напечатанномъ „Новымъ Временемъ“ отчетѣ о первомъ засѣданіи коммиссіи. Тотъ же отчетъ сообщаетъ, что присутствовавшіе на засѣданіи представители казенныхъ учрежденій „вполнѣ сочувственно отнеслись къ предстоящей дѣятельности коммиссіи и одобрили мысль о необходимости выслать кустарямъ образцы предметовъ“. Еще бы они не одобрили ее! Они наперед знаютъ, что не велика будетъ „минимальная стоимость“.

Предсѣдатель коммиссіи увѣренъ, что кустари „будутъ имѣть большую выгоду“ отъ казенныхъ заказовъ. Мы уже сказали, что казенные заказы такъ же выгодны для кустаря, какъ выгодна для пролетарія продажа своей рабочей силы. Имѣющій работу пролетарій счастливѣе не имѣющаго работы пролетарія. Но говорить о „*выгодѣ*“, получаемой имъ отъ продажы своей силы, можно только съ большими оговорками. Еще болѣе рѣшительныхъ оговорокъ требуетъ та мысль г. Исаева, что казенные заказы будутъ „содѣйствовать развитію кустарныхъ промысловъ“. Они несомнѣнно будутъ содѣйствовать этому; но въ какую сторону? Если казенные заказы не останутся каплей въ морѣ въ дѣлѣ „улучшенія быта кустарей“, то они оживятъ кустарную промышленность; оживленіе кустарной промышленности поведетъ за собою всякого рода усовершенствованія техники кустарнаго производства, а усовершенствованіе техники ведетъ, какъ мы уже знаемъ, къ распространенію между кустарями системы наемнаго труда, къ разложенію однородной массы кустарей (по скольку она осталась еще однородной) на хозяевъ и работниковъ, на буржуа и пролетаріевъ. Отъ этой неизбѣжной логики исторіи не спасутъ кустарей никакія „казенныя учрежденія“.

Русская „интеллигенція“ до сихъ поръ пребываетъ въ томъ пріятномъ убѣжденіи, что нашъ промышленный рабочій — „тотъ же крестьянинъ“, что каждое лѣто онъ покидаетъ фабрику и возвращается домой для обработки своей „нивы“. Съ каждымъ годомъ факты все болѣе и болѣе противорѣчатъ этому идиллическому представленію. 1890-й годъ, къ сожалѣнію, обнаружилъ особенно много подобныхъ фактовъ. Во-первыхъ, что касается собственно фабричнаго пролетаріата, то статистика не оставила мѣста никакимъ сомнѣніямъ относительно его быстраго роста. Въ Апрѣлѣ нынѣшняго года д-ръ Е. М. Дементьевъ прочиталъ въ статистическомъ отдѣленіи Юридическаго Общества интересный докладъ подъ заглавіемъ: „*Къ вопросу объ образованіи фабричнаго пролетаріата; связь фабричныхъ рабочихъ Московской губерніи съ земледѣліемъ*“. Изслѣдованіе фабрикъ Подольскаго уѣзда навело докладчика на мысль о необходимости провѣрить ходячее мнѣніе, будто отходъ лѣтомъ въ деревню на земледѣльческія работы составляетъ типическое свойство русскаго фаб-

ричнаго рабочаго. Онъ изучилъ фабричный бытъ Серпуховскаго, Бронницкаго и Коломенскаго уѣздовъ и пришелъ къ тому заключенію, что уходитъ на полевыя работы лишь ничтожная доля всего количества рабочихъ, именно 11,9%. Далѣе, разбивъ все число уходящихъ, по роду ихъ занятій, на отдѣльныя группы, онъ получилъ слѣдующіе интересные выводы :

„Во-первыхъ, съ фабриками, работающими механической силой, неразрывно связано отчужденіе отъ земли ; во-вторыхъ, оно тѣмъ значительнѣе, чѣмъ большей спеціализаціи требуетъ занятіе. Такъ, изъ ручныхъ ткачей уходитъ въ деревню 82%, а изъ ткачей на механическихъ станкахъ никто не уходитъ ; канительщики, примѣняющіе ручной трудъ, отправляются въ деревню въ количествѣ уже 84%, а рабочіе на механическихъ мельницахъ не уходятъ вовсе. Разсмотрѣніе сроковъ, на которые нанимаются рабочіе на фабрикахъ, еще болѣе рельефно указываетъ на зависимость ухода отъ степени развитія въ данномъ занятіи примѣненія механической силы. Принадлежность рабочаго къ тому или другому сословію, къ той или другой мѣстности не играютъ въ разсматриваемомъ случаѣ никакой роли. Фабрика стремится выработать спеціальныхъ рабочихъ, не покидающихъ своихъ занятій въ теченіе всего года. Для этого фабрикантомъ принимаются особыя мѣры. Къ числу подобныхъ пріемовъ слѣдуетъ отнести : увеличеніе платы въ періодъ съ Пасхи по октябрь; недоплата заработанныхъ денегъ, скидки до 30% за предшествующій мѣсяцъ, если рабочій вздумаетъ уйти, и т. п. Немалое вліяніе въ данномъ случаѣ оказываетъ и устройство жилыхъ помѣщеній для рабочихъ; связь послѣднихъ съ землей порывается окончательно послѣ переселенія на фабрику ихъ семействъ.“

Изъ числа опрошенныхъ г. Дементьевымъ рабочихъ 55% оказываются дѣтьми фабричныхъ же работниковъ (Рус. Вѣдом. № 114). Fuit Troja!

Противъ такихъ доводовъ едва ли возразятъ что либо даже очень „интеллигентные“ люди. Но нужна вся слѣпота „интеллигенціи“, чтобы сдаваться только въ виду подобныхъ доводовъ. Нужна невѣроятная доза „интеллигентности“, чтобы воображать, будто крестьянинъ готовъ бросить любую работу, лишь бы только вернуться лѣтомъ къ своему надѣлу. Въ дѣйствительности именно лѣтомъ-то и бѣгутъ крестьяне отъ своихъ надѣловъ на всякаго рода отхожіе промыслы. Ежегодно съ самой ранней весны газеты переполняются извѣстіями о движеніи крестьянъ на заработки. Крестьяне толпами бредутъ и на Сѣверъ, къ Петербургу, и на Юго-Западъ, къ Одессѣ, и на Юго-Востокъ, въ Самару, въ Саратовъ, на Донъ, въ Черноморье, словомъ бредутъ куда глаза гладятъ, всюду, гдѣ есть какая нибудь надежда найти невозможный на родинѣ заработокъ. Замѣчательное свидѣтельство въ пользу пресловутой *„власти земли“*! Прекрасная сельская идиллія ! Вотъ одинъ изъ относящихся къ нынѣшнему году образчиковъ такой идилліи.

„Станица Ольгинская, Донской обл., 8-го мая. Старожилы не запомнятъ, чтобы когда либо было такое движеніе рабочаго люда, отправляющагося на полевыя работы, какъ въ настоящемъ году: ѣдутъ „дешеркой“, ѣдутъ на лошадяхъ по 3—4 человѣка на возу, нерѣдко съ бабами и маленькими дѣтьми, но большинство неимѣющихъ средствъ на дешевку бредетъ вдоль линіи желѣзной дороги ; словомъ „вся Россія поднялась“, какъ выражаются казаки. Чѣмъ окончится это движеніе рабочихъ? Большой наплывъ рабочихъ и отсутствіе дождя породили панику между рабочими: нѣкоторые изъ нихъ начинаютъ возвращаться на родину, не дождавшись найма, побираясь Христовымъ именемъ. Казаки сначала не отказывали въ кускѣ хлѣба, когда просящихъ было сравнительно немного; не то теперь, когда пришлыхъ бѣдняковъ набралось слишкомъ много. Насколько велико скопленіе рабочихъ въ Донской области, доказываетъ то, что администрація водопроводовъ въ Ростовѣ дозволила рабочимъ пить изъ бассейновъ, но не разрѣшила брать воду съ собою въ котелки,

чего прежде не было. Какъ объясняютъ пришлые крестьяне, такое сильное движеніе на заработокъ обусловливается недородомъ хлѣба въ среднихъ губерніяхъ въ предъидущіе годы. На вопросъ, куда именно рабочіе направляются, они даютъ стереотипный отвѣтъ: въ „Черноморье", на „Ставрополь", или просто — туда, гдѣ работа будетъ. Дѣйствительно, за переправой черезъ р. Донъ по дамбѣ, соединяющей станицы Аксайскую и Ольгинскую (единственная переправа черезъ р. Донъ во время половодья), у послѣдней станицы сходятся три пути: въ Ставропольскую, Астраханскую губ. и въ Кубанскую область. Какое изъ поименованныхъ направленій избрать — долго не думаютъ рабочіе; большая часть идетъ туда, куда пошли земляки."

Подобныхъ образчиковъ мы могли бы привести огромное количество Ограничимся немногими.

„Саратовъ. Движеніе рабочихъ на отхожіе заработки уже началось. Такъ, за послѣдніе дни Масляной недѣли черезъ Саратовъ почти ежедневно проходили большія партіи (человѣкъ 50—60) рабочихъ, преимущественно крестьянъ Пензенской губерніи. Всѣ рабочіе идутъ одѣтыми очень плохо и никакихъ запасовъ на дорогу при себѣ не имѣютъ. По словамъ ихъ, нынѣшнюю зиму они, по случаю безработицы, сильно бѣдствовали, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ, собравшись въ путь и не имѣя запасныхъ денегъ, принуждены были продавать за безцѣнокъ разный домашній скарбъ, разсчитывая вернуться домой, къ оставшимся ни съ чѣмъ семьямъ, съ деньгами. Но вырученныхъ крестьянами отъ продажи своего имѣнія на дорогу денегъ, какъ видно, не хватитъ до прихода ихъ на мѣсто работъ, такъ какъ многіе изъ нихъ, проходя Саратовомъ, очень часто просили у прохожихъ милостыню" (Русскія Вѣд. № 46).

Не подумайте, что рабочіе весною идутъ исключительно на полевыя работы. Нѣтъ, весною пускается въ путь также и „мастеровой человѣкъ": плотники, каменьщики, штукатуры и проч. Весною же нерѣдко усиливается и наплывъ рабочихъ на фабрики. Вотъ что говорилось объ этомъ въ тѣхъ же „Русскихъ Вѣдомостяхъ", превосходящихъ всѣ другія газеты обиліемъ и цѣнностью извѣстій о внутренней жизни Россіи.

„Орѣхово-Зуево, 1-го марта. Сюда стали стекаться массы рабочаго народа. Пунцовыя фабрики обыкновенно на зиму сокращаютъ производство, затрудняясь промывкою и сушкою тканей, разстилаемыхъ большею частью въ хорошую погоду на лугу. Ткани лѣтней выдѣлки и окраски несравненно добротнѣе. Начиная съ марта, усиливается опять производство на пунцовыхъ красильныхъ заведеніяхъ, принимается опять рабочій народъ, разсчитанный по осени. Рабочіе проходятъ изъ Калужской, Тульской и Рязанской губерній. Между приходящими массами — на половину женщины, трудъ которыхъ требуется на пунцовыхъ фабрикахъ по уборкѣ, разстилкѣ и сушкѣ тканей. На постоялыхъ дворахъ и на „вольныхъ" зуевскихъ квартирахъ—биткомъ набито народа. Между тѣмъ фабриканты не спѣшатъ наймомъ, ссылаясь на запасъ товаровъ прошлогодней выработки. Многимъ изъ пришедшихъ, по всей вѣроятности, придется вернуться обратно, за неимѣніемъ мѣстъ на фабрикахъ. Ждать здѣсь до весенняго найма, когда на фабрикахъ „записывается" заблаговременно рабочій народъ для лѣтнихъ работъ, ждать три-четыре недѣли не всякій можетъ."

Для огромной части русскихъ крестьянъ сторонній заработокъ есть единственное средство существованія и уплаты податей. Поэтому многіе изъ нихъ вовсе не возвращаются домой, — ни на зиму, ни на лѣто. Съ весны они ищутъ себѣ работы, а зиму проводятъ .... знаете ли какъ? Скитаясь по городскимъ трущобамъ, ночуя въ ночлежныхъ домахъ. „Почти каждую зиму мѣстные ночлежные дома и постоялые дворы бываютъ переполнены бѣдняками, принужденными по той или иной причинѣ зазимовать въ Казани; ранней весной они уходятъ отсюда на поиски работы и куска хлѣба" (Р. В., № 24-го Апрѣль). Это уже не просто пролетаріатъ, это то, что нѣмцы назы-

ваютъ Lumpenproletariat, оборванный пролетаріатъ или, по нашему, босая команда. Экономическое развитіе Россіи дошло уже до того фазиса, когда трудящемуся населенію остается жить только продажей своей рабочей силы. И счастливыми считаютъ себя тѣ, которымъ удается продать ее. Остальнымъ приходится побираться „христовымъ именемъ", образуя запасную рабочую армію.

Надѣлъ не кормитъ крестьянина. Крестьянинъ бросаетъ его, стряхиваетъ съ себя „*власть земли*" и несетъ свою рабочую силу на рынокъ, поступая подъ *власть капитала*. Разрушеніе „устоевъ" съ каждымъ годомъ идетъ все далѣе и далѣе. По земскимъ статистическимъ изслѣдованіямъ безземельные крестьяне составляютъ не менѣе 8% крестьянскаго населенія. Это уже счастливцы, которымъ нѣтъ надобности платить за никуда негодные надѣлы. Но кромѣ нихъ существуетъ еще огромная масса безхозяйнаго и безлошаднаго люда, который, не имѣя возможности обработывать свою землю, несетъ на себѣ тяжелое бремя поземельныхъ платежей. За этимъ людомъ слѣдуютъ однолошадные хозяева, которые „не могутъ съ старательностью обработать почву и удобрить ее, благодаря чему урожаи у нихъ получаются сравнительно нисшіе". Они „не успѣваютъ вспахать полосы съ осени подъ овесъ, а весною сѣютъ прямо по жнивью, подъ рожь пашутъ только одинъ разъ" (Сѣверный Вѣстникъ, Іюнь 1890, ст. г. К. Ч—ва: Крестьянскій банкъ, стр. 20). Какое ужь это хозяйство! Безхозяйные, безлошадные и однолошадные „хозяева" только тѣмъ и отличаются отъ пролетаріевъ, что правительство насильно держитъ ихъ на цѣпи земельнаго надѣла. Какъ относятся они къ этому надѣлу, извѣстно у насъ всѣмъ и каждому, отчасти извѣстно даже интеллигенціи. „Платежи, превышающіе доходность надѣла, дѣлаютъ его буквально постылымъ", говорится во внутреннемъ обозрѣніи „Вѣстника Европы" за Іюль нынѣшняго года. А знаете ли вы, сколько у насъ безхозяйныхъ, безлошадныхъ и однолошадныхъ крестьянъ, т. е. именно тѣхъ крестьянъ, надѣлы которыхъ наименѣе доходны, если не вовсе бездоходны? „Мы вѣроятно не ошибемся, говоритъ уже цитированный г. К. Ч—въ, если весь разрядъ домохозяевъ, которые совсѣмъ прекратили хозяйство и не имѣютъ инвентаря или не обладаютъ достаточнымъ количествомъ рабочаго скота для обработки какъ собственныхъ надѣловъ, такъ и арендной земли, опредѣлимъ въ 60% всѣхъ домохозяевъ, включая и безземельныхъ" (тамъ же, стр. 21). Послѣ этого вы не удивитесь тѣмъ извѣстіямъ о народномъ обѣдненіи, которыхъ такъ много было въ газетахъ нынѣшняго года.

Бронницкій уѣздъ, Московской губ., 12-го мая. Крестьянское хозяйство въ Бронницкомъ уѣздѣ, особенно въ восточной полосѣ уѣзда, въ волостяхъ Усмерской, Ашитковской и сосѣднихъ, замѣтно падаетъ годъ отъ году. Въ былые годы мѣстные крестьяне богаты были скотомъ. Теперь и скотоводство замѣтно сократилось вслѣдствіе безкормицы. Прежде зимнее продовольствіе для скота получалось преимущественно съ москворѣцкихъ луговъ, обильныхъ покосами. Луга эти послѣ освобожденія крестьянъ остались почти всецѣло за помѣщиками и составляютъ важнѣйшую доходную статью во владѣльческихъ имѣніяхъ. Въ первое время крестьяне арендовали покосы на р. Москвѣ, именно съ цѣлью заготовленія на зиму потребнаго количества корма для скота; потомъ мало по малу крестьянъ стали вытѣснять кулаки-скупщики, прессующіе сѣно для отправки въ Москву и др. рынки. Цѣна на укосы

поднялась вдвое противъ прежняго. Крестьянамъ не подъ силу стало тягаться съ кулаками. За недостаткомъ корма пришлось сбывать скотъ. Это не могло, конечно, не отразиться и на земледѣліи и повлекло за собою общій упадокъ крестьянскаго хозяйства. Другія вспомогательныя работы, напримѣръ, ручное ткачество, также упали въ нашемъ уѣздѣ. Небольшія миткалевыя фабрики, во множествѣ существовавшія здѣсь, не выдержали конкурренціи съ крупными предпріятіями этого рода и прекратили свое существованіе" (Рус. Вѣд. № 130).

„*Васильковскій уѣздъ*, Кіевской губ., 3 го іюля. На ухудшеніе **экономическаго положенія крестьянъ** на югѣ Россіи въ значительной мѣрѣ повліяли тѣ перемѣны, какія произошли въ средѣ крупнаго землевладѣнія. У насъ есть села съ исключительно земледѣльческимъ населеніемъ, въ которыхъ не приходится и по одной десятинѣ земли на душу. Если бы у насъ возможна была самая интенсивная культура какая практикуется въ наиболѣе густо населенныхъ мѣстностяхъ Западной Европы, то и въ такомъ случаѣ значительная часть крестьянъ не могла бы прокормиться на своихъ надѣлахъ; при томъ же крайне несовершенномъ хозяйствѣ, какое господствуетъ на югѣ и юго-западѣ Россіи, жалкіе клочки земли, принадлежащіе нынѣ крестьянамъ, не могутъ обезпечить и четвертой доли наличнаго крестьянскаго населенія. Если, однако, до сихъ поръ крестьяне влачили кое-какъ свое существованіе, а нѣкоторые изъ нихъ успѣли даже достигнуть извѣстнаго благосостоянія, то этимъ они обязаны исключительно тому кризису, который переживало крупное землевладѣніе на югѣ Россіи. Еще очень недавно многіе владѣльцы крупныхъ участковъ земли, не имѣя ни желанія, ни средствъ для веденія самостоятельнаго хозяйства, раздавали ее небольшими участками въ пользованіе мѣстнымъ крестьянамъ. Въ то время крестьяне не особенно ощущали недостаточность собственныхъ надѣловъ. Если ихъ скотъ не помѣщался на принадлежащихъ имъ выгонахъ, то сосѣдъ-помѣщикъ, не имѣвшій собственнаго стада, за небольшое вознагражденіе принималъ его на свое пастбище; если крестьяне нуждались въ сѣнѣ, то сосѣдніе владѣльцы, не имѣвшіе средствъ убрать свои сѣнокосы наемнымъ трудомъ, за извѣстную часть сбора предоставляли имъ накашивать сѣна столько, сколько имъ было нужно; наконецъ, на земляхъ тѣхъ же сосѣдей-помѣщиковъ, за опредѣленную долю урожая, крестьяне распахивали подъ хлѣбъ столько полей, сколько они въ состояніи были обработать собственными средствами. Но эта благопріятная для крестьянъ пора теперь миновала; прежніе владѣльцы, не умѣвшіе справиться съ новыми условіями хозяйства, сходятъ уже со сцены; на смѣну имъ являются новые, которые заводятъ собственныя стада, обрабатываютъ свои земли исключительно наемнымъ трудомъ и находятъ уже невыгоднымъ раздачу ихъ небольшими участками мѣстнымъ крестьянамъ. ...При такихъ условіяхъ крестьяне, не успѣвшіе въ прежнее время упрочить свое благосостояніе, терпятъ сильную нужду, и недостаточность земельныхъ надѣловъ приводитъ ихъ теперь къ неизбѣжному хозяйственному разстройству" (Р. В., № 497),

„*Саратовъ*, 14-го августа. Крестьянское населеніе Саратовской губерніи годъ отъ году бѣднѣетъ и волей-неволей обращается къ переселенію, видя въ немъ единственный исходъ изъ своихъ экономическихъ затрудненій. Особенно велико это стремленіе въ уѣздахъ Балашевскомъ и Сердобскомъ. Одна изъ причинъ обѣдненія крестьянъ заключается въ томъ, что арендная плата за землю съ каждымъ годомъ увеличивается. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ арендная плата за паровую десятину въ рѣдкихъ мѣстахъ достигала 12 руб., какъ maximum; теперь она стала повсемѣстно выше и въ нынѣшнемъ году поднялась даже до 16-ти руб. мѣстами. Между тѣмъ низкія цѣны на хлѣбъ и плохой урожай, бывшій въ прошломъ и позапрошломъ годахъ, далеко не могутъ оправдать этой цѣны" (Р. В.).

Самарская губ. Весь Николаевскій уѣздъ находится въ экономической кабалѣ у знаменитаго въ тѣхъ мѣстахъ кабатчика Пашкова... (Р В., 17 Мая)

Таврическая губ. Два тяжелые неурожайные года и частые пожары сильно раззорили крестьянъ. Бѣдность видна во всемъ: въ питаніи, одеждѣ, жилищѣ, а всѣмъ этимъ невзгодамъ всегда сопутствуютъ разныя эпидемическія болѣзни. Еще осень не вошла во всѣ свои права, а уже изъ разныхъ уѣздовъ Таврической губ. получаются извѣстія о появленіи тифа, дифтерита, гастрита и другихъ бичей, съ которыми земскіе врачи въ селахъ не въ состояніи бороться, такъ какъ недостатокъ питанія, холодъ и сырость ветхаго жилья, въ которомъ помѣщается больной, грязь, отсутствіе бѣлья и вообще крайняя бѣдность парализуютъ всѣ благотворныя дѣйствія лѣкарствъ. (Нов. Тел.).

Пермская губ. Нынѣшній годъ для уѣздовъ Шадринскаго, Камышловскаго и Ирбитскаго, безъ сомнѣнія, будетъ однимъ изъ самыхъ трудныхъ и голодныхъ годовъ: урожаи въ этихъ мѣстностяхъ настолько плохи, что врядъ-ли хватитъ хлѣба даже на осеннее время, не говоря уже о зимѣ, а тѣмъ болѣе о сѣменахъ для посѣва. Не безъ основанія уѣздныя земскія управы начинаютъ серьезно опасаться продовольственныхъ затрудненій среди населенія, озабочиваясь заблаговременнымъ принятіемъ мѣръ къ обезпеченію населенія. (Екат. Вед.)

Средняя черноземная полоса. „Въ нашей земледѣльческой полосѣ, особенно въ той части ея, которая съ незапамятныхъ временъ живетъ по преимуществу сельскимъ хозяйствомъ, каковы центральныя черноземныя губерніи, по многимъ причинамъ земледѣльческій промыселъ служитъ нынѣ источникомъ скудости, а не богатства. Вынаханная земля, при почти первобытныхъ способахъ и условіяхъ эксплоатаціи ея, плохо вознаграждаетъ тяжкій трудъ земледѣльца и едва прокармливаетъ его впроголодь". (Н. Вр.)

Довольно. Со всѣхъ концовъ Россіи несется одна и та же жалобная пѣсня: голодно, родименькій, голодно! Упадокъ крестьянскаго хозяйства даетъ себя чувствовать правительству въ видѣ роста недоимокъ. Въ Александрійскомъ уѣздѣ Херсонской губ. въ нынѣшнемъ году цѣлыя села не могли внести ни копѣйки податей въ государственное казначейство (извѣстія объ этомъ были напечатаны въ Октябрѣ. Теперь можетъ быть уже выбили изъ этихъ селъ кое-что). Да и весь вообще Александрійскій уѣздъ едва-ли заплатитъ въ нынѣшнемъ году хоть треть причитывающихся съ него податей. Въ Воронежской губ. дѣло обстоитъ еще хуже. Вотъ что писали объ въ „Рус. Вѣд." (№267).

„Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Воронежской губ. крестьянскія недоимки достигли значительныхъ размѣровъ, превысивъ даже всю сумму годоваго оклада. Изъ шести уѣздовъ, по которымъ уже опубликованы результаты мѣстныхъ земско-статистическихъ изслѣдованій, особенно недостаточными оказались три — Задонскій, Землянскій и Нижнедѣвицкій. По этимъ даннымъ, изъ 16 000 всѣхъ двор въ Задонскаго уѣзда недоимка значится слишкомъ за 11 тыс. дворами или за 70% ; всего въ не доимкѣ за ними болѣе 235,000 руб. или по 22 р. въ среднемъ на недоимщика. Въ Землянскомъ уѣздѣ недоимщиковъ еще больше — до 23.000 дворовъ (изъ 26 тысячъ всѣхъ) или 87% ; недоимки на нихъ 566,000 руб. или по 26 руб. на недоимочной дворъ. Изъ 20 тысячъ крестьянскихъ дворовъ Нижнедѣвицкаго уѣзда 16½ тысячъ накопили недоимки еще больше, чѣмъ въ Землянскомъ уѣздѣ — 577,00 руб., т. е. въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ 82% всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ оказались неисправными плательщиками налоговъ, а въ среднемъ на каждого изъ нихъ падаетъ до 36 руб. недоимки. Само собою разумѣется, что какъ главная масса оклада слагается изъ различнаго наименованія казенныхъ платежей, такъ и отмѣченные недочеты должны главнымъ образомъ поступать въ государственное казначейство ; однако и собственно земскія недоимки весьма велики, такъ что благодаря имъ нѣкоторыя изъ нашихъ уѣздныхъ земствъ поставлены въ чрезвычайно затруднительное положеніе. Для примѣра приведемъ здѣсь нѣкоторыя указанія по Нижнедѣвицкому уѣзду. По докладу уѣздной земской управы отъ 30 го апрѣля текущаго года земствомъ не додано жалованья различнымъ служащимъ за 1889 и 1890 гг. — 19.750 руб., да за медикаменты и посуду для аптеки, за книги для училищъ, въ типографію и т. п. земство должно 28 тыс., а всего долга — около 48,000 руб. Понятно, что при такихъ условіяхъ, когда многіе служащіе остаются безъ жалованья, а кредитъ земства подорванъ, земскому управленію приходится не столько думать о различныхъ мѣропріятіяхъ, сколько изобрѣтать средства, какъ и чѣмъ расплатиться съ долгами. Между тѣмъ у нижнедѣвицкаго земства числится за недоимщиками 53,000 р.; если бы удалось собрать эту сумму, управа разочлась бы съ долгами и могла бы спокойно вести земское дѣло. Но недоимка поступаетъ крайне медленно, да и все, что собирается, зачисляется главнымъ образомъ въ казенную недоимку. Земство давно уже обращалось къ министерству съ просьбою собрать сначала земскую недоимку, чтобы расплатиться съ долгами; но просьба эта удовлетворена не была, и задолженность земства растетъ."

Во многихъ другихъ губерніяхъ земствамъ уже грозитъ банкротство въ виду безпомощнаго положенія главнаго плательщика — крестьянина. „Полная пустота въ земскихъ кассахъ сдѣлалась теперь обычнымъ явленіемъ“ справедливо замѣтила по этому поводу одна петербургская газета. Нижегородское уѣздное земство въ Апрѣлѣ нынѣшняго года собралось на чрезвычайное собраніе для обсужденія экономическаго положенія уѣзда и затруднительна о финансоваго положенія управы. Изъ представленнаго собранію доклада выяснилось, что земское хозяйство быстро идетъ подъ гору. До 1879 года можно было дѣлать нѣкоторыя сбереженія изъ доходовъ, и тогда образовался запасной капиталъ, который въ настоящее время „*изсякъ*“. Въ 1888 г. за невозможностью займовъ изъ запаснаго капитала земству не хватило на его расходы 14,000 р., болѣе 10 % смѣты. Въ зимніе мѣсяцы 1890 г. дефицитъ еще болѣе увеличился. А между тѣмъ весною и лѣтомъ и вовсе уже не предвидѣлось почти никакихъ поступленій въ земскій сундукъ, такъ какъ весна и лѣто — тяжелое время для крестьянъ: тогда съ нихъ, какъ говорится, взятки гладки. Что дѣлать? Земство въ опасности! Caveant consules! Собраніе постановило, между прочимъ, „немедленно принять самыя энергическія мѣры къ взысканію земскихъ недоимокъ, не стѣсняясь въ случаѣ надобности продажей имущества неисправныхъ плательщиковъ“ Вы еще болѣе оцѣните энергію этого крутого „мѣропріятія“, когда примете въ соображеніе, что прежде чѣмъ рѣшиться на него, земскіе отцы отечества выслушали докладъ объ экономическомъ положеніи крестьянства, а въ докладѣ говорилось, что „нуждаясь въ продовольствіи, крестьяне, для прокормленія своихъ семействъ, продаютъ послѣднихъ рабочихъ лошадей и коровъ, а нѣкоторые снискиваютъ себѣ пропитаніе подаяніемъ“. Въ виду этого рѣшено было обратиться къ губернскому земству, а въ случѣ нужды къ правительству, поставивъ ему на видъ, что если и оно откажетъ въ помощи, то „уѣздное земство слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность за послѣдствія, могущія произойти отъ неудовлетворенія крайнихъ продовольственныхъ нуждъ уѣзда“. Къ чему же приведетъ въ такомъ случаѣ „самое энергическое взысканіе“ земскихъ недоимокъ?

По примѣру нижегородцевъ, Новомосковскіе земцы съѣхались въ Іюнѣ на чрезвычайное собраніе для обсужденія все того же вопроса о безналежномъ состояніи земской кассы. Оказалось, что „расходы по управѣ оставались невыполнены чуть-ли не съ Января; поступленій въ управу никакихъ; ни мелкіе ни крупные землевладѣльцы не взносятъ повинностей; одни потому, что не могутъ, а другіе потому, что не хотятъ,‘ (День, №743). Вотъ съ этихъ-то послѣднихъ, т. е. съ крупныхъ землевладѣльцевъ, дѣйствительно не мѣшало бы по энергичнѣе взыскивать недоимки. Но въ виду преобладанія въ нашихъ земствахъ представительства отъ крупнаго землевладѣнія, такая мѣра едва-ли была бы одобрена гг. земскими дѣятелями.

„Служащіе въ земствѣ у насъ находятся въ печальномъ положеніи; касса земства настолько опустѣла, что жалованье еще за Февраль мѣсяцъ многіе не получали“. Такъ писали въ „Саратовскій Листокъ“ въ Іюнѣ текущаго года изъ Николаевскаго уѣзда Сам. губ.,

того самаго уѣзда, который закабаленъ г. Пашковымъ. (Кстати, говорятъ, что этотъ господинъ постоянно живетъ заграницей, такъ что въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ крестьянами находятся только его служащіе. Что прикажете! Просвѣщенный человѣкъ, можетъ быть даже конституціоналистъ!) По извѣстіямъ другой саратовской газеты, Никалаевское земство не выдало одного жалованья служащимъ — 40,000 рублей.

„*Изъ Мензелинска* пишутъ въ „Волжскій Вѣстн. о крайне печальномъ положеніи дѣлъ мѣстнаго земства и вмѣстѣ съ тѣмъ лицъ, получающихъ жалованье отъ земства. Сентябрь тамъ является поистинѣ праздникомъ для земскихъ служащихъ, такъ какъ въ этомъ мѣсяцѣ земство выплачиваетъ долги. Обыкновенно ихъ накопляется за полгода нѣсколько десятковъ тысячъ. Всѣ, кто живетъ земствомъ, не имѣя другихъ источниковъ существованія, должны содержаться въ кредитѣ и черезъ это волей неволей приходить въ нѣкоторую зависимость отъ всесильныхъ въ этомъ случаѣ кулаковъ-прасоловъ. Учительницы прогимназіи, содержимой земствомъ, жили безъ жалованья ровно 6½ мѣсяцевъ! Сельскимъ учителямъ и учительницамъ предсѣдатель земской управы, въ безденежное время, выдаетъ жалованье изъ собственныхъ средствъ. Были случаи жалобъ на земство за неаккуратную выдачу жалованья. Такъ, бывшій инспекторъ народныхъ училищъ В. А. Теласковъ, которому мензелинское земство задолжало 500 руб., нынѣшнею весной обращался съ просьбой къ попечителю учебнаго округа о принятіи мѣръ къ понужденію земства выдать ему, Теласкову, заслуженныя деньги. Попечитель отнесся съ этой просьбой къ уфимскому губернатору, который обратился къ мензелинскому земству съ предложеніемъ объ аккуратномъ удовлетвореніи жалованіемъ инспекторовъ, учителей и учительницъ. Получивъ предложеніе, предсѣдатель управы, въ свою очередь, обратился къ губернатуру съ просьбой указать источники, изъ которыхъ земство могло бы безъ задержки выдавать заслуженное жалованье своимъ служащимъ. Къ 15 сентября земская касса опустѣла. Расплатившись съ кредиторами на половину, учителя и учительницы все-таки остались безъ средствъ, опять приходится имъ обратиться къ помощи прасоловъ-кулаковъ и изъ-за этого платить за вещи вдвое дороже, чѣмъ при покупкѣ на наличныя деньги. (Новое Время, №5242)

Печальная картина! При всемъ своемъ равнодушіи къ нуждамъ народа правительство не можетъ сидѣть сложа руки въ виду этого повсемѣстнаго разстройства народнаго хозяйства. Оно обязано дѣйствовать. И оно дѣйствуетъ. Во первыхъ, оно, какъ извѣстно, „подтягиваетъ“ мужика. Новые земскіе начальники сѣкутъ его съ полнымъ стараніемъ. Въ Нижегородской губерніи рвеніе ихъ вызвало даже губернаторское неудовольствіе. Г Барановъ принялся усовѣщивать ихъ. „Въ числѣ земскихъ начальниковъ, говорилъ онъ въ своемъ циркулярѣ, есть много лицъ весьма молодыхъ, начинающихъ свою служебную карьеру и желающихъ скорѣе заявить свою дѣятельность“. Онъ вполнѣ понимаетъ это желаніе, но, какъ старый служака, онъ понимаетъ также, что молодому человѣку легко увлечься и пойти дальше, чѣмъ это желательно въ данное время для правительства. Тише ѣдешь, дальше будешь, увѣряетъ онъ своихъ не по разуму усердныхъ подчиненныхъ. Не надо, чтобы слишкомъ много говорили о земскихъ начальникахъ. „Отсутствіе на первыхъ порахъ слуховъ и извѣстій о дѣятельности гг. земскихъ начальниковъ, по моему мнѣнію, скорѣе можетъ считаться доказательсвомъ серьезности ихъ приступа къ дѣлу, чѣмъ указаніемъ на отсутствіе у нихъ желанія работать“ (Р. В. №292). Не забудьте, что крестьяне Нижегородской губ. буквально голодали въ нынѣшнемъ году. Такимъ образомъ, „молодые люди“ старались „заявить свою дѣятельность“ истязаніемъ людей, измучен-

ныхъ голодомъ и другими лишеніями. Какія выраженія могутъ быть достаточно сильны для характеристики этихъ палачей!

Насъ, соціаль-демократовъ, часто упрекали въ томъ, что мы охотнѣе споримъ съ революціонерами, чѣмъ съ реакціонерами. Это вѣрно и въ то же время какъ нельзя болѣе понятно. Представьте себѣ, что данная мѣстность страдаетъ отъ хищныхъ звѣрей. Можно спорить, и очень горячо спорить, о томъ, *какъ избавиться отъ этихъ непріятелей*, но можно-спорить *съ ними самими*, можно-ли полемизировать со звѣрями? Это совершенно также безполезно, какъ полемизировать со слугами русскаго царизма, по отношенію къ которымъ дѣйствителенъ только одинъ пріемъ спора, выражаемый въ шуточной нѣмецкой соціаль-демократической пѣсенкѣ словами:

Brenn' heller, lieb' Petroleum,
Mach' ihm den Standpunkt klar!

Кромѣ „подтягиванія“ мужика правительство занимается еще тѣмъ, что „тащитъ и не пущаетъ“. Вотъ, напримѣръ, какъ дѣйствуетъ оно для обезпеченія себя отъ недоимокъ.

Слоб. Новопавловка Таганр. окр., Донской обл. За мѣстными крестьянами числится много недоимокъ. Вслѣдствіе этого начальствомъ таганрогскаго округа сдѣлано въ мартѣ распоряженіе не выдавать паспортовъ не только мужчинамъ, но и женщинамъ и дѣвушкамъ; служившимъ гдѣ нибудь на сторонѣ уже года два-три — не высылать паспортовъ, а выт ебовать къ мѣсту жительства. Эта мѣра имѣетъ въ виду заставить крестьянъ уплатить недоимки. Ежедневно являются къ старшинѣ десятка два-три человѣкъ обоего пола и требуютъ паспорты, чтобы идти на заработки; старшина отказываетъ въ силу вышеозначеннаго распоряженія. Въ самой же Новопавловкѣ теперь негдѣ и полтинника заработать. (Дон. Р.) Рус. Вѣд. №109.

Излишне разсуждать о цѣлесообразности такихъ мѣропріятій, какъ излишне разсуждать о цѣлесообразности тѣхъ препятствій, которыя ставитъ наша администрація крестьянскимъ переселеніямъ. 13-го Іюля прошлаго года былъ изданъ законъ, имѣющій цѣлью будто бы облегченіе и упорядоченіе переселенческаго движенія. Мы были напередъ увѣрены, что этотъ законъ принесетъ переселенцамъ лишь новыя затрудненія (см. внутр. обозр. 1-ой кн. Соц.-Дем.) Дѣйствительность, къ сожалѣнію, далеко превзошла наши ожиданія. По закону 13-го Іюля крестьяне, переселяющіеся безъ предварительнаго разрѣшенія министровъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, возвращаются на мѣста приписки административнымъ порядкомъ. Для того же, чтобы получить разрѣшеніе названныхъ министровъ, нужно претерпѣть безконечную и нестерпимую канцелярскую волокиту. И вотъ многіе крестьяне двинулись „на новыя мѣста“, заручившись по прежнему лишь паспортами, да увольнительными свидѣтельствами. Нѣкоторая часть ихъ переселялась на земли „Кабинета Его Величества“ и, слѣдовательно, не нуждалась въ особыхъ министерскихъ разрѣшеніяхъ, такъ какъ законъ 13-го Іюля касается лишь переселенцевъ на казенныя земли. Тѣмъ не менѣе, администрація, по словамъ „Новаго Времени“,

„возвращала съ пути слѣдованія *всѣхъ* переселенцевъ, идущихъ черезъ эти губерніи, хотя съ документами въ рукахъ, но безъ разрѣшенія, безразлично, на какія земли они бы ни шли. Случаи такихъ административныхъ возвращеній указывались изъ разныхъ мѣстъ. Мы не знаемъ, говоритъ Новое Время, какъ велико было число ихъ по разнымъ губерніямъ; но намъ извѣстно, что изъ города Тамбова и Тамбов-

ского уѣзда (эти мѣстности не лежатъ на главномъ пути слѣдованія въ Сибирь) въ теченіе всей весны и начала лѣта этого года безпрестанно возвращались переселенцы. Это были крестьяне Пензенской, Орловской, Курской, кажется Харьковской, Воронежской, Рязанской, Калужской и другихъ губ. У всѣхъ ихъ были документы на рукахъ, которые отбирались и отсылались по мѣсту приписки... Въ началѣ мая партія черниговскихъ переселенцевъ, болѣе 100 человѣкъ, была задержана и проживала на одной изъ площадей города Тамбова. Они говорили, что за ними слѣдуютъ черезъ Тамбовъ еще ихъ односельцы. Другая партія черниговцевъ около 70 человѣкъ была остановлена въ Тамбовскомъ уѣздѣ; третья, кажется, въ Усманскомъ уѣздѣ. Всѣ эти переселенцы, отпущенные мѣстными властями и прошедшіе безпрепятственно нѣсколько губерній, были возвращены изъ великорусскихъ степей въ Малороссію"...

„Послѣдствіе такой разнообразной политики мѣстныхъ властей, замѣчаетъ, Новое Время, полное разсоренье крестьянъ, такъ какъ, отправляясь въ путь, они предварительно уничтожаютъ все свое хозяйство на прежнихъ мѣстахъ жительства. Кромѣ того, само возвращеніе дѣлается часто этапнымъ порядкомъ и длится цѣлые мѣсяцы. Въ попутныхъ городахъ, гдѣ этапъ останавливается, крестьяне съ женами и дѣтьми подвергаются тюремному заключенію. Затѣмъ этапныя деньги взыскиваются, кажется, съ крестьянъ или ихъ обществъ".

„Въ М-ской губ. — читаемъ мы въ одномъ изъ писемъ въ редакцію „С. Д." —около 200 крестьянъ рѣшились переселиться въ Сибирь. Имъ почему то запретили это, но они постановили убраться тайкомъ. Когда они двинулись въ путь, явились солдаты для ихъ „усмиренія". Между крестьянами и войсками произошло столкновеніе, но солдаты, разумѣется, побѣдили. Крестьяне вынуждены были остаться на своихъ мѣстахъ. Слѣдствіе по этому дѣлу обнаружило, что землю и скотъ купили у крестьянъ мѣстный священникъ, становой и еврей-арендаторъ". Какъ вы находите такое поведеніе администраціи? Становой сначала покупаетъ крестьянскую землю, а потомъ съ помощью солдатъ „пресѣкаетъ" ихъ самовольство и водворяетъ ихъ на мѣсто приписки! То же славное „усмиреніе" ознаменовалось еще одною гнусностью. Станового и священника просто заставили возвратить крестьянамъ имущество, а еврея арендатора *высѣкли*. „Этому еврею было около 70 лѣтъ, пишетъ нашъ корреспондентъ. Сынъ его просилъ позволенія замѣнить собою отца при наказаніи. Начальство не разрѣшило этого, и старикъ умеръ спустя очень короткое время послѣ расправы".*) Мы никогда не защищали эксплуататоровъ народа. Но, во-первыхъ, еще неизвѣстно, была-ли въ данномъ случаѣ покупка земли у крестьянъ актомъ эксплуатаціи. Продажа скота и надѣловъ является для переселенцевъ почти единственнымъ средствомъ запасти кое-какія деньженки на дорогу. Во-вторыхъ, странно бороться съ эксплуататорями посредствомъ дикихъ и позорныхъ „административныхъ" наказаній. Въ-третьихъ, если крестьяне были притѣснены при продажѣ своей земли, и народолюбивое начальство не могло удержаться отъ употребленіе въ дѣло розги, то почему же не высѣкли попа и станового? Въ томъ-то и дѣло, что эксплуатировать народъ можно, но для этого нужно быть крещеннымъ по христіанскимъ обрядамъ, а не обрѣзаннымъ по закону Моисея. Въ противномъ случаѣ у православныхъ кулаковъ явилось бы нѣсколько лишнихъ соперниковъ.

---

*) Очень жалѣемъ, что нашъ корреспондентъ не обозначилъ точнѣе мѣстности, гдѣ это происходило. Такія вещи должны разоблачаться вплотную.

Стремленіе русскихъ крестьянъ къ переселенію въ многоземельную Сибирь существуетъ съ незапамятныхъ временъ. Но въ нынѣшнемъ году у нихъ возникло новое стремленіе: переселяться за предѣлы русскаго государства, именно въ далекую Бразилію. Изъ Бѣлоруссіи и отчасти изъ Малороссіи потянулись цѣлыя толпы крестьянъ къ нашей западной границѣ. Въ Царствѣ Польскомъ движеніе это было, кажется, еще сильнѣе, причемъ изъ Польши и изъ Бѣлоруссіи ѣхали также ремесленники и рабочіе. Наши оффиціальные и оффиціозные органы приписывали это движеніе происканъ какихъ-то „спекулянтовъ". По всей вѣроятности, они правы въ томъ смыслѣ, что были люди, рѣшившіеся не упустить случая и понагрѣть руки на счетъ переселенцевъ. Но вѣдь не „спекулянтами" же создано бѣдственное положеніе русскихъ и польскихъ крестьянъ и рабочихъ, заставляющее ихъ бѣжать на край свѣта. Какъ думаютъ объ этомъ наши *рептиліи*? И много-ли дѣлаетъ правительство для улучшенія народнаго быта? Оно знаетъ свое: оно „*не пущаетъ*". На западной границѣ дѣло доходило до кровавыхъ стычекъ между переселенцами и стражей. Свинецъ и порохъ, — вотъ единственное „мѣропріятіе" правительства, о которомъ могла сообщить читающей публикѣ оффиціальная печать въ своихъ извѣстіяхъ о переселенческомъ движеніи въ Бразилію. Если къ этому *громкому* мѣропріятію прибавить неслышныя „препоны и препятствія", то этимъ и ограничатся всѣ правительственныя заботы о благѣ того бѣднаго трудящагося люда, который оно насильно хочетъ удержать въ своемъ государствѣ. Какая глубокая, какая благодѣтельная „*соціальная политика*"!

Итакъ, безпримѣрное обѣдненіе народа съ одной стороны, и безпримѣрно быстрое обогащеніе буржуазіи съ другой, — такова краткая формула, выражающая весь ходъ современнаго экономическаго развитія Россіи. Капитализмъ наступаетъ на насъ со всѣхъ сторонъ, онъ побѣждаетъ, какъ выражаются французы, по всей линіи. Но торжество капитализма предвѣщаетъ гибель самодержавія. Капитализмъ создаетъ въ лицѣ пролетаріата страшнаго противника существующаго экономическаго и политическаго порядка. Это прекрасно понимаютъ образованные сторонники царизма. Они начинаютъ подумывать о томъ чтобы сохранить въ лицѣ крестьянъ опору противъ быстро растущаго пролетаріата. „Крестьянское сословіе составляетъ главную охранительную силу въ государствѣ",—благоразумно замѣчаетъ г. Побѣдоносцевъ. Но какимъ же путемъ можно задержать переходъ охранительной крестьянской массы въ революціонную силу пролетаріата? Крестьянинъ превращается въ пролетарія порывая свою многовѣковую связь съ землею. Но обыкновенно, даже бросивъ землю, крестьянинъ считалъ своей обязанностью платить падающіе на нее налоги. Правда, въ послѣднее время онъ все хуже и хуже исполнялъ эту обязанность, однако все таки имѣлъ совѣсть и чувствовалъ себя виноватымъ. Въ нынѣшнемъ же году былъ случай, ясно показывающій, что крестьянинъ начинаетъ утрачивать эту похвальную стыдливость. Вотъ этотъ страшный случай, какъ разсказанъ онъ въ №891 газеты „День".

„Общество крестьянъ села Петровскаго, Царевококшайскаго уѣзда, обратилось

недавно въ мѣстное губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе съ просьбой отобрать отъ нихъ нарѣзанную имъ по уставной грамотѣ землю. Мотивировали они эту просьбу тѣмъ, что земельные надѣлы ихъ, вслѣдствіе своей недоброкачественности, не окупаютъ лежащихъ на нихъ платежей по казеннымъ и земскимъ повинностямъ. При этомъ названные крестьяне ходатайствовали еще и объ освобожденіи ихъ отъ уплаты накопившихся за ними недоимокъ, тѣмъ болѣе, что наросли онѣ, главнымъ образомъ, съ 1879 г., когда общество надѣлы свои забросило, въ виду убыточности воздѣлки ихъ, и съ тѣхъ поръ ими не пользуется вовсе, арендуя пашни у сосѣднихъ землевладѣльцевъ. Первое ходатайство петровскаго сельскаго общества было, по словамъ „Волжск. Вѣстн.“, уважено губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, такъ что въ настоящее время земля, отъ которой крестьяне отказались, фактически перешла уже во владѣніе казны. Что же касается до ходатайства крестьянъ относительно недоимокъ, то о сложеніи со счетовъ недоимокъ по казеннымъ сборамъ губернское присутствіе вошло съ представленіемъ къ г. министру финансовъ, а о сложеніи недоимокъ земскихъ представлено крестьянамъ ходатайствовать передъ земствомъ.

Мы знаемъ, какъ много у насъ крестьянъ, которымъ, по выраженію „Вѣстника Европы“, надѣлы стали *постылыми*. Вообразите же теперь, что всѣ эти крестьяне обращаются къ начальству съ просьбой развязать ихъ съ землею и „освободить“ ихъ отъ накопившихся за ними недоимокъ. Представьте себѣ затруднительное положеніе начальства! Чтобы избѣжать его, начальство рѣшило увѣковѣчить связь крестьянина... съ постылымъ надѣломъ. Оно готовитъ законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ. Въ послѣднее время крестьяне стали особенно широко пользоваться своимъ правомъ досрочнаго выкупа земли (на основаніи знаменитой 165 ст. Пол. о выкупѣ). Такъ, въ Порѣчскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи въ пятилѣтіе 1875-79 гг. было выкуплено крестьянами только 15 надѣловъ, въ слѣдующее пятилѣтіе — 25, а въ послѣднее пятилѣтіе уже 301½. Всего же за 15 лѣтъ выкуплено 344¹/₂ надѣла или 1500 дес. съ лишнимъ (во внутрен. обозр. первой книжки С. Д. нами приведены нѣкоторыя данныя о досрочныхъ выкупахъ въ другихъ уѣздахъ той же губ.). Чаще всего крестьяне выкупаютъ свои надѣлы съ единственною цѣлью ихъ немедленной продажи. Досрочные выкупы являются, стало быть, не болѣе какъ средствомъ развязаться съ землею, не безпокоя начальство подобно пахаламъ Царевококшайскаго уѣзда. Новый законъ отниметъ у крестьянъ и это средство. Какое значеніе можетъ имѣть такая мѣра въ русской экономической жизни, объ этомъ мы поговоримъ въ слѣдующій разъ. Теперь же замѣтимъ только, что вся наша печать, безъ различія партій и направленій, ужасно обрадовалась этому отягощенію крѣпостныхъ цѣпей крестьянина и единодушно закричала: „распни его, распни его... для его же собственной пользы!“

(до слѣдующей книжки.)

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Не знаемъ, что несетъ съ собою для соціальной демократіи ное вый 1891 годъ, но на истекающій 1890-ый она пожаловаться н-можетъ. Февральскіе выборы въ Германіи, всемірная майская демонстрація, отмѣна исключительнаго закона противъ нѣмецкихъ соціаль, демократовъ и, наконецъ, осенніе рабочіе конгрессы разныхъ странъ закончившіеся принятіемъ важныхъ, въ смыслѣ тактики и организаціи, рѣшеній, — всѣ эти событія указываютъ на огромный подъемъ международнаго рабочаго движенія.

Мы не станемъ говорить теперь ни о февральскихъ выборахъ въ Германіи, ни о майской демонстраціи въ пользу восьмичасового дня. Объ этихъ событіяхъ частью была уже рѣчь во второй книжкѣ „Соціаль-демократа", частью говорится въ печатаемой теперь второй статьѣ П. Б. Аксельрода: „*Политическая роль соціальной демократіи и послѣдніе выборы въ германскій рейхстагъ*. Намъ остается указать лишь на рѣшенія осеннихъ рабочихъ конгрессовъ разныхъ странъ.

Рядъ этихъ конгрессовъ начался съѣздомъ представителей *испанскихъ* рабочихъ въ Бильбао. Испанія — страна, мало развитая въ экономическомъ отношеніи. Поэтому силы испанскаго пролетаріата сравнительно очень невелики. Но поскольку есть рабочее движеніе въ этой странѣ, оно направляется въ ту же сторону, въ какую направлено движеніе болѣе передовыхъ странъ: испанскій пролетаріатъ борется подъ знаменемъ всемірной соціальной демократіи и, какъ видно, чутко прислушивается къ тому, что происходитъ за-границей. На международномъ парижскомъ рабочемъ конгрессѣ 1889 го а былъ представитель Испаніи; испанскіе рабочіе приняли горячее участіе въ майской демонстраціи, а на своемъ съѣздѣ въ Бильбао, происходившемъ отъ 29 до 31 Августа нынѣшняго года, они приняли слѣдующее рѣшеніе относительно восьмичасовой агитаціи:

„Соціалистической рабочей партіей ежегодно перваго Мая будетъ организована демонстрація, имѣющая цѣлью добиться отъ властей охраняющаго рабочихъ законодательства, котораго требовалъ международный парижскій конгрессъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ невозможно будетъ организовать такую демонстрацію въ день перваго Мая, она будетъ отложена до ближайшаго праздника того же мѣсяца. Само собою разумѣется, что такая демонстрація должна имѣть мѣсто только въ случаѣ международнаго соглашенія на этотъ счетъ, т. е. когда различныя страны сговорятся между собою относительно демонстраціи, или когда необходимость ея будетъ признана ближайшимъ конгрессомъ.“ Ниже читатель увидитъ, что на своихъ конгрессахъ рабочія партіи различныхъ странъ всюду рѣшили праздновать на будущее время первое Мая, и такимъ образомъ рѣшеніе испанскаго конгресса можетъ считаться теперь уже вошедшимъ въ силу.

На конгрессѣ въ Бильбао рѣшено было также послать на предстоящій всемірный соціалистическій конгрессъ уполномоченнаго, которому поручено будетъ сдѣлать тамъ предложенія: 1) относительно правильной дѣятельности выбираемаго конгрессомъ международнаго комитета; 2) относительно изданія органа этого комитета по крайней мѣрѣ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; 3) относительно признанія конгрессомъ невозможности всеобщей стачки рабочихъ, и 4) относительно болѣе тѣснаго сближенія и объединенія ремесленныхъ союзовъ сопротивленія различныхъ странъ.

Что касается внутреннихъ дѣлъ партіи, то на конгрессѣ въ Бильбао испанскіе соціаль-демократы постановили:

Что партія будетъ совѣтовать всѣмъ своимъ приверженцамъ, какъ впрочемъ, и всему рабочему классу, не принимать ни малѣйшаго участія въ ближайшихъ выборахъ въ муниципальные совѣты и въ провинціальныя собранія, такъ какъ подобное участіе не принесло бы никакой пользы рабочему классу.

Наоборотъ, партія должна принять самое дѣятельное участіе въ предстоящихъ выборахъ въ кортесы. По возможности во всѣхъ избирательныхъ округахъ ею будутъ выставлены свои кандидаты, которые должны будутъ защищать какъ общую программу партіи, такъ и практическія законодательныя мѣры для охраненія интересовъ рабочаго класса въ духѣ рѣшеній международнаго парижскаго конгресса.

Относительно послѣдующихъ выборовъ въ муниципальныя, провинціальныя и законодательное собранія партія рѣшитъ въ свое время, нужно ли ей будетъ принимать въ нихъ участіе.

Но во всякомъ случаѣ она должна рѣшительно избѣгать всякаго союза или сближенія съ какою бы то ни было буржуазной партіей.

Когда удастся провести соціалистическихъ представителей въ муниципальныя, провинціальныя или законодательное собранія, тактика ихъ должна будетъ опредѣляться конгрессами партіи.

2) Оффиціальнымъ органомъ испанской рабочей партіи признается газета El Socialista. На поддержку этой газеты каждый членъ партіи долженъ вносить ежемѣсячно по 10 сантимовъ. Когда ея существованіе будетъ такимъ образомъ обезпечено, партія приступитъ

къ изданію другого органа въ Барцелонѣ. Редакціи этихъ органовъ должны будутъ давать конгрессамъ партіи отчеты о своей литературной дѣятельности.

Остальныя рѣшенія конгресса имѣютъ исключительно мѣстный интересъ, и потому мы приводить ихъ не будемъ. Вышеприведенныя постановленія, полагаемъ, достаточно говорятъ за то, что испанскіе соціалисты не сидятъ сложа руки. Какъ ни скромны силы испанской рабочей партіи, но мы, русскіе, и ей вынуждены завидовать: испанцы несравненно больше насъ сдѣлали для рабочаго движенія. Правда, въ Испаніи все таки есть конституція, между тѣмъ какъ русскій обыватель живетъ подъ самодержавнымъ гнетомъ. Въ этомъ отношеніи у испанцевъ есть несомнѣнное преимущество передъ нами. Но съ другой стороны и русскіе имѣютъ, повидимому, нѣкоторыя преимущества не только передъ испанцами, но и передъ всѣми вообще западными европейцами. У насъ есть такая „интеллигенція“, какой, по ея собственнымъ словамъ, нигдѣ рѣшительно не было и быть не можетъ: такъ исключительно хороша эта интеллигенція. Вотъ мы и думаемъ, что почему бы этой исключительно хорошей интеллигенціи не взяться за очень хорошее дѣло политическаго просвѣщенія русскихъ рабочихъ? Отъ этого выиграли бы не одни только рабочіе. Сама „интеллигенція“ извлекла бы изъ этого дѣла двѣ несомнѣнныя выгоды: 1) она стала бы гораздо вліятельнѣе, найдя опору въ народѣ, а 2) она доказала бы, что она дѣйствительно хочетъ работать, а не ограничивается фразами, которыя при всей своей несомнѣнной „интеллигентности“, отличаются подчасъ болѣе чѣмъ сомнительнымъ содержаніемъ. Право, пора бы и русскимъ „интеллигентамъ“ серьезно подумать о соціализмѣ...

Мы, конечно, не можемъ сказать, на сколько были правы испанскіе соціалисты, рѣшивъ воздерживаться отъ предстоящихъ муниципальныхъ и провинціальныхъ выборовъ. О такихъ частностяхъ могутъ судить только мѣстные люди. Но что испанская рабочая партія понимаетъ значеніе политической борьбы, это доказывается постановленіемъ конгресса касательно выборовъ въ кортесы, а также стремленіемъ испанскихъ соціалистовъ организовать пролетаріатъ въ особую политическую партію, не имѣющую ничего общаго ни съ какими буржуазными партіями. Пока борьба рабочаго класса съ буржуазіей ведется исключительно на экономической почвѣ, она имѣетъ узкій характеръ, и цѣли ея не выходятъ за предѣлы существующаго общественнаго порядка. Сплоченіе пролетаріата въ особую *политическую партію* есть существенный и безошибочный признакъ того, что пролетаріатъ начинаетъ понимать свою революціонную задачу. Политическая борьба есть борьба за власть, за преобладаніе, за господство. Но добившись господства, пролетаріатъ не оставитъ камня на камнѣ въ существующемъ экономическомъ порядкѣ. Вотъ почему выступленіе пролетаріата на путь политической борьбы всегда означаетъ также, что онъ начинаетъ ставить себѣ болѣе широкія *экономическія задачи*. Въ этой борьбѣ пролетаріатъ естественно и вполнѣ заслуженно третируетъ буржуазныя партіи какъ враждебную и реакціонную силу. И потому правы были съѣхавшіеся въ Бильбао предста-

вители испанскихъ рабочихъ, когда они предостерегали свою партію отъ всякаго союза съ буржуазіей. Какъ общее положеніе, какъ напоминаніе пролетаріату о томъ, что его политическая самостоятельность никогда и ничѣмъ замѣнена быть не можетъ, принятое испанскимъ соціалистическимъ конгрессомъ рѣшеніе заслуживаетъ полнѣйшаго одобренія. Но ошибочно было бы истолковывать его въ томъ смыслѣ, что пролетаріатъ всегда и всюду долженъ поступать наперекоръ всякой данной буржуазной партіи. Во многихъ странахъ европейскаго материка уцѣлѣли еще нѣкоторыя учрежденія, завѣщанныя старымъ феодальнымъ или самодержавнымъ порядкомъ. Поскольку буржуазія борется противъ такихъ учрежденій, она играетъ полезную роль, и пролетаріатъ очень сильно повредилъ бы своимъ собственнымъ интересамъ, если бы вздумалъ мѣшать ей въ этомъ случаѣ такъ или иначе. Правда, крупная буржуазія на Западѣ европейскаго материка давно уже отказалась отъ такой роли. Крупная буржуазія не имѣетъ теперь ни капли „разрушительныхъ“ стремленій. Если она не вездѣ тянетъ назадъ, то вездѣ заботливо охраняетъ существующее. Но въ *мелкой буржуазіи* мѣстами сохранилось, мѣстами вновь зародилось тяготѣніе къ дальнѣйшему, разумѣется, далеко не коренному, переустройству общественныхъ отношеній наперекоръ консервативнымъ стремленіямъ крупныхъ буржуа. Подобное тяготѣніе выгодно рабочему классу, и онъ обыкновенно поддерживаетъ его всѣми силами. Впрочемъ, нѣтъ, выразимся точнѣе: пролетаріатъ настолько силенъ и самостоятеленъ теперь, что въ такихъ случаяхъ не онъ играетъ служебную роль, не онъ *поддерживаетъ* мелкую буржуазію, а мелкая буржуазія поддерживаетъ *его*, мелкая буржуазія льетъ воду *на его* мельничныя колеса. Понятно, что пролетаріату и въ голову не можетъ придти мѣшать этому общеполезному ея занятію.

Не далѣе какъ въ Сентябрѣ текущаго года въ Бельгіи, въ Брюсселѣ, имѣлъ мѣсто конгрессъ, на которомъ присутствовали какъ представители пролетаріата, такъ и представители мелкой буржуазіи. На конгрессѣ шла рѣчь о завоеваніи всеобщаго избирательнаго права. Извѣстно, что въ Бельгіи право это принадлежитъ до сихъ поръ ничтожной кучкѣ богачей, располагающихъ дѣлами страны по своему произволу и устраняющихъ всю остальную массу населенія отъ всякаго прямого вліянія на политическую жизнь. Противъ такого порядка рѣшили бороться теперь общими силами соціалисты и (мелкобуржуазные) демократы. Съ цѣлью соглашенія на счетъ этой борьбы и созванъ былъ конгрессъ въ Брюсселѣ, который состоялся 14 Сентября, и на которомъ присутствовало до 500 уполномоченныхъ. Со стороны соціалистовъ въ немъ приняли участіе всѣ самые видные дѣятели бельгійской рабочей партіи: Вольдерсъ, Ансэль, теперь уже покойный де-Папъ и другіе. Имъ принадлежала самая видная роль на конгрессѣ. Ими формулированы принятыя конгрессомъ рѣшенія. Впрочемъ, рѣшенія эти были не многосложны: ихъ всего два. Первое относится къ демонстраціи въ пользу всеобщаго избирательнаго права, второе—ко всеобщей стачкѣ рабочихъ, какъ къ болѣе рѣшитель-

ному оружію въ борьбѣ противъ привиллегированной буржуазіи. Вотъ содержаніе перваго изъ этихъ рѣшеній.

„Конгрессъ".

Принимая во вниманіе, что, прежде чѣмъ прибѣгать ко всеобщей стачкѣ, полезно дать торжественное предостереженіе избранникамъ ограниченнаго избирательнаго права; что демонстраціи представляютъ собою могущественное средство пропаганды; что необходимо испытать всѣ законные пути прежде чѣмъ обращаться къ революціоннымъ средствамъ,—рѣшаетъ, что въ послѣднее Воскресенье, предшествующее открытію палатъ, будутъ организованы демонстраціи во всѣхъ значительныхъ мѣстностяхъ страны."

Вопросъ о всеобщей стачкѣ рабочихъ вызвалъ очень горячія пренія. Нѣкоторымъ хотѣлось заранѣе назначить время будущей стачки. Имъ вполнѣ справедливо возражали, что это совершенно невозможно. „Чтобы предпринять всеобщую стачку, говорилъ марксистъ Ансэль, нужно много денегъ и хлѣба. Готовы ли мы, — въ этомъ весь вопросъ .... Если вы обезпечите намъ 60 франковъ на семью (по 15 фр. въ недѣлю) наше дѣло выиграно. Въ тотъ день мы пойдемъ съ вами и завоюемъ можетъ быть нѣчто большее, чѣмъ всеобщее избирательное право. Но не слѣдуетъ идти на вѣрное пораженіе. Будемъ практичны, будемъ серьезны."

На будущемъ всемірномъ соціаль-демократическомъ конгрессѣ навѣрное будетъ много толковъ и споровъ о всеобщей стачкѣ. Вотъ почему мы заранѣе обращаемъ на нее вниманіе читателей. Мы уже видѣли, что испанскіе соціаль-демократы относятся къ мысли о всеобщей стачкѣ совершенно отрицательно. Ниже мы увидимъ, какъ видоизмѣнилась эта мысль на конгрессѣ французской соціальной демократіи. Теперь же приведемъ относящееся къ ней рѣшеніе Брюссельскаго конгресса.

„Конгрессъ, будучи убѣжденъ, что упорному сопротивленію цензовой буржуазіи*) необходимо противопоставить волю пролетаріата, рѣшившагося добиться избирательнаго права, и принимая во вниманіе, что многочисленныя мирныя требованія и демонстраціи народа оставались до сихъ поръ безъ послѣдствій; — рѣшаетъ, что приходится признать въ принципѣ всеобщую стачку рабочихъ и приглашаетъ всѣ группы сдѣлать все зависящее отъ нихъ для ея успѣха."

Здѣсь ничего не говорится о томъ времени, когда должна начаться всеобщая стачка. Признавая ее въ принципѣ, бельгійскіе соціаль-демократы все таки не возьмутся за ея организацію на практикѣ до тѣхъ поръ, пока, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, она не перестанетъ грозить неподготовленнымъ къ ней рабочимъ вѣрнымъ пораженіемъ.

Необходимость выдѣленія пролетаріата въ особую политическую партію сознается теперь во всѣхъ конституціонныхъ странахъ европей-

*) Т. е. буржуазіи, пользующейся избирательнымъ правомъ, имѣющей требующійся для этого цензъ.

пейскаго матерпка.*) Но съ тѣхъ поръ какъ прекратилось движеніе чартистовъ и до самаго послѣдняго времени не таково было положеніе дѣлъ въ Англіи. Каковы бы ни были причины этого явленія, существованіе его было всѣмъ извѣстно и служило даже поводомъ для буржуазныхъ разсужденій о надлежащемъ политическомъ воспитаніи пролетаріата. Многочисленные и крѣпко сплоченные англійрабочіе союзы (Trade's Unions) шли во хвостѣ „великой либеральной партіи", отталкивая, какъ вредную утопію, всякую мысль о *политической* борьбѣ съ буржуазіей. Эти союзы представляли собою собственно аристократію рабочаго класса; въ нихъ входили рабочіе .такихъ отраслей труда, для занятія которыми требуется извѣстная степень подготовки (Skilled labour). У низшаго слоя англійскаго прелетаріата, — у неученыхъ рабочихъ, у людей занимающихся unskilled labour — никакихъ союзовъ не было, и вообще въ рабочемъ движеніи они участія не принимали. Но вотъ въ прошломъ году вспыхнула стачки на лондонскихъ докахъ, зашевелился Истъ-Эндъ, это обиталище самой страшной нищеты, самой непокрытой бѣдности. Люди, знакомые съ общественными отношеніями Англіи, тогда же предсказывали, что совершится важный поворотъ въ англійскомъ рабочемъ движеніи. Такъ оно и вышло. Стачка на докахъ создала новую и очень серьезную опору для англійскихъ *соціалистовъ*, которымъ почти невозможно было столковаться съ прежними трэдсъ-юніонами, проникнутыми узкимъ духомъ исключительности. Уже на майской демонстраціи въ пользу восьмичасоваго дня соціалисты выступили въ качествѣ очень внушительной силы Но противъ этой силы возставали тогда наиболѣе вліятельные члены старыхъ рабочихъ союзовъ. Старые рабочіе союзы были грозной крѣпостью, за стѣнами которой могли еще долго отсиживаться противники соціализма. Эту крѣпость нужно было взять во что бы то ни стало, и она была взята на Ливерпульскомъ конгрессѣ истекающаго года.

И противники и сторонники соціализма одинаково хорошо понимали, что отъ исхода Ливерпульскаго конгресса зависитъ ближайшая будущность англійскаго рабочаго движенія. Поэтому обѣ стороны двинули туда свои главныя силы. Никогда еще ни на одномъ конгрессѣ англійскихърабочихъ союзовъ не было такого большого числа уполномоченныхъ, и никогда ни на одномъ конгрессѣ этихъ союзовъ не было представлено такое большое количество рабочихъ. За

*) Разумѣется, что безусловно это примѣнимо лишь къ болѣе передовымъ странамъ. Въ Италіи, напримѣръ, до послѣдняго времени были рабочія организаціи, державшіяся того мнѣнія, что пролетаріату нѣтъ надобности заниматься политикой. Такова была „Partito operaio", къ которой принадлежали очень многіе фабричные рабочіе Милана. Но господствующая идея нашего времени, *выдѣленіе пролетаріата въ особую политическую партію*, и въ Италіи дѣлаетъ быстрые успѣхи. На Миланскомъ конгрессѣ 12 Октября эта организація отказалась отъ своего предразсудка и рѣшилась выступить на путь политической борьбы. Это рѣшеніе помогло ей сблизиться съ другой организаціей: „Consolato operaio, членами которой были главобразомъ мелкіе ремесленники, и которая дѣйствовала на выборахъ вмѣстѣ съ буржуазными республиканцами. Теперь это послѣдняя организація приняла соціалистическую программу. Насколько мы знаемъ, главная заслуга принятаго Миланскимъ конгрессомъ рѣшенія принадлежитъ молодому талантливому соціалисту уФилиппо Турати.

послѣднее десятилѣтіе самымъ грандіознымъ конгрессомъ трэдсъ-юніонистовъ былъ прошлогодній конгрессъ въ Донди (Dundee). На немъ присутствовало 210 уполномоченныхъ, представлявшихъ 171 рабочій союзъ съ 885,055 членами. Въ семидесятыхъ годахъ самымъ значительнымъ по числупредставителей и представленныхъ союзовъ былъ Шеффильдскій конгрессъ 1874 г.. На немъ было 153 уполномоченныхъ, представлявшихъ 169 союзовъ съ 1, 191, 922 членами. Остальконгрессы семидесятыхъ годовъ были гораздо менѣе значительны. На Ливерпульскій же конгрессъ нынѣшняго года съѣхалось 457 уполномоченныхъ, представлявшихъ 310 союзовъсъ 1,470,191 членами. Своими небывалыми размѣрами Ливерпульскій конгрессъ обязанъ былъ именно участіе въ немъ „*новыхъ*“ союзовъ, состоящихъ изъ представителей unskilled labour, тѣхъ самыхъ „новыхъ“ союзовъ, на которые опирались соціалисты.

Перво начально казалось, что защитникамъ стараго образа мыслей удастся и на этотъ разъ побѣдить непріятныя для нихъ стремленія къ новшеству. Новаторы были какъ будто не достаточно опытны и недостаточно сплочены. Стародумы одержали сначала нѣсколько побѣдъ, но къ счастью онѣ не имѣли важнаго значенія. Когда очередь дошла до вопроса о восьмичасовомъ днѣ, по поводу котораго завязалась самая жаркая битва, новаторы дѣйствовали уже какъ обстрѣленные бойцы и одержали блестящую побѣду. Извѣстно, что „старые“ трэдсъ-юніоны возставали собственно не противъ восьмичасового дня, а противъ *законодательнаго* ограниченія рабочаго времени. Вѣрные ученіямъ буржуазныхъ экономистовъ, они видѣли вредъ во вмѣшательствѣ государства въ отношенія *взрослыхъ* работниковъ къ капиталистамъ (для дѣтей, въ виду ихъ неправоспособности, и для женщинъ, въ виду ихъ неполной правоспобности, допускалось исключеніе изъ общаго правила). Но отказываться отъ государственнаго вмѣшательства въ отношенія работниковъ къ капиталистамъ — значило играть въ руку этимъ послѣднимъ. Что касается восьмичасовово дня, то, разумѣется, добровольныя соглашенія между заинтересованными сторонами никогда не привели бы къ повсемѣстному его принятію. При томъ же, признаніе неоходимости законодательнаго ограниченія рабочаго дня равносильно принципіальному разрыву съ догматами либеральной экономіи, съ теоріей — „laissez faire, laissez passer“, а этотъ разрывъ является первымъ и необходимымъ шагомъ на пути умственной эмансипаціи пролетаріата. Разъ состоялся бы такой разрывъ, разъ признано было бы, что государство *должно* ограждать интересы рабочихъ путемъ законодательства, сравнительно не трудно уже было бы придти къ той мысли, что въ рядахъ либеральной партіи политическимъ представителямъ пролетаріата дѣлать нечего, и что для защиты своихъ интересовъ рабочій классъ необходимо долженъ выдѣлиться въ особую партію. Отсюда понятно, что „старые“ трэдсъ-юніонисты, съ либеральнымъ Бродгэрстомъ, — этимъ другомъ англійскихъ виговъ и французскихъ поссибилистовъ, — во главѣ, всѣми силами боролись противъ „*законнаго*“ восьмичасоваго рабочаго дня. Но ихъ отчаянное сопротивленіе не привело ни къ чему, Большинствомъ 191 голосовъ противъ 157 Ли-

верпульскій конгрессъ высказался въ пользу *законнаго* восьмичасового дня.

И успѣхи „новыхъ“ не ограничились этой крупной побѣдой. Сбитый съ главной позиціи, непріятель вынужденъ былъ отступить почти по всей линіи. Прежде всего укажемъ на выборъ новаго „парламентскаго секретаря“ на мѣсто Бродгэрста. Парламенскій секретарь — лицо очень вліятельное. На его обязанности лежитъ забота о защитѣ интересовъ рабочихъ союзовъ въ парламентѣ. Пока на конгрессѣ трэдсъ-юніоновъ господствовали „старые“, парламентскому секретарю не приходилось огорчать либеральную буржуазію „неразумными“ требованіями. Требованія рабочихъ конгрессовъ были скромны и не шли въ разрѣзъ съ ученіями буржуазной экономіи. Еще на прошлогоднемъ конгрессѣ въ Дондн требованіе законнаго восьмичасового дня было провалено огромнымъ большинствомъ голосовъ. Буржуазіи оставалось только рукоплескать умѣренности рабочихъ. Бояться какихъ нибудь непріятностей съ парламентскимъ секретаремъ у нея не было никакихъ основаній. Напротивъ, въ лицѣ Бродгэрста парламентскій секретарь былъ преданнѣйшимъ другомъ либераловъ. Теперь, когда Ливерпульскій конгрессъ рѣшилъ требовать отъ парламента восьмичасового дня, противъ котораго заранѣе вопитъ буржуазія, единомышленникамъ Бродгэрста было совсѣмъ не къ лицу претендовать на должность секретаря. Чтобы обезпечить ее за собою, они пошли, правда, на большія уступки. Другъ Бродгэрста, Шайптопъ, высказался даже за тотъ самый законный восьмичасовой день, противъ котораго онъ всѣми правдами и неправдами боролся въ лондонскомъ „Совѣтѣ трэдсъ-юніоновъ“. Но это было напрасно. Значительнымъ большинствомъ голосовъ парламентскимъ секретаремъ избранъ былъ кандидатъ „новыхъ“ Т. Фэнуикъ. Не знаемъ, на сколько удачепъ этотъ выборъ. Мы больше обрадовались бы, если бы избранъ былъ испытанный уже соціалистъ Джонъ Борнсъ. Но во всякомъ случаѣ Фэнуикъ принадлежитъ къ „новымъ“, и если бы у него лично и не оказалось достаточно твердости, то надо надѣяться, что новый, въ Ливерпулѣ же выбранный Trades Council, съумѣетъ придать его дѣятельности надлежащее направленіе.

Ливерпульскій конгрессъ высказался также за необходимость болѣе сильнаго представительства рабочихъ въ парламентѣ. Это рѣшеніе логически вытекаетъ изъ рѣшенія о восьмичасовомъ днѣ. Разорвавъ съ экономической догмой „великой либеральной партіи“, рабочій классъ необходимо долженъ стать на свои собственныя ноги и въ политикѣ.

Между другими рѣшеніями ливерпульскаго конгресса наибольшаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія:

1) Подряды на общественныя работы должны быть отдаваемы не капиталистамъ, а рабочимъ союзамъ; 2) Въ случаяхъ безработицы, вызываемой кризисами или нежеланіемъ хозяевъ исполнить справедливыя требованія рабочихъ (т. е. проще, *стачками*), общинныя управленія должны заводить на свой счетъ мастерскія, въ которыхъ рабочіе могли бы найти заработокъ; 3) Число фабричныхъ инспекторовъ должно быть увеличено; 4) Законъ объ отвѣтственности хозя-

евъ въ случаяхъ несчастій съ рабочими долженъ быть измѣненъ въ смыслѣ болѣе дѣйствительной защиты интересовъ труда; 5) Штрафы, взыскиваемые фабрикантами съ рабочихъ, должны быть запрещены; 6) Земледѣльческіе рабочіе должны быть также организованы въ союзы.

„На будущемъ международномъ конгрессѣ всѣ фракціи великой международной соціалистической Рабочей Партіи соединятся вмѣстѣ и выработаютъ общій планъ международной военной кампаніи", — говоритъ парижскій „Socialiste" по поводу Ливерпульскаго конгресса. Мы тоже надѣемся, что поссибилисты не увидятъ уже на своихъ конгрессахъ наиболѣе вліятельныхъ представителей англійскихъ рабочихъ союзовъ.

Послѣ Англіи и Бельгіи пришла очередь Франціи. Въ половинѣ Октября французская соціальная демократія послала своихъ представителей на конгрессъ въ *Лиллѣ*, а тотчасъ послѣ этого конгресса состоялся конгрессъ синдикальныхъ камеръ (т. е. *ремесленныхъ* рабочихъ союзовъ) въ Калэ.

Изъ помѣщенной въ этой книжкѣ „Соц.-Дем." статьи Ж. Гэда наши читатели узнаютъ о тѣхъ печальныхъ раздѣленіяхъ, которыя мѣшали до сихъ поръ успѣхамъ французской рабочей партіи. Довольно сильные въ провинціи, марксисты слабы въ Парижѣ. На первый взглядъ странно, что „столица міра" мало поддается вліянію самыхъ передовыхъ идей нашего времени. Но дѣло въ томъ, что Парижъ есть городъ мелкой промышленности, и его трудящемуся населенію трудно отдѣлаться отъ мелкобуржуазныхъ предразсудковъ. Экономически провинція мѣстами ушла гораздо дальше Парижа, и потому идеи современнаго соціализма встрѣтили тамъ болѣе подготовленную почву. „Сердце" Франціи не шло дальше поссибилизма, да еще отчасти—романтическаго бланкизма. Это обстоятельство, конечно, мѣшало организаціи партіи. Дѣло дошло до того, что на нѣсколько лѣтъ прекратились даже годичные конгрессы партіи, обязательные по ея уставу. Мѣстныя соціалистическія группы стали фактически почти совершенно независимыми, такъ какъ не было способной объединить ихъ центральной организаціи. Но съ половины 1889 года начался очень замѣтный поворотъ къ лучшему. Съѣхавшіеся въ Парижъ на международный соціалистическій конгрессъ представители мѣстныхъ группъ выбрали Національный Совѣтъ партіи, которому и принадлежитъ съ тѣхъ поръ общее руководство ея дѣлами. Этотъ-то совѣтъ и созвалъ конгрессъ въ Лиллѣ, происходившій 11—12 Октября. Видно, что необходимость конгресса хорошо сознавалась французскими соціалистами. 97 городовъ и общинъ были представлены на немъ 77 уполномоченными; число же представленныхъ на немъ рабочихъ *группъ* и *союзовъ* доходило до 212. Замѣтно было также, что именно въ *марксистахъ* видятъ соціалисты другихъ странъ истинныхъ представителей пролетаріата. Лилльскій конгрессъ получилъ множество привѣтственныхъ адрессовъ и телеграммъ отъ иностранныхъ соціалистовъ. Не имѣя возможности приводить здѣсь всѣ эти адресса и телеграммы, мы выпишемъ только привѣтствіе, присланное Лилльскому конгрессу союзомъ „газовыхъ рабо-

чихъ" (gaz workers) и чернорабочихъ Лондона : „Дорогіе товарищи! Мы, рабочіе и чернорабочіе Англіи и Ирландіи, посылаемъ свой братскій привѣтъ нашимъ братьямъ на материкѣ, желаемъ имъ полнаго успѣха и надѣемся, что конгрессъ будетъ содѣйствовать тому объединенію рабочихъ всего міра, которое одно только и можетъ привести насъ къ окончательной побѣдѣ. Еще разъ желая успѣха вашему благородному предпріятію, остаемся къ вамъ братски расположенные. В. Сэрнъ, генеральный секретарь, В. Уордъ, помощникъ секретаря." Привѣтствіе это было передано конгрессу неутомимой проповѣдницей соціализма Элеонорой Марксъ-Эвелингъ.

Союзъ газовыхъ рабочихъ и чернорабочихъ Лондона не даромъ говорилъ въ своемъ адрессѣ о международномъ объединеніи пролетаріата. Лилльскій конгрессъ много занимался этимъ вопросомъ. Нужно отдать справедливость французскому пролетарію : у него очень сильно развито чувство солидарности съ рабочими другихъ странъ. Правда, къ этому чувству примѣшивается у него теперь уже не совсѣмъ основательное представленіе о превосходствѣ французскаго народа надо всѣми другими народами. Но это представленіе не мѣшаетъ даже незатронутому никакою соціалистической пропагандой французскому рабочему глубоко сочувствовать не только страданіямъ пролетаріевъ другихъ странъ, но и всякому вообще протесту угнетенныхъ противъ угнетателей. Разумѣется, пропаганда марксистовъ еще болѣе усиливаетъ въ немъ это благородное чувство. На Лилльскомъ конгрессѣ оно выразилось въ слѣдующемъ адрессѣ, единогласно принятомъ на первомъ же засѣданіи.

„Конгрессъ

„Привѣтствуетъ тѣ милліоны рабочихъ Европы и Америки, которые въ день 1-го Мая показали, что теперь существуетъ новый интернаціоналъ, и выразили непоколебимое намѣреніе добиться отъ буржуазныхъ общественныхъ властей восьмичасового дня въ ожиданіи того времени, когда рабочій классъ самъ овладѣетъ властью съ цѣлью общественнаго переустройства ;

„Выражаетъ полное сочувствіе всѣмъ тѣмъ лицамъ обоего пола, которыя страдаютъ во французскихъ и иностранныхъ тюрьмахъ за свою преданность дѣлу Труда и Революціи ;

„Поздравляетъ нѣмецкую соціальную демократію съ ея избирательной побѣдой 20 Февраля и съ причиненной этой побѣдой отмѣной гнуснаго исключительнаго закона;

„Протестуетъ противъ ареста и осужденія русскихъ и польскихъ изгнанниковъ буржуазнымъ французскимъ правительствомъ ;

„Предаетъ позору это правительство, которое обезчестило Францію и Республику, настоявъ на устраненіи изъ программы Берлинской конференціи ограниченія рабочаго дня для взрослыхъ;

„И передъ лицомъ всего цивилизованнаго міра ставитъ къ позорному столбу гнусный русскій царизмъ, который пытаетъ политическихъ арестантовъ и сѣчетъ женщинъ, а съ нимъ и гнуснѣйшую буржуазную прессу, покрывающую эти жестокости молчаніемъ соумышленника."

Послѣ сдѣланнаго Ж. Гэдомъ доклада о положеніи дѣлъ партіи конгрессъ перешелъ къ разсмотрѣнію очередныхъ вопросовъ, распадающихся на двѣ категоріи: 1) вопросы, касающіеся собственно французской рабочей партіи, и 2) вопросы международной борьбы пролетаріата. Между вопросами перваго рода важнѣйшимъ былъ вопросъ объ окончательной выработкѣ устава партіи. Читателямъ, вѣроятно, интересно будетъ ознакомиться съ принятымъ конгрессомъ проэктомъ этого устава. Вотъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ его отдѣловъ.

Отдѣлъ I. *Названіе партіи. Статья 1.* Партія называется Рабочей Партіей. Такимъ названіемъ необходимо подразумѣвается организація рабочихъ въ особую классовую партію для политической и экономической экспропріаціи класса капиталистовъ и для обращенія въ общественную собственность средствъ производства.

.....Отдѣлъ III. *Администрація партіи. Ст. 1.* Администрація партіи состоитъ изъ Національнаго Совѣта, ежегодно выбираемаго конгрессомъ и состоящаго подъ контролемъ группъ того города, въ которомъ онъ находится. — *Ст. 2.* Національный Совѣтъ выбираетъ изъ своей среды одного секретаря для внутреннихъ и одного секретаря для внѣшнихъ сношеній партіи. Эти двѣ должности по возможности оплачиваются. — *Ст 3.* Расходы Національнаго Совѣта покрываются: а) ежемѣсячными пятисантимными взносами, обязательными для всѣхъ членовъ партіи . . . б) продажею десятисантимныхъ картъ. (Десятисантимная карта свидѣтельствуетъ о принадлежности даннаго лица къ партіи, и каждый членъ партіи ежегодно долженъ обзаводиться такою картой.) — *Ст. 4.* Нац. Совѣтъ имѣетъ право предпринимать для покрытія своихъ нуждъ собранія*) и подписки. — *Ст. 5.* Нац. Совѣтъ заботится объ исполненіи рѣшеній національныхъ конгрессовъ. Онъ принимаетъ всѣ тѣ чрезвычайныя мѣры, которыя кажутся ему необходимыми при данныхъ обстоятельствахъ. Но по поводу такихъ мѣръ онъ даетъ отчетъ ближайшему конгрессу.

Отдѣлъ IV. *Управленіе партіей. Ст. 1.* Управленіе партіей принадлежитъ исключительно самой партіи, представляемой ежегодными національными конгрессами. — *Ст. 2.* Рѣшенія нац. конгрессовъ обязательны для всѣхъ членовъ партіи. Всякій, кто отказывается подчиниться имъ, тѣмъ самымъ исключаетъ себя изъ ея состава.

Отдѣлъ VI. *Ст. 1.* Центральнымъ органомъ партіи служитъ „Socialiste“, руководство которымъ принадлежитъ Нац. Совѣту, и на который приглашаются подписаться всѣ члены партіи.“

Минуя остальные отдѣлы устава, замѣтимъ, что членами Нац. Совѣта на 1890—1891 г. выбраны: Камескассъ, Крэпенъ, Дэреръ, Ферруль, Ж. Гэдъ, П. Лафаргъ и Кэнель. Феррулю и Тиврію, какъ депутатамъ, поручено выработать, при содѣйствіи Нац. Совѣта, и представить въ Палату Депутатовъ проэкты нѣкоторыхъ законовъ, регулирующихъ отношенія работниковъ къ нанимателямъ.

Международный соціалистическій конгрессъ 1889 г. рѣшилъ,

*) Т. е. такія собранія, за входъ на которыя взимается извѣстная плата.

что слѣдующій конгрессъ соберется въ Бельгіи или въ Швейцаріи. Теперь, въ виду настоящей бельгійскихъ соціалистовъ, французская рабочая партія окончательно высказалась за созывъ конгресса въ Бельгіи и поручила своему Нац. Совѣту согласиться на этотъ счетъ съ соціалистами другихъ странъ Европы и Америки. Затѣмъ въ Лиллѣ рѣшено, по примѣру прошлаго года, организовать майскую демонстрацію въ 1891 году. Конгрессъ приглашаетъ всѣ мѣстныя рабочія организаціи послать къ первому Мая въ Парижъ своихъ делегатовъ, которые, соединившись съ тамошней делегаціей, должны будутъ представить въ Палату требованіе восьмичасового дня. Кромѣ того, онъ совѣтуетъ рабочимъ повсюду, гдѣ это будетъ возможно, ограничить рабочій день 2-го Мая 8 часами. Наконецъ, въ видѣ болѣе рѣшительной мѣры для завоеванія восьмичасового дня, Лилльскій конгрессъ рекомендуетъ *повсемѣстную стачку углекоповъ*. Это во всякомъ случаѣ счастливая мысль. Безъ угля шагу не можетъ ступить современная крупная промышленность. Повсемѣстная стачка углекоповъ сразу остановила бы ея движеніе, а между тѣмъ такая стачка гораздо легче осуществима, чѣмъ повсемѣстная стачка рабочихъ *всѣхъ* отраслей производства. Рѣшеніе Лилльскаго конгресса будетъ доведено до свѣденія углекоповъ всѣхъ странъ, и—кто знаетъ?—можетъ быть намъ и не такъ долго придется ждать его исполненія.

Мѣсто не позволяетъ намъ говорить о другихъ рѣшеніяхъ, принятыхъ въ Лиллѣ. Мы должны сказать еще хоть нѣсколько словъ о конгрессѣ синдикальныхъ камеръ въ Калэ, такъ какъ ходъ и исходъ его указываетъ на широкое распространеніе соціалистическихъ идей въ средѣ французскаго пролетаріата. Многіе буржуа смотрѣли и смотрятъ на ремесленные рабочіе союзы (chambres syndicales, trades unions, Gewerkschaften) какъ на лучшее средство удержать рабочихъ на стезѣ умѣренности и аккуратности. Такое лестное мнѣніе о ремесленныхъ союзахъ составилось вслѣдствіе того, что англійскіе trades unions долгое время находились въ наилучшихъ отношеніяхъ съ либералами. Буржуазія Франціи и Германіи разсуждала такимъ образомъ: въ Англіи рабочіе организованы въ ремесленные союзы; организованный въ ремесленные союзы англійскій рабочій классъ очень кротокъ и уступчивъ. Слѣдовательно, для того, чтобы и наши рабочіе стали кротки и уступчивы, нужно организовать ихъ въ ремесленные союзы. Логическое достоинство этого силлогизма одинаково съ достоинствомъ, напримѣръ, такого разсужденія: когда идетъ дождь, развертываютъ зонтики; слѣдовательно, чтобы пошелъ дождь, нужно развернуть извѣстное количество зонтиковъ. Но умилительная для буржуазныхъ сердецъ дружба англійскихъ trades unions съ „великой либеральной партіей“ происходила отъ такихъ причинъ, которыхъ, конечно, не могли создать ни французскія chambres syndicales, ни нѣмецкія Gewerkschaften. Вотъ почему и во Франціи и въ Германіи развитіе ремесленныхъ союзовъ, къ величайшему удивленію буржуазныхъ мудрецовъ, послужило прежде всего и больше всего на пользу соціализма. Въ Германіи соціальная демократія, во Франціи Рабочая партія вліяетъ на ремесленные союзы гораздо больше и лучше, чѣмъ всѣ либеральные и реакціонные „друзья“ ремесленнаго

движенія вмѣстѣ взятые. Впрочемъ, какъ видѣлъ уже читатель, нѣчто подобное начинаетъ происходить теперь и въ Англіи.

На конгрессъ въ Калэ (13—19 Октября) явилось 55 уполномоченныхъ, представлявшихъ нѣсколько сотъ синдикальныхъ камеръ Парижа, Ліона, Марселя, Бордо, Нанта, Рубэ, Коммантри, Аміена и т. д. и т. д. Англійская „Восьмичасовая Лига“ прислала туда своего представителя въ лицѣ Эвелинга. Его присутствіе какъ бы напоминало уполномоченнымъ синдикальныхъ камеръ о томъ, что всѣ существенные вопросы о положеніи работниковъ могутъ теперь рѣшаться только на международной почвѣ. Впрочемъ, они и не забывали этого. Конгрессъ синдикальныхъ камеръ *единогласно* одобрилъ рѣшенія Лиллькаго конгресса о международномъ соціалистическомъ конгрессѣ 1891 г., о майской демонстраціи и о повсемѣстной стачкѣ углекоповъ. Это уже и само по себѣ очень недурно. Но къ этому нужно прибавить еще, что на конгрессѣ въ Калэ развѣвалось красное знамя, и что послѣднее засѣданіе его окончилось при громкихъ крикахъ: Да здравствуетъ объединеніе рабочихъ! Да здравствуетъ Соціальная Революція! По окончаніи конгресса, состоялось большое народное собраніе, и на немъ высказано было много горькихъ истинъ буржуазнымъ партіямъ, которыя „постоянно измѣняли народу и не подарили его ничѣмъ, кромѣ бѣдности и массовыхъ разстрѣловъ.“ Это, конечно, святая истина, но французскій пролетаріатъ до сихъ поръ не всегда помнилъ о ней въ своей, такъ сказать, повседневной политической жизни. По временамъ онъ увлекался мыслью о томъ, что онъ въ своей политической борьбѣ противъ эксплуататоровъ можетъ становиться подъ одно знамя съ радикалами или даже съ такими искателями приключеній, какъ „храбрый“ генералъ Буланже и его сподвижники. Теперь самъ ходъ событій достаточно разоблачилъ радикаловъ, буланжистовъ и даже поссибилистовъ, и можно надѣяться, что французскій пролетаріатъ объединится, наконецъ, подъ знаменемъ рабочей партіи. И тогда его дѣла пойдутъ не такъ, какъ шли въ послѣднее десятилѣтіе, тогда къ крику галльскаго пѣтуха опять начнетъ прислушиваться вся революціонная Европа.

Конгрессъ синдикальныхъ камеръ происходилъ въ самый разгаръ стачки „тюллистовъ“ (рабочихъ на тюлевыхъ и, если не ошибаемся, вообще на кружевныхъ фабрикахъ). Эта стачка послужила новымъ доказательствомъ современной международной солидарности пролетаріевъ. Ноттингамскіе рабочіе (въ Ноттингамѣ, какъ и въ Калэ, много тюлевыхъ фабрикъ) прислали въ Калэ делегатовъ съ выраженіемъ сочувствія стачечникамъ и оказали имъ очень значительную денежную помощь.

Но какъ бы ни былъ знаменателенъ исходъ всѣхъ перечисленныхъ до сихъ поръ соціалистическихъ конгрессовъ, всѣ они кажутся почти совершенно незначительными въ сравненіи съ конгрессомъ нѣмецкой соціальной демократіи въ Галлэ (13—19 Октября). Это былъ конгрессъ *побѣдителей*, и потому его особенно радостно привѣтствовалъ соціалистическій пролетаріатъ всего міра. Уже въ концѣ семидесятыхъ годовъ нѣмецкая соціаль-демократическая партія была на столько сильна, что противникамъ ея стало не подъ силу бо-

роться съ нею на почвѣ тогдашней германской „законности". Противъ нихъ выковали новое оружіе въ видѣ *исключительнаго* закона. Это было очень сильное оружіе, и враги соціальной демократіи заранѣе ликовали. Они были убѣждены, что скоро отъ нея останется одно только страшное для всѣхъ филистеровъ воспоминаніе. Соединеннымъ усиліямъ „друзей порядка" удалось нѣсколько ослабить вліяніе соціальной демократіи. Въ 1877 г. при выборахъ въ рейхстагъ за кандидатовъ этой партіи было подано 493,000 голосовъ, а въ 1881 г. подъ давленіемъ исключительнаго закона, число голосовавшихъ за нихъ избирателей упало до 312,000. Друзья порядка могли, повидимому, надѣяться, что дѣло не остановится на этой первой побѣдѣ, что соціальная демократія быстро пойдетъ ко дну. Но торжество ихъ было не продолжительно. Уже 1884 г. заставилъ ихъ призадуматься. За соціаль-демократовъ было подано тогда 550.000 голосовъ. Черезъ три года соціаль-демократы считали за собою уже 763.000 избирателей, и, наконецъ, въ Февралѣ 1890 года они получили 1,427,000 голосовъ. Вмѣсто угнетенной, осужденной на исчезновеніе партіи, передъ защитниками „основъ" стояла во всеоружіи образцовой организаціи и несокрушимой дисциплины *самая сильная изъ всѣхъ партій Германіи.* Исключительный законъ совершенно не оправдалъ возложенныхъ на него ожиданій. Система *исключительныхъ* преслѣдованій не привела ни къ чему и пала, увлекая за собою своего главнаго представителя—желѣзнаго канцлера. „Внутренняя политика будетъ его московскимъ походомъ" — говорилъ о немъ Родбертусъ. Эти слова оказались пророческими. Но трудно было реакціонерамъ свыкнуться съ мыслью о непобѣдимости соціальной демократіи. „Если соціаль-демократы справились даже съ Бисмаркомъ, думали они, то долго ли продержится любезный намъ порядокъ? Чего же намъ ждать? На что надѣяться?" Къ сожалѣнію или къ счастью, утѣшительница-надежда не замедлила возродиться въ реакціонныхъ сердцахъ въ видѣ отраднаго ожиданія внутренняго распаденія соціаль-демократической партіи. Это ожиданіе отчасти порождало слухи, отчасти само порождалось слухами о какихъ-то распряхъ между „*старыми*" и „*молодыми*" соціаль-демократами, о какой-то грозной „оппозиціи" прежнимъ вожакамъ партіи. Говорили, что именно на предстоящемъ конгрессѣ вспыхнетъ яркимъ пламенемъ скрытый до времени огонь раздора, что „молодые" дадутъ на немъ рѣшительную битву „старымъ", и что единство партіи разобьется на всегда. Эти слухи такъ упорно повторялись буржуазной печатью всего міра, что даже у друзей нѣмецкихъ соціаль-демократовъ явились опасенія за ближайшую будущность партіи. Но вотъ начался нетерпѣливо ожидавшійся всѣми конгрессъ, и что же оказалось? Гдѣ же соціаль-демократическія междоусобія? Гдѣ эта пресловутая оппозиція? Изъ 413 уполномоченныхъ нашелся *только одинъ*, явно выказавшій въ извѣстномъ смыслѣ оппозиціонное настроеніе, и этотъ одинъ самъ не зналъ хорошенько, чего же собственно онъ хочетъ. И всѣмъ до такой степени очевидна была его полнѣйшая духовная безпомощность, что и тотъ десятокъ уполномоченныхъ, который какъ будто молчаливо сочувствовалъ ему въ началѣ, скоро и безпо-

воротно перешелъ на сторону большинства. Несчастный ораторъ „оппозиціи“ очутился въ самомъ жалкомъ положеніи. „Старымъ“ ничего не стоило бы политически уничтожить его. Но они не хотѣли употребить во зло свою силу. Они поступили съ Вернеромъ по товарищески. Назначена была комиссія для разбора какъ его жалобъ, такъ и выставленныхъ противъ него обвиненій. Эта комиссія нашла, что Вернеръ дѣйствовалъ не по злой волѣ, а просто по недоразумѣнію. Оставалось, значитъ, только пожелать, чтобы онъ лучше выяснилъ себѣ задачу и программу партіи. Это мягкое рѣшеніе поразило даже друзей Вернера. Шмидтъ (изъ Бургштэдта) заявилъ, что онъ, не смотря на свою дружбу съ Вернеромъ, пораженъ безпристрастіемъ вынесеннаго комиссіей приговора и проситъ конгрессъ единогласно принять его. Такимъ образомъ, призракъ оппозиціи исчезъ, какъ исчезаетъ туманъ отъ дѣйствія солнца. Важнѣйшія рѣшенія конгресса приняты были *единогласно*, т. е., слѣдовательно, за нихъ голосовалъ даже Вернеръ. Что же касается соціаль-демократическаго Берлина, сильно возстановленнаго, какъ говорили, противъ „старыхъ“, то его настроеніе достаточно ярко выразилось въ слѣдующемъ заявленіи, прочтенномъ на конгрессѣ берлинскими уполномоченными: „Такъ какъ враждебная намъ нѣмецкая и иностранная печать распространяла слухи о томъ, что берлинскіе соціаль-демократы принципіально расходятся съ партіей и ея руководителями и стремятся вызвать въ ней раздѣленіе, представители Берлина, Тельтовъ-Бесковъ-Шторкова и Нидеръ-Барнима заявляютъ: мы никогда не имѣли даже тѣни подобнаго намѣренія и всегда будемъ самымъ рѣшительнымъ образомъ противиться всѣмъ попыткамъ этого рода. Мы стоимъ, какъ и прежде стояли, на почвѣ основныхъ положеній нашей партіи... Правда, мы оставляемъ за собою право свободной критики и ради самой партіи желаемъ, чтобы исчезло всякое личное раздраженіе какъ въ нашей печати, такъ и на нашихъ собраніяхъ. Но мы употребимъ всѣ свои силы на пользу *единства, развитія и усиленія партіи.*“ По поводу этого заявленія Зингеръ замѣтилъ отъ лица конгресса, что „берлинскіе члены партіи — такіе же дѣльные, смѣлые и достойные люди, какъ и остальные ея члены.“

Итакъ, конгрессъ показалъ, что на разрушительное вліяніе „оппозиціи“ друзьямъ „порядка“ разсчитывать невозможно. Онъ показалъ также, что невозможно имъ утѣшать себя старымъ, избитымъ соображеніемъ о бараньей тупости соціаль-демократической массы, безпрекословно слѣдующей за своими вожаками. Какая тамъ тупость, помилуйте! Собравшіеся на конгрессѣ уполномоченные „представляли собою такую сумму ума, опытности, мужества и самоотверженія, какой вы не нашли бы ни въ какомъ другомъ собраніи“, справедливо говоритъ вѣнская „Arbeiter-Zeitung“. Это, конечно, дружескій отзывъ; враги этого не скажутъ; но вѣдь *только* не скажутъ, а *сознаютъ* они это прекрасно. Если бы они раньше не знали, какъ неосновательны всѣ разсужденія о тупой и безпрекословной покорности рядовыхъ соціаль-демократовъ своимъ вожакамъ, то они увидѣли бы это на конгрессѣ. Тамъ происходили самыя оживленныя пренія, и каждый откровенно высказывалъ свои взгляды, нисколько не боясь

постоять за нихъ, если было нужно, противъ знаменитѣйшихъ вожаковъ партіи. Подчасъ раздавалось рѣзкое, даже, если угодно, слишкомъ рѣзкое слово. Но дѣло происходило не въ модной гостиной, а на дѣловомъ собраніи; споры велись не между дипломатами, а между товарищами, соединенными общностью великой цѣли, взаимнымъ уваженіемъ и, иногда, долголѣтней совмѣстной дѣятельностью. Поэтому никто не обнаруживалъ неумѣстной обидчивости, и горячіе, рѣзкіе споры очень часто заканчивались *единогласными рѣшеніями*. Воображаемъ непріятное удивленіе буржуазіи! Соціаль-демократическая дисциплина давно уже стала для нея совершенно непонятнымъ явленіемъ. Нѣмецкая буржуазія такъ ужъ воспитана, что когда при ней произносятъ слово *дисциплина*, она немедленно вспоминаетъ о капральской палкѣ. А у соціаль-демократовъ палка-то и отсутствуетъ, хотя ихъ дисциплинѣ завидуютъ даже прусскіе фронтовики. Вотъ и пойми тутъ, откуда берется эта ужасная дисциплина, и чѣмъ замѣняется у соціаль-демократовъ та боязь наказанія, которая издавна принималась всѣми почтенными филистерами за самое пресловутое „начало премудрости“! Правду говорилъ Гамлетъ на счетъ множества вещей, даже не снившихся „нашимъ мудрецамъ“!

Мы не знаемъ ничего интереснѣе и знаменательнѣе преній, происходившихъ въ Галлэ по вопросу *о пересмотрѣ программы* нѣмецкой соціаль демократической партіи. Что такое программа? Это въ нѣкоторомъ родѣ то же самое, что языкъ. Зачѣмъ данъ языкъ человѣку? Затѣмъ, чтобы человѣкъ могъ скрывать свои мысли. То же и съ программой. Партіи выставляютъ программы для того, чтобы скрывать свои истинныя цѣли и стремленія. Въ виду этого понятно: 1) что никакая партія сама не вѣритъ тому, что говорится въ ея программѣ; 2) что можно безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти измѣнять своей программѣ, а тѣмъ болѣе измѣнять программу, если это полезно для истинныхъ цѣлей партіи; 3) если любая программа имѣетъ что либо общее съ какой нибудь наукой, то развѣ лишь съ тою, которая въ извѣстномъ слоѣ русскихъ людей называется иногда „химіей“, а иногда „механикой“, но всегда сводится къ умѣнью обмануть ближняго. Согласны вы съ этимъ? Конечно, согласны, если только вы трезвый политикъ, не зараженный соціаль-демократическими бреднями! Соціаль-демократы,—тѣ, въ качествѣ закоренѣлыхъ доктринеровъ, разсуждаютъ иначе. *Ихъ* программа написана не для того, чтобы обманывать публику, а для того, чтобы развивать сознаніе народа, указывая ему цѣль современнаго общественнаго движенія. *Они* думаютъ, что измѣнять своей программѣ позорно, а измѣнять свою программу партія можетъ только тогда, когда это подсказывается успѣхами науки, а не преходящимъ настроеніемъ избирателей. И къ довершенію всего, та наука, на которую опирается *ихъ* программа, отличается какимъ-то страннымъ характеромъ. Нечего и говорить, что она не имѣетъ ничего общаго съ „химіей“ россійскихъ плутовъ. Но кромѣ того они вносятъ страшныя ереси въ излюбленный ими отдѣлъ знаній, — въ *политическую экономію*. Ни одинъ добрый филистеръ — хоть убей его! — ровно ничего не понимаетъ въ *ихъ* политической экономіи. Ихъ „библія“, „*Капиталъ*“,—это настоящій

кассэтъ, какъ отзывался о немъ добрѣйшій Эмиль де-Лавелэ. Извольте разсуждать съ такими чудаками!

И какъ серьезно относятся они къ своей программѣ! Какъ глубоко обдумываютъ каждое изъ ея положеній! Какъ заботятся о томъ, чтобы она ни на волосъ не противорѣчила наукѣ! „Наука идетъ впередъ—говорилъ на конгрессѣ Либкнехтъ въ своемъ докладѣ о пересмотрѣ соціаль-демократической программы — и наша партія, отрицающая всѣ авторитеты и на землѣ и на небѣ, подчиняетъ свои принципы развитію науки.“ И это у него не фраза. Иначе какъ съ точки зрѣнія науки онъ просто *не можетъ* смотрѣть на програмные вопросы. Прочтите хоть эти заключительныя слова его доклада: „Пока партія была еще очень молода, не опиралась на почву науки, относилась къ современному движенію, какъ химія относится къ алхиміи, она много занималась вопросомъ о будущемъ общественномъ устройствѣ, и тогда многіе ломали голову, стараясь рѣшить, кто будетъ чистить сапоги и мести улицы въ будущемъ обществѣ. Теперь мы смѣемся надъ этимъ. Дѣйствительность обгоняетъ теперь самую сильную фантазію... Пусть тѣ господа, которые требуютъ отъ насъ картины будущаго общества, постараются прежде выяснить себѣ картину современнаго общества. Какой видъ приметъ оно черезъ десять лѣтъ?.. Отвѣтьте сначала на этотъ вопросъ. Тогда мы, въ свою очередь, скажемъ, какой видъ будетъ имѣть общество въ результатѣ длиннаго историческаго развитія. Только ненаучныя головы могутъ требовать отъ насъ подобныхъ отвѣтовъ.“ Голосъ Либкнехта нѣсколько разъ покрывался рукоплесканіями и криками „браво“!

Замѣтьте, что онъ говорилъ это представителямъ рабочаго класса и при томъ такимъ представителямъ его, которые сами въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ — рабочіе. Что же это такое? Когда, какая партія говорила съ пролетаріатомъ такимъ языкомъ? Можно ли сравнить съ подобными рѣчами соціаль-демократовъ ту псевдо-научную, слащавую до тошноты, умышленно-картавую (для „популярности“), полную всяческихъ благонамѣренныхъ умолчаній и всякой душеспасительной лжи болтовню, съ которой удостоиваютъ иногда обратиться къ рабочимъ „ученые“ представители буржуазіи? О чемъ свидѣтельствуютъ эти умныя, эти мужественныя рѣчи? Онѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что осуществился благородный идеалъ, что состоялся, наконецъ, *союзъ науки съ работниками*, что рабочіе понимаютъ науку, а наука имѣетъ въ рабочихъ самыхъ понятливыхъ учениковъ и самыхъ безстрашныхъ послѣдователей. Этотъ союзъ есть величайшее знаменіе нашего времени. И правъ былъ Лассаль, когда говорилъ, что плохо придется старому міру въ желѣзныхъ объятіяхъ новаго союза.

При такомъ отношеніи соціаль-демократовъ къ своей программѣ понятно, что они не могли рѣшиться на необдуманную передѣлку ея. Окончательный пересмотръ программы отложенъ до слѣдующаго конгресса. А въ ожиданіи его соціаль-демократическая печать подвергнетъ ее всестороннему разбору. Впрочемъ, напередъ можно сказать, что никакихъ существенныхъ перемѣнъ не сдѣлаетъ въ ней и

слѣдующій конгрессъ. Она составлена съ такимъ знаніемъ дѣла, что выдержитъ не только придирчивыя нападки своихъ беззубыхъ враговъ, но — что гораздо труднѣе — также и безпристрастную, вдумчивую критику своихъ сторонниковъ. Нѣкоторымъ изъ ея положеній придастся болѣе научная формулировка, прибавится, можетъ быть, къ ней нѣсколько новыхъ параграфовъ, касающихся современной тактики партіи, да выключены будутъ нѣкоторыя, унаслѣдованныя отъ лассальянцевъ и теперь уже по общему признанію соціаль-демократовъ неумѣстныя требованія,— вотъ все, чѣмъ ограничатся предстоящія измѣненія нѣмецкой соціаль-демократической программы.

Въ прежнее время, до изданія исключительнаго закона противъ соціаль-демократовъ, въ ихъ программѣ говорилось, что партія ихъ будетъ добиваться своихъ цѣлей всѣми *законными* средствами. Исключительный законъ сдѣлалъ невозможной соціаль-демократическую борьбу на законной почвѣ. Рѣшено было, что партія будетъ добиваться своихъ цѣлей *всякими* зависящими отъ нея средствами. Теперь, съ отмѣной названнаго закона, возникъ вопросъ, не слѣдуетъ ли опять вписать въ программу, что партія будетъ держаться *законныхъ* средствъ. Но Либкнехтъ нашелъ это неумѣстнымъ. Въ настоящую минуту намъ даютъ возможность держаться законной почвы, но кто знаетъ, что ожидаетъ насъ въ будущемъ? Зачѣмъ же торопиться намъ съ заявленіями о своей готовности держаться законной почвы? Такъ разсуждалъ онъ, и конгрессъ безъ труда съ нимъ согласился.

Къ числу важнѣйшихъ вопросовъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію конгресса, принадлежалъ вопросъ объ организаціи партіи. Германское законодательство, давая (когда даетъ, т. е. когда не прибѣгаетъ къ исключительнымъ „мѣропріятіямъ“) нѣкоторую, правда, очень небольшую свободу мѣстнымъ рабочимъ союзамъ, чрезвычайно затрудняетъ объединеніе ихъ въ одну общую организацію. А между тѣмъ безъ такой организаціи почти не можетъ существовать никакая дѣятельная партія. Конгрессу нужно было, обойдя всѣ безчисленныя мели и скалы „законнаго“ кляузничества, создать хоть что нибудь похожее на организацію. Для общаго руководства дѣлами партіи выбранъ совѣтъ (Parteileitung), состоящій изъ 12 членовъ: 2 предсѣдателей (Гэршъ, Зингеръ), 2 письмоводителей (Ауэръ, Фишеръ), кассира (Бебель) и 7 контролеровъ (Добберъ, Гербертъ, Эвальдъ, Кадэнъ, Якобей, Шульцъ и Берэндъ). Руководящій совѣтъ расходуетъ по своему усмотрѣнію находящіяся въ кассѣ партіи деньги; наблюдаетъ за ходомъ дѣлъ партіи и за направленіемъ центральнаго органа партіи; созываетъ конгрессы, которымъ онъ представляетъ отчетъ о своей дѣятельности и проч... Для облегченія сношеній руководящаго совѣта съ мѣстными союзами выбираются въ каждомъ избирательномъ округѣ особые *довѣренные люди* (Vertrauensmänner). Касса партіи пополняется *добровольными взносами* членовъ. Центральнымъ органомъ партіи признанъ „Berliner Volksblatt“, выходящій подъ редакціей Либкнехта (который имѣетъ право голоса въ руководящемъ совѣтѣ). Мѣстные органы не признаются собственностью партіи; о нихъ заботятся мѣстные союзы и группы. Вотъ собственно

и вся организація партіи. Какъ видите, въ ней нѣтъ ничего романтическаго, и ужь чѣмъ-чѣмъ, а излишнимъ централизмомъ она не грѣшитъ. Напротивъ, можно сказать, что слишкомъ мало отведено въ ней мѣста вліянію и почину Руководящаго Совѣта. Можно, повидимому, опасаться, что съ такой слабой организаціей не преодолѣетъ партія ожидающихъ ее трудностей. Но такое опасеніе будетъ неосновательнымъ. Исключительный законъ не позволялъ и такой слабой организаціи соціаль-демократической партіи, а между тѣмъ дѣла ея шли превосходно. Теперь они пойдутъ, конечно, еще лучше. Ко времени конгресса въ Галлэ партія располагала уже 19 ежедневными газетами съ 120,400 подписчиковъ; 24 органами, выходящими по 3 раза въ недѣлю и имѣющими 58,000 подписчиковъ; 6 органами, выходящими два раза въ недѣлю съ 14,850 подписчиковъ, и, наконецъ, 10 органами, выходящими разъ въ недѣлю съ 60,850 подписчиковъ. Кромѣ того, въ распоряженіи партіи находилось болѣе 40 спеціально-ремесленныхъ органовъ съ 201,000 подписчиковъ; еженедѣльный литературно-политическій журналъ „Neue Zeit“ съ 2,500 подписчик., еженедѣльный гамбургскій иллюстрированный журналъ „Gesellschafter“ съ 19,000 подписчиковъ, и 2 юмористическихъ листка съ 107,000 подписч.. Недурно? Посмотрите теперь, какія средства составляются у партіи изъ добровольныхъ взносовъ. Со времени С.-Галленскаго конгресса (конецъ Августа 1887 г.) и до времени конгресса въ Галлэ въ распоряженіе партіи поступило 349,729 марокъ, изъ которыхъ израсходовано 217,399 марокъ. Потрудитесь сами сосчитать, сколько оставалось въ кассѣ. Замѣчательныя свойства организаціи нѣмецкой соціальной демократіи доказаны выборами 20 Февраля, такъ же, впрочемъ, какъ и всѣми предыдущими выборами. Вы спросите, можетъ быть, откуда же берется все это у партіи, имѣющей теперь лишь намекъ на организацію, а въ теченіе послѣднихъ 12 лѣтъ, не имѣвшей даже и намека? Объ этомъ „исторія умалчиваетъ“. И это остается для насъ такою же тайной, какъ и для имперскихъ „правящихъ сферъ“.

Въ послѣднее время въ Германіи было очень много *стачекъ* и, кромѣ того, въ довольно широкихъ размѣрахъ практиковалась противъ людей, вредившихъ интересамъ партіи, система такъ называемаго *бойкотта*. Конгрессъ рѣшилъ, что безъ стачекъ и бойкотта невозможно обойтись рабочимъ въ современномъ обществѣ; но такъ какъ предпринятыя безъ надлежащей подготовки и организаціи стачки могутъ вести за собою невыгодныя для рабочихъ послѣдствія, то слѣдуетъ прибѣгать къ нимъ съ большою осторожностью и стараться о расширеніи и централизаціи ремесленныхъ союзовъ.

Исключительный законъ безпощадно нарушалъ не только политическія права рабочаго класса, но также и гражданскія права рабочихъ организацій. Произвольныя административныя „мѣропріятія“ нанесли много матерьяльныхъ убытковъ этимъ организаціямъ. Конгрессъ рѣшилъ требовать отъ союзныхъ правительствъ возмѣщенія такихъ убытковъ, ограничивая, однако, это требованіе исключительно областью *гражданскаго* права. Объ амнистіи же по *политическимъ* „преступленіямъ“ не хотятъ и слышать нѣмецкіе соціаль-демократы.

„Амнистія не желательна ни для насъ, находящихся на свободѣ, ни для тѣхъ, которые сидятъ еще по тюрьмамъ“ — сказалъ Бебель, когда поднялась было рѣчь о ней на конгрессѣ, и вопросъ окончательно исчерпанъ былъ этимъ гордымъ заявленіемъ.

Города и промышленные центры, вообще говоря, теперь уже завоеваны нѣмецкой соціальной демократіей. Поэтому ея конгрессъ рѣшилъ дѣятельно взяться за пропаганду *между сельскимъ населеніемъ*. Кромѣ того, для привлеченія рабочихъ польскихъ провинцій Пруссіи по рѣшенію конгресса основанъ соціаль-демократическій органъ *на польскомъ языкѣ*.

По отношенію къ международной тактикѣ рѣшено: 1) участвовать въ майской демонстраціи; но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ представились бы непреодолимыя трудности для празднованія перваго Мая, демонстрація можетъ быть отложена до ближайшаго праздничнаго дня. 2) Послать уполномоченныхъ на предстоящій всемірный соціалистическій конгрессъ, который, согласно предложенію бельгійцевъ, состоится въ Брюсселѣ.

Торжественно начался, торжественно закончился нѣмецкій соціаль-демократическій конгрессъ. Изъ Франціи, изъ Бельгіи, изъ Голландіи, изъ Англіи, изъ Австріи, изъ Даніи, изъ Швеціи и изъ Швейцаріи прибыли въ Галлэ представители соціалистическихъ партій. Итальянскіе соціаль-демократы привѣтствовали германскихъ въ длинномъ краснорѣчивомъ адрессѣ. Число всѣхъ полученныхъ конгрессомъ поздравительныхъ адрессовъ доходитъ до 55, а число телеграммъ до 251. Изъ рѣчей уполномоченныхъ отъ иностранныхъ соціаль-демократическихъ партій наибольшее впечатлѣніе на многочисленную, присутствовавшую въ залѣ конгресса (а затѣмъ и на всю читающую) публику произвела, конечно, рѣчь французскаго уполномоченнаго Ж. Гэда. „Я съ радостью и съ гордостью приношу доблестной нѣмецкой соціальной демократіи братскій привѣтъ и восторженное сочувствіе французскихъ работниковъ — говорилъ онъ. Душою и сердцемъ мы не переставали быть съ вами во время вашей геройской двѣнадцатилѣтней борьбы противъ системы насилій, коварства и провокаторства... И вмѣстѣ съ вами мы торжествовали, когда,—цѣною тысячи лѣтъ тюрьмы,*) высылокъ сотенъ вашихъ лучшихъ товарищей, и не смотря на запрещеніе вашихъ органовъ печати и на распущеніе болѣе чѣмъ 300 политическихъ и рабочихъ союзовъ,—вы показали себя 20 Февраля такими многочисленными, такими дисциплинированными, такими непобѣдимыми, что вашимъ врагамъ, ради собственной безопасности, пришлось отказаться отъ исключительнаго закона. Эта побѣдоносная борьба поставила васъ во главѣ воинствующаго пролетаріата всего міра... Я горжусь своимъ присутствіемъ среди нѣмецкихъ рабочихъ, которые прежде всѣхъ другихъ организовались въ классовую партію и задались цѣлью завоеванія политической власти для превращенія капиталистическаго производства и капиталистической собственности въ общественную собственность и въ общественное производство.

*) За время существованія исключительнаго закона соціаль-демократы вынесли въ общей суммѣ 1000 лѣтъ тюремнаго заключенія.

Программа представляемой мною здѣсь французской рабочей партіи ничѣмъ не отличается отъ вашей. И точно также, и вы и мы держимся одинаковой тактики. Какъ и вы, мы, — по выраженію, употребленному однимъ изъ васъ на Копенгагенскомъ конгрессѣ—не парламентскіе политиканы и не революціонныхъ дѣлъ мастера. Но наша партія — революціонная партія, потому что она стремится къ установленію новаго общественнаго порядка... Подобно вамъ, мы, теперь же добиваясь реформъ, требуемыхъ интересами рабочаго класса, не обманываемъ себя ложными надеждами; въ избирательной и парламентской борьбѣ мы видимъ лишь средство пропаганды, агитаціи и увеличенія своихъ силъ... Что бы ни случилось, мы никогда не разойдемся съ вами." Заклеймивъ затѣмъ позорный союзъ французской буржуазіи съ русскимъ царемъ и припомнивъ сочувственное отношеніе нѣмецкихъ соціаль-демократовъ къ Парижской Коммунѣ, Гэдъ еще разъ привѣтствовалъ германскій пролетаріатъ отъ имени французской партіи и закончилъ свою блестящую рѣчь восклицаніемъ: „да здравствуетъ соціалистическая и рабочая Германія!"

„Скажите нашимъ братьямъ во Франціи — отвѣтилъ на это Либкнехтъ,—что для насъ, какъ и для нихъ, нѣтъ государственныхъ границъ, и что въ борьбѣ за освобожденіе человѣчества мы идемъ вмѣстѣ съ ними. Да здравствуетъ рабочая Франція! Да здравствуетъ соціалистическая Франція!"

Въ глазахъ французскихъ и нѣмецкихъ филистеровъ такія рѣчи были, разумѣется, государственной измѣной. На Гэда напали даже нѣкоторые изъ французскихъ „непримиримыхъ" (intransigeants). Но вѣдь это давно извѣстно, что международная солидарность революціоннаго пролетаріата —совсѣмъ не буржуазнаго ума дѣло.

„Никакая сила въ мірѣ не справится съ соціальной демократіей — воскликнулъ Зингеръ, закрывая послѣднее засѣданіе конгресса, — мы не остановимся, мы не успокоимся до тѣхъ поръ, пока не достигнемъ своей цѣли. Мы останемся вѣрны нашему дорогому, теперь снова свободно развѣвающемуся знамени; вѣрны себѣ, вѣрны партіи. Приглашаю васъ (членовъ конгресса) вмѣстѣ со мной трижды воскликнуть: да здравствуетъ нѣмецкая, да здравствуетъ интернаціональная, освобождающая народы соціальная демократія!" Трижды раздался дружный крикъ, и глубоко взволнованные члены конгресса, стоя, пропѣли нѣмецкую рабочую марсельезу. Знаете ли вы ея припѣвъ? —

Marsch, marsch,
Marsch, marsch,
Und wär's zum Tod,
Denn unsere Fahn' ist roth*)

Истекающій 1890 г. ознаменовался также сильнымъ подъемомъ рабочаго движенія въ Австраліи. Читатели знаютъ, конечно, изъ газетъ объ упорной и долгой борьбѣ австралійскихъ Trade's unions съ капиталистами. Недавно въ „Berliner Volksblatt" была напечатана программа образовавшейся въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ „Австра-

*) Маршъ, маршъ, маршъ, маршъ, хотя бы на смерть, вѣдь не даромъ же у насъ красное знамя!

лійской Соціалистической Лиги" (Australian Socialis' League). Изъ этой программы видно, что Лига вполнѣ, безъ всякихъ оговорокъ и недомолвокъ, держится соціаль-демократическихъ взглядовъ. Это, кажется, первое проявленіе соціаль-демократическаго движенія между рабочими англійскаго языка въ колоніяхъ.

Повторяемъ, на 1890 г. не могутъ пожаловаться соціаль-демократы. Онъ подарилъ ихъ огромными, почти опьяняющими успѣхами.*) И если успѣхи эти производятъ сильное впечатлѣніе на насъ, людей средняго возраста, политическая мысль которыхъ разбужена была шумомъ уже значительно окрѣпшаго движенія пролетаріата, то не трудно представить себѣ настроеніе ветерановъ соціализма, людей, видѣвшихъ первые, слабые шаги рабочей партіи. Съ каждымъ годомъ, почти съ каждымъ днемъ все роскошнѣе и роскошнѣе становятся плоды ихъ трудной, многолѣтней дѣятельности; съ каждымъ годомъ, почти съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе становится очевиднымъ, что не только окончательная побѣда совершенно обезпечена за пролетаріатомъ, но что никакіе удары враговъ не могутъ теперь хотя бы задержать на сколько нибудь продолжительное время его побѣдоносное шествіе. Что можетъ быть отраднѣе такого зрѣлища? Что можетъ быть лучше такой награды за перенесенныя невзгоды, бѣдствія и испытанія?

Въ нынѣшнемъ году, въ этомъ году побѣдъ и успѣховъ, пролетаріатъ отпраздновалъ семидесятый день рожденія своего учителя — *Фридриха Энгельса*. Въ настоящее время нѣтъ человѣка, который могъ бы сравняться съ Энгельсомъ своими заслугами по отношенію къ пролетаріату. Не помнимъ уже кѣмъ замѣчено было, что написать біографію Энгельса значитъ написать исторію рабочаго движенія новѣйшаго времени. Это вѣрно, но этимъ не все еще сказано. Написать біографію Энгельса значитъ написать также главу изъ исторіи человѣческой мысли новѣйшаго времени, — очень интересную и глубоко поучительную главу. Вмѣстѣ съ Марксомъ Энгельсъ былъ родоначальникомъ научнаго соціализма, т. е. цѣлой философской системы, смѣнившей собою идеалистическую нѣмецкую философію со

*) Статья эта уже набиралась, когда мы прочли въ газетахъ о рабочихъ конгрессахъ въ Голландіи, въ Австріи и въ Португаліи. Конгрессъ голландскихъ соціаль-демократовъ, который начался 25 Дек. (н. с.) въ Гаарлемѣ и на которомъ было представлено 38 рабочихъ союзовъ, рѣшилъ праздновать первое Мая вмѣстѣ съ рабочими другихъ странъ. Такое же рѣшеніе принято на Брюнскомъ конгрессѣ австрійскихъ рабочихъ желѣзодѣлательныхъ и машиностроительныхъ заводовъ. На этотъ конгрессъ съѣхалось 124 уполномоченныхъ изъ всѣхъ провинцій Австріи, за исключеніемъ Галиціи. Между другими рѣшеніями его заслуживаетъ вниманія широкій планъ организаціи австрійскихъ рабочихъ желѣзнодѣлательныхъ заводовъ по образцу англійскихъ тредъ-юніоновъ. Постановлено также требовать увеличенія числа фабричныхъ инспекторовъ и издавать особый журналъ для рабочихъ названной отрасли промышленности. Въ тоже время и въ томъ же Брюннѣ состоялся конгрессъ гончаровъ и рабочихъ стекляныхъ заводовъ, на которомъ также рѣшено требовать сокращенія рабочаго дня (но до восьми ли часовъ, — этого мы пока еще не знаемъ) и основать широкую ремесленную организацію. На обоихъ конгрессахъ постановлено *всѣми силами добиваться всеобщаго избирательнаго* права. Наконецъ, на Лиссабонскомъ конгрессѣ португальскихъ ремесленныхъ союзовъ *единогласно* рѣшено — таиъ было до 300 уполномоченныхъ — не работать въ день перваго Мая и устроить во всей странѣ митинги съ требованіемъ восьмичасового дня.

всѣми ея, болѣе или менѣе незакопными, дѣтищами и со всѣми ея, болѣе или менѣе отдаленными, бѣдными родственницами смѣшаннаго, полу-„реалистическаго“, полу-идеалистическаго происхожденія. Научный соціализмъ есть не только величайшая — а лучше сказать единственная, заслуживающая этого имени — философская система *нашего* времени. Его появленіе знаменуетъ собою въ высшей степени важный поворотъ въ исторіи человѣческой мысли вообще. Прежде движеніе мысли не имѣло почти ровно ничего общаго съ движеніями *народныхъ массъ*. Носителями ея были высшіе классы: духовенство и, отчасти, дворянство, потомъ буржуазія. Въ своей борьбѣ со „старымъ порядкомъ“ буржуазія сама разбудила дремавшую мысль рабочаго класса, но пока онъ боролся подъ ея руководствомъ, ему доставались лишь ничтожныя крохи знанія. На него смотрѣли какъ на малолѣтняго, да при тогдашнихъ общественныхъ условіяхъ онъ и на самомъ дѣлѣ былъ малолѣтнимъ. Соціалисты-утописты предлагали пролетаріату уже гораздо болѣе питательную умственную пищу, но утопическій соціализмъ далеко еще не былъ *наукой*. Только трудами Маркса и Энгельса установлено было, наконецъ, полное согласіе между *научнымъ пониманіемъ* дѣйствительности съ одной стороны и *революціоннымъ отрицаніемъ* ея — съ другой. Современный научный соціализмъ могъ появиться только въ новѣйшемъ обществѣ и только тогда, когда уже достаточно развились тѣ матерьяльныя условія, благодаря которымъ замѣна буржуазнаго порядка соціалистическимъ становится не только возможной, но прямо неотвратимой. И именно потому научный соціализмъ могъ искать себѣ опоры только между пролетаріями. Соціалисты-утописты обращались съ своею пропагандой одинаково и къ буржуазіи и къ пролетаріату, и къ эксплуататорамъ и къ жертвамъ эксплуатаціи. Они видѣли борьбу классовъ въ современномъ обществѣ, но они умѣли только осуждать ее, противопоставляя ей свои ученія о нормальномъ общественномъ порядкѣ, который установитъ между людьми идеальное согласіе. Такія ученія соотвѣтствовали первой эпохѣ борьбы между пролетаріатомъ и буржуазіей. Когда борьба эта стала сильнѣе, глубже и всестороннѣе, соціалисты необходимо должны были кореннымъ образомъ измѣнить свой взглядъ на ея историческое значеніе. Они убѣдились, что именно борьба классовъ, и только она одна, приведетъ къ устраненію капиталистическаго способа производства. Они перестали видѣть въ современномъ общественномъ злѣ одно только зло, понявъ его „разрушительную, революціонную сторону, которая низвергнетъ старое общество“. Этотъ новый взглядъ на историческое значеніе борьбы классовъ съ неподражаемымъ мастерствомъ изложенъ былъ въ сочиненіяхъ Маркса и Энгельса. Появленіе ихъ сочиненій открыло новую эпоху въ исторіи соціализма. Изъ *утопическаго* онъ сталъ *научнымъ*. Само собою понятно, что, принимая борьбу пролетаріата съ буржуазіей за исходную точку дальнѣйшаго общественнаго развитія, марксисты не могли уже одновременно и безразлично обращаться къ обѣимъ борющимся сторонамъ. Буржуазія, заинтересованная въ сохраненіи существующаго порядка, видѣла въ нихъ только злостныхъ демагоговъ, между тѣмъ какъ пролетаріатъ призналъ ихъ сво-

ими лучшими учителями и самыми надежными руководителями. Этимъ придано было совершенно новое направленіе какъ движенію мысли, такъ и движенію общественной жизни. Наука заключила неразрывный союзъ съ работниками, а работники стали единственными двигателями прогресса. Этого еще никогда не бывало въ исторіи. Гегель съ энтузіазмомъ говорилъ о великомъ аѳинскомъ народѣ, который внималъ философамъ, рукоплескалъ Периклу и наслаждался величайшими произведеніями тогдашняго искусства. Но аѳинская демократія основана была на рабствѣ. Аѳинскій „народъ“ представлялъ собою сравнительно очень немногочисленную кучку людей, умственное, эстетическое и политическое развитіе которыхъ предполагало низведеніе тогдашнихъ производителей на степень „говорящихъ орудій“. Не то теперь. Народъ нашего времени, современный пролетаріатъ, есть именно тотъ классъ, руками котораго создается все колоссальное общественное богатство. Его умственное и политическое развитіе*) не только не предполагаетъ эксплуатаціи имъ какого нибудь класса, но, наоборотъ, каждый шагъ на пути этого развитія означаетъ приближеніе того времени, когда положенъ будетъ конецъ существованію классовъ, а слѣдовательно и эксплуатаціи одного класса другимъ. И вотъ этотъ-то *рабочій* „народъ“, этотъ нисшій, самый обездоленный изо всѣхъ классовъ современнаго общества, чутко прислушивается теперь къ голосу науки и дѣлаетъ ее орудіемъ своего освобожденія. Увлеченіе современнаго пролетаріата теоріями Маркса - Энгельса будетъ имѣть несравненно болѣе важныя историческія послѣдствія, чѣмъ увлеченіе аѳинскаго народа рѣчами ораторовъ и произведеніями великихъ художниковъ.

Задавшись цѣлью выработать и распространить новую, научную теорію соціализма, Марксъ и Энгельсъ взяли на себя по истинѣ титаническую задачу. Имъ предстояло не только исполнить громадную теоретическую работу,—трудности которой, навѣрное, испугали бы нетакъ богато одаренныхъ природою людей,—имъ нужно было также искоренить многочисленные предразсудки тогдашнихъ соціалистовъ. Имъ приходилось бороться не только съ друзьями „порядка“, но также съ врагами его, революціонерами. Отсюда — полемическій характеръ многихъ изъ ихъ произведеній; отсюда же и та ненависть, съ которою по временамъ обрушивались на нихъ революціонеры. Извѣстный демократъ сороковыхъ годовъ Гейнценъ утверждалъ, что Марксъ только и дѣлаетъ, что борется съ революціонерами всѣхъ возможныхъ толковъ и направленій. Въ пятидесятыхъ годахъ Вилльихъ и Шапперъ нападали на Маркса и Энгельса какъ на узкихъ доктринеровъ, мѣшающихъ своею проповѣдью успѣхамъ революціи. Наконецъ, въ эпоху Интернаціонала таже ненависть выразилась въ дѣятельности Бакунина и его послѣдователей. Иногда революціонные старовѣры, повидимому, совсѣмъ брали верхъ надъ ненавистными имъ новаторами. Временами дѣло доходило до того, что у Марк-

*) Объ эстетическомъ его развитіи мы не говоримъ. Трудно дѣлать большіе успѣхи въ этомъ направленіи, живя въ буржуазномъ обществѣ. Пока существуетъ это общество, эстетическое развитіе грековъ останется для насъ недостижимымъ идеаломъ.

са и Энгельса бывало немного болѣе десятка послѣдователей. Но родоначальниковъ научнаго соціализма нельзя было испугать ни ненавистью, ни неудачами. Смѣлые и упорные, откровенные и рѣзкіе, глубокіе мыслители и непобѣдимые полемисты, они дѣлали свое дѣло, не отступая ни на шагъ, не щадя ни одного предразсудка революціонеровъ. И мало по малу предразсудки исчезали, ненависть уступала мѣсто восторженному удивленію, число марксистовъ увеличивалось. Прошло сорокъ лѣтъ, — и революціонный пролетаріатъ повсюду сталъ подъ знамя научнаго соціализма. Теперь уже нѣтъ у него другихъ учителей, кромѣ марксистовъ. А какъ велики силы этого пролетаріата, извѣстно всѣмъ, не окончательно беззаботнымъ на счетъ политики. Марксизмъ, бывшій въ половинѣ сороковыхъ годовъ не болѣе какъ *теоріей*, извѣстной *самому небольшому кружку* избранныхъ, является теперь непобѣдимой *политической силой*, а сторонники его считаются милліонами. Въ этомъ - то и заключается замѣчательная особенность нашего времени. Пульсъ исторіи бьется теперь съ неслыханной прежде быстротою. И это совершенно понятно. На арену политической жизни выступилъ пролетаріатъ, а о немъ справедливо сказано, что въ политикѣ онъ играетъ такую же роль, какую паръ играетъ въ промышленности.

Мы погрѣшили бы противъ истины, если бы сказали, что послѣдователей Маркса и Энгельса много даже у насъ въ Россіи. Нѣтъ, у насъ только еще началось распространеніе марксизма. Въ Россіи есть ученые, понимающіе теоретическое значеніе научнаго соціализма; но почти нѣтъ марксистовъ - агитаторовъ, нѣтъ людей, посвятившихъ свои силы практическому дѣлу организаціи политическаго просвѣщенія пролетаріата. Нѣсколько счастливыхъ исключеній лишь подтверждаютъ общее правило: въ большинствѣ случаевъ русскіе революціонеры относятся къ марксизму съ такою же подозрительностью, а иногда съ такою же ненавистью, съ какими онъ встрѣчался когда-то на Западѣ. Мы знаемъ, что предразсудки русскихъ революціонеровъ разсѣются такъ же, какъ разсѣялись предразсудки западно-европейскихъ революціонеровъ. Но мы знаемъ, кромѣ того, что это счастливое время придетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ дѣятельнѣе будутъ революціонеры, уже ставшіе марксистами. Въ настоящее время многое благопріятствуетъ успѣху нашихъ идей. Экономическія отношенія Россіи выяснились уже настолько, что сами народники чувствуютъ несостоятельность своего ученія; въ средѣ рабочаго класса замѣчается сильное умственное возбужденіе. Рабочіе люди различныхъ половъ и возрастовъ, мужчины, женщины и дѣти, проявляютъ теперь такую жажду знанія, какихъ никогда прежде не бывало въ русскомъ народѣ; общее недовольство существующимъ порядкомъ вещей, при полной и для всѣхъ замѣтной несостоятельности враждебныхъ марксизму ученій, заранѣе обезпечиваетъ успѣхъ нашей проповѣди. Побольше энергіи, побольше самоотверженія, настойчивости и преданности дѣлу, — вотъ все, что требуется намъ для быстраго успѣха. И если у насъ не найдется этого, — мы должны будемъ винить самихъ себя, а не внѣшнія обстоятельства, или, если угодно, внѣшнія обстоятельства, но лишь постольку, по скольку они привели къ *нашей*

собственной негодности. Мы уже не разъ говорили, что полицейскія преслѣдованія не могутъ служить непреодолимымъ препятствіемъ для пропаганды между рабочими. Да и вообще всякая начинающая партія заранѣе проигрываетъ свое дѣло, если слишкомъ много задумывается объ ожидающихъ ее трудностяхъ. „Невозможно! Пожалуйста, никогда не произносите этого глупаго слова!“ — такъ говорятъ энергичные люди, а извѣстно, что только передъ сильной волей такихъ людей и разступаются непреодолимыя для другихъ внѣшнія препятствія...

Мы надѣемся, что еще долго проживетъ Фридрихъ Энгельсъ, служа пролетаріату своею рѣдкою опытностью, своими колоссальными знаніями и своимъ несравненнымъ литературнымъ талантомъ. Мы надѣемся также, что близко то время, когда въ каждомъ значительномъ русскомъ городѣ будутъ существовать многочисленные рабочіе кружки, умѣющіе оцѣнить заслуги великаго соціалиста. Тогда, и только тогда, станетъ наше отечество европейскою страною, не въ одномъ географическомъ, а также и въ культурномъ смыслѣ этого слова. Въ настоящее время степень сознательности пролетаріата есть самое вѣрное мѣрило культурности всякой страны, вовлеченной въ экономическій водоворотъ капитализма.

Только рабочій классъ способенъ нанести смертельный ударъ царизму. Буржуазія, какъ русская, такъ западно-европейская, въ лучшемъ случаѣ не пойдетъ въ борьбѣ противъ него дальше безсильной оппозиціи. Царизмъ, какъ система, слишкомъ противорѣчитъ политическимъ идеаламъ буржуазіи, чтобы эта послѣдняя могла относиться къ нему съ неподдѣльнымъ сочувствіемъ. Не смотря на всѣ свои заигрыванія съ царемъ, французское „общество“ и французская буржуазная печать были болѣе на сторонѣ Падлевскаго, чѣмъ на сторонѣ генерала Сильвестрова. Что же касается нравственной оцѣнки этихъ двухъ лицъ, то на ея счетъ всѣ были единодушны: царскій слуга поразилъ цивилизованный міръ своею гнусностью, едва только стали извѣстны его служебные подвиги. Падлевскому сочувствовали люди, не имѣющіе ничего общаго ни съ какимъ революціоннымъ движеніемъ. Но сильно-ли повліяло общественное мнѣніе на буржуазное республиканское правительство? Читатель знаетъ тѣ приговоры, которыми наградило оно Лабрюйэра, г-жу Дюкъ-Керси и Грэгуара; онъ помнитъ тѣ возмутительныя издѣвательства, которыя судъ позволялъ себѣ надъ Лябрюйэромъ, мстя ему за царскій гнѣвъ, навлеченный его поступкомъ на Францію. Скажутъ, что Франція нуждается въ царѣ вслѣдствіе международныхъ отношеній. Но въ томъ-то и дѣло, что пока стоитъ въ Европѣ буржуазный порядокъ, всегда будутъ имѣть мѣсто и международная конкурренція и международныя столкновенія, а слѣдовательно будутъ имѣть силу всѣ тѣ „патріотическія“ чувства, благодаря которымъ русскій царь всегда найдетъ поддержку въ той или другой изъ европейскихъ странъ. Сегодня очередь за Франціей, завтра она можетъ оказаться за Германіей. А тамъ... поручитесь-ли вы за то, что англійская буржуазія устоитъ передъ соблазномъ выгоднаго торговаго договора? Давно-ли между Россіей и Америкой шли переговоры о выдачѣ политическихъ преступниковъ? И вѣдь эти перего-

воры едва не привели къ желанному для царя концу. Если они не удались одинъ разъ, то это еще не значитъ, что они не увѣнчаются современемъ полнымъ успѣхомъ. Не говоря уже о международныхъ отношеніяхъ, достаточно хорошенько пугнуть буржуазію любой страны краснымъ призракомъ, чтобы она тотчасъ же забыла всякій стыдъ и всѣ преданія политической свободы.

На Западѣ наши революціонеры могутъ найти и находятъ серьезное сочувствіе только между пролетаріями. Но западный пролетаріатъ пропитанъ теперь соціалистическими идеями. Поэтому онъ тѣмъ сильнѣе будетъ сочувствовать русскимъ революціонерамъ, чѣмъ рѣшительнѣе станутъ они подъ знамя международнаго соціализма. А разъ станутъ они подъ это знамя, они поймутъ свои обязанности по отношенію къ русскимъ рабочимъ. На этомъ знамени написано: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь“ ! и нельзя вѣрно служить ему, не содѣйствуя объединенію рабочихъ своей собственной страны.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

A. Doverine (Tchernoff). L'esprit national russe sous Alexandre III Paris, G. Charpentier et C°, 1890.

Книга г. Довѣрина-Чернова представляетъ собою сборникъ статей, печатавшихся въ „Nouvelle Revue". Въ этихъ статьяхъ, которыхъ счетомъ девять, онъ задался цѣлью ознакомить французовъ съ „русскимъ національнымъ духомъ въ царствованіе Александра III". Особенности этого духа состоятъ въ слѣдующемъ. „Всѣмъ русскимъ, къ какому бы классу они ни принадлежали, свойственно одно общее чувство—увѣряетъ нашъ авторъ—представляемое тремя символами (sic!): Богъ, Царь и Отечество". Первые два „символа": Богъ и Царь, стоятъ выше всякихъ споровъ (или, какъ выражается онъ, представляютъ собою *совершенные символы*, sont des symboles parfaits), по отношенію къ нимъ нѣтъ никакихъ разногласій въ русскомъ народѣ. По поводу третьяго символа, отечества (вѣроятно, вслѣдствіе его несовершенства), ведутся споры даже между „превосходными патріотами", горячо преданными самодержавію и православію. Споры эти, по словамъ г. Довѣрина-Чернова, касаются, главнымъ образомъ, вопросовъ внѣшней политики. Одни, „оффиціальная партія", какъ называетъ ихъ г. Довѣринъ, „открыто склоняются къ союзу съ Германіей"; другіе, „національная партія", тяготѣютъ къ Франціи, полагая, что самые насущные интересы нашего несовершеннаго символа подсказываютъ намъ союзъ именно съ этой послѣдней страною. Сторонники Германіи сами являются по большей части — или русскими нѣмцами, или нѣмецкими выходцами, насквозь пропитанными духомъ той страны, въ которой покоются кости ихъ предковъ. Поэтому и во внутренней политикѣ они не могутъ быть хорошими проводниками „русскаго національнаго духа". Иное дѣло — „національная партія". Она состоитъ изъ истинно-русскихъ людей и съумѣла бы доставить полное торжество русскому духу, если бы была призвана къ власти. Но до этого, повидимому, еще далеко. Въ настоящее время „борцы великой русской идеи" не только далеки отъ власти, но и находятся даже въ большомъ подозрѣніи относительно ихъ благонамѣренности. Изъ книги г. Довѣрина-Чернова мы узнаемъ, что въ „оффиціальномъ мірѣ" они считаются „тайными революціонерами". Это, разумѣется,

не мало печалитъ нашего автора, да, признаемся, мы и сами готовы пожалѣть несчастныхъ „борцовъ“. Мы сами желаемъ имъ всякаго успѣха. „Для новыхъ людей нужны новые люди“, говоритъ г. Довѣринъ. И это совершенно справедливо. Принятая правительствомъ политика „русскаго духа“ требуетъ истинно-русскихъ людей. За непмѣніемъ такихъ людей она по необходимости окажется двойственной и непослѣдовательной. А это очень нежелательно, потому что полезно было бы показать современнымъ нашимъ обывателямъ русскій духъ во всей его цѣльности и во всемъ его величіи. Знакомство съ нимъ много способствовало бы ихъ политическому развитію.

Не смѣйтесь, читатель. Русскій духъ, это нѣчто весьма замѣчательное. Въ немъ нѣтъ ничего общаго съ духомъ европейскихъ народовъ, и наоборотъ, въ немъ много общаго съ духомъ народовъ азіатскихъ, что, впрочемъ, совершенно понятно, такъ какъ „мы, русскіе, — азіаты“ (nous autres, Russes, nous sommes des Asiatiques, стр. 282). Народы Запада „похожи на болѣе или менѣе драгоцѣнные слитки, которые, будучи положены въ одинъ котелъ, кончили тѣмъ, что подъ дѣйствіемъ революціоннаго огня сплавились въ одинъ слитокъ“. Русская же нація, не поддающаяся дѣйствію революціоннаго огня, „все болѣе и болѣе стремится утвердить свою особенную индивидуальность“. Это-то обстоятельство и восхищаетъ національную партію, отличительнымъ свойствомъ которой является, по словамъ нашего автора, „горячая вѣра въ идею *партикуляризма*“ (Avant-propos, стр. IV). Къ сожалѣнію, сосѣдство съ Западомъ весьма вредно отразилось на исторіи русскаго духа. Образованные люди Россіи глубоко проникись западно-европейскими идеями. Эти идеи лежатъ въ основѣ всего нашего средняго и высшаго образованія. Въ статьѣ „l'Enseignement universitaire en Russie“ г. Довѣринъ-Черновъ приводитъ поразительные примѣры искаженія нашихъ родныхъ понятій профессорами-западниками. Онъ указываетъ между прочимъ на кіевскаго профессора Кистяковскаго, который въ своемъ *Учебникѣ уголовнаго права* высказываетъ ту мысль, что источникомъ преступленій служитъ—или наслѣдственное предрасположеніе, или болѣзненное возбужденіе, или, наконецъ, невѣжество. Нашъ авторъ думаетъ, что подобныя ученія совершенно несогласимы съ русскимъ духомъ. Смыслъ этихъ ученій сводится къ отрицанію „свободной воли“, „философскаго я“ и т. п., — словомъ такихъ вещей, безъ которыхъ русскому духу обойтись никакъ невозможно. Мы и въ этомъ случаѣ вполнѣ согласны съ г. Довѣринымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если воля несвободна, то съ какой же стати наказывать людей за преступныя дѣянія? Тогда „преступнику нужны не судьи, а врачи“ (стр. 249). А съ русской точки зрѣнія такая мысль является самымъ вреднымъ лженіемъ. Впрочемъ, не съ одной только русской точки зрѣнія. Читатель помнитъ, вѣроятно, печальное событіе въ жизни Вольфа, которому отецъ „великаго“ Фридриха приказалъ, подъ страхомъ смертной казни, немедленно покинуть Пруссію, когда услыхалъ отъ своихъ приближенныхъ, что дерзкій философъ отрицаетъ свободу воли. Если воля несвободна, то, слѣдовательно, нельзя наказывать солдатъ за побѣги и вообще поддерживать военную дисциплину, умозаключилъ прусскій

Soldatenkönig. Этотъ фактъ показываетъ, что и западные люди разсуждаютъ или, по крайней мѣрѣ, разсуждали, иногда вполнѣ основательно. И тѣмъ стыднѣе будетъ для насъ, если мы, азіаты, уступимъ въ такого рода основательности европейскимъ варварамъ. Кромѣ того, г. Довѣринъ-Черновъ справедливо негодуетъ на профессора Кистяковскаго за то, что тотъ видитъ существенное различіе между уголовными преступленіями съ одной стороны и политическими — съ другой. По ученію зловреднаго профессора выходитъ, что политическіе преступники руководствуются въ своихъ дѣяніяхъ лишь болѣе или менѣе дурно понятой идеей общественнаго блага, а часто политическими преступниками оказываются люди, которые просто стремились преждевременно осуществить то, что впослѣдствіи одобряется всѣми. Извольте поддерживать порядокъ въ такой странѣ, гдѣ каждый студентъ юридическаго факультета *долженъ* усвоивать либеральный взглядъ на политическія преступленія, если не желаетъ „срѣзаться“ на экзаменѣ! Уже отсюда видно,

Какъ многое у насъ несовершенно.

Но это еще не все. Благодаря вредному вліянію Запада, самъ царизмъ „претерпѣлъ существенное измѣненіе“ и „сдѣлался въ нѣкоторомъ родѣ европейскимъ“. По народнымъ понятіямъ царь является „видимымъ представителемъ на землѣ всемогущества и всевѣдѣнія Божьяго“; а „по оффиціальнымъ опредѣленіямъ“, онъ „не болѣе какъ „военный, начальникъ арміи, и бюрократъ, глава гражданскихъ учрежденій“ (ст. Un apôtre de l'idée russe, стр. 16). Это очень грустно, такъ грустно, что нѣкоторые „борцы великой русской идеи“ бродятъ мысленно по свѣту, стараясь найти своему оскорбленному сердцу такой уголокъ, гдѣ русскій духъ былъ бы вполнѣ застрахованъ отъ западной заразы. Такой уголокъ и найденъ ими, какъ бы вы думали гдѣ? Бьемся объ закладъ, что не угадаете! *Въ А-а-африкѣ!* Вы думаете, конечно, что мы шутимъ, но вы ошибаетесь. По словамъ г. Довѣрина-Чернова, нѣкоторые поклонники извѣстнаго искателя приключеній Ашинова смотрѣли на своего героя какъ на великаго человѣка, стремившагося „подарить своему отечеству обширную территорію, на почвѣ которой національныя славянскія тенденціи могли бы развернуться, не боясь противодѣйствія иностранныхъ идей“ (Ibid. стр. 20). Это очень смѣлая мысль, но вѣдь всѣ геніальныя мысли смѣлы. И нельзя не признать, что русскій духъ очень хорошо почувствовалъ бы себя въ средѣ чернокожаго населенія Африки. Во-первыхъ, это населеніе, какъ неправославное, мы могли бы обратить въ рабство безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, а во-вторыхъ, въ учебныхъ заведеніяхъ, основанныхъ на африканской почвѣ, можно было бы уже совершенно обходить западно-европейскія теоріи, заимствуя уголовное и гражданское право у ашантіевъ или у дагомейцевъ. Жаль, что не удалось предпріятіе Ашинова. Какъ знать, быть можетъ, въ случаѣ его удачи наша „національная партія“ во всемъ своемъ составѣ выселилась бы въ Африку, а впослѣдствіи, пожалуй, переманила бы къ себѣ и самого царя со святѣйшимъ синодомъ. Вотъ бы хорошо зажили мы тогда въ „несовершенномъ символѣ“, т. е. въ нашемъ старомъ русскомъ отечествѣ! Правда, насъ брала бы иногда

тоска по людямъ національной партіи, которая, выселяясь изъ Россіи, навѣрное захватила бы съ собой даже г. Тихомирова. Но для нашего утѣшенія и развлеченія у насъ остался бы доблестный князь Мещерскій. Его не взяла бы съ собой національная партія, потому что онъ не только не принадлежитъ къ ней, но даже обвиняетъ ее въ неблагонамѣренности.

Надо замѣтить, однако, что самъ г. Довѣринъ-Чернов не высказывается опредѣленно по вопросу о переселеніи русскаго духа въ Африку. Онъ, кажется, предпочитаетъ укрѣплять его дома. И вообще его симпатіи тяготѣютъ больше всего къ Византіи. Онъ увѣряетъ французовъ, что „духовное происхожденіе русскаго народа коренится въ византійствѣ, т. е. въ отвлеченной идеѣ религіи, проповѣдующей презрѣніе къ плоти и ея умерщвленіе, отказъ отъ наслажденій въ земной жизни и, наконецъ, торжество души не на землѣ, но въ жизни будущей. „Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ пробуждается его умъ и вплоть до самой смерти, русскій крестьянинъ слѣдуетъ мысленно за прекраснымъ, свѣтлымъ видѣніемъ, которое чаруетъ его дѣтство и котораго онъ надѣется достичь, наконецъ, послѣ долгой жизни, проведенной въ борьбѣ съ неблагодарной, непобѣдимой природой. Именно чувство безсилія, испытываемое имъ въ этой борьбѣ, развиваетъ въ немъ крайнее презрѣніе къ матеріи и преувеличенное сознаніе своего философскаго *я*, которое его утѣшаетъ и возвышаетъ"... (L'enseignement universitaire en Russie, стр. 246) Русскій человѣкъ, въ особенности великороссъ, стоически переноситъ житейскія невзгоды, твердо вѣруя, что будущая жизнь сторицею вознаградитъ его за нихъ. А такъ какъ эта вѣра поддерживается въ немъ именно православіемъ, то пристрастіе національной партіи къ этому вѣроисповѣданію становится совершенно понятнымъ. Православіе — очень удобная религія, какъ будто нарочно придуманная для русскаго народа, которому суждено было такъ много вынести отъ своихъ опекуновъ и властителей. Оно, конечно, можно было бы сказать, что католичество тоже всегда проповѣдывало умерщвленіе плоти и пренебреженіе къ мірскимъ дѣламъ, и что въ этомъ отношеніи нѣтъ разницы между западнымъ и восточнымъ христіанствомъ. Но нашего автора не собьешь такими возраженіями. Католичество все же—религія Запада, а Западъ отличается духомъ безпокойнаго анализа и вреднаго индивидуализма. Эта двойная язва заразила и католичество. Иное дѣло Востокъ. Жители Востока не имѣютъ склонности къ „сухимъ и безплоднымъ формуламъ анализа, этого эфемернаго и лживаго орудія человѣческаго ума". Они безусловно (sans reserve) подчиняются „великому и возвышенному синтезу, предметъ котораго — природа, а цѣль — Богъ" (стр. 214). Вслѣдствіе этой склонности къ синтезу у восточныхъ народовъ нѣтъ безпокойной и надоѣдливой суетливости людей Запада. Даже турки, эти басурмане и злѣйшіе враги христіанства, отличаются весьма похвальною солидностью мыслей и поступковъ. „Бакъ аллумъ!" (Посмотримъ!)—флегматически отвѣчаютъ они тѣмъ западнымъ дипломатамъ, которые начинаютъ приставать къ нимъ съ реформами (стр. 215). Если таковы турки, то каковы же восточные христіане! Они, въ своемъ величавомъ синтетическомъ спокойствіи должны

быть прирожденными „охранителями“. Ясно, стало быть, что только у нихъ могла сохраниться христіанская религія во всей своей чистотѣ и непорочности.

Мы не привели и десятой доли тѣхъ диковинъ, которыя содержатся въ книгѣ г. Довѣрина-Чернова. Но для насъ достаточно и приведеннаго, тѣмъ болѣе, что читатель, навѣрное, недоумѣваетъ, спрашивая себя, зачѣмъ понадобилось намъ излагать эти избитыя, истасканныя теоріи, представляющія собою самый низкопробный сортъ славянофильства. Въ свое оправданіе мы замѣтимъ, что не все старо въ книгѣ нашего автора. Есть въ ней и новыя идеи. Вотъ, напримѣръ, безпощадно обирая и искажая славянофиловъ, г. Довѣринъ-Черновъ вовсе не раздѣляетъ славянофильскаго ученія о необходимости объединенія славянъ подъ сѣнью крылъ русскаго орла, какъ выражался когда-то И. С. Аксаковъ. „Русская идея не имѣетъ ничего общаго съ панславизмомъ — заявляетъ г. Довѣринъ. Это вполнѣ національная идея, цѣль которой вполнѣ ясна, реальна и опредѣленна. *Россія для русскихъ*—вотъ ея символъ... Горячія пожеланія національной партіи сводятся къ историческимъ судьбамъ Россіи, къ разработкѣ ея огромныхъ богатствъ, къ развитію ея промышленности и техники. Очень возможно, что когда Россія дойдетъ до апогея своей блестящей карьеры, около нея объединятся разсѣянныя группы великой славянской семьи; но истинно-русское чувство ровно ничего не сдѣлаетъ для того, чтобы ускорить переходъ этой возможности въ дѣйствительность (L'Idée russe et le panslavisme, стр. 144). Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы „истинно-русское чувство“ не одобряло завоевательной политики. По мнѣнію г. Довѣрина, національная партія должна всѣми силами стремиться къ „расширенію русской гегемоніи на Балтійскомъ морѣ и къ обладанію ключемъ Чернаго моря, т. е. Константинополемъ“ (Avant-propos, стр. V). Нашъ авторъ прекрасно знаетъ, что этихъ цѣлей не достигнешь мирнымъ путемъ. Потому-то онъ и стоитъ за союзъ съ Франціей противъ Германіи, въ которой видитъ главное препятствіе къ осуществленію русскихъ національныхъ задачъ. Но указывая эти задачи, онъ не считаетъ нужнымъ приправлять ихъ какимъ нибудь чувствительнымъ соусомъ. Возьмемъ Константинополь, потому онъ намъ нуженъ; расширимъ нашу гегемонію на Балтійскомъ морѣ, потому что намъ нужно и выгодно расширить ее—вотъ все, что говоритъ г. Довѣринъ въ защиту своихъ завоевательныхъ плановъ. Та самая политика, на которую славянофилы смотрѣли сквозь сантиментальные очки всеславянскаго освобожденія, представляется г. Довѣрину простымъ дѣломъ экономическаго и политическаго разсчета. Это очень характерно для времени, переживаемаго теперь Россіей, времени совершенно безпощаднаго по отношенію къ политическимъ иллюзіямъ всякаго рода и вида.

Просимъ замѣтить, что г. Довѣринъ требуетъ завоеванія Константинополя не по однимъ только *политическимъ*, но также—и даже болѣе всего — по *экономическимъ* соображеніямъ. Этотъ городъ нуженъ намъ потому, что онъ служитъ незамѣнимымъ складочнымъ мѣстомъ для торговли съ передней Азіей. Заботливое отношеніе къ

интересамъ „отечественной“ промышленности составляетъ второе существенное отличіе взглядовъ г. Довѣрина-Чернова отъ воззрѣній славянофиловъ сороковыхъ годовъ. Тѣ ограничивались обыкновенно разсужденіями о русскомъ духѣ; г. Довѣринъ дополняетъ свои разсужденія объ этомъ отвлеченномъ предметѣ блестящими планами о пріобрѣтеніи новыхъ обширныхъ рынковъ для православныхъ и неправославныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ. И какъ далеко заходитъ въ этихъ планахъ почтенный представитель современнаго русскаго духа! Онъ уже провидитъ своимъ умственнымъ окомъ то счастливое время, когда Россія отобьетъ у Англіи азіатскіе рынки и сдѣлается главнымъ путемъ для торговли между Востокомъ и Западомъ. И это время не такъ далеко отъ насъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. „Въ тотъ день, когда Россія доведетъ до сердца Китая строющуюся нынѣ желѣзную дорогу, погибнутъ богатыя мореходныя и перевозочныя компаніи, суда которыхъ бороздятъ теперь восточныя моря... Англія потеряетъ свой морской скипетръ“ (стр. 209). Мы не знаемъ, насколько заботливость г. Довѣрина о торгово-промышленномъ развитіи Россіи соотвѣтствуетъ тому презрѣнію къ плоти, которое характеризуетъ, по его же собственнымъ словамъ, истинно-русскаго человѣка. Но если бы кому нибудь вздумалось уличить его въ противорѣчіи, то мы совѣтуемъ ему привести въ свою защиту слѣдующій, какъ намъ кажется, совершенно неотразимый доводъ: обогащаться и служить золотому тельцу будетъ лишь незначительная горсть предпринимателей; большинство же народа, работая у нея по найму, въ качествѣ производителей, будетъ имѣть полную возможность предаваться умерщвленію своей плоти, довольствуясь низкой платой и удлиняя свой рабочій день до крайней степени. Надо надѣяться, что, при своемъ глубокомъ презрѣніи къ матеріи, русскій работникъ не увлечется лжеученіями западнаго соціализма и, какъ истинный „азіатъ“, на всѣ воззванія демагоговъ будетъ отвѣчать флегматическимъ „Бакъ аллумъ!“ Такимъ образомъ Россія обезпечитъ себѣ матерьяльное господство на иностранныхъ рынкахъ, а своимъ трудолюбивымъ и склоннымъ къ „синтезу“ работникамъ душевное спасеніе за гробомъ.

Итакъ, мы видимъ, что не все старо въ „русскомъ духѣ“ нашего времени. Правда, онъ во многихъ отношеніяхъ похожъ на „духъ“ эпохи Незабвеннаго. Такъ же какъ и духъ этой послѣдней эпохи, современный намъ русскій духъ выражается въ знаменитой формулѣ: *самодержавіе, православіе, народность*. Но въ эту старую формулу онъ вноситъ въ значительной степени новое содержаніе. Вопреки своей реакціонной природѣ, онъ стремится къ промышленному прогрессу, къ пріобрѣтенію новыхъ рынковъ для русскихъ фабричныхъ издѣлій. Такова ужь судьба русскихъ реакціонеровъ: самою силою вещей они вынуждаются работать на пользу того буржуазнаго порядка, который въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи лишитъ всякой реальной опоры самодержавіе и православіе, придавъ русской народности совершенно новый характеръ. Реакціонеры стремятся превратить Россію въ совершенно *азіатскую* страну, но на дѣлѣ они сами невольно способствуютъ ея *европеизаціи*. И хотя, поступая

такъ, они роютъ свою собственную могилу,—имъ невозможно поступать иначе. Они не могутъ не подчиняться желѣзнымъ законамъ экономической необходимости. Содѣйствуя экономическому развитію Россіи, они на нѣкоторое время возбуждаютъ сочувствіе къ себѣ той части населенія, которой выгодно это развитіе. Если наша торгово-промышленная буржуазія до сихъ поръ еще не стала въ оппозиціонное отношеніе къ правительству, то причина этого явленія кроется именно въ его заботливомъ отношеніи къ ея нуждамъ. Между тѣмъ какъ наши либералы предаются отвлеченнымъ разсужденіямъ о преимуществахъ „правового порядка“ (вѣрнѣе было бы сказать —предавались, такъ какъ теперь наши либералы, превратившись въ *консерваторовъ*, уже не дерзаютъ распространяться о правовомъ государствѣ), царизмъ привлекаетъ къ себѣ буржуазію всѣмъ направленіемъ своей экономической политики. Конечно, не будучи у власти, наши либералы (читай консерваторы) не могли бы, если бы даже и захотѣли, подкупить буржуазію какими то ни было матеріальными подачками. Но не въ подачкахъ и дѣло. Самодержавіе, одной рукой поддерживающее и охраняющее интересы нашей промышленности, другой рукой и въ то же самое время не перестаетъ вредить ея интересамъ. Русскій капитализмъ уже дошелъ до той стадіи развитія, на которой столкновенія его съ нашей современной политической системой по необходимости будутъ становиться все болѣе и болѣе серьезными. Опираясь на это обстоятельство, наша оппозиціонная печать — если бы только у насъ была печать, достойная этого названія—могла бы теперь же начать цѣлый походъ противъ самодержавія. Ни въ какія цензурныя сѣти нельзя уловить газетныхъ сообщеній о реальныхъ нуждахъ промышленности, о неумѣломъ отношеніи къ этимъ нуждамъ нашей бюрократіи, объ ея неспособности знать ихъ такъ хорошо, какъ знаетъ ихъ само населеніе и т. д., и т. д. Такими сообщеніями можно было бы въ полномъ смыслѣ слова наводнить оппозиціонныя газеты. А они въ огромной степени способствовала бы политическому развитію русскихъ „обывателей“, возбуждая въ нихъ недовольство существующимъ порядкомъ. Ставши на эту реальную почву, критикуя полицейское государство съ точки зрѣнія тѣхъ самыхъ экономическихъ нуждъ, которыя оно старается удовлетворить, наша оппозиція впервые стала бы серьезной общественной силой. До тѣхъ же поръ, пока она будетъ довольствоваться тѣмъ абстрактнымъ либерализмомъ, который никакъ не умѣетъ поставить свою программу въ связь съ важнѣйшими экономическими интересами страны (по крайней мѣрѣ въ такую связь, которая была бы очевидной не только для теоретиковъ, но и для людей практическаго дѣла), она по прежнему не увидитъ въ своихъ рядахъ никого, кромѣ „интеллигенціи“. И по прежнему реакціонеры будутъ цинично смѣяться надъ ея полнѣйшимъ безсиліемъ.

Г. П.

Le peuple russe et son gouvernement par A. Herzen, professeur de physiologie à l'academie de Lausanne. Paris. Librairie de la Revue socialiste 1890.

Г. А. Герценъ много писалъ на разныхъ языкахъ по своему спеціальному предмету, физіологіи. Но по вопросамъ русской общественной жизни онъ, насколько мы знаемъ, не высказывался до весны прошлаго года, когда онъ выступилъ въ Лозаннѣ и въ Женевѣ съ публичными чтеніями на французскомъ языкѣ о Россіи. Лекціи его были напечатаны въ парижской „Revue Socialiste", а затѣмъ вышли отдѣльной брошюрой подъ выписаннымъ выше заглавіемъ. Конечно, нашимъ читателямъ будетъ интересно ознакомиться съ этимъ сочиненіемъ сына Александра Ивановича Герцена.

Брошюра А. А. Герцена начинается замѣчаніемъ о томъ, что Европа находится теперь наканунѣ чрезвычайно важнаго движенія, „починъ котораго принадлежитъ Швейцаріи, этому маленькому оазису здраваго смысла и добраго сердца". Говоря это, авторъ имѣетъ въ виду извѣстную попытку Швейцаріи созвать международную конференцію для обсужденія задачъ и предѣловъ фабричнаго законодательства (впослѣдствіи конференція эта имѣла мѣсто въ Берлинѣ). Лозанскій профессоръ полагаетъ, что въ виду такого положенія дѣлъ на Западѣ каждый, для кого не безразличны судьбы Россіи, долженъ былъ бы, по мѣрѣ своихъ силъ, постараться вызвать въ этой странѣ „великодушный порывъ, подобный тому, который двадцать восемь лѣтъ тому назадъ привелъ къ освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ". Положимъ, въ Россіи нѣтъ такого многочисленнаго рабочаго класса какъ на Западѣ, но за то русскіе рабочіе „гораздо болѣе несчастны". Слѣдуетъ описаніе бѣдственнаго положенія русскихъ рабочихъ. Они принуждены довольствоваться самой ничтожной платой, пища ихъ до крайности плоха, жилища нездоровы ; за больными нѣтъ никакого ухода ; заводы и фабрики не удовлетворяютъ самымъ элементарнымъ требованіямъ гигіены ; вслѣдствіе отсутствія гласности и политической свободы, рабочіе не имѣютъ никакихъ законныхъ средствъ для защиты своихъ интересовъ, и хотя въ послѣднее время правительство приняло нѣкоторыя мѣры для защиты этихъ интересовъ, но нашему фабричному законодательству, по всей вѣроятности, суждено остаться мертвой буквой : при слабыхъ средствахъ надзора за фабриками, правительство не имѣетъ физической возможности настоять на исполненіи изданныхъ имъ законовъ. А часто оно и само не хочетъ исполнять ихъ, часто оно само преслѣдуетъ рабочихъ за то, что тѣ требуютъ отъ предпринимателей исполненія правительственныхъ распоряженій. „Правительство, заставляющее народъ подчиняться вредному для него нарушенію законовъ, — не правда ли, это превосходитъ всякую мѣру?" восклицаетъ въ справедливомъ негодованіи г. А. Герценъ. Дѣйствія русскаго правительства издавна превосходятъ всякую мѣру, и г. профессоръ хорошо сдѣлалъ, разоблачивъ передъ французской читающей публикой хоть нѣкоторую часть гнусностей царизма. То, что говорится въ брошюрѣ о положеніи русскихъ рабочихъ не ново для русскихъ читателей, но почти

совершенно неизвѣстно иностраннымъ. Французской публикѣ полезно будетъ прочесть относящуюся къ этому предмету часть брошюры. Но за то остальная часть ея способна, по нашему мнѣнію, возбудить въ читателѣ не столько *интересъ*, сколько *недоумѣніе*. Эта часть посвящена изложенію общихъ взглядовъ автора на соціально-политическое положеніе Россіи, взглядовъ, которые, не выдерживаютъ даже самой снисходительной критики. Начать съ того, что г. А. Герценъ не рѣдко употребляетъ въ этой части брошюры экономическіе термины и ссылается на экономическіе факты, очень плохо понятые имъ самимъ. Такъ, напримѣръ, бѣдственное положеніе русскихъ рабочихъ онъ называетъ законнымъ плодомъ „свободной конкурренціи“ и желѣзнаго закона „заработной платы“ (вносные знаки при словахъ: *свободной конкурренціи* и *заработной платы* — поставлены для ехидства самимъ г. А. Герценомъ). Но свободная конкурренція предполагаетъ *свободнаго* работника, ничѣмъ, кромѣ бѣдности, не стѣсненнаго въ распоряженіи своей рабочей силой. Въ такомъ ли положеніи находится русскій рабочій, который, по словамъ самого г. Герцена, долженъ претерпѣть цѣлый рядъ невѣроятныхъ мытарствъ для того, чтобы получить паспортъ и съ нимъ право покинуть свою деревню? Крестьянина, опять таки по словамъ самого г. Герцена, гонитъ изъ деревни не только недостатокъ земли, но также и необходимость заработать деньги для уплаты страшно тяжелыхъ податей (impots écrasants). Наши продавцы рабочей силы испытываютъ на себѣ гнетъ „двойной эксплуатаціи фабрикантовъ и ихъ прикащиковъ съ одной стороны, и государственныхъ чиновниковъ — съ другой“ (стр. 8—10 брошюры г. Герцена). Какая же это „свободная конкурренція“? Ясно, что плата русскихъ рабочихъ вовсе не есть законное дѣтище свободной конкурренціи и „желѣзнаго закона“ (кстати, пора бы перестать ссылаться на этотъ законъ: въ томъ видѣ, какъ его формулировалъ Лассаль, онъ вовсе не признается современной наукой. Современная наука показала, что дѣйствительность хуже для рабочихъ, чѣмъ это предполагается желѣзнымъ закономъ Лассаля.) Экономическое положеніе русскаго рабочаго является именно *незаконнымъ* „плодомъ“ сожительства на русской почвѣ „конкурренціи“, т. е. капитализма, съ крѣпостной зависимостью трудящагося по отношенію къ государству. Нашъ работникъ страдаетъ и отъ конкурренціи и отъ недостаточнаго пока развитія конкурренціи, благодаря которому только и держится русское полицейское государство. Нашему рабочему лучше будетъ, когда, съ паденіемъ полицейскаго государства, ему придется считаться съ одними только законами свободной конкурренціи. Тогда несомнѣнно возростетъ его сила сопротивленія. Можетъ быть это и хотѣлъ сказать г. профессоръ своими ироническими вносными знаками? Нѣтъ, онъ зналъ, что плохо положеніе русскаго рабочаго; слышалъ онъ также, что мало привлекательнаго въ „свободной конкурренціи“ и въ „желѣзномъ законѣ“, и, ни мало сумняхуся, рѣшилъ, что бѣдственное положеніе русскаго народа является законнымъ „плодомъ“ свободной конкурренціи и желѣзнаго закона. Спора нѣтъ, говоря это, онъ руководствовался очень хорошими побужденіями: онъ хотѣлъ сказать лишнее, и по возможности

крѣпкое, слово противъ эксплуататоровъ народа. Но будучи очень слабъ въ политической экономіи, онъ не зналъ хорошенько употребляемыхъ имъ терминовъ и потому сдѣлалъ промахъ. Это можно было бы признать незаслуживающею вниманія мелочью, если бы ошибка его не стояла въ тѣснѣйшей связи съ общей путаницей всѣхъ его соціально-политическихъ воззрѣній.

Путаница эта по истинѣ велика и обильна. Г. профессоръ—горячій сторонникъ русскаго общиннаго землевладѣнія. Это было бы, конечно, еще ничего; въ этомъ случаѣ ошибка его не простиралась бы дальше ошибки всей русской „интеллигенціи“ (хотя и это уже не мало). Но посмотрите, какъ защищаетъ общину г. профессоръ. По его словамъ, на общину нападаютъ „доктринеры политической экономіи и оффиціальнаго права, завѣщаннаго намъ римскимъ и феодальнымъ міромъ“. Что же это такое? Выходитъ, что доктринеры политической экономіи „ослѣплены“ формулами римскаго и *феодальнаго* права. По отношенію къ римскому праву эти слова имѣютъ еще нѣкоторый смыслъ, хотя духъ римскаго права вовсе уже не такъ хорошо соотвѣтствуетъ условіямъ буржуазнаго хозяйства, какъ это кажется инымъ „доктринерамъ“. Римскіе законы иногда запрещали отдавать деньги въ ростъ. Много ли найдется буржуазныхъ „доктринеровъ“, которые одобрятъ такое запрещеніе? На формальной основѣ римскаго права выросло государственное хозяйство римской имперіи. Многіе ли буржуазные экономисты „ослѣплены“ прелестями этого хозяйства? Но, повторяемъ, о римскомъ правѣ мы не видимъ надобности спорить съ г. профессоромъ физіологіи. А вотъ на счетъ феодальнаго права мы хотѣли бы задать ему одинъ вопросъ. Неужели онъ серьезно думаетъ, что теоретики буржуазіи были когда нибудь „ослѣплены“ правомъ феодальнаго міра? Недавно защитникомъ общины выступилъ г. Побѣдоносцевъ. Какъ думаетъ г. Герценъ, потому ли нашъ Торквемада защищаетъ общину, что ему противно право „феодальнаго міра“? Пусть г. профессоръ физіологіи прочтетъ статью г. обер-прокурора синода (Русскій Вѣстникъ 1889, Сентябрь). Онъ увидитъ, какъ относится реакціонный защитникъ общины къ феодальному праву. А, впрочемъ, что толковать объ этомъ: самъ г. Герценъ навѣрное не придаетъ серьезнаго значенія своимъ словамъ о феодальномъ ослѣпленіи „доктринеровъ политической экономіи“. Ему хотѣлось уязвить противниковъ общины, а какъ можно уязвить ихъ, онъ хорошенько не зналъ; но онъ слышалъ, что феодальное право было не хорошо, вотъ онъ и приписалъ слѣпое пристрастіе къ нему буржуазнымъ доктринерамъ. Конечно, г. Герценъ плохой знатокъ экономіи и права, но за то онъ хорошій физіологъ.

Взгляды г. Герцена на русскую общественную жизнь представляетъ собою списокъ съ ученія народниковъ. Но такъ какъ г. профессору физіологіи очевидно некогда было усвоить хорошенько даже это ученіе, то онъ и при повтореніи народническихъ теорій надѣлалъ много печальныхъ промаховъ. Онъ увѣряетъ, что нашъ народъ насквозь пропитанъ „духомъ ассоціаціи, коопераціи и солидарности“ (стр. 23). Это не совсѣмъ вѣрно, но это съ большимъ успѣхомъ

твердятъ народники, и имъ вѣрятъ даже за-границей. Могъ бы и г. Герценъ съ успѣхомъ распространиться на эту тему, но ему и здѣсь не повезло. Для доказательства своего положенія онъ ссылается прежде всего на желѣзнодорожныя артели, а также на артели продавцевъ газетъ, трактирныхъ половыхъ и даже . . . баньщиковъ. Какое же значеніе имѣютъ эти артели въ общемъ ходѣ русской экономической жизни? Возьмемъ хоть баньщиковъ. Существованіе ихъ очень удобно для *моющихся*: артель лучше любого хозяина слѣдитъ за исправностью своихъ членовъ. Но для *моющихъ*, т. е. для самихъ баньщиковъ, артель имѣла бы рѣшающее экономическое значеніе только въ томъ случаѣ, если бы бани составляли ихъ собственность, или хоть брались бы въ аренду непосредственно ими самими. Но то ли мы видимъ въ дѣйствительности? А желѣзнодорожныя артели, а артели продавцевъ газетъ, — какія это могучія проявленія русскаго общиннаго духа! Подобные примѣры не только не убѣдятъ никакого толковаго читателя, но произведутъ на него впечатлѣніе, совершенно обратное тому, какое хочетъ произвести авторъ. А кому принадлежатъ у васъ промышленные и торговые капиталы, — скажетъ такой читатель, — тоже рабочимъ артелямъ? Нѣтъ? Такъ плохо же дѣло русскаго общиннаго духа: не имѣя никакого примѣненія въ сколько нибудь важныхъ отрасляхъ новѣйшей крупной промышленности, этотъ бѣдный духъ вынужденъ ютиться въ баняхъ, на углахъ улицъ и на желѣзно-дорожныхъ подъѣздахъ! Не далеко уйдетъ русскій духъ при такомъ положеніи дѣлъ.

Къ числу поучительныхъ проявленій русскаго общиннаго духа г. Герценомъ относятся также и артельныя „верещагинскія“ сыроварни. Мы совѣтуемъ г. профессору прочитать относящуюся къ этому вопросу статью г. Энгельгарта, напечатанную въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1872 года (въ январьской или въ февральской книжкѣ). Изъ нея онъ узнаетъ, что самымъ замѣтнымъ результатомъ распространенія верещагинскихъ сыроварень было *лишеніе крестьянскихъ дѣтей молочной пищи*. Молоко, прежде потреблявшееся дома, и преимущественно дѣтьми, благодаря сыроварнямъ превратились въ цѣнный товаръ, и дѣтямъ пришлось съ нимъ распроститься. Въ качествѣ физіолога, г. Герценъ прекрасно понимаетъ, какъ должно была отразиться это обстоятельство на молодыхъ дѣтскихъ организмахъ. А вѣдь примѣръ Верещагина кажется ему достойнымъ подражанія.

Объ общинѣ мы не станемъ разсуждать съ г. Герценомъ. Ему кажется, что дѣла общины обстоятъ совершенно благополучно, что она незыблемо покоится на своихъ вѣковѣчныхъ основаніяхъ. Онъ незнакомъ, повидимому, съ новѣйшими изслѣдованіями о русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ, до нельзя ясно показавшими, что отъ старинныхъ устоевъ крестьянскаго быта остались однѣ только крайне некрасивыя развалины.

Г. Герценъ не находитъ достаточно сильныхъ словъ для восхваленія Александра II, отмѣнившаго крѣпостное право, эту „мелкую монету самодержавія“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ г. Герцену извѣстно, какой дорогой цѣной купили крестьяне свое такъ называемое освобожденіе. Правда, извѣстно, повидимому, только отчасти. По его

словамъ, крестьяне должны были заплатить за свои надѣлы „относительно очень высокій выкупъ“. Въ дѣйствительности этотъ скромный „*относительно* очень высокій выкупъ“ значительно превышалъ стоимость отводимыхъ крестьянамъ земель. Г. Герценъ утверждаетъ, что налоги составляютъ у насъ отъ 25 до 50 процентовъ доходности крестьянскихъ земель. Въ дѣйствительности налоги очень часто *во много разъ превышаютъ доходность* надѣловъ. Это извѣстно всѣмъ и каждому. Но какъ бы то ни было, г. Герценъ признаетъ, что освобожденіе (или, какъ называлъ его въ „Колоколѣ“ Н. П. Огаревъ *новое крѣпостное право*) значительно ухудшило экономическій бытъ крестьянства. Посмотрите же теперь, какими невѣроятными прибавленіями искажается это безспорное положеніе у г. Герцена. „До освобожденія удѣльные крестьяне (paysans de la couronne), нынѣ государственные фермеры, жили на національныхъ земляхъ, беззаботные какъ божьи птички на деревьяхъ (sans souci d'aucune sorte, comme les oiseaux du bon Dieu sur les arbres du bois). Что сказать объ этомъ? По словамъ автора, его отецъ, А. И. Герценъ, не могъ удержаться отъ слезъ, когда въ Лондонѣ была получена теллеграмма о крестьянскомъ освобожденіи. Всякій скажетъ, что это были слезы радости. Но когда мы прочли у г. Герцена-сына идиллическое описаніе райскаго блаженства удѣльныхъ крестьянъ, у насъ явилась такая мысль: можетъ быть блестящій и дальновидный издатель „Колокола“ оплакивалъ будущую судьбу „божьихъ птичекъ“ крестьянскаго сословія, которымъ освобожденіе грозило утратой ихъ райскаго блаженства. Согласитесь, что наша догадка по меньшей мѣрѣ столь же основательна, какъ и взглядъ г. лозанскаго профессора на дореформенный бытъ удѣльныхъ крестьянъ.

Г. профессоръ увѣряетъ, что „если въ настоящее время русскій народъ обложенъ огромными налогами, то въ значительной степени это происходитъ по причинѣ выкупныхъ платежей . . . Такъ что, когда черезъ нѣсколько лѣтъ (а черезъ сколько именно лѣтъ, г. Герценъ?) выкупъ окончится, крестьяне сразу (du jour au lendemain) избавятся отъ тяжести этого рода ипотечнаго долга, и ихъ экономическое положеніе станетъ лучше положенія западныхъ народовъ“ (стр. 23). О чемъ же и толковать, скажетъ французскій читатель, чего же вы плачете о судьбѣ русскаго народа, когда онъ „черезъ нѣсколько лѣтъ“, и при томъ „сразу“, заживетъ лучше нашего? Нѣтъ, я вижу, что вы козаки, слишкомъ требовательны! Что вамъ ни дай, вамъ все мало!“ Французскій читатель будетъ совершенно правъ со стороны логики, но не со стороны психологіи. Дѣло въ томъ, что г. профессоръ ухватился за толки о международной конференціи по фабричному законодательству вовсе не затѣмъ, чтобы настаивать на необходимости серьезныхъ экономическихъ реформъ въ Россіи. Экономическія разсужденія составляютъ у него лишь длинное и очень неудачное предисловіе къ изложенію главнаго его требованія, именно, *требованія конституціи*. Дайте только конституцію, а ужь экономическія реформы сдѣлаются у насъ почти сами собою, съ неслыханною на Западѣ легкостью; мы и землю обратимъ въ національную собственность, мы и промышленныя товарищества заведемъ; и

все это безъ шуму, безъ той борьбы классовъ, которая такъ огорчаетъ почтенныхъ людей на Западѣ.. Таковъ смыслъ брошюры г. Герцена. Спорить съ нимъ по этому поводу совершенно излишне, да у насъ нѣтъ и охоты спорить съ нимъ. Мы сами очень несказанно рады были бы, если бы въ Россіи установился бы конституціонный порядокъ. Мы думаемъ только, что о конституціи можно было говорить и не придираясь къ слухамъ о созывѣ международной конференціи по фабричному законодательству. Но это мелочь. Интереснѣе знать, какой же именно конституціи хочетъ г. Герценъ. Ему кажется, что онъ демократъ; по крайней мѣрѣ, онъ горячо хвалитъ тѣ учрежденія, которыя онъ считаетъ демократическими. Къ числу демократическихъ учрежденій — и при томъ „наиболѣе демократическихъ“: des plus franchement democratiques — относитъ онъ наши земства... Пожалуйста, не думайте, что мы шутимъ, вотъ вамъ его собственныя слова. Изложивъ порядокъ выборовъ въ наши уѣздныя и губернскія земства, онъ говоритъ: „Итакъ у насъ уже есть цѣлый представительный организмъ, основывающійся на самобытной экономико-соціальной организаціи народа и исходящій изъ нѣкотораго рода всеобщаго избирательнаго права (?), смягченнаго (!!) съ одной стороны *тройнымъ* подборомъ (selection triple) крестьянскихъ гласныхъ и *двойнымъ* подборомъ гласныхъ всѣхъ прочихъ классовъ, а съ другой отдѣльнымъ представительствомъ *всѣхъ классовъ**); это отдѣльное представительство обезпечиваетъ въ послѣднемъ счетѣ результатъ, подобный тому, который съ нѣкотораго времени стараются получить посредствомъ пропорціональнаго представительства“ (стр. 31). Вотъ оно какъ! До сихъ поръ думали, что непрямые выборы представляютъ собою отрицаніе демократіи, а теперь оказывается, что это та же демократія, только *смягченная* (mitigée) нѣкоторыми урѣзками всеобщаго избирательнаго права. До сихъ поръ думали, что сословное**) представительство есть остатокъ феодальныхъ учрежденій, а теперь оказывается, что это въ нѣкоторомъ родѣ идеалъ, къ которому на Западѣ начинаютъ будто бы стремиться „съ нѣкотораго времени“. Оказывается, что мы опередили Западъ не только общиной, но и представительными учрежденіями. Ай-ай-ай! Ай-ай-ай! Можно-ли говорить такія вещи! Вѣдь если бы не била въ глаза „святая простота“ г. Герцена, то пришлось бы заподозрить его въ страшномъ, безпредѣльномъ лицемѣріи или, наконецъ, допустить, что онъ самъ превратился въ „докринера оффиціальнаго права, завѣщаннаго намъ феодальнымъ міромъ“. Ай - ай - ай! Ай - ай - ай! Бѣда, коль сапоги начнетъ тачать пирожникъ!

По всему видно, что если бы ученаго профессора физіологіи попросили написать для Россіи конституцію, то она не была бы „демократичнѣе“ нашихъ земствъ! Но богъ съ нимъ, посмотримъ, какими же путями думаетъ онъ придти къ своей „демократической“

---

*) „Подборъ“ гласныхъ означаетъ у автора *непрямые* выборы, а „двойнымъ“ и „тройнымъ“ такой „подборъ„является по отношенію къ губернскимъ земствамъ. Въ текстѣ курсивъ г. Герцена.

**) А не классовое, какъ называетъ его ученый профессоръ, который очевидно даже не подозрѣваетъ, что *сословіе* и *классъ* далеко не одно и то же.

конституціи. Въ этомъ отношеніи онъ держится того особого метода, который можно назвать методомъ заговариванія зубовъ царизму. Вотъ какъ употребляется этотъ методъ г. Герценомъ. Чтобы внушить либеральныя мысли Александру III, превозносится Александръ II, этотъ „добрый, умный, склонный къ великодушію", но, къ сожалѣнію, „слабый характеромъ" императоръ. Александръ II навѣрное далъ бы намъ конституцію. Но ему дважды помѣшали въ этомъ: въ первый разъ поляки, своимъ возстаніемъ 1863 года, а во второй разъ „нигилисты" своимъ революціоннымъ движеніемъ вообще и дѣйствіемъ 1-го Марта въ особенности. Въ виду этого не удивительно, что г. Герценъ не долюбливаетъ „нигилистовъ". Конечно, онъ не рѣшается поставить ихъ на одну доскусъ „обыкновенными" убійцами. Эти „экзальтированныя головы", эти „фанатики" (стр. 36) были искренно „убѣждены, что они жертвуютъ собою для блага народа". Но такъ какъ дѣятельность ихъ принесла народу, по мнѣнію г. профессора, не пользу, а вредъ, то онъ и приравниваетъ ихъ къ слугамъ деспотизма. По его словамъ, Россію „раздираетъ" *двойной нигилизмъ*: внизу нигилизмъ революціонный; вверху нигилизмъ *реакціонный*. Первый дѣйствуетъ посредствомъ бомбъ и револьверовъ; второй посредствомъ административныхъ мѣръ, произвольныхъ арестовъ, негласныхъ слѣдствій и т. п. (стр. 36-37). Нечего сказать, истинно *либеральное* сравненіе! Но ошибся бы тотъ, кто подумалъ бы, что г. Герценъ не любитъ только террористовъ. Нѣтъ, сердце либеральнаго профессора не лежитъ ко всѣмъ нигилистамъ вообще, безъ различія фракцій и направленій. Вотъ, напримѣръ, было у насъ „множество молодыхъ людей, и въ особенности молодыхъ дѣвушекъ, изъ зажиточныхъ семействъ, которые отдались душой и тѣломъ, съ удивительнымъ самоотверженіемъ, дѣлу образованія народа". Все шло хорошо. Но „къ несчастью, между ними оказалось нѣсколько личностей, не понявшихъ своей истинной задачи и злоупотреблявшихъ народными школами для цѣлей анархической пропаганды, (которой, впрочемъ, совершенно не поддаются крестьяне). И этого было достаточно, чтобы правительство закрыло всѣ наши школы" (стр. 27). Какъ видите, всѣ вообще революціонеры приносятъ лишь одно несчастіе нашей бѣдной родинѣ, которой давно бы уже пора раздѣлаться съ „двойнымъ нигилизмомъ" какъ онъ того заслуживаетъ, и отдаться „душой и тѣломъ„ демократамъ на манеръ лозанскаго профессора. То - то бы зажила тогда Россія!

Между нигилистами нижняго этажа г. Герценъ жалуетъ только издателей и сотрудниковъ „Свободной Россіи" (нынѣ, какъ извѣстно, уже прекратившейся), журнала, который отличался „замѣчательной серьезностью и умѣренностью" (sic!). Кружокъ „Свободной Россіи" состоитъ, по словамъ профессора, изъ самыхъ выдающихся людей русской эмиграціи. И г. Герценъ „считаетъ себя въ правѣ утверждать, что никто изъ нихъ не думаетъ о низверженіи *монархіи*; они хотятъ лишь уничтожить *самодержавіе*, непогрѣшимость, безотвѣтственность и произволъ правительства" (стр. 39-40). За эту похвалу едва ли будутъ благодарны г. Герцену издатели „Свободной Россіи". Эти „убѣжденные соціалисты" никогда такъ сильно не оттѣняли сво-

ей *умѣренности*, вѣроятно, опасаясь, что она оттолкнетъ отъ нихъ *революціонную* молодежь. И если они, разговорясь по душѣ съ г. профессоромъ, изложили передъ нимъ свои истинные взгляды, то не слѣдовало кричать объ этомъ на всю Европу. Зачѣмъ же выдавать чужіе секреты?

Что касается Александра III, то г. Герценъ, по либеральному обыкновенію, пугаетъ его „исторіей“ (ничѣмъ другимъ гг. либералы пугнуть его не могутъ: революціонное движеніе столь же страшно для нихъ, какъ и для царя). „Правда, онъ (царь) безвозвратно упустилъ тотъ моментъ, когда онъ могъ закончить дѣло своего отца съ наибольшей торжественностью; но можно-ли допустить, что сынъ захочетъ оставить въ исторіи воспоминаніе о царствованіи, посвященномъ единственно печальной реакціи; захочетъ дать ей право связать его имя съ именами убійцъ его отца? Что можетъ, въ самомъ дѣлѣ, сказать исторія, если не то, что онъ сдѣлался ихъ сообщникомъ, разрушая дѣло того, кого они убили?“ (стр. 41). Котъ Васька плутъ, котъ Васька воръ! Это очень хорошо и весьма убѣдительно. Но за то мы прямо мы скажемъ г. профессору, что его сопоставленіе царя съ „убійцами“ просто позорно. Исторія поставитъ имя Александра III рядомъ съ именами Желябова, Гриневецкаго и Перовской! Неужели можетъ быть такая глупая исторія?! И какъ высоко должено быть развито гражданское чувство въ человѣкѣ, вздумавшемъ *пугать* царя *подобнымъ* сопоставленіемъ! Есть люди, которые, по извѣстному выраженію, не вѣдаютъ, что творятъ. Нашъ ученый профессоръ не вѣдаетъ, что говоритъ.

„Нѣтъ, продолжаетъ г. Герценъ, никогда не поздно сдѣлать хорошее дѣло; поэтому „не смотря ни на что, многіе русскіе думаютъ что придетъ день, когда Александръ III возьмется за продолженіе и окончаніе дѣла своего отца. и они съ нетерпѣніемъ ждутъ этого дня, чтобы перенести на него (т. е. на Александра III) все то уваженіе и всю ту любовь, которыя они имѣютъ къ памяти Александра II (стр. 42).

Широковѣщательная и льстивая болтовня, — вотъ единственное оружіе нашихъ либераловъ въ борьбѣ за политическую свободу. Не далеко уѣдутъ они на этомъ конькѣ. И кто же пишетъ эти льстивыя строки! Сынъ Александра Ивановича Герцена, того Герцена который еще въ 1864 году, во время ссылки Чернышевскаго, называлъ правительство царя - „освободителя“ *шайкой разбойниковъ и негодяевъ*, и который такъ энергично клеймилъ „*жалкихъ людей, людей-слизняковъ*“, говорившихъ, что не нужно бранить это гнусное правительство. Нѣтъ, гражданскія чувства, очевидно, не передаются по наслѣдству!

Хорошо, очень хорошо, безподобно хорошо писалъ Герценъ-отецъ. Плохо, очень плохо, безподобно плохо пишетъ Герценъ-сынъ. Пусть лучше онъ занимается физіологіей и не пускается въ публицистику. Не ходи, Грыцю, та на вечерницы! Этого требуетъ благоразуміе.

Еще два слова. Почему же статья г. Герцена-сына была напечатана въ „Revue Socialiste“, спроситъ иной читатель? Потому что этотъ журналъ издается Малономъ, а Малонъ — самая путанная голова въ мірѣ.

Г. П.

Der Terrorismus in Russland und in Europa. Von Stepniak. Die Neue Zeit, №№ 8—9, 1890.

Статья нашего друга Степняка есть, формально говоря, прозаическое произведеніе. Но по существу дѣла это — поэма, въ томъ смыслѣ, въ которомъ понимали нѣкогда эпическія поэмы: разсказъ о событіяхъ, въ значительной степени причиненныхъ вмѣшательствомъ сверхъестественныхъ силъ. Характеръ поэмы статья Степняка принимаетъ, впрочемъ, лишь тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о настоящемъ или будущемъ. Въ страницахъ, посвященныхъ прошлому, въ мастерскомъ изображеніи начала нашихъ нелегальныхъ организацій, мы узнаемъ, наоборотъ, Степняка, написавшаго нѣсколько времени тому назадъ романъ „The career of a nihilist".*) Объ этомъ, заслуживающемъ самаго серьезнаго вниманія, литературномъ произведеніи, въ которомъ жизнь русскихъ революціонеровъ впервые обрисована съ знаніемъ изображаемой среды, мы надѣемся подробнѣе поговорить съ нашими читателями. Теперь замѣтимъ только, что въ романѣ мы вовсе не замѣчаемъ поэтическаго вымысла (въ вышеупомянутомъ значеніи слова) и всюду чувствуемъ себя на почвѣ реальной русской дѣйствительности конца семидесятыхъ годовъ. Статья же въ „Neue Zeit" является яркимъ проявленіемъ той стороны русскаго ума, которую одно изъ дѣйствующихъ лицъ вышеупомянутаго романа, революціонеръ - еврей Давидъ, такъ характеризуетъ въ разговорѣ съ товарищемъ: „Вы, русскіе, чувствуете ненависть къ положительнымъ, осязательнымъ вещамъ; вы постоянно нуждаетесь въ какой нибудь фантастической безсмыслицѣ (some fantastical nonsense), чтобы опьянять свои головы". Замѣчаніе очень вѣрное, и статья самого Степняка служитъ новымъ доказательствомъ его справедливости. Мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы въ ней были безсмыслицы, да и Давидъ напиралъ не на безсмысленность, а на фантастичность русскихъ головъ. Онъ не хотѣлъ обижать своихъ товарищей, не хотимъ и мы, и твердо надѣемся, что Степнякъ не обидится на наше замѣчаніе.

Не все, впрочемъ, какъ мы уже замѣтили, кажется намъ фантастичнымъ въ его статьѣ. Съ первыми страницами, напр., гдѣ говорится о *нравственной* сторонѣ терроризма, мы совершенно согласны. Террористы были несомнѣнно очень хорошіе, благородные люди, а наше правительство заслуживаетъ всякаго террора. Мы думаемъ только, что оно заслуживаетъ гораздо большаго. Слишкомъ мало заставлять время отъ времени „корчиться змѣю, сдавливающую націю", по картинному выраженію Степняка. Пожалуй даже слишкомъ много чести этому пресмыкающемуся, что гибнутъ хорошіе люди ради одного лишь удовольствія заставить его *покорчиться*. Змѣю необходимо *уничтожить*. Мы, впрочемъ, совершенно согласны съ авторомъ, когда онъ говоритъ, что терроръ не былъ въ глазахъ своихъ сторонниковъ проявленіемъ мести или самозащиты, а представлялся имъ особой системой политической борьбы. Но представляется ли онъ, послѣ

*) Нѣсколько главъ этого романа были помѣщены во второй книжкѣ „Соціаль-Демократа".

столькихъ лѣтъ опыта, самому автору цѣлесообразной системой борьбы противъ самодержавія—не совсѣмъ ясно изъ его статьи. Но объ этомъ послѣ. Итакъ, съ первыми двумя страницами статьи мы согласны, но уже съ конца второй начинаются *чудеса*. Замѣтивъ, что въ другихъ странахъ старый порядокъ былъ разрушенъ народомъ подъ предводительствомъ буржуазіи, въ Россіи же, гдѣ народъ не понимаетъ пользы политической свободы, за нее приходится бороться образованному классу, носящему названіе интеллигенціи, Степнякъ приступаетъ къ опредѣленію этого „класса“. „Онъ не имѣетъ, говоритъ авторъ, ни особаго происхожденія, ни особаго положенія, кромѣ профессіональнаго. Онъ охватываетъ (umfasst) дворянство, образованную часть буржуазіи, духовенства и правительственныхъ чиновниковъ. Именно этотъ классъ, который съ дѣтства пропитывается либеральными идеями величайшихъ европейскихъ мыслителей (это духовенство-то?) и проникнутъ самыми передовыми демократическими воззрѣніями, всего болѣе угнетаемъ современнымъ деспотизмомъ (Чиновничество угнетается деспотизмомъ! Или дворянство, которое посажено теперь въ передній уголъ подъ самые образа, и правительство не знаетъ чѣмъ его еще попотчивать?!). Трудно представить себѣ, чтобы въ той или другой изъ вышеприведенныхъ фразъ не была пропущена какая нибудь оговорка, ограничивающая размѣры опредѣляемаго авторомъ класса, или выдѣляющая изъ этого класса ту его часть, которая „пропитана“... „проникнута“ и „угнетена“. Но съ другой стороны, авторъ, видимо, писалъ свою статью въ такомъ исключительномъ настроеніи, въ такомъ припадкѣ самой святой вѣры—вѣры угольщика, какъ говорилось во Франціи пока угольщики не заразились современнымъ невѣріемъ -- что можетъ быть передъ его духовными очами и носится образъ такой „проникнутой“ всѣмъ желательнымъ для него интеллигенціи, состоящей изъ всѣхъ лицъ, обучавшихся въ корпусахъ, гимназіяхъ и семинаріяхъ. *При вѣрѣ* это возможно. Всякій русскій интеллигентъ православнаго вѣроисповѣданія еще въ катехизисѣ Филарета выучилъ, что вѣра есть „увѣренность въ невидимомъ какъ бы въ видимомъ, въ желаемомъ и ожидаемомъ, какъ бы въ настоящемъ“, и закрыванье глазъ на все видимое, но не желаемое. Послѣдней части опредѣленія у Филарета, положимъ, не имѣется, но она необходимо вытекаетъ изъ первой.

Состоящая изъ совокупности высшихъ и правящихъ классовъ интеллигенція находится въ Россіи, по мнѣнію автора, въ самомъ печальномъ положеніи. Экзотическій характеръ нашей культуры, недовѣріе крестьянъ по отношенію къ каждому, носящему нѣмецкое платье, ихъ невѣжество и „средневѣковые предразсудки въ религіозномъ и политическомъ отношеніи“ ставятъ „образованные классы, лишенные опоры, въ самое отчаянное положеніе. Въ своей собственной странѣ, среди своихъ соотечественниковъ, людей одной съ ними крови и одного языка, они находятся въ положеніи численно слабой, но превосходной по культурѣ расы, отданной на жертву варварскимъ завоевателямъ.“ Если не предположить опечатки, если рѣчь дѣйствительно идетъ о массѣ чиновничества, духовенства и дворянства, а не объ исключеніяхъ; о высшихъ классахъ, а не объ отбившихся отъ

нихъ разночинцахъ, то выходитъ по истинѣ нелѣпая картина, выражаемая пословицей: медвѣдь корову деретъ, да самъ же и реветъ. Выходитъ, что чиновничество, деря мужика въ сообществѣ съ дворянствомъ, духовенствомъ и всякой просвѣщенной и не просвѣщенной буржуазіей, само же оказывается несчастной жертвой варварскихъ завоевателей. Мы, положимъ, тоже утверждаемъ, что старый экономическій бытъ русскаго крестьянства значительно облегчаетъ задачи какъ самодержавнаго правительства, такъ и всѣхъ образованныхъ и необразованныхъ медвѣдей обдирающихъ русскій народъ. Но это другой вопросъ, и къ тому же, кто, какъ не либеральная и демократическая часть образованныхъ классовъ, съ безпримѣрнымъ усердіемъ отстаиваетъ этотъ средневѣковый бытъ?

Какъ бы тамъ ни было, но „вызванная къ жизни горячимъ западнымъ вѣтромъ“ новая „угнетенная“ нація, не имѣя возможности прибѣгнуть къ возстанію, обратилась къ террору. Это тоже похоже на правду. Но дальше опять чудеса. „При современномъ положеніи партій въ Россіи, говоритъ Степнякъ, развитіе ведетъ или къ всестороннему политическому террору, или къ вызванной голодомъ и отчаяніемъ соціальной революціи массъ. Есть лишь одно средство выйти изъ этой дилеммы, и это средство заключается въ томъ, чтобы привлечь къ дѣлу революціи существенную часть самого правительства, т. е. армію, правительственныя учрежденія и чиновниковъ, задачи которыхъ заключаются въ охраненіи трона. Такимъ образомъ, правительство раздѣлилось бы въ самомъ себѣ и, подрываемое собственными руками, исчезло бы въ скоромъ времени. Это было бы аномаліей. Но господствующая теперь въ Россіи система является анахронизмомъ, достаточно ужаснымъ, чтобы сдѣлать возможной всякую аномалію. Если ходъ дѣла приметъ послѣднее направленіе, то мы переживемъ рядъ государственныхъ переворотовъ и военныхъ возстаній съ болѣе или менѣе значительнымъ вмѣшательствомъ другихъ слоевъ общества. Такова именно программа, которую приняла и старается осуществить партія Народной Воли“. Не правда ли,— удивительно и неожиданно? Неожиданны, конечно, не пожеланія автора, чтобы правительство само себя подкопало и уничтожило. Эти желанія совершенно естественны. Ужь на что лучше, коли оно само постарается! Мы не говоримъ также, чтобы государственные перевороты и военные заговоры были у насъ невозможны. Мы этого не знаемъ. Мы знаемъ, что бывали (очень не многіе, правда, и не высокопоставленные) чиновники, оказывавшіе кое какія услуги революціонерамъ. Мы знаемъ, что движеніе молодежи отзывалось и въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, что между молодыми офицерами бывали революціонеры; но все это слишкомъ далеко еще отъ государственнаго переворота или военнаго заговора. Да, думается намъ, не знаетъ, а только мечтаетъ объ этихъ заговорахъ и самъ авторъ. Кабы онъ зналъ о готовящемся государственномъ переворотѣ или о военномъ заговорѣ, *не сталъ бы о нихъ печатать*. Въ мечтахъ же о подобныхъ заговорахъ нѣтъ, конечно, ничего ни новаго, ни неожиданнаго. Удивительной и неожиданной во всемъ этомъ намъ представляется только *новая* партія Народной Воли со своей программой

правительственнаго самоподкапыванья. Мы никогда не слыхали объ *этой* партіи и ничего не знаемъ о ней, кромѣ того, что говоритъ авторъ, но по смыслу фразы, въ которой эта партія упоминается, она состоитъ очевидно не изъ военныхъ или чиновниковъ, „задача которыхъ заключается въ охраненіи трона“, — ихъ предстоитъ еще привлечь къ дѣлу революціи, — а изъ людей „штатскихъ“ и не служащихъ, заботящихся объ этомъ привлеченіи. Если она состоитъ изъ элементовъ сколько нибудь сходныхъ съ элементами *старой* партіи Народной Воли, то мы полагаемъ, что напрасны ея старанія. Правительственныя лица, могущія съ какимъ нибудь основаніемъ мечтать о государственномъ переворотѣ, должны быть довольно высоко-поставленными лицами, и не станутъ они дѣйствовать вслѣдствіе стараній тѣхъ неслужащихъ разночинцевъ, изъ которыхъ всегда состояло большинство элементовъ нашего революціоннаго движенія. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда нѣкоторыя высоко-поставленныя лица возъимѣли конституціонныя пожеланія, они образовали обществс „тайной охраны“, гораздо ближе стоявшее къ синей жандармской „охранѣ“, чѣмъ къ народовольцамъ. Военные заговоры . . . . . но намъ кажется, что о военныхъ намъ, „штатскимъ“, лучше не разговаривать : никакого военнаго заговора изъ нашихъ „штатскихъ“ разговоровъ выйти не можетъ. Мы вообще думаемъ, что за выполнимость программы новой партіи Народной Воли говоритъ только то, что „господствующая теперь въ Россіи система такъ ужасна, что дѣлаетъ возможной всякую аномалію.“ Но вѣдь это плохой доводъ. Вѣдь на основаніи этого довода, совершенно равносильнаго знаменитому тихомировскому изрѣченію : „исторія идетъ невѣроятными путями“, можно доказать рѣшительно всякое данное положеніе, лишь бы оно было „ненормально“ и невѣроятно. Можно предсказать, напримѣръ, что современный режимъ продержится у насъ еще 100 лѣтъ. Это было бы чрезвычайно большой аномаліей и ужь на что невѣроятно ? Но именно поэтому и т. д., и т. д. „Исторія идетъ невѣроятными путями“ !

Оставивъ въ сторонѣ „аномальную“ программу новой Народной Воли, мы имѣемъ предъ собою двѣ возможности : голодный бунтъ отчаянія. или терроръ. Голодъ и отчаяніе массъ зависятъ отъ того, что въ просторѣчіи называется божьимъ попущеніемъ, да еще отъ царской милости, а ни въ какомъ случаѣ не отъ людей, стремящихся активно содѣйствовать освобожденію своей страны. Для этихъ послѣднихъ остается такимъ образомъ одинъ „всесторонній терроръ“.

Авторъ нигдѣ не поясняетъ, какимъ образомъ можетъ терроръ содѣйствовать паденію деспотизма ; онъ, впрочемъ, и не проповѣдуетъ террора ; онъ лишь объясняетъ его появленіе въ прошломъ и предсказываетъ его возобновленіе въ будущемъ. Однако, онъ самъ совершенно справедливо говоритъ, что терроръ былъ въ глазахъ своихъ послѣдователей средствомъ для достиженія ихъ цѣли : освобожденія страны, да и никакая партія не можетъ употреблять средствъ, не являющихся цѣлесообразными въ ея глазахъ. Но какого именно вліянія на ходъ освобожденія Россіи могутъ ждать отъ террора будущіе террористы, или ждетъ самъ авторъ, — очень трудно угадать

изъ его статьи. Степнякъ любитъ выражаться сравненіями, часто очень картинными, но иногда говорящими совсѣмъ не то, что хотѣлъ сказать авторъ. Онъ утверждаетъ, напр., что шедшіе на вѣрную смерть русскіе террористы, стремились къ побѣдѣ „по образцу римскихъ полководцевъ, принося себя въ жертву подземнымъ богамъ". Степень самопожертвованія въ обоихъ случаяхъ дѣйствительно одинакова. А если принять во вниманіе, что въ одномъ случаѣ жертвовали собою закаленные въ бояхъ воины, а въ другомъ—не видавшіе крови юноши, что римляне умирали въ бою, а русскіе юноши на висѣлицахъ, то героизмъ русскихъ революціонеровъ, покажется даже болѣе замѣчательнымъ. Но каждому, кто припомнитъ, при какихъ обстоятельствахъ приносили себя въ жертву римскіе полководцы, приведенный примѣръ скажетъ гораздо больше, чѣмъ думалъ Степнякъ. Намъ кажется даже, что трудно выбрать болѣе подходящее сравненіе, для поясненія той мысли, что самое идеальное геройство отдѣльныхъ личностей только тогда и не остается безъ результатовъ, только тогда и можетъ повліять на судьбу цѣлой страны, если за героями стоитъ масса, если есть кому воодушевиться ихъ героизмомъ, воспользоваться ихъ дѣломъ. Вѣдь римскіе полководцы посвящали себя, и вмѣстѣ съ собою непріятельское войско, подземнымъ богамъ передъ рядами *готовыхъ къ бою римскихъ солдатъ* (а римскіе солдаты, вѣдь это была *цѣлая нація*) Когда предводитель падалъ подъ ударами враговъ, это означало въ глазахъ римлянъ, что боги приняли въ жертву также и непріятелей. Но отправить непріятелей по назначенію составляло задачу римскаго войска, достигавшуюся упорной битвой. Геройскій поступокъ вождя и увѣренность въ побѣдѣ усиливали одушевленіе войскъ. Но само это геройство, этотъ такъ сказать священный моментъ въ земномъ дѣлѣ борьбы, имѣлъ смыслъ лишь при наличности матеріальнаго, *земнаго* условія побѣды: готоваго къ бою войка. Очень храбрымъ, но въ тоже время практичнымъ и трезвымъ римскимъ вождямъ и въ голову не приходило пренебрегать скромнымъ дѣломъ собиранья войска въ разсчетѣ на свое личное геройство.

Въ другомъ мѣстѣ, стараясь показать цѣлесообразность русскаго террора въ противоположность нелѣпости его въ Европѣ, авторъ говоритъ, что со стороны генераловъ командовавшихъ прусскими войсками въ послѣдней войнѣ, было бы очень глупо отправиться во французскій лагерь съ цѣлью убить Наполеона III или Базэна, вмѣсто того, чтобы идти противъ враговъ со своими превосходными арміями. Но вообразите себѣ, продолжаетъ Степнякъ, изолированный отрядъ вольныхъ французскихъ стрѣлковъ, который дѣйствовалъ бы подобнымъ образомъ противъ прусскихъ генераловъ: таково положеніе русскихъ нигилистовъ.

Не совсѣмъ таково. Вѣдь этотъ изолированный отрядъ явился бы ничтожнѣйшей частью военныхъ силъ Франціи. Его дѣятельность не могла бы имѣть ни малѣйшаго вліянія на общій исходъ войны, она осталась бы въ ней исключительнымъ частнымъ случаемъ. Въ Россіи же вся революціонная война заключалась въ дѣятельности нашего отряда стрѣлковъ. Видоизмѣнимъ для большей наглядно-

сти сравненіе автора. Вообразимъ себѣ страну, очутившуюся совсѣмъ безъ войска въ моментъ непріятельскаго нашествія. Люди, взявшіе на себя иниціативу обороны этой страны, вмѣсто того, чтобы собирать войска, рѣшили ограничить все дѣло своимъ личнымъ геройствомъ и отправились въ непріятельскій станъ убивать предводителей. Цѣлесообразно ли поступили бы они? Не оказалась ли бы эта предполагаемая страна, не смотря на геройство иниціаторовъ, убившихъ главнокомандующаго и нѣсколькихъ генераловъ, совершенно беззащитной? Что помѣшало бы непріятелю цѣликомъ присоединить ее къ своимъ владѣніямъ? И надежда избвиться отъ чужеземнаго ига явилась бы для предполагаемой страны лишь тогда, когда нашлись бы люди, которые принялись бы собирать силы и подготовлять *народное возстаніе*, какъ бы ни была трудна такая работа подъ надзоромъ бдительныхъ враговъ. Но если безъ войскъ геройство отдѣльныхъ личностей не можетъ принести никакихъ результатовъ, то наоборотъ, когда есть войска, когда за иниціаторами стоитъ народная сила, единичные геройскіе подвиги могутъ оказать при случаѣ огромное вліяніе на исходъ той или другой битвы, а слѣдовательно и всего движенія.

Но цѣлесообразенъ или нѣтъ не опирающійся на народную силу терроръ, изъ той же статьи Степняка, хотя и помимо его воли, оказывается, что никакой серьезный терроръ и невозможенъ теперь въ Россіи. Предсказавъ возобновленіе террора въ томъ случаѣ, если одна часть правительства не пожелаетъ подкопать и уничтожить другую, Степнякъ, вслѣдъ за тѣмъ, самымъ краснорѣчивымъ и убѣдительнымъ образомъ доказываетъ, что терроръ возможенъ лишь при существованіи значительнаго числа нелегальныхъ революціонеровъ, объединенныхъ въ крѣпкую организацію. Мы думаемъ, что онъ безусловно правъ въ этомъ отношеніи. Мы думаемъ, что взяться за терроръ можетъ лишь крѣпкая, уже нѣсколько лѣтъ дѣйствующая на революціонномъ поприщѣ организаціи, какою была Земля и Воля передъ началомъ политическихъ убійствъ. Въ рукахъ каждой не достаточно окрѣпшей организаціи террористическія попытки неизбѣжно окажутся тѣмъ, что Степнякъ очень мѣтко называетъ, говоря о дѣйствіяхъ анархистовъ, „скорѣе экспериментами надъ употребленіемъ динамита, чѣмъ политическими дѣйствіями“. Тотъ же характеръ экспериментовъ носили за послѣднія восемь лѣтъ и всѣ русскія приготовленія къ покушеніямъ, не смотря на то, что по геройству и самоотверженію люди какъ Ульяновъ ни въ чемъ не уступали лучшимъ террористамъ предъидущей эпохи. На такихъ, заранѣе осужденныхъ, на неудачу, попыткахъ не можетъ выработаться никакой организаціи. Онѣ неизбѣжно убиваютъ всякій кружокъ, имѣющій несчастье съ ними начать свою революціонную дѣятельность. Съ этимъ согласился, бы вѣроятно, и Степнякъ, но онъ вѣритъ, что въ Россіи существуетъ множество нелегальныхъ революціонеровъ, что тамъ есть обширныя организаціи, составляющія „государство въ государствѣ“, имѣющія свое „бюро“, изъ которыхъ самыя важныя — паспортное и финансовое. Какъ хорошо было бы, если бы существовали у насъ такія организаціи! Онѣ безконечно облегчили бы *всякое* революціонное дѣло. Но

къ великому несчастью, такихъ организацій нѣтъ теперь въ Россіи. Изъ „нелегальныхъ“ существуютъ только отдѣльныя личности, у которыхъ, опять таки къ нашему величайшему сожалѣнію, никакихъ бюро, ни паспортныхъ, ни финансовыхъ, не имѣется, да не имѣется часто и вообще ни паспортовъ, ни финансовъ. Самъ Степнякъ сказалъ бы что терроръ невозможенъ теперь въ Россіи, если бы не обманывала его вѣра.

Но, скажутъ намъ, если теперь и нѣтъ сильныхъ революціонныхъ организацій, состоящихъ изъ нелегальныхъ. то онѣ могутъ выработаться къ тому времени. когда новая партія Народной Воли убѣдится въ тщетности своихъ стараній повліять на существенную часть правительства. Несомнѣнно, что сильныя революціонныя организаціи могутъ выработаться въ короткое время, но лишь въ томъ случаѣ, если революціонеры толково и настойчиво примутся за посильное революціонное дѣло, доступное въ тѣхъ или иныхъ размѣрахъ для каждаго серьезнаго кружка. Только на такомъ посильномъ дѣлѣ и могутъ вырабатываться организаціи. Для нашихъ организацій семидесятыхъ годовъ такимъ дѣломъ была пропаганда среди крестьянъ и рабочихъ, и онѣ пріобрѣли въ ней такую ловкость и опытность, что передъ началомъ террора дѣятельность въ народной средѣ стала для нихъ почти безопасной. Мы убѣждены. что и теперь нѣтъ другого дѣла, на которомъ могли бы выработаться сильныя революціонныя организаціи. Не на попыткахъ же вліять на правительственныя учрежденія можно пріобрѣсти революціонную опытность! Мы уже говорили, что по нашему мнѣнію ее нельзя пріобрѣсти и начиная съ приготовленія динамита. Поэтому даже тотъ, кто видитъ все спасеніе въ террорѣ, долженъ бы желать, чтобы революціонеры сосредоточили свою дѣятельность на пропагандѣ Но съ другой стороны, пропаганда не можетъ быть успѣшна, не можетъ повести и къ созданію сильныхъ организацій, если не въ ней видятъ революціонеры свою главную задачу, не на нее возлагаютъ свои надежды, а занимаются ею между прочимъ, продолжая „опьянять свои головы“ совсѣмъ иными, не имѣющими съ нею ничего общаго, „фантазіями“.

Въ отвѣтъ на приведенное нами выше замѣчаніе Давида насчетъ склонности русскихъ людей къ фантазіямъ, его собесѣдникъ, главный герой романа „The career of a Nihilist“ Андрей Кожуховъ, говоритъ, что это не бѣда, что трудно обойтись безъ фантазій, что всякій идеализируетъ то, что любитъ. Это пожалуй правда, но идеализація идеализаціи — рознь. Употребимъ и мы, по примѣру Степняка, сравненіе. Представьте себѣ, что вамъ нужно ѣхать изъ Москвы въ Петербургъ. Вы, какъ слѣдуетъ, пришли на Николаевскій вокзалъ. взяли билетъ и сѣли въ поѣздъ, идущій въ Петербургъ. Вы—человѣкъ очень склонный къ идеализаціи. Но по отношенію къ везущему васъ поѣзду ваша идеализація можетъ быть направлена развѣ только на скорость его движенія, да на удобства вагоновъ. Но какъ бы вы ни ошибались на этотъ счетъ, поѣздъ все таки привезетъ васъ въ Петербургъ. Представьте же себѣ теперь, что вы въ силу той или другой „фантастической безмыслицы“, отправляясь изъ

Москвы, явились на Курскій вокзалъ и сѣли въ поѣздъ, ѣдущій въ Курскъ-Кіевъ-Одессу. Съ каждой минутой паръ несетъ васъ все дальше и дальше отъ вашей цѣли. И если вы склонны къ идеализаціи, то въ данномъ случаѣ для нея открывается обширное поприще нетолько въ смыслѣ *скорости* движенія поѣзда, но и но также въ смыслѣ *направленія* его движенія. Но само собою разумѣется, чтокакъ бы вы ни упражнялись въ идеализаціи, въ Петербургъ вы попадете только въ томъ случаѣ, когда замѣтите свою ошибку и откажетесь отъ тѣхъ „фантазій", которыя привели васъ на Курскій вокзалъ. Мы не хотимъ сказать, что сама террористическая дѣятельность удаляетъ насъ отъ цѣли, какъ не прочь утверждать люди, возлагающіе надежды на добрую волю царя, который, если бы его не сердили, далъ бы конституцію. Мы къ такимъ надеждамъ не имѣемъ ни малѣйшей склонности и считаемъ ихъ самой жалкой безсмыслицей, когда либо туманившей русскія головы. Политическія убійства, не опирающіася на народную силу, кажутся намъ только средствомъ слишкомъ слабымъ, для того, чтобы хоть на шагъ приблизить насъ къ цѣли. Не въ фактическомъ террорѣ, а въ міровоззрѣніи революціонеровъ, раздѣляемомъ въ основныхъ чертахъ и нашей оппозиціонной интеллигенціей, есть, дѣйствительно, не мало фантазій, удаляющихъ насъ отъ цѣли и везущихъ въ „Курскъ". Такою фантазіею была и остается идеализація нашихъ деревенскихъ учрежденій и обычаевъ. Такими же фантазіями являются и всѣ невѣроятные пути исторіи, которые мы придумываемъ въ такомъ огромномъ количествѣ.

Степнякъ совершенно правъ, считая величайшимъ несчастіемъ Россіи существованіе пропасти между нашей азіатской деревней и всѣми элементами страны, живущими въ европейскихъ условіяхъ, хотя онъ совершенно не правъ, пытаясь перепрыгнуть черезъ пропасть разными невѣроятными путями. Исторія давно уже работаетъ надъ заполненіемъ указанной пропасти самымъ вѣроятнымъ и естественнымъ изъ всѣхъ путей. Процессъ экономическаго развитія Россіи уже въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій перебрасываетъ все большую и большую часть крестьянъ съ азіятскаго края пропасти на европейскій. Разложеніе нашего деревенскаго строя теперь уже слишкомъ хорошо засвидѣтельствовано. Противъ этого факта уже никто не споритъ. Массы разбредающагося крестьянства направляются въ города. И не только навсегда оставшаяся въ городахъ часть этихъ массъ, но и временно пожившая тамъ деревенская молодежь, вмѣстѣ съ зипуномъ и лаптями, утрачиваетъ и „средневѣковые предразсудки въ религіозномъ и политическомъ отношеніи" — какъ справедливо характеризуетъ взгляды деревни Степнякъ, или „вѣковѣчные устои народнаго міросозерцанія" какъ величаютъ эти взгляды славянофилы и народники. На мѣсто цѣльной, строго законченной системы азіятскихъ предразсудковъ, побывавшая въ городахъ молодежь пріобрѣтаетъ на первый разъ въ большинствѣ случаевъ лишь обрывки европейскихъ предразсудковъ, ненавистное всѣмъ любителямъ деревни обезьянство цивилизаціи. Но и отъ этого обезьянства переходъ къ дѣйствительной цивилизаціи неизмѣримо легче, чѣмъ отъ поэтической непосредственности старой деревни. Эти съ вѣтру нахватанные

въ городахъ предразсудки представляются зыбучимъ пескомъ по сравненію съ незыблемой прочностью деревенскихъ „устоевъ народнаго міросозерцанія“ Но дѣло не ограничивается этой разчисткой мѣста для новыхъ воззрѣній. Лучшая часть городскаго рабочаго населенія сознательно идетъ на встрѣчу европейской мысли, европейскому знанію. Масса рабочихъ читаетъ газеты. Многіе читаютъ журналы, повѣсти, романы. Это стремленіе къ знанію доказывается и огромнымъ успѣхомъ всевозможныхъ народныхъ библіотекъ, читалень, чтеній. Въ нашихъ главныхъ городахъ образовалось уже огромное европейское рабочее населеніе, никакъ не меньшее имѣвшагося въ большихъ европейскихъ государствахъ въ моментъ паденія у нихъ абсолютизма. Не смотря на это, наша интеллигенція, и оппозиціонная, и революціонная, окруженная европейскими рабочими, продолжаетъ увѣрять и себя, и другихъ, что она находится въ исключительномъ, нигдѣ не бываломъ, положеніи одинокаго гиганта среди пигмеевъ, вынужденнаго придумывать для себя не бывалые и невѣроятные пути исторіи. И именно потому, что мы считаемъ и хотимъ считать себя въ исключительномъ положеніи, мы въ немъ дѣйствительно остаемся. Цѣлые десятки лѣтъ мы старательно устраняемъ въ своемъ воображеніи всѣ трудности и сокращаемъ до нуля время нужное для достиженія цѣли нашими невѣроятными путями. Но тѣмъ самымъ мы замедляемъ движеніе впередъ, совершающееся помимо насъ, на вѣроятномъ европейскомъ пути къ свободѣ страны, ставшей европейской страной. Передовые слои рабочихъ массъ давно уже прислушиваются къ тому, о чемъ разговариваютъ между собою образованные люди. И самый развитой (а потому и самый вліятельный) слой рабочихъ прислушивается именно къ тому, что говоритъ наша оппозиціонная литература. Но что вычитываетъ тамъ рабочій? Онъ узнаетъ не мало подробностей о положеніи крестьянства и задачахъ интеллигенціи, но о себѣ, о своемъ классѣ, онъ узнаетъ лишь то, что рабочихъ очень мало, но еще бы лучше было, если бы ихъ совсѣмъ не было; что рабочіе пропащій, развращенный народъ, которому можно пожелать лишь одного: какъ можно скорѣе потонуть въ крестьянской массѣ, отбросивъ всѣ свои городскія особенности. И ни слова ободренія рабочимъ, какъ таковымъ, ни слова объ ихъ дѣлѣ, объ ихъ задачѣ, такой громадной и плодотворной на вѣроятномъ европейскомъ пути къ свободѣ! Много-ли бодрости и энергіи можетъ вынести рабочая масса изъ этой проповѣди, правда не къ ней обращенной, но единственной достигающей до ея ушей?

Вѣра въ невѣроятные пути исторіи мѣшаетъ нашей революціонной интеллигенціи серьезно взяться за единственное цѣлесообразное для нея *въ настоящій моментъ* дѣло пропаганды среди рабочихъ. Эта же вѣра мѣшаетъ плодотворному вліянію на рабочихъ нашей оппозиціонной литературы. Перестань только наша оппозиція вѣрить въ самобытные и невѣроятные пути,— она невольно обратила бы свои взоры на европейскій вѣроятный путь политическаго освобожденія. А на этомъ пути рабочіе играютъ такую громадную роль, что волей-неволей она заинтересовалась бы и русскими рабочими, нашла бы въ нихъ не однѣ дурныя стороны. Возлагая на нихъ свои на-

дежды, она и въ нихъ самихъ разбудила бы сознаніе силы и значенія рабочаго класса. А въ дѣлѣ политическаго освобожденія одно сознаніе рабочими своей силы есть уже дѣйствительная сила. И только тогда, когда узнаетъ о своей задачѣ и почувствуетъ свою силу городской рабочій, получатъ значеніе и демократичность нашей интеллигенціи, и либерализмъ офицеровъ, и способность къ геройству и самопожертвованію революціонеровъ изъ интеллигенціи. Рабочіе не могутъ совершить политическаго освобожденія страны, разъ не стремится къ свободѣ часть высшихъ классовъ, но безсильны безъ рабочихъ и революціонеры изъ высшихъ классовъ, какъ бы велико ни было ихъ геройство. Только дѣйствуя рядомъ, эти двѣ силы неизбѣжно и навѣрняка побѣдятъ самодержавіе.

В. З.

Поезіji Т. Гр. Шевченка, заборонены въ Россіji. Geneve, H. Georg, libraire. Prag Eduard Volecka. 1890.

О поэтическомъ талантѣ Шевченка можетъ быть только одно мнѣніе: покойный Тарасъ Григорьевичъ принадлежитъ къ числу самыхъ крупныхъ народныхъ поэтовъ, какихъ только знаетъ всемірная исторія литературы. Вотъ почему всякій, не совсѣмъ безваботный на счетъ литературы, русскій поблагодаритъ лицъ, издавшихъ въ Женевѣ запрещенныя въ Россіи, или дозволенныя тамъ съ пропусками, стихотворенія Шевченка. Книжечка издана очень чисто и взящно, но цѣна ея (3. фр.) нѣсколько высока.

Г. П.

ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ РОССІИ.

I.

Реформы на Карѣ.

Въ началѣ Сентября 1890 г. политическіе каторжане, отбывавшіе наказаніе въ Карійской тюрьмѣ (Забайкальской Области) перешли изъ жандармскаго вѣдомства въ обще-уголовное. Эта перемѣна вѣдомства повела за собою значительныя измѣненія и въ ихъ положеніи. 24 изъ числа заключенныхъ, отсидѣвшіе болѣе трети того срока, на который были приговорены, выпущены 11 Сентября въ „вольную команду". Таково правило для всѣхъ уголовныхъ, политическіе же до послѣдняго времени выпускались въ команду лишь за годъ, за два предъ отправкой на поселеніе, а многихъ и вовсе не выпускали. Вышедшіе въ вольную команду карійцы живутъ близь прежней тюрьмы въ слободѣ, населеніе которой состоитъ изъ уголовной вольной команды, батальона пѣшихъ казаковъ, держащихъ караулы въ тюрьмахъ, да изъ всякаго рода начальства. Всѣхъ политическихъ вольно-командцевъ, вмѣстѣ съ выпущенными до 11-го Сентября 90 года, въ Карійскѣ до 34 человѣкъ, въ томъ числѣ 4 женщины: Лешернъ, Корба, Ивановская и Добрускина. Тутъ же живутъ и жены каторжанъ: Лури, Рехневская, Сухомлина и Медвѣдева. Размѣщаются вольно-командцы группами въ нѣсколько человѣкъ, — кто съ кѣмъ хочетъ. Нѣкоторые имѣютъ собственныя избы, большинство же живетъ въ казенныхъ, уплачивая за наемъ 5—6 руб. въ мѣсяцъ за избу. Матерьяльное положеніе выпущенныхъ могло только ухудшиться въ сравненіи съ тюремнымъ. Заработать что бы то ни было въ Карійскѣ нѣтъ никакой возможности. Средства остались тѣ же что и прежде : очень скудныя и рѣдкія присылки родныхъ, да казенный паекъ, а расходы сильно увеличились. Тѣмъ не менѣе, сравнительная свобода заставляетъ въ большинствѣ случаевъ предпочитать вольныя команды заключенію въ тюрьмѣ. Остальные 13 человѣкъ изъ карійскихъ политическихъ каторжанъ, для которыхъ срокъ выхода въ вольную команду еще не наступилъ, переведены въ Акатуй, гдѣ и состоятъ теперь на обще-уголовномъ положеніи, помѣщаются вмѣстѣ съ уголовными въ однихъ камерахъ, работаютъ въ рудникахъ и проч. Этимъ послѣднимъ, по крайней мѣрѣ всѣмъ тѣмъ, чье здоровье уже разшатано тюрьмой, такая перемѣна поло-

женія несомнѣнно принесла значительное отягченіе: во всей Сибири трудно найти мѣстность, которая менѣе удовлетворяла бы самымъ элементарнымъ требованіямъ гигіены, чѣмъ мрачная котловина Акатуя.

II

Письмо изъ Сибири.

Городъ X, 26 Марта 90 г.

Страшная якутская катастрофа, съ убитыми, пожизненными каторгами и тремя казненными, имѣла то послѣдствіе, что переписку политическихъ ссыльныхъ и многихъ частныхъ лицъ всей Якутской Области взяли подъ контроль. Петлю надзора захлестнули на шеѣ ссыльныхъ такъ туго, что имъ, въ буквальномъ смыслѣ, жить нельзя. Такъ, напр., въ Средне-Колымскъ ссыльныхъ нагнали 42 человѣка, что составляетъ 10% всего населенія города. Исправникъ округа уже доносилъ много разъ, что въ краѣ невозможно достать продуктовъ (за деньги, конечно) даже на 20 человѣкъ ссыльныхъ, но политическихъ все шлютъ туда да шлютъ. Въ 1888 г. въ Якутскъ пріѣзжалъ чиновникъ департамента полиціи Де-Карьеръ (въ дальніе округа онъ, конечно, не поѣхалъ). Ему въ городѣ ссыльные задали вопросъ: —„Почему вы ссылаете въ Колымскій округъ? Развѣ Департаментъ Полиціи не знаетъ, что тамъ жить нельзя?“

На это послѣдовалъ отвѣтъ, который передаю буквально. — „Потому мы туда и ссылаемъ, что тамъ жить нельзя“...

Въ Средне-Колымскѣ на первыхъ порахъ было 15 человѣкъ ссыльныхъ: 13 мужчинъ и 2 женщины. Въ 89 году прибыло еще 7 человѣкъ. Были туда назначены еще многіе, но они или перебиты, или перевѣшаны, или осуждены на каторгу во время страшной якутской катастрофы. Послѣ этой катастрофы можно было думать, что больше ужь въ Ср.-Колымскъ никого не пошлютъ, тѣмъ болѣе, что исправникъ округа вновь и вновь заявлялъ, что въ округѣ нѣтъ возможности прокормиться и тому количеству ссыльныхъ, которое уже есть. Но въ Январѣ 90 г. туда назначено еще 20 человѣкъ, (17 мужчинъ и 3 женщины), которые уже всѣ находятся въ дорогѣ. Нѣтъ, стало быть, сомнѣнія, что ссыльныхъ будутъ въ Средне-Колымскъ все присылать, да присылать.

Вначалѣ ссыльная колонія Средне-Колымска состояла только изъ административныхъ, но въ этомъ году стали ссылать туда и государственныхъ ссыльныхъ, отбывшихъ срокъ на каторжныхъ работахъ. Въ настоящее время тамъ 4 карійца. Они пробыли на каторгѣ отъ 8 до 15 лѣтъ. Страшно посмотрѣть на то, что съ ними сдѣлала каторга! Одинъ страдаетъ буйнымъ помѣшательствомъ, въ припадкахъ котораго онъ — ужасенъ. Другой сталъ на Карѣ маніакомъ. На Карѣ онъ былъ того убѣжденія, что онъ — не онъ, а Дагмара (императрица имперіи Россійской), что онъ долженъ скоро родить

сына, и тогда будетъ объявлена конституція. Теперь несчастный страдаетъ тихимъ умопомѣшательствомъ. Въ настоящее время онъ пишетъ „Учебникъ исторіи для дѣтей“, причемъ источниками служатъ старые календари. Помѣшательство почти перешло въ идіотическое состояніе. А между тѣмъ, это когда-то былъ человѣкъ съ необыкновенными умственными способностями, человѣкъ далеко не дюжинный. Третій каріецъ психически вполнѣ здоровъ, но чахотка, этотъ страшный физическій недугъ, нажитый имъ на каторгѣ, быстро приближаетъ его къ могилѣ... Быть можетъ, психически-больные и могли бы оправиться, да не въ Средне-Колымскѣ, — тѣмъ болѣе, что приходящія отовсюду вѣсти далеко не такого свойства, чтобы могли исцѣлять больныхъ. Избіенія ссыльныхъ на пути ихъ слѣдованія стали обычнымъ явленіемъ. Не проходила ни одна партія, не испробовавъ прикладовъ. Въ 1888 году, осенью, стали прилагать къ политическимъ ссыльнымъ, лишеннымъ правъ состоянія, тѣлесныя наказанія. Въ это время были высѣчены на Сахалинѣ трое изъ-за того, что одинъ изъ нихъ не снялъ шапки передъ какимъ-то чиновникомъ. — Такого рода утѣшительныя вѣсти не могутъ, конечно, способствовать излѣченію помѣшанныхъ.

Для осужденныхъ за Якутскую исторію устроена *особенная* каторжная тюрьма въ Вилюйскѣ, въ томъ острогѣ, гдѣ прежде содержался Чернышевскій. Говорятъ, тамъ уже былъ одинъ случай наказанія розгами.

III

Аресты и преслѣдованія въ Россіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Въ половинѣ Ноября 1890 г. въ Петербургѣ приговорены *къ смертной казни* : Софья Гинцбургъ, Фрейфельдъ и Стояновскій, обвинявшіеся, вмѣстѣ съ Крочько и Душевскимъ, въ томъ, что они будто бы собирались убить царя. Александръ III „помиловалъ“ осужденныхъ на смерть, т. е. замѣнилъ имъ быструю смерть на веревкѣ медленною смертью въ каменныхъ мѣшкахъ Шлиссельбурга. Процессъ происходилъ при закрытыхъ дверяхъ. Надѣемся, что въ слѣдующей книжкѣ мы будемъ въ состояніи сообщить читателямъ подробности этого дѣла.

Въ Іюлѣ 1890 г. арестованы : Сухаровская, Балакирева, Фойницкій (студ.-медикъ 5 курса), Истомина, Колибрина (акуш.), Воскресенскій (мед. 5 курса), Говядинова (фельдш.), Флоровскій (военный врачъ), Ерогина (студ. Пар. Унив.). Приговорены „административнымъ порядкомъ“ къ тюремному заключенію: Файнштейнъ на 3 года, Гуковскій на 2 г. и Соловейчикъ на 2 г. (сидятъ на Выборгской сторонѣ въ такъ называемомъ „Крестѣ“).

МОСКВА. Арестованы : въ Іюнѣ 1890 г. Лебедева (отвезена въ Петербургъ и выпущена черезъ мѣсяцъ на поруки). Въ Августѣ — Аносовъ, Стрешневъ (вып.), Каратыгинъ, Балакиревъ, Бѣляевъ, Из

манльсонъ, учитель Соколовъ. Лебедевъ, Ал. Ник., бѣжавшій въ 1887 г. изъ Сургута и арестованный въ концѣ 1888 г., отправленъ въ Восточную Сибирь.

КІЕВЪ. Въ Августѣ 1890 г. ар. канд. правъ Соскесъ и возвращенный изъ Сибири Соколовъ. „Приговорены“ (административнымъ порядкомъ): врачъ Абрамовичъ къ 2-годичному тюремному заключенію и къ 4-лѣтней ссылкѣ; провизоръ Полякъ къ тюремному заключенію на полтора года и къ 3-лѣтней ссылкѣ; студ. Флеровъ отданъ на 3 года подъ надзоръ полиціи. Кушнеревъ пригов. къ 4-мѣсячному заключенію, Евгенія Вайнтраубъ къ годичному заключенію.

КОСТРОМА. По поводу арестовъ въ Костромѣ приводимъ отрывокъ изъ письма въ редакцію С.-Д.

„Въ Октябрѣ были арестованы въ Москвѣ, вмѣстѣ съ другими, нѣсколько студентовъ-костромичей : Ал. Стрежневъ, Барыковъ, Ник. Каратыгинъ и др. Стрежневъ былъ скоро выпущенъ. Ник. Каратыгинъ помираетъ въ одиночномъ заключеніи.

„Въ связи съ этими арестами долженъ находиться постигшій насъ въ началѣ Декабря погромъ. 3 Декабря въ Кострому пріѣхала московская полиція съ Бердяевымъ во главѣ. Были произведены многочисленные обыски и аресты среди гимназистовъ, реалистовъ, семинаристовъ и чиновниковъ. Арестовано около 20 человѣкъ: Василій Тихорскій (чин.), Пазухинъ (реал.), Горскій (чин.) и другіе. Трое отправлены въ Петербургъ, въ томъ числѣ Горскій. Среди арестованныхъ есть и дамы: дочери чиновника Успенскаго и др.

„Только и слышно что объ арестахъ : такой страхъ навели на всю Кострому... Въ Костромѣ никогда еще такого страху и не бывало. Дѣло московскихъ студентовъ (костромичей) ставятъ какъ-то въ связь съ „парижской исторіей“, съ дѣломъ Рейнштейна“...

ОДЕССА. Въ Апрѣлѣ 1890 г. арестованы по приказанію изъ Петербурга; Егоръ Лордкипанидзе (студ.) и Калиновскій. Въ Іюнѣ ар. М Н Делетецкая. Перевезены въ С.-П.-Б. сидѣвшіе въ одесскомъ тюр. замкѣ Раппопортъ, Рольникъ и Левіашъ. „*Приговорены*“: наборщики Гальперинъ и Голомбь къ 8-мѣсячному тюр. заключ.; курсистка Рольникъ къ заключенію на полтора года; Куперманъ (дѣвушка 15 лѣтъ) къ 6-мѣсячному тюр. заключ. и затѣмъ къ полиц. надзору на 1 годъ.

РОСТОВЪ НА ДОНУ. Въ Маѣ 1890 г. арестованы: Мотовиловъ, Богоразъ, бр. Губины, Болдыревъ, Соковнинъ, Негировъ, Клименко, Куриманъ, Жуковъ и другіе, фамиліи которыхъ намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстны (мы знаемъ во всякомъ случаѣ, что всѣхъ арестованныхъ тогда было 22 человѣка).

ПЕНЗА. Лѣтомъ 1890 г. арест. Гусевъ и (большая рѣдкость теперь) нелегальный Волковъ.

ВОРОНЕЖЪ. Лѣтомъ 1890 г. арест. Мануиловъ (Березовскій).

ВЛАДИМІРЪ. Лѣтомъ арест. Второвъ.

СИМФЕРОПОЛЬ. Въ Іюнѣ 1890 г. арестов. Ильяшенко, Кулаковъ и еще 3 человѣка, фамиліи которыхъ намъ неизвѣстны; у нихъ забрали много запрещенныхъ книгъ и даже, какъ говорятъ, типографскій станокъ.

ГОМЕЛЬ. „Приговорены": студ. Залкиндъ къ 2-годичному и Розалія Гинцбургъ къ 4-мѣсячному тюр. заключ.

ТОБОЛЬСКЪ. Административно-ссыльные : Жебуневъ, Стери и Мельниковъ отправлены въ Восточную Сибирь.

ВОЛОЧИСКЪ. Въ Іюлѣ арест. парижск. студ. Подобѣдова, въ Октябрѣ инженеръ-механикъ Франкфуртъ и парижскій студентъ Хорошъ (онъ былъ отвезенъ въ Петербургъ и, просидѣвъ около 3 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, выпущенъ на поруки).

КУРСКЪ. Въ мѣстномъ тюремномъ замкѣ содержится Арцибушевъ, предназначенный къ высылкѣ административнымъ порядкомъ въ Якутскую Область, гдѣ онъ уже отбылъ пятилѣтній срокъ.

ИРКУТСКЪ. Въ мѣстномъ тюремномъ замкѣ содержатся : Грабовскій, Кранихфельдъ, Галкинъ, Ожиговъ, Улановская и Новаковская, — ссыльные, арестованные за посылку ими царю рѣзкаго протеста противъ избіенія политическихъ ссыльныхъ въ Якутскѣ. Говорятъ, что имъ угрожаетъ каторга.

НА РУМЫНСКОЙ ГРАНИЦѢ 13 (25) Апрѣля арестованъ Ю. Раппопортъ; у него найденъ фальшивый паспортъ и револьверъ.

Въ началѣ Іюля 1890 г. *освобождены* находившіеся въ ссылкѣ въ Ср.-Колымскѣ : Роза Левъ, Аренковъ и Оберталеръ (противъ ожиданія срока не прибавили).

По окончаніи срока ссылки высланы изъ Россіи находившіеся въ Якутской Области иностранные подданные: *саксонскій*—Вячеславъ Кизеръ, судившійся въ 1881 г. въ Кіевѣ по дѣлу о Южно-Русскомъ Рабочемъ Союзѣ,—съ женой и 2 дѣтьми (дѣти не выдержали страшныхъ условій путешествія по этапу и скончались въ дорогѣ) ; *греческій*—Степанъ Ѳеохари, судившійся въ 1879 г. по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ на Байковской улицѣ ; *австрійскій*—Болеславъ Костецкій, осужденный въ 1880 г. военнымъ судомъ въ Кіевѣ. Подробности этой высылки такъ возмутительны, что заслуживаютъ особаго описанія, которое, надѣемся, поступитъ скоро въ распоряженіе ред. С.-Д.

Бѣжали изъ Сибири : Ф. И. Волховской, Шишко, Войничъ, Лазаревъ и Лагіевъ Всѣ они теперь въ безопасности.

АРЕСТЪ ЛУЦКАГО ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

26 Декабря 1890 г. арестованъ въ Константинополѣ и увезенъ въ Россію русскій эмигрантъ Владиміръ Луцкій. Нижеслѣдующіе отрывки изъ писемъ въ редакцію С.Д. даютъ достаточное понятіе о подробностяхъ этого новаго подвига нашихъ опричниковъ, подвига, который возмутилъ даже толстокожую германскую буржуазную прессу и противъ котораго, — какъ говорятъ газеты, — протестовалъ, или собирается протестовать, тройственный союзъ, т. е. Германія, Австрія, и Италія. Къ печатаемымъ ниже свѣденіямъ мы сдѣлаемъ съ своей стороны только два добавленія: 1) французская буржуазная печать хранитъ по поводу этого дѣла самое упорное молчаніе; 2) намъ сообщаютъ, что Луцкій умеръ вслѣдствіе побоевъ, нанесенныхъ ему при его арестованіи. Мы еще не совсѣмъ увѣрены въ основательности этого слуха. Но что Луцкій былъ избитъ очень сильно, — это говорятъ даже такія „охранительныя“ газеты какъ „Journal de Genève“ (№ 11 1891 г., гдѣ, въ корреспонденціи „изъ Турціи“, сообщаютъ, что Луцкаго избили до того. что у него пошла кровь горломъ).

Ред.

. . . „Недѣли за двѣ до ареста Луцкаго турецкой полиціей получены были анонимныя письма, въ которыхъ ее извѣщали, что 17 или 18 человѣкъ грузинъ, живущихъ въ Константинополѣ, замѣшаны въ армянскомъ возстаніи, и что князь Мильтонъ Накашидзе сговорился съ Луцкимъ приготовить бомбы противъ турецкихъ властей; въ это время Накашидзе былъ въ Сербіи. По возвращеніи его въ Константинополь, онъ былъ немедленно арестованъ, и въ то же время Луцкій получилъ отъ него телеграмму слѣдующаго содержанія: „пріѣзжай немедленно, важное дѣло“. Луцкій не повѣрилъ и по телеграфу спросилъ, въ чемъ дѣло. На это онъ получилъ вторичную телеграмму отъ Накашидзе съ просьбой немедленно выѣхать, и въ этой телеграммѣ были выставлены условныя буквы, которыя убѣдили Луцкаго, что телеграмма идетъ отъ Накашидзе. Получивъ вторую телеграмму, Луцкій немедленно выѣхалъ въ Константинополь и здѣсь на желѣзнодорожной станціи, былъ арестованъ. Когда турецкая полиція и

жандармы вывели Луцкаго со станціи, на нихъ напали 18 человѣкъ кавасовъ русскаго посольства и матросы русскаго торговаго парохода „Нахимовъ“ подъ начальствомъ драгомана русскаго генеральнаго консула Максимова, помощника русск. генер. консула Чахотина и и трехъ переодѣтыхъ русскихъ жандармскихъ офицеровъ. Эти люди отбили Луцкаго, избили, связали и всего въ крови потащили на лодку, которая перевезла его на пароходъ „Нахимовъ“ немедленно снявшійся съ якоря и ушедшій въ Россію.

Теперь выяснилось, что какъ телеграммы, полученныя Луцкимъ, такъ и ложный анонимный доносъ въ турецкую полицію были посланы русскимъ посольствомъ въ Константинополѣ. Кромѣ того, турецкая полиція, арестовавшая Луцкаго, очевидно, была подкуплена, такъ какъ она только на другой день вечеромъ донесла своему начальству объ этомъ нападеніи, давъ время русскому пароходу дойти до русскихъ водъ.“

„...Арестъ Луцкаго — дѣло русскихъ шпіоновъ; но особенно бросается въ глаза то обстоятельство, что этотъ шпіонскій подвигъ совершился именно въ столицѣ оттоманской имперіи. Арестъ Луцкаго былъ слѣдствіемъ тайнаго договора между русскимъ консульствомъ въ Константинополѣ и турецкимъ правительствомъ. Извѣстно, что русскіе армяне принимаютъ очень дѣятельное участіе въ революціонномъ движеніи турецкихъ армянъ, движеніи, поставившемъ турецкое правительство въ довольно критическое положеніе. Чтобы дать понятіе, до какой степени доходитъ это участіе рускихъ армянъ, достаточно сказать, что оффиціальный органъ — Hentchak — армянской революціонной партіи издается и редактируется ими. Такое настроеніе русскихъ армянъ сильно тревожило русское правттельство. Оно поторопилось издать приказъ, въ силу котораго мѣстныя полиціи и агенты должны строго слѣдить за каждымъ шагомъ русскихъ армянъ какъ въ Россіи, такъ и въ Турціи и за границей, въ Европѣ. Само собою разумѣется, что такое распоряженіе оказалось большой услугой Турціи, которая въ концѣ концовъ начинала терять голову отъ армянскихъ революціонныхъ волненій, принимающихъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Но не въ обычаѣ русскаго правительства служить другимъ даромъ. Русско-подданные армяне Вартъ-Патрикянцъ и нѣкоторые другіе мѣсяца два тому назадъ были арестованы въ Константинополѣ турецкими властями какъ члены константинопольскаго комитета революціонной партіи „Генчака“. Долго не задумываясь, русское консульство въ Константинополѣ въ одинъ прекрасный день путемъ насилія выводитъ изъ турецкой тюрьмы Вартъ—Патрикянца и переводитъ его въ свою тюрьму, находящуюся при консульствѣ, мотивируя свое дѣйствіе тѣмъ, что Вартъ-Патрикянцъ русско-подданый,— и, слѣдовательно, до его предстоящаго процесса, онъ долженъ быть въ рукахъ Россіи. Турецкое министерство полиціи приходитъ въ волненіе, такъ какъ изъ рукъ его отнимается личность, которую оно обвиняетъ какъ вожака константинопольскаго революціоннаго движе-

нія. Начинаются переговоры между нимъ и русскимъ консульствомъ. Договаривающіяся стороны рѣшаютъ, что Вартъ-Патрикянцъ будетъ переданъ турецкимъ властямъ лишь послѣ того, когда Турція поможетъ русскимъ шпіонамъ выманить изъ Софіи Вл. Луцкаго. Сказано-сдѣлано. Постыдная мѣновая торговля революціонерами увѣнчалась успѣхомъ, прибавляющимъ новыя лавры къ прежнимъ лаврамъ русскаго правительства.

Но дѣло Луцкаго готовило хорошій сюрпризъ турецкому султану. Оказалось, что русское правительство имѣетъ въ Константинополѣ шпіонскую организацію, которая состоитъ изъ 500 агентовъ, и обязанность которой заключаетсявъ сниманіи плановъ турецкихъ укрѣпленій и вообще въ добываніи всякаго рода полезныхъ свѣденій для русскаго военнаго министерства. Говорятъ, что бѣдный султанъ сильно огорченъ коварствомъ своихъ новыхъ друзей.“

Въ Декабрѣ 1890 г. бельгійская рабочая партія понесла тяжелую потерю въ лицѣ доктора Цезаря де-Папа, скончавшагося въ Каннѣ, на Югѣ Франціи. Покойный былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ и самыхъ дѣятельныхъ представителей соціалистическаго пролетаріата, въ движеніи котораго онъ принималъ участіе еще со времени основанія Международнаго Товарищества Рабочихъ. Въ молодости онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Прудона, но жизнь и наука (де-Папъ обладалъ замѣчательно разностороннимъ образованіемъ) все болѣе и болѣе сближали его съ Марксистами, и къ концу семидесятыхъ годовъ онъ былъ уже убѣжденнымъ соціаль-демократомъ. Де-Папъ много писалъ по французски, но на русскій языкъ переведено только сочиненіе его: „*Объ организаціи общественной службы въ будущемъ обществѣ*“, — записка, представленная на одинъ изъ Конгрессовъ М. Т. Рабочихъ и изданная по русски редакціей газеты „Впередъ“ съ примѣчаніями П. Л. Лаврова.

30 Января 1890 г. скончался въ Шенкурскѣ Казиміръ Александровичъ Варпеховскій. Революціонная дѣятельность его началась въ Варшавѣ, гдѣ онъ въ 1882 г. восемнадцатилѣтнимъ юношей, вступилъ въ соціалистическую организацію „*Пролетаріатъ*“. Въ слѣдующемъ году его арестовали по дѣлу А. Варынскаго и, продержавши около двухъ лѣтъ въ казематахъ Варшавской цитадели, выслали на родину, въ Пинскъ. Оттуда онъ скоро бѣжалъ и жилъ за-границей, преимущественно въ Цюрихѣ до 1888 г., когда снова, на этотъ разъ въ качествѣ „нелегальнаго“, явился въ Россію. Но ему удалось продержаться тамъ не болѣе полугода. Схваченный полиціей и сосланный въ Шенкурскъ, онъ и тамъ не былъ оставленъ въ покоѣ: за какія-то столкновенія онъ попалъ въ тюрьму, а далѣе ему предстояла высылка въ Якутскую область. Не видя конца преслѣдованіямъ онъ рѣшился освободиться посредствомъ самоубійства: кто-то изъ обывателей взялъ его на поруки; Казиміръ Александровичъ, воспользовавшись этимъ, отравился фосфоромъ и скончался послѣ страшныхъ восьмидневныхъ мученій.

4 Января 1890 г. въ четырехъ верстахъ отъ Якутска убитъ, очевидно съ цѣлью грабежа, одинъ изъ ветерановъ русскаго революціоннаго движенія, Павелъ Александровъ Орловъ. Въ первый разъ его арестовали по знаменитому дѣлу о пропагандѣ въ 37 губерніяхъ. Послѣ долгаго предварительнаго заключенія онъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ Холмогоры, откуда бѣжалъ въ Іюнѣ 1878 года и снова примкнулъ къ революціонному движенію. Во второй разъ онъ попалъ въ руки правительства въ 1886 г, въ Кіевѣ на Жилянской улицѣ, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ другими своими товарищами, храбро сопротивлялся жандармамъ вооруженной рукой. Военный судъ отправилъ его на каторгу. Въ 1886 г. онъ съ Кары переведенъ былъ въ качествѣ поселенца въ Нюриктейскій ночлегъ Западно — Конголасскаго улуса Якутской Области. Тамъ и жилъ онъ до несчастной встрѣчи съ неизвѣстными убійцами. Покойный обладалъ значительнымъ беллетристическимъ талантомъ. Нѣкоторыя произведенія его были напечатаны; другія остались въ рукописи. Лица, въ руки которыхъ попали ненапечатанныя работы Павла Александровича, обязаны позаботиться теперь объ ихъ напечатаніи на вольныхъ станкахъ заграничныхъ русскихъ типографій.

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

Слѣдующіе выпуски:

I. Библіотеки Современнаго Соціализма:

1. Соціализмъ и Политическая борьба—*Г. Плеханова.*	Цѣна	75 к.
2. Развитіе научнаго соціализма—*Фр. Энгельса.*	—	50 к.
3. Наши разногласія—*Г. Плеханова.*	—	2 руб.
4. Рѣчь о свободѣ торговли—*Карла Маркса.*	—	30 с.
5. Нищета философіи—*Карла Маркса.*	—	1 руб. 50 к.
6. Фердинандъ Лассаль—*Г. Плеханова.*	—	50 к.
7. Чего хотятъ соціаль-демократы?	—	50 к.
8. Очеркъ Исторіи Международнаго Общества Рабочихъ *В. И Засулич.*		57 к.
9. Новый Защитникъ Самодержавія или Горе г. Тихомирова. *Г. Плеханова.*	Цѣна	50 к.

II. Рабочей Библіотеки:

1. Рабочее движеніе и соціальная демократія П. Аксельрода.	—	57 к.
2. Кто чѣмъ живетъ?—С. Дикштейна.	—	30 к.
3. Рѣчь П. А. Алексѣева.	—	3 к.
4. Варленъ передъ судомъ исправительной полиціи *В. Засулич.*	—	5 к.

III. Соціально-Революціонной Библіотеки:

1. Манифестъ Коммунистической Партіи.	—	1 фр. —
2. Наемный трудъ и Капиталъ—*К. Маркса.*	—	70 с.
3. Программа Работниковъ—*Ф. Лассаля*	—	50 с.

Соціаль-Демократъ, литературно-политическій сборникъ. Книга 1. Цѣна 2 фр. 50 с.

Соціаль-Демократъ, трехмѣсячное литературно-политическое обозрѣніе. Февраль 1890 г. книга 1. — 5 фр. —

Соціаль-Демократъ, трехмѣсячное литературно-политическое обозрѣніе. Декабрь 1890 г. Книга 2. — 5 фр. —

Главный складъ: Route de Lancy, 505. Carouge-Genève.